

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

1(73)'2019

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2019. – Вып. 1 (73). – 157 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Bud. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2019. – Issue 1 (73). –
157 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Благодарим РФФИ за материальную поддержку проекта в рамках гранта № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

We express our gratitude to the Russian Foundation for Basic Research for material support of the project within Grant № 19-012-00465 A “Linguopolitical personology: cognitive turn”.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

1(73)'2019

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <http://politlinguist.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в базу данных European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), id 485994
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2019

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Higher Education Institution
«Ural State Pedagogical University»

POLITICAL LINGUISTICS

1(73)'2019

Scientific journal

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media and Cultural Heritage Protection. Registration certificate ПИ №ФС 77-34838 of 25.12.2008.
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <http://politlinguist.ru/>
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- The Journal is included in the European Reference Index for the Humanities (ERIH PLUS), <https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erih-plus/periodical/info?id=485994>
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published

Ekaterinburg 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Российский государственный профессионально-педагогический университет, Нижний Тагил, Россия

М. Б. Ворошилова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

В. Н. Базылев Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Е. В. Дзюба Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

С. В. Иванова Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия; Тяньцзиньский университет иностранных языков, Китай

Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Д. Вайс Университет Цюриха, Швейцария

А. де Лазари Лодзинский университет, Польша

И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания

Б. Ю. Норман Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

П. Серюо Лозаннский университет, Швейцария

Й. Сипко Прешовский университет, Словакия

У. Айхуа Пекинский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария

Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: Д. О. Морозов

Заведующий отделом перевода: С. М. Поляков

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. P. Chudinov*, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhniy Tagil, Russia

M. B. Voroshilova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

V. N. Bazylev Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

E. V. Dzyuba Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

S. V. Ivanova Leningrad State University named after Alexander Pushkin, St. Petersburg, Russia

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Tianjin Foreign Studies University, China

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

D. Weiss University of Zurich, Switzerland

A. de Lazari University of Łódź, Poland

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

B. Yu. Norman Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

J. Sipko University of Prešov, Slovakia

Wu Aihua Beijing Foreign Studies University, China

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ДИСКУССИИ

Евсеева И. В. Копнина Г. А.	Акция «Тотальный диктант»: просветительство и забота о грамотности или продвижение идеологии?	12
Кубасов А. В.	Тотальный диктант: уважение читательской компетентности участника.....	26

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гридина Т. А. Коновалова Н. И.	Стратегии переименования городских объектов на постсоветском пространстве	34
Колесов В. В.	Мемуар о Методе	42
Кошкарлова Н. Н. Руженцева Н. Б.	На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации	50

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Зиновьев Н. В. Нахимова Е. А.	Доминантная метафорическая модель «ДВИЖЕНИЕ» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики	57
Золотайко А. И.	Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США (сфера-источник — зоонимы).....	65
Ким Л. Г. Беляева Е. С.	Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе.....	72
Попова Г. Е.	Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской и политической коммуникации	81
Фархутдинова Ф. Ф. Якупов Х. А.	Фразеологизм <i>Судный день</i> : история и семантические сдвиги в современном политическом дискурсе	90

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Вепрева И. Т. Уонг М. Т.	Вьетнам в информационной повестке дня.....	100
Лату М. Н.	Языковая репрезентация системной организации политических понятий в дефинициях	107

РАЗДЕЛ 5. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Литвинова Т. А.	Пунктуационные выборы как составляющая ортологического параметра идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы.....	114
-----------------	---	-----

РАЗДЕЛ 6. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Будаев Э. В.	Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины.....	122
Гиздатов Г. Г.	Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана	127
Малышева Е. Г. <i>Пер. с рус. И. С. Пирожковой</i>	Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация	134 (на англ. яз.)

РАЗДЕЛ 7. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Гаврилова М. В.	Политическая коммуникация, современное государство и мировой порядок	145
Чудинов А. П. Дударева З. М.	Методика лингвистического анализа спорного текста	150

Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»	154
--	-----

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. DISCUSSIONS

Evseeva I. V. Kopnina G. A.	“Total Dictation”: Education and Care for Literacy vs Promotion of Ideology?.....	12
Kubasov A. V.	Total Dictation: Respect for the Reader’s Competence of the Participant	26

PART 2. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Gridina T. A. Konovalova N. I.	Strategies of Renaming Urban Spaces and Places in the Post-Soviet States	34
Kolesov V. V.	A Reflection on the Method.....	42
Koshkarova N. N. Ruzhentseva N. B.	Forth to Truth and Back to Hoax: Post-truth in Modern Political Communication.....	50

PART 3. POLITICAL COMMUNICATION

Zynov’ev N. V. Nakhimova E. A.	Dominant Metaphorical Model “MOVEMENT” in the Discourse of British Prime Minister David Cameron: a Technique for Studying Temporal Dynamics.....	57
Zolotayko A. I.	Metaphorical Modeling of the Image of Police in the Public Opinion Discourse of the USA (Source-domain — Zoonyms)	65
Kim L. G. Belyaeva E. S.	Inaugural Discourse Images: The Author and the Addressee	72
Popova G. E.	The Cognitive-Pragmatic Category of Relevance in the Structure of Parliamentary and Political Communication	81
Farkhutdinova F. F. Yakupov Kh. A.	Phraseological Unit <i>Judgment Day</i> (rus. <i>Sudnyy den</i>): Its History and Semantic Shifts in the Modern Political Discourse	90

PART 4. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Vepreva I. T. Uong M. T.	Vietnam on Information Agenda.....	100
Latu M. N.	Verbal Representation of Systemic Organization of Political Concepts in Definitions	107

PART 5. LINGUISTIC EXPERTISE: LANGUAGE AND LAW

Litvinova T. A.	Punctuation Choice as a Component of Orthological Parameter of the Modern Russian Speaker’s Idiolect in Forensic Authorship Analysis	114
-----------------	---	-----

PART 6. FOREIGN EXPERIENCE

Budaev E. V.	Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject	122
Gizdatov G. G.	Discourse of Identity in the Media Space of Modern Kazakhstan	127
Malysheva E. G. <i>Transl. from Rus. by I. S. Pirozhkova</i>	Ideologeme as Lingo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification	134 <i>(in English)</i>

PART 7. REVIEWS. CHRONICLE

Gavrilova M. V.	Political Communication, Modern State and World Order	145
Chudinov A. P. Dudareva Z. M.	Methods of Linguistic Analysis of a Contentious Text	150

Manuscripts Requirements	154
--------------------------------	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, в истории развития нашего журнала наступил некий период «зрелой оценки». Мы перестали быть специализированным журналом для узкого круга любителей «политической лингвистики». А значит, расширился круг наших авторов и читателей.

Именно сейчас мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, позволит наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на сайте научных журналов Уральского государственного педагогического университета *journal.uspu.ru*, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для

публикации впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований.

Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а по-

тому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.,
shinkari@mail.ru.

Интернет-сайт: <http://politlinguist.ru/>

Группа в социальной сети «Фейсбук»:
<https://www.facebook.com/groups/296664587806086/>

С уважением и надеждой на сотрудничество:

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук, доцент
Мария Борисовна Ворошилова,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ДИСКУССИИ

УДК 811161.1'42:811161.1'38
DOI 10.26170/pl19-01-01
ББК Ш141.12-51=Ш141.12-55

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19

И. В. Евсеева

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0003-0495-033X

Г. А. Копнина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9883-3892

E-mail: ivevseeva@yandex.ru; gkopnina@mail.ru.

Акция «Тотальный диктант»: просветительство и забота о грамотности или продвижение идеологии?

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется дискуссия об идеологической ангажированности / неангажированности ежегодной просветительской акции «Тотальный диктант». Исследованию подвергается весь контекст реализации акции: тексты тотального диктанта, интервью с их авторами в годы проведения акций, интервью с организаторами, отклики пользователей сети Интернет на акцию «Тотальный диктант», статьи об этой акции в научных сборниках, публикации о ней в средствах массовой информации. В качестве основного применяется метод контент-анализа.

Авторы статьи пришли к выводу, что существуют следующие условия для успешного использования просветительской акции «Тотальный диктант» в качестве проводника различных идей: 1) введение с 2010 года нового требования к текстам диктанта (наличие социально-культурной проблемы, находящей отклик у пишущего); 2) выбор современного писателя на основе предпочтений команды «Тотального диктанта»; 3) пиар-продвижение автора диктанта и его творчества; 4) масштаб акции, ставшей международной; 5) многократность прочитывания текста и, как следствие, восприятия идей текста, что усиливает их воздействующий потенциал на формирование общественного сознания. Выявлено, что организаторами просветительской акции «Тотальный диктант» не используется контраргументация в ответ на звучащие в ее адрес обвинения в позиционировании идей, не всегда имеющих позитивное мировоззренческое значение. Полученные результаты позволяют задуматься о необходимости внимательного отношения участников акции к ее текстам в аспекте информационной безопасности личности и общества.

Выводы мини-исследования могут представлять интерес для участников акции «Тотальный диктант», а также для широкого круга читателей данной статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеологическая ангажированность; просветительские акции; диктанты; информационная безопасность; дискурс-анализ; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс СМИ; средства массовой информации; политический дискурс; Интернет; интернет-дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Евсеева Ирина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: ivevseeva@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Копнина Галина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет; 660041, Россия, Красноярск, пр-т Свободный, 82а; e-mail: gkopnina@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Евсеева, И. В. Акция «Тотальный диктант»: просветительство и забота о грамотности или продвижение идеологии? / И. В. Евсеева, Г. А. Копнина // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 12—25.

ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ ИССЛЕДОВАНИЯ, ЕГО КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Современная политическая лингвистика исходит из того, что политические идеи могут транслироваться во всех типах дискурса, в том числе через разнообразные акции, конкурсы и проекты. Информация о них может поступать в образовательные организации, рассылаться в социальных сетях и раз-

мещаться на специализированных сайтах. Однако порой трудно отследить, кто стоит за тем или иным предложением и какие скрытые идеи оно продвигает.

Цель ежегодной образовательной и просветительской акции «Тотальный диктант» (далее — ТД), транслируемая на сайте акции, — «показать, что быть грамотным — важно для каждого человека; убедить, что заниматься русским языком нелегко, но увлекательно и полезно; объединить всех, кто умеет или хочет писать и говорить по-

русски» [Что такое Тотальный диктант <http>]. Одни отмечают, что эта акция «представляет собой феномен конструктивной гражданской инициативы „снизу“» и, «в отличие от многих других гражданских инициатив, данная акция не связана с политикой, влиянием на власть» [Мешков 2016: 81], другие же выдвигают предположения о ее политической ангажированности [Лактионова 2017]. Возникает ситуация информационного противоборства. Негативные отклики о выборе писателя Дмитрий Быков называет «травлей диктанта» и пишет, что «если хорошую акцию не удастся задуть, ее доводят до перерождения...» [Быков 2016]. В рамках статьи мы также попытаемся ответить на вопрос: может ли акция, направленная на пропаганду грамотности населения, преследовать и другие — политические — цели? Для этого необходимо обратиться не только непосредственно к текстам тотального диктанта, но и к контексту его проведения в целом.

Исследование проводилось с использованием метода критического дискурсивного анализа в его узком понимании (как анализа лингвоидеологического), а также методов контекстуального и стилистического анализа текста.

ДИСКУССИЯ

1. МИССИЯ АКЦИИ «ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ» И РОЛЬ В НЕЙ ФИЛОЛОГОВ

Идея устраивать диктант для всех желающих была в свое время выдвинута студентами гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. В 2004 г. диктант был проведен впервые, а потом превратился в ежегодную акцию. В качестве текстов диктанта с 2004 по 2009 г. выбирались фрагменты произведений русских классиков (Л. Н. Толстой — 2004 г., Н. В. Гоголь — 2009 г.), советских писателей (А. А. Бек — 2005 г., И. С. Соколов-Микитов — 2006 г., В. В. Быков — 2007 г.) и английского писателя, нобелевского лауреата Р. Киплинга, — 2008 г. С 2010 г. тексты для ТД пишут современные писатели.

С 2011 г. [Ким 2016: 25] акция «ТД» приобретает статус всероссийской. Городами — участниками акции стали российские мегаполисы, обязательным требованием было наличие вузов со специалистами-филологами. Акция подробно освещается как в региональных, так и в центральных средствах массовой информации и с каждым годом становится все более популярной. В настоящее время она проводится не только в России, но и за рубежом и является международной. Более подробно об истории акции, ее достижениях можно прочитать в ста-

тье директора фонда «ТД» О. А. Ребковец [Ребковец 2016].

В одном из интервью О. А. Ребковец отметил, что тексты для «ТД» пишут «самые известные современные русские писатели» [«Говорим по-русски...» 2014]. Они получают задание написать текст из трех равнозначных по объему частей. Каждая из них читается согласно часовому поясу в установленное время. В Новосибирске — родине «ТД» — тексты диктовали с 2010 по 2017 г. сами авторы. С 2018 г. путем голосования выбирается столица «ТД», и именно там автор впервые представляет свое сочинение публике.

Стоит сказать о функции филологов в этой акции. Их роль, пожалуй, самая главная, хотя работа русистов чаще остается в тени. В первую очередь груз ответственности ложится на новосибирских языковедов, которые участвуют в создании текстов диктантов, работая совместно с писателями: рекомендуют заменить слово синонимом, введя тем самым в произведение какую-либо орфограмму, упростить или, наоборот, усложнить пунктуацию; высказывают предложения по «уравновешиванию» сложности каждой части текста. Филологи описывают каждую орфограмму и пунктограмму на предмет их вариативности и с учетом того, как по-разному текст может быть воспринят на слух пишущим. Эти тонкости правописания оформляются в виде многостраничных рекомендаций по проверке диктанта и предоставляются всем проверяющим для единообразного оценивания.

Филологическое сообщество России, признавая значимость акции в популяризации грамотности среди населения, принимает активное участие в ее проведении и продвижении. В Красноярске «ТД» в 2018 году проводился уже восьмой год. В Сибирском федеральном университете, выступающем ежегодно самой большой по численности участников площадкой города, в течение двух месяцев организовывались бесплатные занятия по подготовке к диктанту, проводились консультации участников акции после его написания. Материалы к подготовительным занятиям разрабатывают и распространяют по городам новосибирские ученые.

Именно филологам, входящим в Экспертный совет «ТД», принадлежит идея создания онлайн-курса по орфографии и пунктуации, а также инициатива издания сборника научных трудов под названием «#Тотсборник». В аннотации первого выпуска читаем: «Материалом для исследования в большинстве статей стали материалы Тотального диктанта — международной про-

светительской акции, целью которой является привлечение внимания к вопросам грамотности и повышение ее уровня» [Тотсборник 2016]. В двух выпусках сборников можно прочесть интересные статьи о научных проблемах, которые по итогам многолетней организации акции были подняты филологами на научно-практических конференциях «Тотального диктанта», круглых столах, семинарах и совещаниях.

Первый выпуск сборника открывается статьей О. А. Ребковец, представляющей собой «рассказ об акции»: истории ее создания, принципах, руководстве и достижениях [Ребковец 2016]. В ней приводятся также положительные отзывы об акции, в частности говорится о том, что «в 2016 г. об акции вышло более 7 000 материалов в СМИ, более 30 000 сообщений в блогах и социальных сетях», что «абсолютное большинство публикаций об акции носят положительный характер» [Там же: 8—9]. Отметим, что в СМИ высказывались и негативные суждения в адрес акции «ТД», о которых в статье не было сказано. Попытаемся разобраться, почему.

2. РЕФЛЕКСИРУЮЩИЕ ОТКЛИКИ ОБ АКЦИИ «ТОТАЛЬНЫЙ ДИКТАНТ». ВЫБОР ПИСАТЕЛЕЙ ЕЕ ОРГАНИЗАТОРАМИ

Нельзя не обратить внимание на тот факт, что акция «ТД» после привлечения современных писателей как авторов текстов диктанта, несмотря на благородную миссию, вызвала и негативные отклики. Нашумевшим в этом отношении можно считать 2013 г. Тогда в газете «Комсомольская правда» обозреватель У. Скойбеда с недоумением отреагировала на известие о кандидатуре автора для написания текста ТД того года — Дине Рубиной:

Я, наверное, совсем тупая, но я не понимаю, почему текст для „Тотального диктанта“ в этом году будет читать Дина Рубина.

Дина Рубина, наверное, хорошая писательница. Возможно, ярчайшая, талантливая писательница. Но она — гражданка другого государства. <...> У нас что, своих писателей нет? [Скойбеда 2013].

Неужели только гражданство писателя вызвало такую реакцию журналиста? Ведь целый ряд писателей в разные периоды истории России эмигрировали в другие страны, оставаясь при этом русскими писателями, прославившими нашу литературу: Иван Бунин, Константин Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Александр Солженицын и многие другие. Очевидно, дело не только в гражданстве

Дины Рубиной. Один из читателей, комментируя произведения писательницы, называет ее «ярким русофобом» [Резанова 2014]. Читатели отмечают, например, что в романе «На солнечной стороне улицы» Дина Рубина с симпатией изображает представителей разных народов, за исключением русского: «...употребление слова „русский“ в положительном контексте романа отсутствует» [Резанова М. [http](#)]. Среди читателей возникает дискуссия о наличии или отсутствии «руссофобских интонаций» в произведениях писательницы.

Не вступая в дискуссию, которая влечет за собой необходимость глубокого анализа художественных текстов Дины Рубиной, требующего проведения отдельного самостоятельного исследования, отметим, что еще одним поводом для критики выбора этого писателя как автора Тотального диктанта послужило наличие в ее произведениях нелитературной лексики. В Ульяновской области текст Д. Рубиной, не принятый для диктовки, по заданию губернатора региона С. Морозова был заменен на текст местного писателя В. Пескова об ульяновском художнике. Обоснование такого поступка — наличие в произведениях Д. Рубиной ненормативной лексики: «*Творчество писателя, активно использующего в своих произведениях ненормативную лексику, не соотносится с концепцией Тотального диктанта*», — сказал губернатор [В Ульяновске заменили текст... [http](#)]. Решение губернатора Ульяновской области поддержал секретариат Правления Союза писателей России. В заявлении секретариата, которое опубликовал в блоге Владимир Бондаренко, содержится упрек в адрес организаторов «ТД»: «*...пропагандируя её творчество [Д. Рубиной. — уточнение наше] среди студенческой молодежи, организаторы диктанта тем самым ненормативную лексику утверждают как норму. В то время как „акция „Тотальный диктант“, прежде всего, выступает за чистоту русского языка, за повышение культуры письма“*» [Заявление секретариата... 2013].

Ответ на описанный выше поступок губернатора со стороны писательницы имел политический характер: Дина Рубина в одном из интервью назвала его «*антисемитской выходкой*» [Френкель 2013]. «Антисемитизм» увидел в «Заявлении секретариата правления Союза писателей России» (точнее — в одной из опубликованных версий этого заявления) и журналист Кирилл Головастик, использовавший в его оценке яркие негативные экспрессивы: *Впрочем, общественность вряд ли обратила бы вни-*

мание на заявление СП РФ, если бы не его вызывающая стилистическая беспомощность, помноженная на наивный антисемитизм [Головастикиков 2013].

Как бы то ни было, а развернувшийся «медийный скандал», как пишет С. Н. Булатова, способствовал «увеличению популярности проекта: диктант написали более 30 тыс. человек в 179 городах шести континентов. Организаторы даже не могли ожидать, что Тотальный диктант 2013 г. и автор текста вызовет такой всплеск внимания федеральных массмедиа — 4500 публикаций в печатных и электронных СМИ» [Булатова 2016: 153—154]. Возникает ситуация идеологического противоборства сторон. Об этом свидетельствует и текст С. Бороздина «Тотальный либеральный диктант», где автор размышляет о том, «как благое дело либералы-оппозиционеры пытаются направить в негативное русло» [Бороздин 2013]. Внимание уделяется как содержанию текстов «ТД» с 2010 по 2013 г., так и политическим взглядам их авторов, на основании чего делается следующий вывод (в цитате сохраняем пунктуацию автора): «По оглашению, проект „Тотальный диктант“ политически не окрашен, а по факту, организован группой идеологически близких людей. Поэтому необходимо быть очень внимательным при написании текста, и продумывать не только орфографию и пунктуацию, но и полезность предлагаемых в нём идей. А лучше было бы направить этот проект в созидательное русло, сменив состав его авторов и „диктаторов“» [Там же].

Посмотрим, действительно ли авторы текстов «ТД» во время проведения акции придерживались одной или близкой политической идеологии.

В 2011 г. автором текста диктанта был выбран Д. Быков — талантливый писатель, журналист и в то же время участник различных протестных движений против действующей власти. Его позиция достаточно ясно выражена в таком высказывании, произнесенном в интервью на радио 29 декабря 2011 г.: «...*Есть два варианта: либо Владимир Путин не побеждает на выборах, и Россия одерживает победу, <...> либо Владимир Путин на выборах побеждает, и страна просто начинает жить самостоятельно, не обращая особого внимания на то, что происходит*» [Час прессы... 2011]. В этом интервью он говорит о необходимости «формировать альтернативные центры власти» [Там же]. В 2013 г. Дмитрий Быков напишет, что *российский народ охотно идет вслед за любым вождем, лишь бы не думать самому, и сваливает на этого вож-*

дя все свои проблемы, стоит тому ослабеть или умереть [Быков 2013].

2012 год в истории «ТД» связан с именем З. Прилепина, который в то время поддерживал оппозиционно настроенную часть общества. В одном из интервью этого года он говорит: *Я против Путина выступаю долгие годы* [Сталинское чудо света 2012]. И, действительно, в 2010 г. он подписал обращение российской оппозиции «Путин должен уйти», о чем говорили во многих СМИ. Как видим, Дмитрия Быкова и Захара Прилепина в указанные выше годы объединяла общность взглядов на правление В. В. Путина.

В 2012 г. прошли выборы Президента РФ.

В 2013 г. текст тотального диктанта пишет Дина Рубина. Некоторые читатели ее произведений, как было сказано выше, обращают внимание, что в своих текстах писательница благосклонно характеризует представителей разных народов, но русские в них оказываются исключительно негативными персонажами: наглými, подлыми и вороватыми. Интересно, что наша коллегалингвист, анализируя роман Дмитрия Быкова «ЖД», приходит к выводу о негативном модусе представления в нем «информации о социально значимых составляющих национальной идентификации русского народа» [Бернацкая 2016: 236]. Получается, что выбор авторов Тотального диктанта обусловлен не только их писательским талантом, но и другими критериями.

В 2014 г. для «ТД» текст пишет Алексей Иванов, автор модернистских исторических романов «Сердце пармы», «Золото бунта» и др. Претензии, послужившие поводом в 2013 г. в Ульяновской области к замене текста диктанта, могли спровоцировать повторение ситуации в 2014 г., но этого не произошло.

А. Иванов в одном из своих романов, название которого является «говорящим», — «Блуда и МУДО» (в книге МУДО — аббревиатура, расшифровывающаяся как муниципальное учреждение дополнительного образования), изданном в 2007 г., рассказывает о подающем надежды молодом художнике — Моржове, который «не думал о бабах — он бабами думал обо всем». В сознании главного героя романа постоянно возникают «высокохудожественные» образы: плазменный экран ассоциируется с лазерной клизмой, красивая учительница английского языка годна только для любовных развлечений, любая привлекательная особа женского пола в воображении Моржова должна была погружаться «в пучину грехопадения». Герой

«наивно гордился собственным развратом», вынашивая идею вступить в интимные отношения сразу с тремя своими коллегами — женщинами-педагогами. В тексте есть и откровенные порносцены, а некоторые герои изъясняются нецензурно. Конечно, ненормативная лексика встречается в произведениях некоторых талантливых писателей и поэтов (например, у Есенина), но эти произведения, как правило, зачитывались в определенной узкой аудитории и не предназначались к публикации. «У современных авторов, напротив, черное слово выставляется напоказ, а потом всячески пропагандируется и защищается во всякого рода публичных выступлениях», — пишет Н. Я. Лактионова [Лактионова 2017: 210].

В романе А. Иванова «Географ глобус пропил», который в полнотекстовой авторской редакции вышел в свет в 2005 г., описываются неприятные моменты, связанные с жизнью в провинции — пьянство от тоски, драки от беспросветности, измены от скуки. Все это подается как безнадежность и безысходность провинциального существования. Сюжет в этом романе, как и в романе «Блуда и МУДО», строится вокруг образовательных учреждений, куда принимают на педагогические должности людей без специального образования, а педагогические работники во главе с администрацией образовательных учреждений изображаются, мягко говоря, недалекими.

Что может объединять А. Иванова с другими писателями — авторами Тотального диктанта? Вот что говорит в одном из интервью Алексей Иванов в 2014 г.: *...нельзя заставить быть свободным... <...> Но наверняка есть какой-то выход из этой ловушки, ведь Европа и Северная Америка сумели преодолеть подобную пробуксовку. Наверное, нужно брать пример с них. Пресловутый „особый путь“ России — на мой взгляд, обманка. Опытные путешественники, например, шутят: можно ходить без тропы своим путём, но только если есть много лишнего времени* [Алексей Иванов 2014]. Отказ от существования у России собственного пути развития, отличного от Запада, ориентация на общеевропейский путь в XIX в. были характерны для западников, в наше время — для сторонников западного либерализма, отрицающего идею самобытного национального пути развития каждой страны.

Текст для «ТД» в 2015 г. было предложено написать Е. Водолазину. В одном из интервью он сказал: «Когда меня спрашивают о моих политических взглядах, я отвечаю: их у меня нет» [Евгений Водолазкин 2015].

Между тем некоторые исследователи его романов приходят к другим выводам. Так, А. А. Бернацкая о романе «Соловьёв и Ларионов» пишет: *Сущность идеологической позиции автора романа — тотальное очернение, дискредитация революционного и послереволюционного прошлого России, — событийного и личностного* [Бернацкая 2018: 79]. А. П. Сковородников в результате анализа идеологической аксиологии романа «Лавр» приходит к выводу: *В романе дана односторонне негативная характеристика нравов русского народа и осуществлена попытка десакрализации такого уникального явления русской религиозности и духовности, как юродство во Христе. <...> Русским людям в романе свойственна жестокость, подчас немотивированная. При этом в романе отсутствуют какие-либо добрые слова о русском народе и исключается исторический фон. В своей стилистике, перекликающейся с постмодернистскими приемами иронизма и шоковой эстетики, автор выходит за границы этически допустимого* [Сковородников 2018: 29]. Не подобные ли упреки читателей звучали в адрес произведений Дины Рубиной?

А вот еще одно негативно-оценочное мнение о романе «Лавр»: *Относительно сквернословия в Церкви нет неоднозначных суждений. Это — тяжелый христианский грех, искажающий все духовное пространство. В таком случае — какой это „православный роман“, за который его принимают многие? Следует громко говорить о том, что в вульгарные нормы сегодняшнего дня искусственно втягивается святость. Итак, организаторы акции „Тотальный диктант“ вновь выдержали свой формат — наличие нецензурной лексики в произведениях автора эталонного текста. Только на этот раз грязное слово, вплетаясь в тематику, претендующую на духовное содержание, стало прямо-таки иезуитским приемом в известном романе приглашенного для участия в Диктанте-2015 автора* [Лактионова 2017: 212].

В 2016 г. текст диктанта пишет Андрей Усачев, детский писатель, поэт и драматург, а также автор учебника «Основы безопасности жизнедеятельности» для 1—4 классов, книг «Декларация прав человека», «Мои географические открытия», которые были рекомендованы Министерством образования России для изучения в школах.

В аннотации книги «Мои географические открытия» читаем: «В ней в остроумной и занимательной форме рассказывается о материках и странах, морях и океанах. Книга поможет расширить кругозор юного читателя

и даст много полезных географических сведений». Далее обращаемся к оглавлению указанной книги и узнаем, что Россия, оказывается, не имеет отношения к Евразии. Страны Европы в книге: Англия, Исландия, Норвегия, Финляндия, Дания, Испания, Андорра, Франция, Италия, Греция, Болгария, Португалия; к Азии относятся Япония, Китай, Бирма и Израиль. Далее в оглавлении идут Америка, Северная Америка, Южная Америка, Африка, Австралия и Океания, Антарктида и — самой последней — Россия, которой уделено лишь три (!) страницы. В стихотворном тексте автор говорит о России как об «огромной квартире», наделенной роскошью природы и необычайными богатствами. А далее:

Все есть в Русском доме для жизни удобной,

Но нету порядка в квартире огромной.

Тут вспыхнет пожар, там труба потекла.

То громко соседи стучат из угла.

То стены трещат, то посыпалась краска,

Лет двести назад отвалилась Аляска,

Поехала крыша, пропал горизонт...

Опять перестройка и снова ремонт...

Мы все в нашем доме соседи и жители:

Простые жильцы, управдомы, строители.

И что мы построим теперь на Руси?..

Об этом ты папу и маму спроси.

Да, к сожалению, не все в порядке в России. Странно только, что нет места в книге Андрея Усачева информации о научных и технологических достижениях россиян (таблица Менделеева, первый полет Гагарина в космос, автомат Калашникова и мн. др.), культурном наследии (Оружейная палата, Алмазный фонд и Янтарная комната, множество кремлей, известная всему миру русская иконопись, плеяда выдающихся художников, архитекторов и композиторов, знаменитый русский балет, великая русская литература и др.), национальном мастерстве рукоделия (гжель, жостово, хохлома, скань, финифть, палехская миниатюра, вологодское кружево и др.), специфике русской кухни (пряники, блины, икра, пельмени, щи и др.) и главное — о том, что Россия — многонациональная страна, где исторически мирно сосуществовали и сосуществуют разные народности.

Любопытно, что Андрея Усачева, как и Дину Рубину и Дмитрия Быкова, обвиняют в русофобии. Поводом для обвинений послужили некоторые его поэтические произведения, в частности стихотворение «Неумойка»:

Он пятнадцать лет не мылся,

И не стригся, и не брился,

И одежды не стирал,

Даже нос не вытирал.

Как зайдет к Яге, та ахнет:

ФУ—ТЫ!..

РУССКИМ ДУХОМ ПАХНЕТ!

«Интересное представление о русских будет закладываться в детские головки! — пишет Карен Маркарян. — Как у самих русских детей, так и у детей, которые не являются этническими русскими, но живут в России и за ее пределами, считая русский одним из родных языков. Чистой воды диверсия! <...> Конечно, можно сказать, что это юмор такой, а вы, мол, лапотные, ничего не понимаете. Но почему на разных родительских форумах в Интернете родители тоже „ничего не понимают“ и считают, что многие стихи Усачева ужасны и вредны с точки зрения морали, которая в них прослеживается, вернее, — отсутствует!» [Маркарян 2013]. Когда читаешь стихотворения Андрея Усачева, на которые ссылаются те, кто обвиняет его в русофобии, вспоминается высказывание из статьи доктора исторических наук Вячеслава Фомина, сделанное, правда, по другому поводу: «...смуты, разруха, раздрай всегда начинаются вроде как невинно, с анекдотца, с усмешки над тем, что на протяжении столетий народ почитал как святыню, с безобидного, прямо-таки кавээновского, притопа, прихлопа, балагурства» [Фомин 2012: 8]. Так что на фоне таких откликов следующее мнение уже не кажется абсурдным: «Есть какая-то закономерность при выборе автора „Тотального диктанта“. Как будто выискивается в творчестве писателя что-то не совсем нравственно здоровое» [Лактионова 2017: 212].

В 2017 г. текст для Тотального диктанта пишет писатель, историк и сценарист Леонид Юзефович, который резко выделяется на фоне других авторов ТД (исключение из правила, подтверждающее правило?) и текстом, и транслируемыми в интервью идеями. Так, в одном из интервью он говорит: *Я знаю только, что в школе у детей вызывает большой прилив чувств информация о том, что вертолет — это изобретение русского человека Сикорского. Что телевизор тоже изобрел русский человек. Что Антарктиду мы открыли. И русская литература — одна из самых читаемых в мире. Конечно, наши социально-экономические успехи вряд ли дадут нам в ближайшее время повод для гордости. Но у России есть иное, чего нет в упорядоченной Эстонии или в благополучной Финляндии. Скажем, опыт сплавления различных наро-*

дов в единое государство. Русскому характеру, российской истории национализм в грубой форме несвойственен [Шигарева 2018].

В 2018 г. текст для ТД пишет Гузель Яхина. Обратившись к откликам читателей ее произведений, размещенным в сети Интернет, мы обратили внимание, что, наряду с восхищением языком романа «Зулейха открывает глаза», высказываются упреки, что в произведении *буквально НИ ОДНОГО хорошего, хоть чуть положительного русского человека. Симпатичны автору только татары, немцы, евреи, чуваша и прочие народности. ТОЛЬКО НЕ РУССКИЕ* [Зулейха открывает глаза [http](http://)]. И снова звучит то же обвинение, что в адрес других писателей — авторов Тотального диктанта, и снова начинается дискуссия о том, является ли писатель русофобом.

Таким образом, популярная акция (а рекламе и продвижению ТД в первую очередь помогало филологическое сообщество России) с 2010 г. способствует популяризации тех писателей и их произведений, вокруг которых возникает дискуссия политического характера. Что это: продуманный пиар-ход или поддержка одной из противоборствующих сторон? Показательно в этом плане высказывание руководителя фонда ТД в ходе одного из интервью: «Мы приглашаем стать автором Тотального диктанта в первую очередь тех писателей, чьи книги *особенно нравятся членам команды*» (курсив наш. — И. Е., Г. К.) [Автор Тотального диктанта 2017 [http](http://)]. Значит ли это, что в основе выбора авторов для написания текстов Тотального диктанта и популяризации чтения определенных произведений лежат личные идеологические предпочтения членов команды проекта, которые (предпочтения), вероятно, никак не согласовываются с экспертным советом ТД, состоящим из ученых-филологов? Не случайно на сайте ТД раздел «Команда ТД» разделен с разделом «Экспертный совет».

Масштаб акции ТД сопоставляют с реформами письма, но с привлечением большего круга лиц массовой практики [Ким 2016: 26]. Возможности идеологического воздействия огромны! Нужно учесть и тот факт, что пишущий пропускает текст «через себя» не один раз. Кроме того, написание текста диктанта может влиять на популярность автора и его произведений. Так, заведующая абонементом Иркутской областной библиотеки имени И. И. Молчанова-Сибирского М. Попова говорит: *Повышение интереса к книгам Прилепина наблюдалось после посещения им Иркутска в 2014 году... О Водолазкине вообще стали спрашивать только*

после его приезда в Иркутск в этом же году... (цит. по: [Булатова 2016: 152]).

С 2010 г. к текстам ТД предъявляется, как пишет Г. М. Мандрикова, требование наличия в них «некой социально-культурной проблемы, возможно даже нескольких проблем <...>, или того, что имеет непосредственное отношение к нашей жизни, прошлой или настоящей, к нашей культуре, истории, традициям <...>, призванных сделать текст диктанта небезразличным его участнику» [Мандрикова 2016: 30]. Но, быть может, выбранные писатели, подыскивая социокультурные проблемы, готовили тексты диктанта, не «вкрапляя» в них идеологические установки?

3. ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВКРАПЛЕНИЯ В НЕКОТОРЫХ ТЕКСТАХ ТОТАЛЬНОГО ДИКТАНТА

Руководитель фонда ТД отмечает: «Содержание диктанта для нас не менее важно — мы хотим заставить людей думать, дискутировать, соглашаться — не соглашаться с автором. Мы хотим расшевелить людей» [Ребковец 2012]. Давайте посмотрим, о чем нас хотят заставить задуматься и как предлагают «расшевелить людей»: «филологических менеджеров» как лиц, организующих мероприятие, и «безмолвствующее большинство» [Ким 2016: 20], — прежде всего, как мы понимаем, лиц, пишущих диктант.

Сразу скажем, что мы не претендуем на полный филологический анализ рассматриваемых текстов, а обратим внимание прежде всего на те фрагменты, в которых, на наш взгляд, так или иначе просматриваются идеологические установки их авторов и/или организаторов акции.

В тексте Тотального диктанта (2010 г.) под названием «В чем причина упадка русского языка и есть ли он вообще?» Б. Стругацкого [Стругацкий 2010] говорится о том, что нет никакого упадка русского языка, а есть бескультурье «в душах и в головах», с которыми *ничего существенного за последние годы не произошло. Разве что начальство наше, опять же слава богу, отвлеклось от идеологии и увлеклось более распиливанием бюджета. Вот языки и подраспустились, а Язык обогатился замечательными новшествами в широчайшем диапазоне — от „хеджирования портфеля ГКО с помощью фьючерсов“ и до появления интернет-жаргона. И далее: Разговоры об упадке вообще и Языка в частности — это, по сути, результат отсутствия ясных указаний сверху. Появятся соответствующие указания — и упадок прекратится как бы сам собой,*

тут же сменившись каким-нибудь „новым расцветом“ и всеобщим суверенным „благорастворением воздушных“. В этом фрагменте причиной бескультурья называется отсутствие интереса к рассматриваемой проблеме и соответствующих ясных указаний «начальства», т. е. отсутствие продуманной языковой политики как таковой. При этом автор скептически относится к продуктивности таких указаний, о чем свидетельствует последнее ироническое высказывание, показателями иронии в котором являются антифразисы (*прекратится как бы сам собой; каким-нибудь „новым расцветом“*) и прием «смещения стилей» (*суверенным „благорастворением воздушных“*). Таким образом, текст не является идеологически нейтральным: он содержит критику тех, кто дает «указания сверху». Такая критика, конечно, имеет право на существование, но в специализированных публичных жанрах, а не в тексте ТД.

Пристальное внимание к русскому языку наблюдаем и в тексте ТД 2011 г. — «Орфография как закон природы» [Быков 2011], подготовленном Д. Быковым. Автор, уделяя внимание правописанию, ставит проблемный вопрос: зачем нужна грамотность? Этот вопрос и ответ на него, который далее содержится в тексте (грамотное письмо — утонченная форма вежливости, «знак смиренных и памятливых людей, чтущих законы языка как высшую форму законов природы»), включает в себе воспитательный смысл, связанный с проблемой важности грамотного письма. Кажется, текст лишен идеологической направленности, если бы не указание на трудные для страны годы — девяностые и нулевые. Здесь мы сошлемся на комментарий этого текста, сделанный С. Бороздиным в заметке «Тотальный либеральный диктант». Автор усматривает в тексте Д. Быкова «мягкие попытки выявить взаимосвязь исторической эпохи с психологией и грамотностью. В девяностые — в народе отчаяние — ставят тире там, где не знают точного правила. В нулевые — испуганы, перестраховываются — ставят запятые там, где не знают точного правила. Или всё-таки это больше похоже на создание взаимосвязей там, где их нет, и попытку донести своё личное отношение к тому времени?» [Бороздин 2013].

Три идеологически связанные между собой текста З. Прилепина (2012 г.): «А вам не все равно?», «Мне — не все равно» и «Нам не все равно!» [Прилепин <http>] — обладают свойствами убеждающей речи. З. Прилепин дважды в третьей части говорит о необходимости принятия защитных мер: *И вот*

я не понимаю: как всем нам здесь выжить и кто станет защищать эту страну, когда она обвалится? и Нельзя сдавать позиций, бросать флаги и бежать куда глаза глядят, даже не сделав попытки защитить свой дом. Звучит косвенный призыв к защите, обращенный к общественности, что выражено при помощи генерализирующего местоимения «мы», в том числе в заглавии *Нам не все равно!* Тезис о необходимости защиты страны (дома) подкреплен несколькими аргументами в третьей части диктанта: 1) аргументом (в форме риторического вопроса) о существовании шансов на победу в борьбе за империю: *Причины у нас веские: народ надломлен, все империи рано или поздно распадаются и шансов у нас поэтому нет;* и далее: *Российская история, не спорю, провоцировала подобные декларации. Тем не менее наши предки в эти пораженные скептицизмом благоглупости никогда не верили. Кто решил, что у нас уже нет шансов, а, к примеру, у китайцев их больше чем достаточно?;* 2) аргументами к личности: *Поэтому добровольное прощание с национальным будущим во все не признак здравого рассудка и взвешенных решений, а натуральное предательство; И мы должны заслужить право быть наследниками этих Побед!* Первые две части как бы подготавливают к принятию тезиса (дедуктивный способ аргументации). Вывод рассуждений в первой части (*Есть только один способ сохранить данную нам землю и свободу народа — постепенно и настойчиво избавляться от массовых пароксизмов индивидуализма, с тем чтобы публичные высказывания по поводу независимости от прошлого и непричастности к будущему своей Родины стали как минимум признаком дурного тона*) является одновременно характеризующим аргументом в пользу принятия тезиса. В качестве логического аргумента (факта) приводится суждение во второй части: *А ведь прежде всего мы существа общественные и живем по законам и традициям социума, а судьба общества напрямую связана с государством как таковым и действиями тех, кто им управляет.* Таким образом, три части диктанта представляют единый текст, который относится к убеждающему виду воздействия. Если учесть политические взгляды писателя во время написания текста, то вывод напрашивается сам собой: чтобы победить, нужно принимать решительные действия по спасению страны от власти.

Текст диктанта Д. Рубиной (2013 г.) посвящен тем возможностям, которые предоставляет Интернет [[Рубина http](http)] и которые

могут использоваться как во благо, так и во зло. Во второй части текста читаем: *Интернет, который немислимо расширил возможности простого человека для высказывания и действия, лежит в основе нынешнего „восстания масс“. Это явление, возникшее еще в первой половине двадцатого века, вызванное вульгаризацией культуры — материальной и духовной, — породило и коммунизм, и нацизм.* Обратим внимание на то, что в однородный ряд поставлены две совершенно разные идеологии: «коммунизм» и «нацизм», — что многим бросилось в глаза, поскольку в сознании российского народа нацизм — это название не только политической идеологии, но и практики гитлеровского режима в Германии, синоним фашизму. Так, Максим Акимов с своим журнале пишет: *Причем, заметим, Рубина говорит о том, что коммунизм появился в первой половине XX века, то есть имеет в виду не саму по себе коммунистическую доктрину в мире (которая возникла гораздо раньше, а именно в середине XIX века), а подразумевает именно русский коммунизм, именно советский, приравнивая его к нацизму. <...> И я не могу понять, почему такие люди, как Дина Рубина, <...> позволяют себе оскорблять мою страну, мое историческое достоинство, приравнивая коммунизм, то есть политический строй моей страны, спасшей несколько народов от уничтожения, к нацизму!??* [Акимов, 2013]. А ведь многие могли и не осознать бездоказательность приравнивания: действительно, говоря словами Дины Рубиной из третьей части диктанта, *как трудно в наш век стать взрослым, как целые поколения обречены на вечную и необратимую незрелость...*

Не остался незамеченным и такой факт: *Подзаголовок текста Дины Рубиной, предложенного за образец, звучит как: „Евангелие от Интернета“ ... Евангелие в переводе, как известно, означает „Благую Весть“ о Спасении, посланную от Бога человечеству. Это главная книга христиан. А здесь, напротив, — легковесное жонглирование тем, что является сакральным, связывающим человечество и Всевышнего. И тысячи наших сограждан под диктовку невольно, но неблагочестиво сопрягали это великое слово с ... интернетом* [Лактионова 2017: 209].

Внешне идеологически нейтральным кажется текст Тотального диктанта, написанный Е. Водолазкиным (2015 г.) [Водолазкин http], однако его первая часть заканчивается так: *Ещё я представлял себе, будто остался в этой прохладной комнате навеки,*

живу в ней, как в капсуле, а за окном перемены, перевороты, землетрясения, и нет там больше ни сахара, ни масла, ни даже Российской империи — и только я всё сижу и читаю, читаю... Дальнейшая жизнь показала, что с сахаром и маслом я угадал, а вот сидеть и читать — этого, увы, не получилось. Есть здесь какое-то умолчание: автор текста в фантазиях в процессе чтения отвлекается от всего, от всех проблем, но в оценке реальной действительности (дальнейшей жизни) существование Российской империи не упоминается.

Л. А. Юзефович каждую из трех частей диктанта (2017 г.) посвящает трем российским городам и рекам, с которыми, как неоднократно подчеркивал писатель в интервью, связана часть его жизни: первый текст о Санкт-Петербурге и Неве, второй — о Перми и Каме, третий — об Улан-Удэ и Селенге [Юзефович http]. Текст ТД проникнут любовью к описываемым городам и рекам; восхищением могуществом империи, сумевшей заковать Неву в гранит, и памятником Ленину в Улан-Удэ, гранитная голова которого похожа на «на голову богатыря-исполина из „Руслана и Людмилы“», и Бурятия, где «история и современность, православие и буддизм не отторгают и не подавляют друг друга. Улан-Удэ подарил мне надежду, что и в других местах это возможно». Этот текст отличается от тех, которые писали другие авторы, своей общей положительной тональностью.

Г. Яхина для ТД (2018 г.) написала текст об одном дне из жизни учителя немецкого языка — Якоба Ивановича Баха [Яхина 2018]. Создается совершенно негативный образ учителя: он изображается уставшим от жизни (*Звуки же собственной жизни были столь скудны и вопиюще незначительны, что Бах разучился их слышать...*), не владеющим педагогической методикой (*«привык произносить одни и те же слова и зачитывать одни и те же задачи», «язык его бормотал текст очередного грамматического правила», «а мысль дремала»; «торопливо стремил урок к поэтической части: стихи лились на юные лохматые головы щедро, как вода из лоханки в банный день»; «Дети страсти педагога не разделяли: лица их <...> с первыми же звуками стихотворных строк приобретали покорное сомнамбулическое выражение. Немецкий романтизм действовал на класс лучше снотворного. Пожалуй, чтение стихов можно было использовать для успокоения расшилившейся аудитории вместо привычных криков и ударов линейкой...»*), тоскующим по родной речи (*Немецкая речь была единст-*

венным предметом, во время которого мысль Баха обрела былую свежесть и бодрость), одиноким, не умеющим (Тот же самый язык вдруг начал отказывать хозяину, когда Бах переходил на диалект в разговорах с односельчанами) и не желающим общаться с односельчанами (при вопросах об успехах детей в школе отвечал неохотно, короткими фразами). Обращают на себя внимание описанные в части «День» непедагогические методы, которыми названный учитель пользовался (рука зажатой в ней линейкой вяло шлепала по затылку чересчур говорливого ученика, привычными были крики и удары линейкой). И все бы ничего, да только в наше время, когда звучат слова тревоги о падающем авторитете учителя, когда у подрастающего поколения сформировали отношение к школе как к «сфере услуг», чему учит такой текст и какие высокие чувства он пробуждает?

Воздействие может быть и косвенным, когда благодаря акции ТД русскоязычный народ обращается к творчеству тех или иных, выбранных ее организаторами писателей, и далеко не каждый носитель языка может разобрататься в идеологическом подтексте.

4. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ТОТАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ»

Когда акция ТД приобрела популярность, был сформирован «диктаторский» жаргон, принятый организаторами и вышедший за пределы узкого круга. Разгорелась дискуссия об уместности сочетаемости прилагательного *тотальный* с существительным *диктант* и удачности слова *диктатор* применительно к человеку, диктующему текст ТД (см., например: [Мельникова 2016; Лактионова 2017: 214—215]). Интересен в этом отношении каламбур, намеренно или ненамеренно использованный Ольгой Ребковец: «Во время презентации Ольгу (руководитель ТД. — уточнение наше) спросили — не хочет ли она привлечь президента страны в качестве автора и диктора (курсив здесь и в следующем предложении — наш)? Ольга ответила, что такой диктатор участникам Тотального диктанта вряд ли понравится» [Ребковец 2016]. Напрашивается перенос наименования *диктатор* с диктующих на организаторов, которые диктуют филологам правила проведения акции, навязывают им тексты, лишённые порой воспитательного значения и служащие проводником определенной политической идеологии.

Председатель экспертной комиссии по проверке диктантов назван *тотализатором*

(в прямом значении это «счётчик на скачках и бегах, который показывает денежные ставки, сделанные на определённую лошадь»). На сайте ТД появился раздел, озаглавленный неологизмом *ЧаВо*, в котором используется графон (от «частые вопросы») и который «отсылает» нас к просторечному «чаво», как бы намекающему на неграмотность задающего вопросы, что, на наш взгляд, не соответствует этическим нормам. Среди участников ТД много школьников и студентов, выпитывающих в большинстве своем язык интернет-пространства и бездумно подхватывающих и тиражирующих забавные, с их точки зрения, слова. Но ведь язык формирует сознание, а каким оно будет — зависит не только от организаторов разных акций, но и от нас с вами.

ВЫВОДЫ

Таким образом, существует точка зрения, согласно которой просветительская акция ТД после 2010 г. выступает в качестве проводника определенных политических идей, не всегда имеющих позитивное мировоззренческое значение. Условиями успешного использования этой акции в качестве проводника определенной идеологии являются: 1) введение нового требования к текстам диктанта (наличие социально-культурной проблемы, находящей отклик у пишущего); 2) выбор современного писателя на основе предпочтений команды Тотального диктанта; 3) пиар-продвижение автора диктанта и его творчества; 4) масштаб акции, ставшей международной; 5) многократность прочитывания текста и, как следствие, восприятия идей текста, что усиливает потенциал их воздействия на формирование общественного сознания.

Отсутствие контраргументации со стороны организаторов просветительской акции «Тотальный диктант» в ответ на звучащие в ее адрес обвинения вызывает вопросы и сомнения, которые хотелось бы развеять.

ЛИТЕРАТУРА

1. #ТОТСБОРНИК : сборник науч. трудов по материалам Тотального диктанта [Электронный ресурс] / отв. ред. Н. Б. Кошкарева. Вып. 1. — Новосибирск, 2016. 162 с. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf.
2. Автор Тотального диктанта 2017 [Электронный ресурс]. 2017. 2 марта. URL: <https://totaldict.ru/gubakha/avtor-totalnogodiktanta-2017-53660203853/>.
3. Акимов Максим. «Тотальный диктант» стараниями Дины Рубиной, был превращен в провокацию [Электронный ресурс]. 2013. 7 апр. URL: <https://maxim-akimov.livejournal.com/383637.html?page=1#comments> (дата обращения: 11.08.2018).
4. Алексей Иванов: «Революции не случаются от плохой жизни» [Электронный ресурс] // Общественное мнение (Саратов). 2014. 30 окт. URL: <http://ivanproduction.ru/intervyu/duplicate-of-aleksey-ivanov-takie-syuzhetyi-golovusnosyat.html>.

5. Беляков С. С. Географ и его боги [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2010. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/2/be2.html> (дата обращения: 07.05.2018).
6. Бернацкая А. А. «ЖД» Д. Л. Быкова: информационно-психологическая война «против» или «за» Россию? [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 212—238. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Bernatskaya-A.A._1.pdf.
7. Бернацкая А. А. Роман Е. Г. Водолазкина «Соловьёв и Ларионов»: лингвоидеологический анализ [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1. С. 79—94. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/04/Bernatskaya-A.A.-1.pdf>.
8. Бороздин С. Тотальный либеральный диктант [Электронный ресурс] // Живой журнал. 2013. 4 апр. URL: <https://serg77786.livejournal.com/> (дата обращения: 06.05.2018).
9. Булатова С. Н. Тотальный диктант как реклама чтения [Электронный ресурс] // #ТОТСБОРНИК : сборник науч. трудов по материалам Тотального диктанта / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Вып. 1. — Новосибирск, 2016. С. 151—159. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf.
10. Быков Д. Два Ленина [Электронный ресурс] // Еженедельный журнал «Профиль». 2013. 11 нояб. URL: <http://www.profile.ru/obshchestvo/item/77871-dva-lenina-77871> (дата обращения: 27.04.2018).
11. Быков Дмитрий. Летальный диктант. Если хорошую акцию не удастся задуть, ее доводят до перерождения [Электронный ресурс] // Новая газета. 2016. 20 апр. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/04/20/68299-letalnyy-diktant>.
12. Быков Д. Орфография как закон природы [Электронный ресурс]. 2011. 23 апр. URL: <https://totaldict.ru/dictants/orfo-grafiya-kak-zakon-prirody/>.
13. Водолазкин Е. Волшебный фонарь [Электронный ресурс]. 2015. 18 апр. URL: <https://totaldict.ru/dictants/volshebnyy-fonar/>.
14. В Ульяновске заменили текст Тотального диктанта [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2013. 6 апр. URL: <https://lenta.ru/news/2013/04/06/diktant/>.
15. «Говорим по-русски» [Электронный ресурс] : передача-игра на радио «Эхо Москвы». Тотальный диктант 2014 года. 2014. 9 марта. URL: <https://echo.msk.ru/programs/speakrus/1275008-echo/> (дата обращения: 08.04.2018).
16. Головастиков К. Скрепь-иголки на зелёной ёлке. Как Союз писателей России защитил русскую речь от Дины Рубиной [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2013. 12 апр. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/04/12/souz/> (дата обращения: 06.08.2018).
17. Евгений Водолазкин: «Когда меня спрашивают о политических взглядах, отвечаю, что их нет» [Электронный ресурс] : интервью // Московский комсомолец. 2015. 18 апр. URL: <https://www.mk.ru/culture/2015/04/17/evgeniy-vodolazkin-kogda-menya-sprashivayut-o-politicheskikh-vzglyadakh-otvechayu-chto-ikh-net.html>.
18. Заявление секретариата правления Союза писателей России [Электронный ресурс] : размещено 10.04.2013 В. Бондаренко. URL: <https://v-g-bond.livejournal.com/36840.html> (дата обращения: 08.04.2018).
19. Зудейха открывает глаза [Электронный ресурс] // Лаборатория фантастики : сайт. URL: <https://fantlab.ru/work667162?sort=date>.
20. Ким И. Е. Тотальный диктант как форма проявления русского языкового сообщества [Электронный ресурс] // #ТОТСБОРНИК : сб. науч. трудов по материалам Тотального диктанта / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Вып. 1. — Новосибирск, 2016. С. 20—28. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf.
21. Лактионова Н. Я. Новая «классика»: подмены и инструменты внедрения [Электронный ресурс] // Шестые Пюхтинские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 207—215. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30774649_39956643.pdf.
22. Мандрикова Г. М. Тотальный диктант: территория смыслов [Электронный ресурс] // #ТОТСБОРНИК : сб. науч. трудов по материалам Тотального диктанта / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Вып. 1. — Новосибирск, 2016. С. 29—34. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf.
23. Маркарян К. Почему русскую литературу за границей представляют профессиональные русофобы? [Электронный ресурс] // Концептуал. 2013. 26 мая. URL: <http://концептуал.рф/kreativnyu-koschey> (дата обращения: 08.04.2018).
24. Мельникова Л. В. Тотальный диктант: кто такой «диктатор»? [Электронный ресурс] // Отдел русского языка и литературы. 2016. 8 апр. URL: http://kabruss.blogspot.com/2016/04/blog-post_44.html (дата обращения: 07.05.2018).
25. Мешков А. Е. Акция «Тотальный диктант» как средство формирования гражданской идентичности [Электронный ресурс] // Традиции и инновации в педагогическом образовании: сб. науч. трудов / под общ. ред. Т. С. Дороховой. — 2016. С. 77—81. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29001593_37286965.pdf.
26. Прилепин З. А вам не всё равно? [Электронный ресурс]. 2012. 21 апр. URL: <https://totaldict.ru/dictants/a-vam-ne-vsye-ravno/>.
27. Ребковец О. А. #ТОТДИКТАНТ: о глобальности, небанальности и эмоциональности в Тотальном диктанте [Электронный ресурс] // #ТОТСБОРНИК : сб. науч. трудов по материалам Тотального диктанта / отв. ред. Н. Б. Кошкарёва. Вып. 1. — Новосибирск, 2016. С. 4—9. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf.
28. Рязанова М. Д. Рубина [Электронный ресурс] // Baby blog. 2014. 8 дек. URL: <https://www.babyblog.ru/community/post/politica/251407> (дата обращения: 07.05.2018).
29. Ребковец О. Я мачеха «Тотального диктанта» [Электронный ресурс] : интервью // Newslab.ru. 2012. 16 июля. URL: <http://newslab.ru/article/459181> (дата обращения: 06.05.2018).
30. Рубина Д. Евангелие от Интернета [Электронный ресурс]. 2013. 6 апр. URL: <https://totaldict.ru/dictants/evangelie-ot-interneta/>.
31. Сковородников А. П. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 29—39. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/2023/3.pdf>.
32. Скойбеда У. Почему русскому языку нас учит гражданка Израиля Дина Рубина? [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2013. 6 марта. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/26042/2956369/> (дата обращения: 08.04.2018).
33. Сталинское чудо света [Электронный ресурс] : интервью с Захаром Прилепиным о сталинизме и путинизме // Lenta.ru. 2012. 16 авг. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/08/16/prilepin/> (дата обращения: 06.08.2018).
34. Стругацкий Б. В чем причина упадка русского языка и есть ли он вообще? [Электронный ресурс]. 2010. 24 апр. URL: <https://totaldict.ru/dictants/v-chem-prichina-upadka-russkogo-yazyka-i-est-li-on-voobshche/>.
35. Фомин В. Родиться русским слишком мало, им надо быть, им надо стать... // Русское поле : науч.-публицистический альм. 2012. № 2. С. 4—10.
36. Френкель М. Дина Рубина: «Израиль — мой дом, моя работа... это жизнь моего народа...» [Электронный ресурс] // Еврейский обозреватель. 2013. № 06/246. URL: <http://jew-observer.com/nash-gost/dina-rubina-izrail-moj-dom-moya-zabota-eto-zhizn-moego-naroda/> (дата обращения: 08.04.2018).
37. Часы прессы. Интервью Елены Рыковцевой с Дмитрием Быковым [Электронный ресурс] // Радио «Свобода». 2011. 29 дек. URL: <https://www.svoboda.org/a/24435764.html> (дата обращения: 06.08.2018).
38. Что такое Тотальный диктант [Электронный ресурс]. URL: <https://totaldict.ru/about/>.
39. Шигарева Ю. Леонид Юзефович: «Мне не хочется кричать» [Электронный ресурс] : интервью // ЛЮДИ. РЕОР-LES.RU. 2003. 12 мая. URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/detectiv/yuzefovich/> (дата обращения: 26.04.2018).
40. Юзефович Л. Город на реке [Электронный ресурс]. 2017. 8 апр. URL: <https://totaldict.ru/dictants/gorod-na-reke/>.
41. Яхина Г. Учитель словесности [Электронный ресурс]. 2018. 14 апр. URL: <https://totaldict.ru/dictants/uchitel-slovesnosti/>.

I. V. Evseeva

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID ID: 0000-0003-0495-033X

G. A. Kopnina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9883-3892

 E-mail: ivevseeva@yandex.ru; gkopnina@mail.ru.

“Total Dictation”: Education and Care for Literacy vs Promotion of Ideology?

ABSTRACT. *The article analyzes the discussion about the ideological engagement / non-engagement of the annual educational action “Total dictation”. The whole context of the action realization is examined, e.g. the texts of total dictation, interviews with their authors in the years of actions, interviews with organizers, responses of Internet users to the action “Total dictation”, articles in scientific journals, and mass media publications. Content analysis is the main method of investigation.*

The authors of the article have come to the conclusion that there are five conditions for successful performance of the educational action “Total dictation” as a conductor of various ideas. The first condition is the introduction of a new requirement for dictation texts beginning with 2010 (presence of a socio-cultural problem that finds response from the person who writes a dictation). The second condition consists in the choice of a modern writer based on the preferences of the «Total dictation» team. The third condition is PR promotion of the author of dictation and their work. The fourth condition is the scale of the action that has become international. The fifth condition stems from recurrent readings of the text and, as a result, from the perception of the ideas of the text, which influences the public consciousness formation. It is revealed that the organizers of the educational action “Total dictation” do not use counter-arguments in response to the accusation of positioning of the ideas that do not always have a positive ideological significance. The results show the need for attentive attitude of the action participants to the texts in terms of information security of the personality and society.

The results of the study may be interesting for the participants of the action “Total dictation”, as well as for a wide range of readers of this article.

KEYWORDS: *ideological engagement; educational actions; dictations; information security; discourse analysis; journalism; media linguistics; media texts; mass media discourse; mass media; political discourse; Internet; Internet discourse.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Evseeva Irina Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Kopnina Galina Anatol’yevna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language and Speech Communication, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.*

FOR CITATION: *Evseeva, I. V. “Total Dictation”: Education and Care for Literacy vs Promotion of Ideology? / I. V. Evseeva, G. A. Kopnina // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 12—25.*

REFERENCES

1. #TOTSBOРNIK: a collection of scientific proceedings on the materials of the Total Dictation [Electronic resource] / resp. ed. N. B. Koshkareva. Issue 1. — Novosibirsk, 2016. 162 p. [#TOTSBOРNIK : sbornik nauch. trudov po materialam Total'nogo diktanta [Elektronnyy resurs] / otv. red. N. B. Koshkareva. Vyp. 1. — Novosibirsk, 2016. 162 s.]. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf. — (In Rus.)
2. Author of Total Dictation 2017 [Electronic resource]. 2017. March 2. [Avtor Total'nogo diktanta 2017 [Elektronnyy resurs]. 2017. 2 marta]. URL: <https://totaldict.ru/gubakha/avtor-totalnogo-diktanta-2017-53660203853/>. — (In Rus.)
3. Akimov Maksim. “Total dictation” through the Efforts of Dina Rubina, was Turned into a Provocation [Electronic resource]. 2013. Apr 7. [«Total'nyy diktant» staraniyami Diny Rubinoy, byl prevra-shchen v provokatsiyu. 2013. 7 apr.]. URL: <https://maxim-akimov.livejournal.com/383637.html?page=1#comments> (date of access: 11.08.2018). — (In Rus.)
4. Aleksey Ivanov: “Revolutions do not happen from a bad life” [Electronic resource] // Public opinion (Saratov). 2014. Oct. 30. [Aleksey Ivanov: «Revolutsii ne sluchayutsya ot plokhoy zhizni» // Obshchestvennoe mnenie (Saratov). 2014. 30 okt.]. URL: <http://ivanproduction.ru/intervyu/duplicate-of-aleksej-iva-nov-takie-syuzhetyi-golovu-snosyat.html>. — (In Rus.)
5. Belyakov S. S. Geographer and His Gods [Electronic resource] // Questions of Literature. 2010. No. 2. [Geograf i ego bogi // Voprosy literatury. 2010. № 2]. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/2/be2.html> (date of access: 07.05.2018). — (In Rus.)
6. Bernatskaya A. A. “ZhD” of D. L. Bykov: an Information-psychological War “against” or “for” Russia? [Electronic resource] // Ecology of Language and Communicative Practice. 2016. No. 1. P. 212–238. [«ZhD» D. L. Bykova: informatsionno-psikhologicheskaya voyna «protiv» ili «za» Rossiyu? // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2016. № 1. S. 212—238]. URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Bernatskaya-A.A._1.pdf. — (In Rus.)
7. Bernatskaya A. A. Novel of E. G. Vodolazkin “Soloviev and Larionov”: Linguo-ideological Analysis [Electronic resource] // Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. № 1. P. 79—94. [Roman E. G. Vodolazkina «Solov'ev i Larionov»: lingvoideo-logicheskiy analiz // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2018. № 1. S. 79—94]. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/04/Bernatskaya-A.A.-1.pdf>. — (In Rus.)
8. Borozdin S. Total Liberal Dictation [Electronic resource] // Live Journal. 2013. Apr 4. [Total'nyy liberal'nyy diktant // Zhivoy zhurnal. 2013. 4 apr.]. URL: <https://serg77786.livejournal.com/> (date of access: 06.05.2018). — (In Rus.)
9. Bulatova S. N. Total Dictation as a Reading Advertisement [Electronic resource] // # TOTSBOРNIK: collection of scientific papers. Works on materials of the Total Dictation / otv. ed. N. B. Koshkareva. Issue 1. — Novosibirsk, 2016. P. 151—159. [Total'nyy diktant kak reklama chteniya [Elektronnyy resurs] // #TOTSBOРNIK : sbornik nauch. trudov po materialam Total'nogo diktanta / otv. red. N. B. Koshkareva. Vyp. 1. — Novosibirsk, 2016. S. 151—159]. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf. — (In Rus.)

10. Bykov D. Two Lenins [Electronic resource] // Profile Weekly Magazine. 2013. 11 Nov. [Dva Lenina // Ezhenedel'nyy zhurnal «Pro-fil'». 2013. 11 noyab.]. URL: <http://www.profile.ru/obshchestvo/item/77871-dva-lenina-77871> (date of access: 27.04.2018). — (In Rus.)
11. Bykov Dmitriy. Lethal Dictation. If a Good Action cannot be Strangled, it is Brought to Rebirth [Electronic resource] // New Paper. 2016. Apr 20. [Letal'nyy diktant. Esli khoroshuyu aksiyu ne udaetsya zadushit', ee dovodyat do pererozhdeniya // Novaya gazeta. 2016. 20 apr.]. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/04/20/68299-letalnyy-diktant>. — (In Rus.)
12. Bykov D. Spelling as a Law of Nature [Electronic resource]. 2011. Apr. 23. [Orfografiya kak zakon prirody. 2011. 23 apr.]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/orfografiya-kak-zakon-prirody/>. — (In Rus.)
13. Vodolazkin E. Magic Lantern [Electronic resource]. 2015. April 18. [Volshebnyy fonar'. 2015. 18 apr.]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/volshebnyy-fonar/>. — (In Rus.)
14. In Ulyanovsk, the Text of Total Dictation was Replaced [Electronic resource] // Lenta.ru. 2013. Apr. 6. [V Ulyanovske zamenili tekst Total'nogo diktanta // Lenta.ru. 2013. 6 apr.]. URL: <https://lenta.ru/news/2013/04/06/dictant/>. — (In Rus.)
15. “We speak in Russian” [Electronic resource]: transfer-play on the radio “Echo of Moscow”. Total dictation of 2014. 2014. March 9. [«Govorim po-russki»: peredacha-igra na radio «Kkho Mo-skvyy». Total'nyy diktant 2014 goda. 2014. 9 marta]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/speakrus/1275008-echo/> (date of access: 08.04.2018). — (In Rus.)
16. Golovastikov K. Claws-needles on a Green Christmas Tree. How the Union of Writers of Russia Defended the Russian Language from Dina Rubina [Electronic resource] // Lenta.ru. 2013. Apr. 12. [Skrepy-igolki na zelenoy elke. Kak Soyuz pisateley Rossii zashchitil russkuyu rech' ot Diny Rubinoy // Lenta.ru. 2013. 12 apr.]. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/04/12/souz/> (date of access: 06.08.2018). — (In Rus.)
17. Yevgeny Vodolazkin: “When people ask me about political views, I answer that they are not there” [Electronic resource]: interview // Moskovsky Komsomolets. 2015. April 18. [Evgeniy Vodolazkin: «Kogda menya sprashivayut o politicheskikh vzglyadakh, otve-chayu, chto ikh net» [Elektronnyy resurs] : interv'yu // Moskovskiy komsomolets. 2015. 18 apr.]. URL: <https://www.mk.ru/culture/2015/04/17/evgeniy-vodolazkin-kog-da-menya-sprashivayut-o-politicheskikh-vzglyadakh-otvechayu-chto-ikh-net.html>. — (In Rus.)
18. Statement by the Secretariat of the Board of the Writers' Union of Russia [Electronic resource]: posted 04.04.2013 by V. Bondarenko. [Zayavlenie sekretariata pravleniya Soyuza pisateley Rossii : razmeshcheno 10.04.2013 V. Bondarenko]. URL: <https://v-g-bond.livejournal.com/36840.html> (date of access: 08.04.2018). — (In Rus.)
19. Zuleikha Opens Her Eyes [Electronic resource] // Fiction Lab: website. [Zuleykha otkryvaet glaza // Laboratoriya fantastiki : site]. URL: <https://fantlab.ru/work667162?sort=date>. — (In Rus.)
20. Kim I. E. Total Dictation as a Form of Manifestation of the Russian Language Community [Electronic resource] // # TOT-SBORNİK: collection of scientific papers. Works and Materials of Total Dictation / resp. ed. N. B. Koshkareva. Issue 1. — Novosibirsk, 2016. P. 20—28. [Total'nyy diktant kak forma proyavleniya russkogo yazykovogo soob-shchestva // #TOT-SBORNİK : sb. nauch.trudov po materialam To-tal'nogo diktanta / otv. red. N. B. Koshkareva. Vyp. 1. — Novosibirsk, 2016. S. 20—28]. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf. — (In Rus.)
21. Laktionova N. Ya. New “Classic”: Substitutions and Implementation Tools [Electronic resource] // Sixth Readings of Pyhtinsk : materials of the Intern. scientific-practical conf. 2017. P. 207—215. [Novaya «klassika»: podmeny i instrumenty vnedreniya // Shestye Pyukhtinskije chteniya : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2017. S. 207—215]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30774649_39956643.pdf. — (In Rus.)
22. Mandrikova G. M. Total Dictation: Territory of Meanings [Electronic resource] // #TOTSBORNİK: a collection of scientific. proceedings on the materials of the Total Dictation [Electronic resource] / resp. ed. N. B. Koshkareva. Issue 1. — Novosibirsk, 2016. P. 29—34. [Total'nyy diktant: territoriya smyslov [Elektronnyy resurs] // #TOTSBORNİK : sb. nauch. trudov po materialam Total'nogo diktanta / otv. red. N. B. Koshkareva. Vyp. 1. — Novosibirsk, 2016. S. 29—34]. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf. — (In Rus.)
23. Markaryan K. Why do Professional Russophobes Represent Russian Literature Abroad? [Electronic resource] // Conceptual. 2013. May 26th. [Pochemu russkuyu literaturu za granitsey predstavlyayut professio-nal'nye rusofoby? // Kontseptual. 2013. 26 maya]. URL: <http://kontseptual.rf/kreativnyy-koschey> (date of access: 08.04.2018). — (In Rus.)
24. Mel'nikova L. V. Total Dictation: Who is a “dictator”? [Electronic resource] // Department of Russian Language and Literature. 2016. Apr. 8. [Total'nyy diktant: kto takoy «diktator»? [Elektronnyy re-surs] // Otdel russkogo yazyka i literatury. 2016. 8 apr.]. URL: http://kabruss.blogspot.com/2016/04/blog-post_44.html (date of access: 07.05.2018). — (In Rus.)
25. Meshkov A. E. The Action “Total Dictation” as a Means of Forming of Civic Identity [Electronic resource] // Traditions and Innovations in Pedagogical Education : a collection of scientific works / under total ed. T. S. Dorokhova. — 2016. P. 77—81. [Aktsiya «Total'nyy diktant» kak sredstvo formirovaniya grazhdanskoy identichnosti // Traditsii i innovatsii v pedagogicheskom obrazovanii: sb. nauch. trudov / pod obshch. red. T. S. Dorokhovoy. — 2016. S. 77—81]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29001593_37286965.pdf. — (In Rus.)
26. Prilepin Z. And You do not Care? [Electronic resource]. 2012. Apr. 21. [A vam ne vse ravno? 2012. 21 apr.]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/a-vam-ne-vse-ravno/>. — (In Rus.)
27. Rebkovets O. A. #TOTDICTANT: on Globality, Nonbanality, and Emotionality in Total Dictation [Electronic resource] // #TOTSBORNİK : a collection of scientific. proceedings on the materials of the Total Dictation [Electronic resource] / resp. ed. N. B. Koshkareva. Issue 1. — Novosibirsk, 2016. P. 4—9. [#TOTDIKTANT: o global'nosti, nebanal'nosti i emotsional'nosti v Total'nom diktante [Elektronnyy resurs] // #TOTSBORNİK : sb. nauch. trudov po materialam Total'nogo diktanta / otv. red. N. B. Koshkareva. Vyp. 1. — Novosibirsk, 2016. S. 4—9]. URL: https://totaldict.ru/upload/totsbornik_i_2016.pdf. — (In Rus.)
28. Ryazanova M. D. Rubina [Electronic resource] // Baby blog. 2014. December 8. [D. Rubina // Baby blog. 2014. 8 dek.]. URL: <https://www.babyblog.ru/community/post/politica/251407> (date of access: 07.05.2018). — (In Rus.)
29. Rebkovets O. I am a Stepmother of “Total dictation” [Electronic resource] : interview // Newslab.ru. 2012. July 16th. [Ya machekha «Total'nogo diktanta» : interv'yu // Newslab.ru. 2012. 16 iyulya]. URL: <http://newslab.ru/article/459181> (date of access: 06.05.2018).
30. Rubina D. The Gospel of the Internet [Electronic resource]. 2013. Apr 6. [Evangeliye ot Interneta. 2013. 6 apr.]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/evangeliye-ot-interneta/>. — (In Rus.)
31. Skovorodnikov A. P. A Fly in the Ointment (about one “detail” of the novel by Yevgeny Vodolazkin «Laurus») [Electronic resource] // Political Linguistics. 2018. No 2 (68). P. 29—39. [Lozhka degtya v bochke meda (ob odnoy «detali») romana Evgeniya Vodolazkina «Lavr») // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 2 (68). S. 29—39]. URL: <http://journals.uspu.ru/attachments/article/2023/3.pdf>. — (In Rus.)
32. Skoyboda U. Why is the Israeli Citizen Dina Rubina Teaching us the Russian Language? [Electronic resource] // The Truth of Komsomol. 2013. March 6. [Pochemu russkomu yazyku nas uচিত grazhdanka Izrailiya Dina Rubina? // Komsomol'skaya pravda. 2013. 6 marta]. URL: <https://www.volgograd.kp.ru/daily/26042/2956369/> (date of access: 08.04.2018). — (In Rus.)
33. Stalin's Wonder of the World [Electronic resource] : an interview with Zakhar Prilepin about Stalinism and Putinism // Lenta.ru. 2012. Aug 16. [Stalinskoe chudo sveta : interv'yu s Zakharom Prilepinym o stalinizme i putinizme // Lenta.ru. 2012. 16 avg.]. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/08/16/prilepin/> (date of access: 06.08.2018). — (In Rus.)
34. Strugatskiy B. What is the Reason for the Decline of the Russian Language and is there any at all? [Electronic resource]. 2010. Apr. 24. [V chem prichina upadka russkogo yazyka i est' li on voobshche? 2010. 24 apr.]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/v-chem-prichina-upadka-russkogo-yazyka-i-est-li-on-voobshche/>. — (In Rus.)
35. Fomin V. To be Born Russian is too Small, they need to be, they need to become ... // Russian Field : scientific-publicistic

alm. 2012. № 2. P. 4—10. [Rodit'sya russkim slishkom malo, im nado byt', im nado stat'... // Russkoe pole : nauch.-publitsisticheskiy al'm. 2012. № 2. S. 4—10]. — (In Rus.)

36. Frenkel' M. Dina Rubina: "Israel is my home, my concern ... is the life of my people ..." [Electronic resource] // Jewish Columnist. 2013. No. 06/246. [Dina Rubina: «Izrail' — moy dom, moya zabota... eto zhizn' moego naroda...» // Evreyskiy obozrevatel'. 2013. № 06/246]. URL: <http://jew-observer.com/nash-gost/dina-rubina-izrail-moj-dom-moya-zabota-eto-zhizn-moego-naroda/> (date of access: 08.04.2018). — (In Rus.)

37. Hours of the press. Interviews of Elena Rykovtseva with Dmitry Bykov [Electronic resource] // Radio Liberty. 2011. Dec. 29. [Chasy pressy. Interv'yu Eleny Rykovtsevoy s Dmitriem Bykovym // Radio «Svoboda». 2011. 29 dek.]. URL: <https://www.svoboda.org/a/24435764.html> (date of access: 06.08.2018). — (In Rus.)

38. What is Total Dictation [Electronic resource]. [Chto takoe Total'nyy diktant]. URL: <https://totaldict.ru/about/>. — (In Rus.)

39. Shigareva Yu. Leonid Yuzefovich: "I don't want to shout" [Electronic resource]: interview // PEOPLE. PEOPLES.RU. 2003. May 12th. [Leonid Yuzefovich: «Mne ne khochetsya krichat'»: interv'yu // LYUDI. PEOPLES.RU. 2003. 12 maya]. URL: <http://www.peoples.ru/art/literature/prose/detectiv/yuzefovich/> (date of access: 26.04.2018). — (In Rus.)

40. Yuzefovich L. City on the River [Electronic resource]. 2017. Apr. 8. [Gorod na reke [Elektronnyy resurs]. 2017. 8 apr.]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/gorod-na-reke/>. — (In Rus.)

41. Yakhina G. Literature Teacher [Electronic resource]. 2018. April 14. [Uchitel' slovesnosti. 2018. 14 apr.]. URL: <https://totaldict.ru/dictants/uchitel-slovesnosti/>. — (In Rus.)

А. В. Кубасов

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-9074-1133

 E-mail: kugas2002@mail.ru.

Тотальный диктант: уважение читательской компетентности участника

АННОТАЦИЯ. Статья написана как отклик на работу И. В. Евсеевой и Г. А. Копниной. Высоко оценивается фактологическая сторона, широкий научно-публицистический контекст работы коллег. Вместе с тем ряд ее положений подвергается критическому анализу. Высказано мнение, что недооценка социально-культурной компетентности читателя приводит к необоснованному видению Тотального диктанта как акцентированно идеологической акции, опасной тем, что в сознание его участников внедряются не только мысли, положения, содержащиеся непосредственно в тексте диктанта, но опосредованно и те, что есть в творчестве писателя в целом. Тем самым педалируется дидактизм Тотального диктанта, а его участники отчасти предстают как *tabula rasa*. Недооценивается значение Тотального диктанта как формы проявления гражданской зрелости участников акции, не только желающих проверить свою грамотность, повысить самооценку, но и заявить о своей причастности к русской культуре в целом и литературе в частности. Выражается критическое отношение к методу извлечений «идеологических вкраплений» из текстов, то есть отдельных высказываний, оторванных от контекста в целом, что обуславливает односторонность оценок, а также искажает авторскую позицию писателей. Выявлено, что организаторы просветительской акции «Тотальный диктант» не вступают в полемику с ее критиками, уважая тем самым право каждого на высказывание своего мнения. Выражено пожелание купировать звучащее в ряде публикаций мнение об ангажированности организаторов и авторов Тотального диктанта путем голосования на платформе его сайта, что может способствовать еще большей популярности акции. Выводы автора статьи могут представлять интерес для участников Тотального диктанта, а также для его организаторов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: компетентность читателей; литературные премии; политическая ангажированность; политические взгляды; художественные тексты; просветительские акции; диктанты; информационная безопасность; дискурс-анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ОВЗ, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: kugas2002@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кубасов, А. В. Тотальный диктант: уважение читательской компетентности участника / А. В. Кубасов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 26—33.

У многих на слуху фраза: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Это видоизмененная цитата из работы Карла Маркса «К критике гегелевской философии права» (1844). Она давно уже оторвалась от первоисточника (особенно после того, как из перечня учебных дисциплин в вузах исчезли «диалектический» и «исторический материализм») и употребляется ныне в речи как крылатое выражение. Такая жизнь фразы свидетельствует о глубине и жизненной силе заложенной в ней мысли.

«Идей», которые «овладевают массами» и становятся «материальной силой», в жизни каждого социума в определенные периоды его существования не так много. Пожалуй, самый яркий феномен такого рода в жизни России последних лет — акция «Бессмертный полк». Есть акции и регионального уровня. Так, в Екатеринбурге набирает все большую популярность марафон «Европа — Азия». Жители других регионов, вероятно,

могут назвать свои события, становящиеся все более массовыми.

Отличительной особенностью всех этих массовых акций является свобода волеизъявления их участников, не декларативное, а подлинное, действенное осознание ими значимости личностного выбора и ответственности. Еще одна важная примета этих акций — бескорыстное участие в них. Все эти качества основываются на значимости идеи, лежащей в основе акции.

С теми или иными оговорками сказанное можно отнести и к «Тотальному диктанту» (далее ТД).

Любопытно было бы провести исследование на тему «Кто из участников ТД любил писать диктанты в школе?». Скорее всего, цифры окажутся не слишком радужными для общеобразовательной организации. Действительно, обязательный вид школьного контроля не любим многими по целому ряду причин. Так почему же такую популярность все больше набирает ТД? Вероятно, боль-

шую роль в распространении акции играет современная политическая обстановка, прежде всего в странах, ранее входивших в СССР. Самые яркие примеры — ситуация с русским языком на Украине и в странах Прибалтики. Думается, что политический протестный компонент в той или иной мере присутствует в мотивационном комплексе участников диктанта. Для них участие в диктанте важно не только как проверка собственной грамотности, но и как знак причастности их к русской культуре. Но самыми значимыми моментами, мотивирующими участие людей самых различных возрастов и социальных статусов в ТД, является их желание дать себе адекватную самооценку, ответить самому себе на какие-то сущностные вопросы. На крыше бывшего Уральского приборостроительного завода художник из Екатеринбурга, Тимофей Радя, написал крупными буквами: «Кто мы? Откуда? Куда мы идем?» (некоторые горожане, быть может, заметили в надписи на крыше отголосок названия знаменитой картины Поля Гогена с длинным названием — «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» (1897—1898)). Этими вопросами задаются многие люди.

В статье докторов филологических наук Ирины Владимировны Евсеевой и Галины Анатольевны Копниной из Сибирского федерального университета раскрыта история возникновения и динамика развития ТД. Статья написана высококвалифицированными специалистами с опорой на большое количество источников, насыщена фактами. С большей частью выдвигаемых положений авторов, особенно из первого раздела работы, можно только соглашаться. Однако ряд тезисов уважаемых коллег и выдвигаемых ими положений вызывает желание возражать им. Конечно, автор данной статьи находится заведомо в более выигрышной позиции: ведь он реагирует на известный ему текст. Очевидно, что авторы исходной статьи могли бы привести на его аргументы свои контраргументы. Но будем доверять читателю журнала, который вполне способен разобраться в сути разных точек зрения на одно и то же явление. Дискуссия в какой-то мере допускает элемент провокативности, заострения проблемы. В противном случае не о чем будет спорить. Думается, что и в статье уважаемых коллег заострение тоже есть. Несомненным достоинством их работы следует признать открытость и ясность высказываемой позиции. Если буквально в двух словах попытаться охарактеризовать ее, то, скорее всего, это будут слова «тревога» и «беспокойство» [Литовская 2004]. За что же тревожатся авторы статьи?

Суть самого спорного положения видится в следующем: уважаемые коллеги **не доверяют культурным и читательским компетенциям слушателей диктанта. Главный тезис, который последовательно ими доказывается, заключается в том, что участники ТД зачастую не подозревают, каких «опасных» авторов и какие тексты с «вирусами» приготовили им организаторы.** Особое беспокойство у авторов статьи вызывает то, что идеологическая «отрава» дается не в чистом виде, а цинично смешана со здоровой духовной пищей, с правильными или нейтральными утверждениями. Поэтому свою задачу коллеги видят в том, чтобы извлечь замаскированный «яд» из внешне благообразных текстов и продемонстрировать его наивным адептам ТД. Поэтому и основная герменевтическая стратегия в работе связана с игнорированием целостного контекста (диктанта или творчества писателя в целом) и целенаправленным подбором цитат из работ критического содержания по отношению к ТД и его авторам. К сожалению, это становится практикой не только в филологическом сообществе, но и в социально-политической жизни нашей страны в целом. Большинство фраз, ставших современными интернет-мемами [Щурина 2012], извлечены из целого контекста и тем самым искажены. Как следствие, порой они в большей степени передают интенции интерпретатора(ов), чем самого автора. Один из ярких примеров такого рода — недавняя фраза екатеринбургской чиновницы Ольги Глацких «Государство не просило вас рожать». Показательно, что Евгений Куйвашев, губернатор Свердловской области, поначалу отказывался наказывать и увольнять чиновницу на том основании, что ознакомился с ее полным выступлением и понял, что в его контексте эта фраза звучит не столь одиозно и однозначно.

Одна из задач ТД — просветительская. Организаторы акции небезосновательно рассчитывают на то, что после диктанта многие его участники захотят поближе познакомиться с творчеством составителя текста для ТД. Тревогу коллег вызывает, например, то, что люди возьмутся читать того же Алексея Иванова, в руки их попадут романы с хулиганскими названиями «Географ глобус пропил» или «Блуда и МУДО», и они незаметно для себя впитают в себя идеологическую «отраву». Пересказ текстов романов в пределах двух абзацев, который предпринимается в работе, позволяет представить книги в сугубо негативном виде. При этом о таком важнейшем художественном средстве, как ирония, пронизывающем оба

произведения, речи вообще не идет. Все представляется однозначным и глубоко серьезным. Выводы из краткого пересказа и цитирования буквально нескольких фраз из романов, занимающих по несколько сот страниц, делаются самые радикальные: «Все это подается как безнадежность и безысходность провинциального существования. Сюжет в этом романе («Географ глобус пропил». — А. К.), как и в романе «Блуда и МУДО», строится вокруг образовательных учреждений, куда принимают на педагогические должности людей без специального образования, а педагогические работники во главе с администрацией образовательных учреждений изображаются, мягко говоря, недалекими» [Евсеева, Копнина 2019: 16]. Безоглядного оптимизма в романах Иванова, действительно, маловато. Но ведь их можно рассматривать и как продолжение славных традиций литературы «критического реализма» XIX в., которую мы чтим и ничуть не смущаемся «чернотой» ее содержания. Почему же в последующих веках этим традициям отказано в существовании? Видимо, опыт оптимистического «социалистического реализма» XX в. или «охранительного направления» в литературе позапрошлого века все еще живет в нашем сознании. Думается, что современная филология далеко ушла от однозначных оценок того или иного литературного направления, от изживших себя подходов вульгарного социологизма. Давно признано, что крупные художественные достижения обусловлены в первую очередь масштабом таланта художника, а не его «правильной идеологией».

Наград в разных сферах искусства нынче очень много. Не всегда они гарантируют «знак качества» отмечаемого художника или его продукта. Однако сама множественность наград заставляет задуматься над тем, чем же привлекателен тот или иной автор для разных составов жюри различных премий. Так, тот же Алексей Иванов стал в 2017 г. лауреатом достаточно престижной Платоновской премии с формулировкой «за открытие сокровенных тайн отечественной истории» [Преснякова 2017]. У писателя есть награды не только регионального уровня. В том же 2017 г. Иванов стал лауреатом премии Правительства России в области культуры. Фильм, снятый по «Географу», в котором отражена «безнадежность и безысходность провинциального существования», вообще стал чемпионом среди отечественных кинофильмов по числу полученных им призов на различных кинофестивалях [Финал наградного сезона: «Географ» собрал максимум призов <http://>].

Партийность — одна из примет российской культурной действительности. Причем российская партийность зачастую носит достаточно агрессивный характер как раз в среде тех, кто призван, напротив, консолидировать общество. Думается, что массовый читатель (употребляем это выражение без отрицательных коннотаций) не знает о наличии в нашей стране двух союзов писателей. А если и знает, то не вполне понимает разницу между ними. Между тем у нас есть «Российский союз писателей» и есть «Союз писателей России». Они — как два берега у одной реки. Когда-то В. С. Черномырдин стал невольным создателем крылатой фразы — мема: «Курс у нас один — правильный!» На этом настаивают оба союза писателей. «Неправильные» писатели входят в «неправильный» союз и подвергаются жесткой критике со стороны членов «правильного» союза. «Неправильными» признаются и те, кто заявляет о своей «беспартийности». Авторы статьи не без основания видят в выборе писателя, автора очередного ТД, пропаганду и одновременно бесплатную рекламу его произведений. Очевидно, у них есть свое представление о «правильных» писателях. «Неправильными» признаются, помимо упомянутого Алексея Иванова, Дина Рубина, Дмитрий Быков, Захар Прилепин, Евгений Водолазкин, Андрей Усачев, Леонид Юзефович и Гузель Яхина, т. е. практически все авторы ТД последних лет. У каждого из них есть те или иные изъяны в творчестве, которые должны были стать основанием для исключения их из числа претендентов на «звание» автора ТД. А кто же тогда «правильные» писатели, с точки зрения авторов статьи? К сожалению, их перечня в публикации нет. Зато есть заметное сочувствие губернатору Ульяновской области и понимание его поступка. Цитируем статью: «В Ульяновской области текст Д. Рубиной, не принятый для диктовки, по заданию губернатора региона С. Морозова, был заменен на текст местного писателя В. Пескова об ульяновском художнике. Обоснование такого поступка — наличие в произведениях Д. Рубиной ненормативной лексики: „*Творчество писателя, активно использующего в своих произведениях ненормативную лексику, не соотносится с концепцией Тотального диктанта*“, — сказал губернатор». Ограничим свой комментарий только одним замечанием: губернатор, как и авторы статьи, не доверяет гражданской и общекультурной зрелости своих жителей. Его «задание» заменить одного автора другим мотивировано не содержанием текста ТД, который заведомо неизвестен ему (как и всем остальным непо-

средственным участникам акции), а тем, что избранный писатель «неправильный». Его творчество не безупречно.

Скандал, хотим мы того или не хотим, но в современной жизни является одним из залогов успеха. Недаром в год, когда разгорелись споры вокруг Дины Рубиной в качестве автора очередного диктанта, был поставлен локальный рекорд по числу участников и по числу публикаций о ТД (авторы статьи называют их число — 4500).

Вообще наибольшие споры вызывает выбор писателя. Здесь нет и не может быть единого мнения: слишком разный возраст, образование, разные вкусы, разный культурный бэкграунд у каждого принимающего участие в ТД. Ульяновская и Свердловская области, как и множество других, различаются не только географическим положением, но и своей многовековой историей, которую не переписать и которая наложила свой отпечаток на жителей региона. Самое важное условие, на которое опираются организаторы ТД, — свобода волеизъявления его участников. Не нравится писатель — в знак протеста можешь не писать составленный им диктант, можешь обсудить его творчество в доступных социальных сетях. Но при этом уважай и мнение тех, кто имеет другую точку зрения.

Писатель, удостоившийся чести стать создателем текста ТД, должен быть, с точки зрения авторов статьи, безупречен в творчестве и в помыслах, а уж тем более в декларации своих общественно-политических пристрастий. Эти пристрастия должны быть а) правильными и б) константными. К сожалению, современные русские писатели грешат тем, что меняют что-то в своих позициях с течением времени, опрометчиво заявляют о своей неангажированности или «неправильно» формулируют свою позицию, как, например, доктор филологических наук, ученик академика Д. С. Лихачева Евгений Водолазкин, известный также как автор романа «Лавр» и ряда других произведений. Он прямо отказывается от «политических пристрастий»: «Когда меня спрашивают о моих политических взглядах, я отвечаю: их у меня нет» [Евгений Водолазкин 2015]. Однако, по мнению авторов статьи, уважаемый писатель лукавит. Политические взгляды у него есть. Они выявлены и определены А. А. Бернацкой, А. П. Сковородниковым [Бернацкая 2018; Сковородников 2018] и сочувственно цитируются авторами статьи. Но ведь мы с неизменным пиететом уже более столетия цитируем «золотые» слова А. П. Чехова из письма А. Н. Плещееву: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет ви-

деть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и — только, и жалею, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им» [Чехов 1976: 11]. Почему же Водолазкину отказано в праве «быть свободным художником и — только»? Только потому, что он не Чехов?

Авторы статьи зачастую определяют свою позицию, декларируя ее не прямо, а с помощью подборки чужих, как они пишут, «негативно-оценочных мнений». Проявляют они солидарность с такого рода мнениями и о творчестве Водолазкина. Конечно, в противовес им можно было указать и «положительно-оценочные мнения» о Водолазкине, как это делает в своей основательной статье А. П. Сковородников [Сковородников 2018]. К сожалению, и этот автор, говоря словами Чехова, «между строк ищет тенденции». В таких случаях мудро поступают редакции тех журналов, которые представляют свою площадку для полемики. Так, два отзыва на роман «Лавр» в авторитетных «Вопросах литературы» даны в разделе «Книги, о которых спорят» [Соломатин 2015; Степанян 2015].

Мысли классиков отечественной литературы не всегда становятся руководством и методологическим ориентиром для современной литературной критики. Между тем сверяться с ними было бы весьма полезно. Напомним еще один «филологический афоризм». Он принадлежит Пушкину и является фрагментом из письма поэта А. А. Бестужеву: «*Драматического писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным. Следственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличий комедии Грибоедова. Цель его — характеры и резкая картина нравов*» [Пушкин 1979: 96]. К сожалению, «резкая картина нравов» современности, отраженная в произведениях писателей — авторов ТД, не всегда лестна для нас, их современников.

Какие же законы признает «над собою» Евгений Водолазкин? Один из них — отказ от проповедничества. Авторы же статьи видят в писателе прежде всего не художника, а идеолога, т. е. все того же проповедника, несущего пастве сакральное слово истины. В одном из интервью Водолазкин сказал: «Я ведь не проповедник, и многократно это подчеркивал. Проповедь не является функцией литературы» [Водолазкин 2016]. Отказ от проповедничества в данном случае равнозначен отказу от претензии на обладание истиной. Писатель находится лишь в вечном поиске ее и предполагает в читателе равно-

правную личность, которая способна на творческое сопереживание с ним.

Один из разделов статьи уважаемых коллег называется *«Идеологические вкрапления в некоторых текстах Тотального диктанта»*. Авторы изначально оговариваются, что не претендуют *«на полный филологический анализ рассматриваемых текстов»*, а обращают внимание *«прежде всего на те фрагменты»*, в которых *«так или иначе просматриваются идеологические установки их авторов и/или организаторов акции»* [Евсеева, Копнина 2019: 18]. Думается, что здесь прямо декларируется крупный методологический просчет: «идеологические вкрапления» авторов текста, извлеченные не из целого текста, а лишь на основании некоторых его фрагментов, неизбежно искажают взгляды писателей. Если не бояться упрощенного кулинарного сравнения, то читателю представлены не «булочки с изюмом», а отдельные, строго отобранные «изюминки» из «булочек». Остановимся на некоторых из них.

Читаем оценку Захара Прилепина: *«Если учесть политические взгляды писателя во время написания текста, то вывод напрашивается сам собой: чтобы победить, нужно принимать решительные действия по спасению страны от власти»* [Евсеева, Копнина 2019: 19]. А что будет, если не учитывать «политические взгляды писателя во время написания текста»? А что если они меняются, как и бывает с нормальными людьми? Изменится ли восприятие его текста ТД? Надо ли участникам ТД знакомиться предварительно с политическими взглядами писателя, чтобы принять решение об участии в нем? Тот, кто этого не делает, не проявляет бдительности и тем самым невольно «льет воду на мельницу» опасного либерализма. Очевидно, что здесь имеет место все та же ключевая импликация всего текста статьи: идеологическая «отрава» незаметна невооруженному глазу неопита, который по наивности или по незнанию впитывает ее в себя.

Любой человек имеет право на свою оценку творчества того или иного художника. И любой человек имеет право быть солидарным с чьей-либо чужой оценкой. Столь же очевидно должно быть право каждого не соглашаться с чьей-либо точкой зрения или позицией. Все-таки мы должны уходить от той формы полемики, которую остроумно описал в свое время Саша Черный:

Мы культурны: чистим зубы,
Рот и оба сапога.
В письмах вежливы сугубо —
«Ваш покорнейший слуга».

Отчего ж при всяком споре,
Доведенном до конца,
Вместо умного отпора
Мы с бессилием глупца,
Подражая папуасам,
Бьем друг друга по мордасам?
Правда, чаще — языком,
Но больней, чем кулаком.

1909 [Черный]

Авторы статьи открыты и научно корректны в том смысле, что каждое чужое высказывание сопровождают ссылкой на его автора и место публикации. Контекст, создаваемый ими, внушительен. Он свидетельствует о том, что критический взгляд авторов статьи на ТД разделяют и другие авторы. Остановимся на одной из страниц этого контекста. Резко критический отзыв о ТД Максима Акимова, на мнение которого ссылаются авторы статьи, опубликован в «Живом журнале» (7 апреля 2013 г.). На него было 45 комментариев, практически все сочувственного характера. Просмотров поста было, очевидно, больше. Приведем фрагмент (более крупный, чем в работе коллег) из его достаточно большого текста: «Как же мерзко, как мерзко! Широко разрекламированная акция, под названием „Тотальный диктант“, оказалась превращена в очень пошлую пиар-акцию „писательницы“ Дины Рубиной, но мало этого, сия русскоязычная иностранка опустила до очень, ну очень дешевой провокации. <...> И так, читая текст „тотального диктанта“, я приготовился увидеть разумную критику интернета, а также явлений, породивших то положение дел, при которых интернет является во-первых орудием американского влияния на глобальное общество и осуществления всякого рода „твиттерных революций“, во-вторых полигоном куда свозят всякий мусор, создавая широкий „мутный поток“, все более и более подавляя и без того небольшую часть пространства, которая занята интеллектуальным, или просто полезным контентом, над созданием которого бьёмся мы — сетевые писатели» [Акимов 2013]. Очевидно, что «сетевые писатели», не в пример «так называемой писательнице» Дине Рубиной, идентифицируют себя с настоящими борцами, которые противостоят «мутному потоку» в Интернете.

Далее Максим Акимов приводит из текста диктанта Рубиной две фразы, которые цитируют в своей статье и уважаемые коллеги, и делает вывод о том, что «имела место намеренная провокация, устроенная ради пиара, ради дешевого пиара». Приведем еще раз это место из статьи коллег, начинающееся с цитаты из ТД Рубиной: *«„Интернет, который немислимо расширил*

возможности простого человека для высказывания и действия, лежит в основе нынешнего „восстания масс“. Это явление, возникшее еще в первой половине двадцатого века, вызванное вульгаризацией культуры — материальной и духовной, — **породило и коммунизм, и нацизм**». Обратим внимание на то, что в однородный ряд поставлены две совершенно разные идеологии: „коммунизм“ и „нацизм“, — что многим бросилось в глаза, поскольку в сознании российского народа нацизм — это название не только политической идеологии, но и практики гитлеровского режима в Германии, синоним фашизму» [Евсеева, Копнина 2019: 20]. Вне контекста диктанта в целом конец второй фразы выглядит по крайней мере подозрительно.

Из 45 комментариев к данному посту только один был от «усомнившегося Макара». Приведем его полностью (автор — москвичка, пишущая под никнеймом «balio»): «...сходила прочитала весь текст. Коммунизм и фашизм — в данном контексте противопоставления. С ее оценкой (Рубиной. — А. К.) интернета — согласна, написано правильно и красиво. Как писательницу я ее не люблю, а тут понравилось» [Balio http]. «Balio» проявила редкую самостоятельность и достойные уважения филологические навыки: она поняла, что две фразы — недостаточный контекст для того, чтобы сделать радикальные выводы про равенство коммунизма и фашизма. Замечательно и то, что эта квалифицированная читательница не подходит с априорным предубеждением к новому тексту *нелюбимой* ею писательницы. Большинство же откликнувшихся, скорее всего, ограничилось чтением собственно поста Максима Акимова. В этой связи уместно вспомнить диалог из классического романа:

— А вам, что же, мои стихи не нравятся? — с любопытством спросил Иван.

— Ужасно не нравятся.

— А вы какие читали?

— Никаких я ваших стихов не читал! — нервно воскликнул посетитель.

— А как же вы говорите?

— Ну, что ж тут такого, — ответил гость, — как будто я других не читал? [Булгаков 1989: 121].

Фрагмент, посвященный «идеологическим вкраплениям» в тексте диктанта Дины Рубиной, коллеги заканчивают выводом: «А ведь многие могли и не осознать бездоказательность приравнивания: действитель-

но, говоря словами Дины Рубиной из третьей части диктанта, как трудно в наш век стать взрослым, как целые поколения обречены на вечную и необратимую незрелость...» [Евсеева, Копнина 2019: 20]. Это вычитанное, а точнее вчитанное в текст «вкрапление» бесконечно упрощает текст в целом. Суть его сводится к некоей единичной замаскированной выжимке, для осознания которой нужна бдительность, бдительность и еще раз бдительность.

Завершая свой отзыв о статье коллег, хочется сказать вот о чем: в истории некоторых государств был период, который получил название Реставрации. Он наступал тогда, когда происходило разочарование в результатах преобразований, обычно непопулярного характера. Если отвлечься от конкретного смысла, вкладываемого в это социально-историческое понятие, и подойти к нему как к условному термину или концептуальной метафоре, то ясно, что в настоящее время «реставрационные» настроения усиливаются в среде интеллигенции. Это отражается в критическом отношении к современному акционизму, в кризисе авторитетов, в пересмотре недавнего исторического прошлого страны.

Быть может, организаторы ТД прочитают нашу дискуссию. Осмелюсь высказать свое мнение о путях преодоления тех явлений, которые вызывают особенно острые споры. Допускаю, что снять (хотя бы частично) обвинения в ангажированности ТД мог бы коллективный выбор будущими участниками диктанта автора текста. Это было бы формой проявления доверия организаторов к вкусу и литературным компетенциям участников диктанта. При современных средствах массовой коммуникации это не представляет большой проблемы. У ТД есть свой сайт, на платформе которого это голосование могло бы пройти. Более того, такого рода пролонгация акции способствовала бы ее большей популяризации и сняла бы претензии тех, кто недоволен выбором того или иного автора. Конечно, и здесь не обойдется без проблем: будут сомневающиеся в честности голосования, будут недовольные, что выбрали «не того» писателя. Велика вероятность, что будут названы представители «массовой литературы»... Решений с однозначно положительными результатами, конечно, нет. Однако ТД живет, а значит, и меняется.

В заключение я хочу поблагодарить Ирину Владимировну Евсееву и Галину Анатольевну Копнину за их статью. Думается, что только честный, открытый и уважительный по отношению к оппонентам разговор на

острые темы может способствовать формированию толерантности в демократическом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов Максим. «Тотальный диктант» стараниями Дины Рубиной, был превращен в провокацию [Электронный ресурс]. 2013. 7 апр. URL: <https://maxim-akimov.livejournal.com/383637.html> (дата обращения: 05.02.2019).
2. Бернацкая А. А. Роман Е. Г. Водолазкина «Соловьёв и Ларионов»: лингвоидеологический анализ [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/04/Bernatskaya-A.A.-1.pdf>.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. Театральный роман. — Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989.
4. Водолазкин Евгений «Проповедь не является функцией литературы» [Электронный ресурс] / интервью брал Евгений Коноплев. 2016. 6 окт. URL: http://evgenyvodolazkin.ru/6_evgenij-vodolazkin-propoved-ne-yavlyaetsya-funkciej-literatury/ (дата обращения: 04.02.2019).
5. Водолазкин Евгений: «Когда меня спрашивают о политических взглядах, отвечаю, что их нет» [Электронный ресурс] : интервью // Московский комсомолец. 2015. 18 апр. URL: <https://www.mk.ru/culture/2015/04/17/evgeniy-vodolazkin-kogda-menya-sprashivayut-o-politicheskikh-vzglyadakh-otvechayu-chto-ikh-net.html>.
6. Евсеева И. В., Копнина Г. А. Акция «Тотальный диктант»: просветительство и забота о грамотности или продвижение идеологии? // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С.12—25.

A. V. Kubasov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0001-9074-1133

 E-mail: kubas2002@mail.ru.

Total Dictation: Respect for the Reader's Competence of the Participant

ABSTRACT. *The article is written in response to the paper by I. V. Evseeva and G. A. Koptina. The author pays tribute to factological aspect and the wide scientific-publicistic context of the study undertaken by the colleagues. At the same time, a number of its conclusions are subject to critical analysis. The article argues that underestimation of the socio-cultural competence of the readers leads to the arbitrary interpretation of the Total dictation as a salient ideological action, precarious due to the fact that not only thoughts and ideas of the text of the dictation but also those existing in the works of the writer in general are imbued in the consciousness of the participants. This promotes the didactic potential of the Total dictation, and its participants are to a large extent portrayed as tabula rasa. The authors underestimate the significance of the Total dictation as a form of manifestation of the civil maturity of its participants, who do not only wish to check up their literacy but also to declare about their engagement in the Russian culture in general and the Russian literature in particular. According to the author, the paper of I. V. Evseeva and G. A. Koptina uses the method of critical assessment of instances of "ideological inclusions" from the texts, i.e. separate utterances isolated from the context, which brings about subjective evaluation and distorts the writer's literary position. The article reveals that the organizers of the educational action Total dictation do not argue with its critics, thus showing respect for the right of every person to freedom of expression. The author believes it desirable to cut out the utterances in a number of publications alleging the engagement of the authors of the Total dictation via questionnaire on its site, which may facilitate a still higher popularity of the action. The conclusions of the author of the article may be of interest to the participants of the Total dictation and its organizers.*

KEYWORDS: readers's competence; literary awards; political engagement; political views; literary texts; educational activities; dictations; information security; discourse analysis.

AUTHOR'S INFORMATION: *Kubasov Aleksandr Vasil'evich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor and Head of Department of Theory and Methods of Teaching Persons with Disabilities, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kubasov, A. V. Total Dictation: Respect for the Reader's Competence of the Participant / A. V. Kubasov // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 26—33.*

REFERENCES

1. Akimov Maksim. "Total dictation" through the Efforts of Dina Rubina, was Turned into a Provocation [Electronic resource]. 2013. Apr 7. [«Total'nyy diktant» staraniyami Diny Rubinoy, byl prevra-shchen v provokatsiyu. 2013. 7 apr.]. URL:

7. Литовская М. А. «Тревога» как главная героиня прозы А. Гайдара // Текст. Поэтика. Стиль. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004.

8. Преснякова Ирина. Лауреатом Платоновской премии-2017 в Воронеже стал писатель Алексей Иванов [Электронный ресурс]. 2017. 20 мая. URL: <https://riavrn.ru/news/laureat-platonovskoy-premii-2017-stal-pisatel-aleksey-ivanov/> (дата обращения: 06.02.2019).

9. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 10. Письма / АН СССР, Ин-т рус. литературы. — Л.: Наука, 1979. 713 с.

10. Соломатин А. Лекарь поневоле и странствующий слепец: о романах Евгения Водолазкина и Андрея Волоса // Вопросы литературы. 2015. № 4.

11. Сковородников А. П. Ложка дегтя в бочке меда (об одной «детали» романа Евгения Водолазкина «Лавр») // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 29—39.

12. Степанян К. Метафизика и физика: метафизика современной российской литературы // Знамя. 2015. № 3.

13. Финал наградного сезона: «Географ» собрал максимум призов [Электронный ресурс]. 2014. 12 мая. URL: <https://www.ki.porpoisk.ru/news/2405076/> (дата обращения: 06.02.2019).

14. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. Письма. Т. 3. — М.: Наука, 1976.

15. Черный Саша После посещения одного «литературного общества» [Электронный ресурс]. URL: <https://slova.org.ru/chernyy-posleposesheniia/> (дата обращения: 05.02.2019).

16. Шурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3.

17. Ваю. [Комментарий] [Электронный ресурс] // «Тотальный диктант», стараниями Дины Рубиной, был превращен в провокацию / Акимов Максим. URL: <https://maxim-akimov.livejournal.com/383637.html?page=2#comments>.

<https://maxim-akimov.livejournal.com/383637.html?page=1#comments> (date of access: 05.02.2019). — (In Rus.)

2. Bernatskaya A. A. Novel of E. G. Vodolazkin "Soloviev and Larionov": Linguo-ideological Analysis [Electronic resource] // Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. No. 1.

[Roman E. G. Vodolazkina «Solov'ev i Larionov»: lingvoideologicheskiy analiz // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. 2018. № 1]. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2018/04/Bernackaya-A.A.-1.pdf>. — (In Rus.)

3. Bulgakov M. A. *Master and Margarita*. Theatrical novel. — Volgograd: Nizh.-Volzh. Publ., 1989. [Master i Margarita. Teatral'nyy roman. — Volgograd : Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1989]. — (In Rus.)

4. Vodolazkin Evgeniy “The sermon is not a function of literature” [Electronic resource] / interview was taken by Eugene Konoplev. 2016. Oct. 6. [«Propoved' ne yavlyayetsya funktsiyey literatury» / interv'yu bral Evgeniy Konoplev. 2016. 6 okt.]. URL: http://evgenyvodolazkin.ru/6_evgeniy-vodolazkin-propoved-ne-yavlyayetsya-funktsiej-literatury/ (date of access: 04.02.2019). — (In Rus.)

5. Yevgeny Vodolazkin: “When people ask me about political views, I answer that they are not there” [Electronic resource]: interview // *Moskovsky Komsomolets*. 2015. April 18. [Evgeniy Vodolazkin: «Kogda menya sprashivayut o politicheskikh vzglyadakh, otve-chayu, chto ikh net» [Elektronnyy resurs] : interv'yu // *Moskovskiy komsomolets*. 2015. 18 apr.]. URL: <https://www.mk.ru/culture/2015/04/17/evgeniy-vodolazkin-kogda-menya-sprashivayut-o-politicheskikh-vzglyadakh-otvechayu-chto-ikh-net.html>. — (In Rus.)

6. Evseeva I. V., Kopnina G. A. “Total Dictation”: Education and Care for Literacy vs Promotion of Ideology? // *Political Linguistics*. 2019. No 1 (73). P. 12—25. [Evseeva I. V., Kopnina G. A. Aktsiya «Total'nyy diktant»: prosvetitel'stvo i zabota o gramotnosti ili prodvizhenie ideologii? // *Politicheskaya lingvistika*. 2019. № 1 (73). S. 12—25]. — (In Rus.)

7. Litovskaya M. A. “Anxiety” as the Main Hero of A. Gaidar's Prose // *Text. Poetics. Style*. — Ekaterinburg : Publ. house of Ural. Univ., 2004. [«Trevoga» kak glavnyaya geroinya prozy A. Gaydara // *Tekst. Poetika. Stil'*. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2004]. — (In Rus.)

8. Presnyakova Irina. The Writer Alexey Ivanov Became the Laureate of the Platonov Prize 2017 in Voronezh [Electronic resource]. 2017. May 20. [Laureatom Platonovskoy premii-2017 v Voronezhe stal pisatel' Aleksey Ivanov. 2017. 20 maya]. URL: <https://riavrn.ru/news/laureatom-platonovskoy-premii-2017-stal-pisatel-aleksey-ivanov/> (date of access: 06.02.2019). — (In Rus.)

9. Pushkin A. S. Complete works. In 10 vol. Vol. 10. Letters / Academy of Sciences of the USSR, Inst. of Rus. Literature. —

Leningrad : Science, 1979. 713 p. [Poln. sobr. soch. V 10 t. T. 10. Pis'ma / AN SSSR, In-t rus. literatury. — L. : Nauka, 1979. 713 s.]. — (In Rus.)

10. Solomatin A. Healer Willy-nilly and Wandering Blind: on the Novels of Yevgeny Vodolazkin and Andrei Volos // *Questions of literature*. 2015. № 4. [Lekar' ponevole i stranstvuyushchiy slepets: o romanakh Evgeniya Vodolazkina i Andrey Vologa // *Voprosy literatury*. 2015. № 4]. — (In Rus.)

11. Skovorodnikov A. P. A Fly in the Ointment (about one “detail” of the novel by Yevgeny Vodolazkin “Laurus”) // *Political Linguistics*. 2018. No 2 (68). P. 29—39. [Lozhka degtya v bochke meda (ob odnoy «detali» romana Evgeniya Vodolazkina «Lavr») // *Politicheskaya lingvistika*. 2018. № 2 (68). S. 29—39]. — (In Rus.)

12. Stepanyan K. Metaphysics and Physics: Metaphysics of Modern Russian Literature // *Banner*. 2015. № 3. [Metafizika i fizika: metafizika sovremennoy rossiyskoy literatury // *Znamya*. 2015. № 3]. — (In Rus.)

13. Final of the Season of Awards: “Geographer” Collected a Maximum of Prizes [Electronic resource]. 2014. May 12. [Final nagradnogo sezona: «Geograf» sobral maksimum prizov. 2014. 12 maya]. URL: <https://www.kinopoisk.ru/news/2405076/> (date of access: 06.02.2019). — (In Rus.)

14. Chekhov A. P. Completed Works and Letters. In 30 vol. Letters, vol. 3. — Moscow : Scienc, 1976. [Poln. sobr. soch. i pisem. V 30 t. Pis'ma. T. 3. — M. : Nauka, 1976]. — (In Rus.)

15. Black Sasha. After Visiting one of the “literary society” [Electronic resource]. [Chernyy Sasha Posle poseshcheniya odnogo «literaturnogo obshchestva»]. URL: <https://slova.org.ru/chernyy-posleposesheniia/> (date of access: 05.02.2019). — (In Rus.)

16. Shchurina Yu. V. Internet Memes as a Phenomenon of Internet Communication // *Scientific Dialogue*. 2012. № 3. [Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii // *Nauchnyy dialog*. 2012. № 3]. — (In Rus.)

17. Balio. [Comment] [Electronic resource] // “Total dictation”, by the Efforts of Dina Rubina, was Turned into a Provocation / Maxim Akimov. [Kommentariy] [Elektronnyy resurs] // «Total'nyy diktant», staraniyami Diny Rubinoy, byl prevrashchen v provokatsiyu / Akimov Maksim]. URL: <https://maxim-akimov.livejournal.com/383637.html?page=2#comments>. — (In Rus.)

РАЗДЕЛ 2. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'373.2
DOI 10.26170/pl19-01-03
ББК Ш105.316

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.19

Т. А. Гридина

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-3993-5164

Н. И. Коновалова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8541-1014

 E-mail: tatyana_gridina@mail.ru; sakralist@mail.ru.

Стратегии переименования городских объектов на постсоветском пространстве

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема переименований на постсоветском пространстве. Выявляются тенденции эргонимической номинации, обусловленной сменой идеологических констант рубежа XX—XXI веков: десоветизация, дерусификация, глобализация. Проявления отмеченных тенденций анализируются на примере одного из наиболее активных в этом плане регионов — Республики Казахстан, где создана специальная Ономастическая комиссия, разработавшая рекомендации по переименованиям в соответствии с новой концепцией государственной языковой политики. Представлена классификация разрядов эргонимов, подвергающихся переименованиям. В социолингвистическом ключе исследуется соотношение естественной и искусственной номинации в сложившихся топосистемах, трансформируемых в новом социокультурном контексте. Выявлена доминанта процесса целенаправленного моделирования ономастического континуума в современном Казахстане, в качестве которой выступает национальная идентичность титульного этноса в оппозиции к утратившим свою ценность идеям советской эпохи. В плане выражения самосознания казахского этноса в данный момент наиболее востребованной является меморативная модель эргонимической номинации, наполняемая собственно историко-культурным содержанием. В то же время остаются «незыблемыми» эргонимы, связанные с концептами гуманизма, мира, согласия, добра, выраженные в символических названиях, которые, хотя и дерусифицируются (заменяются казахскими лексемами), но сохраняют при этом эквивалентную мотивацию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ономастика; социолингвистика; языковая политика; городские объекты; эргонимы; переименования объектов; постсоветское пространство.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281; e-mail: tatyana_gridina@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281; e-mail: sakralist@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гридина, Т. А. Стратегии переименования городских объектов на постсоветском пространстве / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 34—41.

Имя собственное, в частности имя топообъекта, — особый культурный знак, который несет в себе информацию как об объективных свойствах обозначаемого, так и о картине мира того или иного этноса [Гридина 2011; Гридина, Коновалова 2008, 2016; Рут 2018], в том числе отражающей изменения в общественной психологии, трансформацию аксиологических установок (см., об этом, например: [Березович 2014: 423]). Ономастический контекст имени собственного, связанного с обозначением топообъектов природного и городского «ландшафта», определяется разными векторами номинации, проявляя опору номинатора как на типологические, так и на субъективные модели (принципы, способы, средства) мотивации

онимов соответствующего класса [Гридина 1977; Голомидова 1998].

Традиционно принято различать «естественную» и «искусственную» номинацию, прежде всего в плане мотивационной специфики процессов означивания: «Естественную номинацию характеризуют: стихийный учет свойств объекта, т. е. естественная „мотивированность“ номинации, обязательная апробация народным опытом, коллективная номинация с точки зрения сегодняшнего дня (неизвестность авторства); „искусственную“ номинацию в свою очередь характеризуют: наличие ясной целеустановки, „направленный“ учет свойств объекта, индивидуальность авторства (в широком смысле), а во многих случаях произволь-

ность номинации, связанная с недостаточным знанием объектов или основных принципов номинации, либо со специальной установкой. Из этого следует, что „искусственная номинация может быть обоснованной или необоснованной“» [Матвеев 2006: 20].

Ономастическое пространство практически любого современного административно-территориального образования представляет собой синкретичный комплекс естественных и искусственных наименований.

При этом «в устоявшихся топонимических системах не ощущается разница между функционирующими „естественными“ и „искусственными“ названиями. <...> и, следовательно, само противопоставление „естественной“ и „искусственной“ номинации относится только к моменту возникновения топонима и периоду его закрепления: „искусственные“ номинации, пройдя апробацию в языковом коллективе, ничем не будут отличаться от „естественных“» [Матвеев 2006: 21].

И вместе с тем существует проблема сохранения баланса между естественными и искусственными номинациями в процессе целенаправленной «трансформации» уже сложившихся топонимических систем, которые не должны формироваться путем внедрения в их состав инородных элементов. Применительно к данной ситуации как нельзя более уместно предостережение известного отечественного топонимиста, академика РАН А. К. Матвеева относительно того, что «защита волюнтаризма в номинации — глубочайшая ошибка, <...> и оригинальничанье здесь так же недопустимо, как и шаблон <...>» [Матвеев 2006: 21].

В свете сказанного представляется актуальным анализ соотношения стратегий естественной и искусственной номинации, реализованных в сложившихся национальных топосистемах, с современными обусловленными социально-политическим «запросом» тенденциями переименования географических объектов.

Особо показательным в данном аспекте является процесс складывания новых эргонимических систем в постсоветский период, когда массовое переименование топообъектов стало общей тенденцией, отражающей целенаправленные меры государственных властей по «формированию лингвистического пространства на данной территории, в регионе или в городской агломерации» [Laundry, Bourhis 1997: 31].

Переименование объектов городского ландшафта — важный аспект *государственной языковой политики*, в основу которой положена «совокупность идеологических

принципов и практических мероприятий по решению проблем в государстве «и связанной» с сознательным воздействием на язык, его функционирование и развитие» [Лингвистический... 1990: 616]. Частью государственной языковой политики является *национально-языковая политика*, в которую включаются следующие компоненты:

- а) теоретическая программа и ее последовательная и массовая пропаганда;
- б) юридическая регламентация взаимоотношений языков (в случае полиэтнического и многоязычного социокультурного пространства);
- в) административное регулирование мер в области национально-языковой политики;
- г) экономическое обоснование и поддержка реализации мероприятий в рамках этнокультурной языковой политики (см. об этом в работах: [Bright, Ramanijan 1964; Герд 2001; Labov 2006]).

В современных условиях глобализации на постсоветском пространстве возобладали тенденции, с одной стороны, к устранению «инородных» для национальных культур элементов именного номинативного континуума, с другой — к отказу от кириллицы в пользу латиницы как интернационального алфавита.

Тенденции переименования на постсоветском пространстве во многом детерминированы социально-политическим контекстом современности, для которого характерны три основных процесса:

- **десоветизация**, связанная с распадом Советского Союза и стремлением его бывших субъектов (республик) избавиться от наследия советского прошлого;

- **дерусификация** — противостояние доминированию русского языка в национальных лингвокультурах;

- **глобализация**, связанная с процессами всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации.

Отмеченные процессы обусловлены сменой идеологических констант рубежа XX—XXI вв. и в целом геополитической ситуацией в мире.

Как известно, «идеология реализуется прежде всего в языке. Именно благодаря языку она внедряется в общественное сознание и функционирует в социуме» [Купина 2015: 11]. Так, идеологические установки советского времени реализовались, в частности, в большом количестве мемориальных названий в честь героев революции и Гражданской войны. Например, практически во всех административно-территориальных субъ-

ектах бывшего СССР названия главных проспектов носят имена классиков марксизма-ленинизма (Маркса, Энгельса, Ленина и его соратников). Базовые идеологемы, внедряемые в сознание советского народа: *ударный труд, стахановское движение, освоение целины, пятилетку в четыре года, профсоюзы — школа коммунизма* и т. п. [Купина 2015] — становились мотивационной базой номинаций значимых городских объектов. Это распространялось и на языковую политику всех субъектов СССР (бывших советских республик), вступая нередко в противоречие с национальными традициями. Такие «перекося» в деятельности органов местной власти в сторону внедрения советских идеологических установок в номинативную систему стали причиной отторжения «всего советского», как только возникли условия для этого процесса (распад Советского Союза, «парад суверенитетов» бывших республик СССР, демократизация языка, процессы актуализации национальной самоидентичности и т. п.).

Рассмотрим проявление отмеченных тенденций в одном из наиболее «активных» в этом плане субъектов бывшего СССР, Казахстане. Здесь действует целенаправленная **политика моделирования ономастического пространства** ныне суверенной республики: разработана специальная программа развития и функционирования языков, в рамках которой предлагается концепция государственной ономастической работы. В этой концепции отмечается, что «в настоящее время ономастика как одно из ведущих направлений национальной языковой политики приобретает не только научно-практическое, культурно-историческое, но и общественно-политическое значение <...> Казахстанское сообщество имеет свою ономастическую систему, сформировавшуюся в далеком историческом прошлом. Национальная ономастическая система Казахстана, складывавшаяся на протяжении многих столетий, начиная со второй половины XIX века подверглась кардинальным изменениям и вынуждена была служить колониальным интересам царского правительствa, а позже тоталитарной политике советской системы. Идеологи колониального и тоталитарного режимов превратили ономастику в политическое средство воздействия на историко-культурное сознание общества. В результате был нанесен огромный ущерб самобытности, национальной специфике казахской ономастики, особенно его топонимической и антропонимической системам» [Концепция языковой политики Республики Казахстан 1996].

В настоящее время в республике создана Государственная ономастическая комиссия, призванная упорядочить процессы переименования топообъектов (прежде всего, эргонимических) в соответствии с новой концепцией государственной языковой политики, где отмечается, что «названия, включенные в ономастическое пространство Казахстана, будучи тесно взаимосвязанными с экономикой, историей, культурой Казахстана, несут не только адресную функцию, но и являются высокоассоциативными семиотическими знаками, заключающими в себе мощный национальный потенциал» [Положение о Государственной ономастической комиссии [http](http://)]. В этой связи разработаны, в частности, рекомендации, регламентирующие процедуры присвоения географическим объектам имен государственных деятелей, лиц, имеющих выдающиеся заслуги перед республикой в области истории, науки, культуры, литературы и искусства. Согласно этим рекомендациям, должны быть учтены следующие принципы:

а) имена людей после снятия моратория на переименования не могут быть присвоены городам, поселкам городского типа и районам;

б) в целях исключения многократного повторения и тиражирования одних и тех же имен допускается их присвоение разным топообъектам республики не более чем в трех случаях и не ранее пяти лет со дня смерти носителя увековечиваемого имени. Ср. весьма красноречивые факты относительно преваширования и „тиражирования“ мемориальных названий топообъектов, приводимые в официальных отчетах региональных ономастических комиссий: в настоящее время в одной лишь Актюбинской области 44 улицы и населенных пункта носят имя писателя, классика казахской литературы Абая Кунанбаева, 26 улиц и сел названы именем Героя Советского Союза Алии Молдагуловой; 17 названий даны в честь советского политического деятеля — первого секретаря ЦК компартии Казахской ССР Динмухамеда Кунаева и основоположника современной казахской литературы — Председателя Совета народных комиссаров Киргизской АССР Сакена Сейфуллина, 15 улиц имени партийного государственного деятеля, министра просвещения Казахской ССР Темирбека Жургенова; нередко подобные одинаковые названия встречаются в одном населенном пункте;

в) переименование объектов должно осуществляться не ранее чем через десять лет со дня присвоения (изменения) имени (ср. случаи многократного переименования од-

ного и того же объекта в течение короткого времени);

г) не допускается присвоение топообъектам имен ныне живущих людей.

В качестве основной стратегии переименований в представленной концепции отмечается «избавление от чрезмерной идеологизации наименований административно-территориальных и территориально-производственных единиц, а также улиц, площадей, названий учреждений, отказ от практики переименования исторических топонимов, употребления названий, не несущих смысловой топонимической нагрузки» [Информационно-правовая система... http].

Покажем реализацию выделенных направлений в области переименований на примере моделирования ономастического пространства г. Актобе.

В марте 2018 г. в Актобе акиматом города была организована международная конференция «Ономастика: поиск и опыт», в рамках которой на брифинге с представителями СМИ руководителем управления образования и языковой политики Актюбинской области Г. Т. Тюлебаевой были (в соответствии с государственной языковой политикой) обозначены основные стратегии переименования городских объектов в данном регионе:

1) изменение идеологически устаревших наименований на названия, «близкие» к актуальным историческим фактам (событиям) и национальным традициям;

2) ограничение, насколько это возможно, присваивания городским объектам имен действующих руководителей и лиц, имеющих высокий общественно-политический статус (например, известны многочисленные факты обращения местных органов самоуправления в ономастическую комиссию с просьбой о присвоении объектам регионального значения имен председателей районных администраций, акиматов, крупных частных и/или государственных предприятий, учреждений и т. п.);

3) присвоение безымянным населенным пунктам, улицам или каким-то городским объектам (стадионам, паркам, дворцам культуры, школам и т. п.) имен известных (признанных) деятелей национальной культуры, искусства, науки, внесших заметный вклад в развитие этнической самобытности казахского народа;

4) присвоение городским объектам благозвучных с точки зрения национального языка наименований, в том числе связанных с мифологическими мотивами;

5) устранение многочисленных одинаковых названий и «нумерологических» номинаций

жилых объектов (типа *Заречный 1, Заречный 2, Заречный 3; микрорайон Батыс 1, Батыс 2...*)¹.

Выделенные стратегии являются прямым отражением ономастической ситуации в Казахстане: снят мораторий на переименования, который действовал около 7 лет, в результате чего за последние два года в Актобе поменялись названия 224 улиц и планируется до конца 2018 г. переименовать еще более 100 улиц, жилых массивов и сел, что связано с подготовкой к национальной переписи населения 2019 г.; активное строительство новых микрорайонов привело к появлению многочисленных объектов, требующих наименования (только в Актобе существует 157 безымянных улиц).

В казахстанских СМИ настойчиво «муссируется» идея переименования топообъектов, у большинства из которых названия сохранились еще со времен царской России, например, *Демидовка, Вознесеновка, Велитовка, Петропавловка*. При этом особо подчеркивается необходимость «присваивать <топообъектам> истинно национальные названия, что сакрально» для казахского народа [Шаукулова 2018].

Можно отметить как объективные, так и субъективные основания для переименований городских объектов в свете сформулированных стратегий. Так, совершенно оправданным и объективно обоснованным является наименование многочисленных безымянных улиц и переименование нумеративных эргонимов (типа *11 микрорайон, 12 микрорайон, Акжар 2* («аул», «село»), *1-я Молодежная, Вторая Молодежная* и т. п.).

Наиболее очевидным является стремление следовать национальным приоритетам в выборе имени известной личности для увековечивания его в меморативном названии. Так, ряд улиц и городских объектов в Актобе получает новые названия по имени знаковых для казахского народа общественно-политических деятелей, участников национальных освободительных движений разных эпох, деятелей культуры, поэтов и писателей, героев казахского эпоса:

- ул. *Жанкожа-батыра* (вместо ул. *Фрунзе*). Как известно, Жанкожа-батыр Нурмухамедулы нанес поражение хивинским войскам в 1830 г., уничтожил хивинскую крепость и остановил набеги хивинцев. Особую значимость для современного казахского

¹ Нумерологическая модель наименования улиц весьма частотна во всем мире, в том числе в России, достаточно вспомнить фильм «Ирония судьбы», главные герои которого живут в Москве и Петербурге на улице с одинаковым названием 3-я Строителей.

этнуса приобретает тот факт, что Жанкожа-батыр стоял во главе национального движения против колониальной зависимости от царской России;

- ул. *Бактыбай-батыра Толесулы* (вместо ул. *Свердлова*) — полководец, имя которого стало боевым кличем воинов в Жонгарской войне. По некоторым версиям, Бактыбай-батыр похоронен вблизи Актобе, на кладбище Святого Карасакала, что наполняет его имя особым символическим смыслом для жителей области;

- ул. *Жарылгасулы Шернияза* (вместо ул. *К. Либкнехта*; изначально Старожильческая, затем Александровская, с 1919 г. — К. Либкнехта) — акын-импровизатор начала XIX в., воспевал национально-освободительное движение;

- ул. *Махамбета Утемисова* (вместо ул. *Советская*) — акын, современник Пушкина, придворный поэт, ставший затем руководителем восстания бедноты против баевуегетателей в Западном Казахстане;

- ул. *Монке-би Тлеуулы* (вместо ул. *Шмидта*) — казахский мыслитель, дипломат, полководец начала — середины XVII в. Его называют казахским Нострадамусом (святым Монке)¹, предсказания которого относительно экологических бедствий, веры, нравов, быта общества будущего во многом сбылись.

Эта группа наименований, самая многочисленная, в значительной степени «сводит на нет» разнообразие стратегий именования, сложившихся в ходе формирования и исторического развития эргонимических систем данного региона. Продемонстрируем это примерами разных групп объектов, переименованных или рекомендованных в настоящее время к переименованию.

- Названия улиц, выполняющих ориентационную функцию: указывающие на расположение улицы в городском пространстве, в том числе с рядом находящимся объектом — ул. *Юго-Запад 1* (ныне ул. *Сабита Муканов*)

¹ Литературное наследие Монке-би хранится в библиотеке Национальной академии наук Казахстана. По преданию, во время одного из военных советов, когда решалась судьба страны, он, закрыв глаза, вдруг нараспев начал свое пророчество: «...Будут дома составные, сборные, будут собираться каждый месяц люди на собрания, от которых не будет никакого толку... Будут пить люди желтую воду, от которой отвернулись бы даже собаки, но люди возжаждут ее. И станут бумажными деньги, разерзанными станут женщины, обнажат они свои прелести, станет срам обыденностью. Без платы человек трудиться не будет, на разные куски мир раздробится. Будут снадобья — кругляшки-луговки...» [https://express-k-kz].

ва); *Центральная* (ул. *М. Букенбаева*); *Деповская* (ул. *Сержана Жаманкулова*), *Заречная* (ул. *Газизы Жубановой*), *Совхозный проезд* — ул. *Уш Таган*, *Гарнизонная* — ул. *имени Жанши Досмухамедулы*, ср. переименованные таким же образом ул. *Вокзальная*, *Станционная*, *Привокзальная*, *Почтовая*, *Стадионный переулок*, *жилой массив Заречный* и т. п.

- Названия идеологического характера, связанные с реалиями и символикой советской эпохи: *пр-т XX партсъезда* — ул. *Курмангали Оспанова*; ул. *50 лет Октября* — ул. *Тахави Ахтанова*; *70-летия Октября* — ул. *Жеруыйык*, ул. *Октябрьская* — ул. *Д Беркымбаева*, *Октябрьский бульвар* — пр. *Абая*, ул. *Коммунистическая* — ул. *Ибрая Алтынсарина*, ул. *Колхозная* — ул. *Алтай-батыра*, ул. *Советская* — ул. *Махамбета Утемисова*, *Комсомольская* — ул. *Карасай-батыра*, ул. *Правды* — ул. *Карагул-батыра*, пр. *Труда* — пр. *Санкибай-батыра*, ул. *Дружбы* — ул. *Етайбекова*, пр. *Мира* — пр. *Бейбитшилик* (достаточно редкая замена русского названия путем перевода на казахский язык, в переводе с казахского означает «мирный»), ул. *Ударная* — *Темирказык* (в переводе на русский *Полярная звезда*, букв. *Железная подпорка*)². Ср. также рекомендованные к переименованию: *Профсоюзный переулок*, *Новокооперативная ул.*, *Индустриальная ул.* и др.

- Названия улиц, данные в честь идеологов и лидеров коммунистического (революционного) движения (Маркса, Энгельса, Ленина, Тельмана, Люксембург, Баумана и др.), героев Гражданской войны: например, *Ленинский пр.* переименован в пр. *Абилкайыр-хана*, ул. *Энгельса* — в ул. *Братьев Жубановых*, ул. *Кирова* — в ул. *Есет Батыра*, ул. *Фрунзе* — в ул. *Жанкожа-батыра*, *Фрунзенский переулок* — в переулок *Изгилик* (букв. *святость, священность, благое дело, благодеяние, гуманизм, добро, доброжелательность, доброта*), ул. *К. Либкнехта* — в ул. *Шернияза*, ул. *Шмидта* — в ул. *Монке-би* (уже упомянутого выше «казахского Нострадамуса»), *Розы Люксембург* — в *Дины Нурпеисовой*, *Куйбышева* — в ул. *Самурык* (*Семаргл*, *Симург*, *Самрук* — чудесная птица, мифологическое существо), *Котовского* — в ул. *Габита Мусирепова*, *Воровского* — в ул. *Зангар* и др.

² По казахскому преданию, звезды — горы драгоценных камней, точками они кажутся только из-за расстояния. Полярная звезда так называется потому, что она неподвижна. Две звезды, постоянно движущиеся вокруг нее, напоминают привязанных к колу лошадей, их называют «две белые лошади» [bibliotekar.kz]

- Улицы, названные в честь известных «фигур» русской истории, участников крупных общественно-политических событий: ул. *Пугачева* — ул. *Мухтара Ауэзова*, *Степана Разина* — ул. *имени Машһур Жусипа Копейулы*, пер. *Минина*, ул. *Пожарского*, ул. *Декабристов*.

- Улицы по названиям рабочих профессий: ул. *Металлургов*, ул. *Строительная* (ул. *Рыскулова*), ул. *Связистов* (ул. *М. Прозорова*), ул. *Фабричная* (ул. *Сабыра Курманалина*) и др.

- Улицы, названные в честь героев и событий Великой Отечественной войны. В большинстве случаев до настоящего времени такие эргонимы не подвергались переименованиям: ул. *Зои Космодемьянской*, ул. *Гастелло*, ул. *101 Стрелковой Бригады*, пр. *Победы*, ул. *Маресьева*, ул. *Кошелева* и др. Ср. единичные случаи переименований эргонимов этой группы: ул. *Тюленина* — ул. *М. Оспанова* (первый председатель Мажилиса Парламента Республики Казахстан), ул. *Ворошилова* (во время Великой Отечественной войны маршал Советского Союза) — ул. *Темірбека Жүргенова* (министр просвещения Казахской ССР).

- Названия улиц, отражающие особенности местного ландшафта: ул. *Степная* (стала *А. Смагулова*), ул. *Белогорская* (ул. *Актау* — буквально: *белая гора* — калькирование с русского, возможно, и обратное).

- Улицы, названные в честь классиков мировой культуры, литературы, искусства, науки: ул. *Чайковского*, ул. *Тургенева*, ул. *Пушкина*, ул. *Ломоносова*, ул. *Некрасова*, ул. *Шевченко*, ул. *Менделеева* (не переименовываються), ср. переименования улиц, названных в честь советских писателей и поэтов: ул. *Горького* — ул. *Асау Барака* (организатор освободительной борьбы против колониальной политики царской России в конце XVIII — нач. XIX в.), ул. *Демьяна Бедного* — ул. *имени Касым-хана* (правитель Казахского ханства начала XVI в.).

- Улицы, названные по внешним характеризующим признакам (расположению относительно других улиц, центра города, ширины улицы, возможности проезда и др.): ул. *Веерная* — ул. *Имангали Билтабанова*, *Малый пер.* — ул. *Жарменке*, *Тупой пер.* — пер. *Кокжиек* (в переводе на русский «горизонт», что свидетельствует, возможно, о метафорическом характере эквивалентной казахской номинации, ср.: *тупик* — «улица, не имеющая сквозного проезда и прохода» и *горизонт* — «черта, за которой обрывается зона видимости»). В списке на переименование эргонимов данной группы находятся в настоящее время ул. *Просторная*, ул. *Снеж-*

ная, пер. *Ковыльный*, ул. *Летняя*, ул. *Звездная*. Данные названия как часть естественно сложившейся топонимической системы вытесняются из современной мотивационной парадигмы казахских эргонимов.

Обобщая сказанное, отметим, что доминантой процесса целенаправленного моделирования ономастического континуума в современном Казахстане выступает демонстрация национальной идентичности титульного этноса в оппозиции к утратившим свою ценность идеям советской эпохи.

Государственная политика переименований в Казахстане не имеет однозначной оценки в разных стратах казахского социума. По результатам проведенного казахстанскими СМИ опроса общественного мнения можно судить о том, что сам этот процесс протекает довольно сложно, встречая как одобрение, так и сопротивление жителей республики новым наименованиям. Аргументы «за» переименования: уважение к известным деятелям казахской культуры; борьба за национальное самосознание; возвращение к истокам национальной культуры; устранение названий, не отражающих особенности национального быта, традиций и т. п.

Аргументы «против»: большие финансовые затраты, которые можно было бы пустить на нужды населения; необходимость привыкать к многочисленным названиям, зачастую неизвестным населению (часто малограмотному, малообразованному); забвение общей для казахского и русского народов истории.

Вместе с тем представляется очевидным, что формирование нового казахстанского ономастикона в соответствии с перечисленными идеологическими установками не отменяет эргонимических универсалий, отмечаемых в любой лингвокультуре. В частности, в плане выражения самосознания казахского этноса оказывается в данный момент наиболее востребованной меморативная модель эргонимической номинации, наполняемая собственно историко-культурным содержанием. В то же время остаются «незыблемыми» эргономинимации, связанные с концептами гуманизма, мира, согласия, добра, выраженные в символических названиях, которые, хотя и дерусифицируются (заменяются казахскими лексемами), но сохраняют при этом эквивалентную мотивацию (ср.: пр. *Мира* — пр. *Бейбитшилик* — в переводе с казахского «мир, спокойствие»).

Векторы естественной номинации, в меньшей степени представленные в названиях городских объектов, транслируют, однако, традиционные для стихийно складывающихся эргонимических систем ориен-

тационные и характеристические мотивы означивания. Особо выделим в плане номинативных техник, свойственных естественной номинации, способы калькирования и метафоризации, отражающие национальную казахскую ментальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. — М., 2014.
2. Герд А. С. Введение в этнолингвистику : курс лекций и хрестоматия. — СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001.
3. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. — Екатеринбург, 1998. — 232 с.
4. Гридина Т. А. Образные ономастиологические модели в оронимии // Вопросы ономастики. 1977. № 12.
5. Гридина Т. А. Этносоциокультурный контекст ономастической игры // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 219—223.
6. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ономастиологическая структура слова в свете показаний языкового сознания // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2008. № 6. С. 14—25.
7. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Псевдоним как форма самопрезентации журналиста в российской региональной газетной прессе конца XIX — начала XX в. // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 126—142.
8. Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Этноязыковая самоидентификация личности в поликультурном социуме: экспериментальные данные // Языковые процессы в эпоху глобализации : материалы Междунар. науч. семинара. — М., 2016. С. 46—50.
9. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года «О языках в Республике Казахстан» [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/z990000151>.
10. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/PO50000045>.

T. A. Gridina

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-3993-5164

N. I. Konvalova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-8541-1014

 E-mail: tatyana_gridina@mail.ru; sakralist@mail.ru.

Strategies of Renaming Urban Spaces and Places in the Post-Soviet States

ABSTRACT. *The article dwells on the issue of renaming in the post-Soviet space and reveals the tendencies of ergonymic nomination called forth by the change of ideological constants of the turn of the 21st century: de-sovietization, derussification, and globalization. The manifestations of these tendencies are analyzed on the example of one of the most active regions in this activity – the Republic of Kazakhstan – where a special Onomastic Commission has been created to work out a guide to renaming in accordance with the new conception of the state language policy. The authors suggest a classification of the groups of ergonyms subjected to renaming. The correlation between natural and artificial nomination in the existing toposystems transformed in the new socio-cultural context is studied from the sociolinguistic positions. The article reveals the dominant of the process of purposive modeling of the onomastic continuum in modern Kazakhstan, where this dominant is represented by the national identity of the title ethnos in the opposition to the ideas of the Soviet epoch which have lost their value. The memorative model of ergonymic nomination, imbued with historico-cultural content proper, is, at present, the most highly demanded one in terms of the Kazakh ethnos self-consciousness manifestation. At the same time, the ergonominations associated with the concepts of humanism, peace, harmony, and the good expressed in the symbolic names which, in spite of being derussified (replaced by Kazakh lexemes), still retain their equivalent motivation and remain “intact”.*

KEYWORDS: *onomastics; sociolinguistics; language policy; city objects; ergonyms; renaming of objects; post-soviet space.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gridina Tat'yana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Konvalova Nadezhda Il'ichna, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

11. Казахская библиотека [Электронный ресурс] : сайт. URL: <http://bibliotekar.kz>.

12. Концепция языковой политики Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Распоряжение Президента Республики Казахстан : от 4 нояб. 1996 г. № 3186. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/z9900004200>.

13. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. 2-е изд., испр. и доп. — Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2015.

14. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990.

15. Матвеев А. К. Ономатология. — М. : Наука, 2006.

16. Положение о Государственной ономастической комиссии при Правительстве Республики Казахстан [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Республики Казахстан : от 21 апр. 1998 г. № 368. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/z980000368>.

17. Порядок наименования и переименования организаций, железнодорожных станций, аэропортов, а также физико-географических объектов Республики Казахстан и изменения транскрипции их названий [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Республики Казахстан : от 5 марта 1996 г. № 281. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/z960000281>.

18. Рут М. Э. Объект и субъект номинации: палитра соотношений // Лингвистика креатива — 4 : коллектив. моногр. / под ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург, 2018. С. 136—157.

19. Шаукулова А. Возвращение к истокам [Электронный ресурс] // Актюбинский вестн. 2018. 5 окт. URL: <http://avestnik.kz/vozvrashhenie-k-istokam-3/>.

20. Bright W., Ramanujan A. K. Sociolinguistic variation and language change // Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. — The Hague, 1964. P. 1107—1113.

21. Labov W. Forthcoming. Unendangered dialects, endangered people // Endangered and Minority Languages and Language Varieties: Defining, Documenting, and Developing, GURT. — Washington, DC. : Georgetown Univ. Pr., 2006.

22. Laundry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality // Journ. of language and social psychology. 1997. No 16 (1). P. 23—49.

FOR CITATION: Gridina, T. A. Strategies of Renaming Urban Spaces and Places in the Post-Soviet States / T. A. Gridina, N. I. Konovalova // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 34—41.

REFERENCES

1. Berezovich E. L. Russian Vocabulary on a Pan-Slavic Background: Semantic-motivational Reconstruction. — Moscow, 2014. [Russkaya leksika na obshchslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya. — M., 2014]. — (In Rus.)
2. Gerd A. S. Introduction to Ethnolinguistics: a course of lectures and a reader. — Saint Petersburg : Publ. house of St. Petersburg State Univ., 2001. [Vvedenie v etnolingvistiku : kurs lektsiy i khrestomatiya. — SPb. : Izd-vo SPbGU, 2001]. — (In Rus.)
3. Golomidova M. V. Artificial Nomination in Russian Onomastics. — Ekaterinburg, 1998. 232 p. [Iskusstvennaya nominatsiya v russkoy onomastike. — Ekaterinburg, 1998. 232 s.]. — (In Rus.)
4. Gridina T. A. Figurative Onomasiological Models in Oronymy // Questions of Onomastics. 1977. № 12. [Obraznye onomasiologicheskie modeli v oronimii // Voprosy onomastiki. 1977. № 12]. — (In Rus.)
5. Gridina T. A. The Ethnosocial and Cultural Context of the Onomastic Game // Political Linguistics. 2011. № 1 (35). P. 219—223. [Etnosotsiokul'turnyy kontekst onomasticheskoy igry // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 1 (35). S. 219—223]. — (In Rus.)
6. Gridina T. A., Konovalova N. I. Onomasiological Structure of the Word from the Point of View of the Evidence of Linguistic Consciousness // Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity. 2008. No. 6. P. 14—25. [Onomasiologicheskaya struktura slova v svete pokazaniy yazykovogo soznaniya // Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatelnosti. 2008. № 6. S. 14—25]. — (In Rus.)
7. Gridina T. A., Konovalova N. I. Pseudonym as a Form of Self-presentation of a Journalist in the Russian Regional Newspaper Press of the Late XIX — early XX Century // Questions of Onomastics. 2017. Vol. 14. No. 2. P. 126—144. [Psevdonim kak forma samoprezentatsii zhurnalista v rossiyskoy regional'noy gazetnoy presse kontsa XIX — nachala XX v. // Voprosy onomastiki. 2017. T. 14. № 2. S. 126—144]. — (In Rus.)
8. Gridina T. A., Konovalova N. I. Ethno-linguistic Self-identification of a Person in a Multicultural Society: Experimental Data // Language Processes in the Era of Globalization: Materials of the Intern. Scientific Seminar. — Moscow, 2016. P. 46—50. [Etnoyazykovaya samoidentifikatsiya lichnosti v polikul'turnom sotsiume: eksperimental'nye dannye // Yazykovye protsessy v epokhu globalizatsii : materialy Mezhdunar. nauch. seminar. — M., 2016. S. 46—50]. — (In Rus.)
9. Law of the Republic of Kazakhstan of July 11, 1997 “On Languages in the Republic of Kazakhstan” [Electronic resource]. [Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iyulya 1997 goda “O yazykakh v Respublike Kazakhstan”]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/z990000151>. — (In Rus.)
10. Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. [Informatcionno-pravovaya sistema normativnykh pravovykh aktov Respubliki Kazakhstan]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/dox/PO50000045>. — (In Rus.)
11. Kazakh Library [Electronic resource]: site. [Kazakhskaya biblioteka : sayt]. URL: <http://bibliotekar.kz>. — (In Rus.)
12. The concept of Language Policy of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]: Order of the President of the Republic of Kazakhstan: from 4 Nov. 1996 No. 3186. [Kontseptsiya yazykovoy politiki Respubliki Kazakhstan : Rasporyazhenie Prezidenta Respubliki Kazakhstan : ot 4 noyab. 1996 g. № 3186]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/z9900004200>. — (In Rus.)
13. Kupina N. A. Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions. 2nd ed., corr. and add. — Ekaterinburg : UrFU Publ. House, 2015. [Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii. 2-e izd., ispr. i dop. — Ekaterinburg : Izd-vo UrFU, 2015]. — (In Rus.)
14. Linguistic Encyclopedic Dictionary / ch. ed. V.N. Yartseva. — Moscow, 1990. [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. — M., 1990]. — (In Rus.)
15. Matveev A. K. Onomatology. — Moscow : Science, 2006. [Onomatologiya. — M. : Nauka, 2006]. — (In Rus.)
16. Regulations on the State Onomastic Commission under the Government of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]: Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan: from April 21 1998 № 368. [Polozhenie o Gosudarstvennoy onomasticheskoy komissii pri Pravitel'stve Respubliki Kazakhstan : Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan : ot 21 apr. 1998 g. № 368]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/z980000368>. — (In Rus.)
17. The Procedure for Naming and Renaming Organizations, Railway Stations, Airports, as well as Physiographic Objects of the Republic of Kazakhstan and Changing the Transcription of their Names [Electronic resource] : Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan : No. 281 of March 5, 1996. [Poryadok naimenovaniya i pereimenovaniya organizatsiy, zheleznodorozhnykh stantsiy, aeroportov, a takzhe fiziko-geograficheskikh ob'ektov Respubliki Kazakhstan i izmeneniya transkripsii ikh nazvaniy : Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Kazakhstan : ot 5 marta 1996 g. № 281]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/z960000281>. — (In Rus.)
18. Rut M. E. The Object and Subject of the Nomination: the Palette of Correlations // Creative Linguistics — 4 : the collective. monograph / ed. T. A. Gridina. — Ekaterinburg, 2018. P. 136—157. [Ob'ekt i sub'ekt nominatsii: palitra sootnosheniy // Lingvistika kreativa — 4 : kolektiv. monogr. / pod red. T. A. Gridinoy. — Ekaterinburg, 2018. S. 136—157]. — (In Rus.)
19. Shaikulova A. Return to the Origins [Electronic resource] // Aktyubinsky Herald. 2018. 5 October. [Vozvrashchenie k istokam // Aktyubinskiy vestn. 2018. 5 okt.]. URL: <http://avestnik.kz/vozvrashchenie-k-istokam-3/>.
20. Bright W., Ramanujan A. K. Sociolinguistic variation and language change // Proceedings of the 9th International Congress of Linguistics. — The Hague, 1964. P. 1107—1113.
21. Labov W. Forthcoming. Unendangered dialects, endangered people // Endangered and Minority Languages and Language Varieties: Defining, Documenting, and Developing, GURT. — Washington, DC. : Georgetown Univ. Pr., 2006.
22. Laundry R., Bourhis R. Y. Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality // Journ. of language and social psychology. 1997. No 16 (1). P. 23—49.

В. В. Колесов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: — **E-mail:** prof.kolesov@gmail.com.

Мемуар о Методе

АННОТАЦИЯ. С точки зрения концептологии как части когнитивной лингвистики описывается последовательность логических операций трехсоставного Метода. Тем самым демонстрируется алгоритм научного использования метода. В широком смысле под Методом концептология как часть когнитивной лингвистики понимает трехкомпонентное единство методологии познания, метода исследования и методики описания. Метод исследования концептологии обусловлен выбором предпочтений русской традиции философствования, ее пониманием сущности знака как носителя знания о мире. Метод концептологии историчен, с его помощью исследуется функция конкретного знака в представлении слова: и символ, и представление, и сам знак изменяются во времени и пространстве. Три составные части Метода определяются национальными предпочтениями: англосаксонским позитивизмом с его устремленностью к познанию, русским предпочтением сознания и французским выбором законченного знания. Необходимость обязательного расслоения трехчастного метода во всех предпринимаемых действиях позволяет выстроить строгую цепь логической последовательности операций, представить алгоритм события. Сначала определяется методологический принцип, затем — соответствующий метод (а методов в каждой сфере деятельности множество), наконец, избирается конкретная методика (техника) работы. Подробное рассмотрение данных понятий позволяет разграничить значение восходящих к латинскому корню *concert-* терминов: методологическая концепция (*concertio*), методический концепт (*concertus*) и конечная цель — исследование исходного «зерна первосмысла», концептума (*concertum*). Таким образом, на первом этапе исследования сознание ставит цели в рамках реалистской концепции, на втором этапе в номиналистском познании выявляется предмет, который на третьем этапе в результате последовательного описания исходного материала становится концептуальным знанием объективированной сущности — объекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методология познания; когнитивная лингвистика; методы исследования; методика описания; семантические треугольники; ментальные парадигмы; семантика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Колесов Владимир Викторович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; e-mail: prof.kolesov@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Колесов, В. В. Мемуар о Методе / В. В. Колесов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 42—49.

По хорошо известному суждению, метод — это и есть наука. Но метод как прием и способ собирания, анализа и представления фактов совершенно необходим в любой области человеческого знания, мышления и поведения, и особенно в политике, где бессистемное мышление, не подчиненное логике правильных умозаключений, способно привести к непоправимым ошибкам. В настоящей статье на одном фрагменте когнитивной лингвистики я собираюсь показать алгоритм научного применения метода. Использую при этом текст своей книги «Основы концептологии» (СПб. : Златоуст, 2018) как материал для суждений. При необходимости этот алгоритм можно спроецировать на любую область деятельности; выбор в пользу

Метод — это собственно и есть выбор фактов, и прежде всего, следовательно, нужно было озабочиться изобретением метода; и этих методов придумали много, ибо ни один из них не напрашивается сам собой.

Жюль Анри Пуанкаре

когнитивной лингвистики сделан для удобства описания — всё содержится в концептах, выраженных словами.

Предварительные замечания

В широком смысле под Методом концептология как часть когнитивной лингвистики понимает троичность составов частного объема: методологию познания, метод исследования и методику описания — в соответствии со значениями греческого слова *methodos* как 'пути познания', как 'теории, учения' и как 'приема, уловки'. Все три уровня метода представлены в синергичном треугольнике отношений, как показано на рис. 1.

Рис. 1

Концептология своей задачей полагает построение *ментальных парадигм* сознания на основе анализа наличных текстов, содержащих концепты в актуальных контекстах. Как форма научного знания, концептология обладает и собственными методами познания, укорененными в мировоззренческой методологии.

Методологические основы концептологии лежат в области классической философии реализма, отчасти смыкающегося с другими направлениями философствования: с номинализмом и концептуализмом. Здесь можно найти параллели и с немецкой философией в обработке традиционного русского реализма — в методе, и с французской школой постструктурализма — в методике, но в обоих случаях заимствований из них здесь нет, на сравнения наталкивает сам выбор принципа методологии: номинализма в первом случае и концептуализма — во втором.

Метод исследования обусловлен выбором предпочтений русской традиции философствования, ее пониманием сущности знака как носителя знания о мире. Например, синергичные связи понимаются как динамическое Единство и взаимодействия: *всё во всём*. Метод концептологии историчен, с его помощью исследуется функция конкретного знака как символа в представлении слова: и символ, и представление, и сам знак изменяются во времени и пространстве.

Три составные части Метода определяют эти национальными предпочтениями — англосаксонским позитивизмом с его устремленностью к *познанию*, русским предпочтением *сознания* и французским выбором законченного *знания*. В этом отношении методология, метод и методика не пересекаются друг с другом до момента их соединения в общем Методе, представленном именно в сознании субъекта и описанном в «Основах концептологии». Интересно, как терминологически разные языки представляют себе различные суммы значений — при общности корня, восходящего к греческому языку. Только в немецком языке присутствуют все три термина: *Methodologie, Methode, Methodik*, в английском и французском *метод* и *методика* передаются общим словом с грамматическими различиями (в английском *методика* в форме множественного числа *methods*, во французском — именем прилагательным *méthodique*). Это определяет об-

щее отношение к уровню Метода: у англичан и французов познание соединено со знанием как конечной целью познания.

Методология

Рассмотрим составы семантического треугольника, схематически соединяющего вещь, ее идею и их воплощение в знаке в устойчивой синергичной связи (рис. 2).

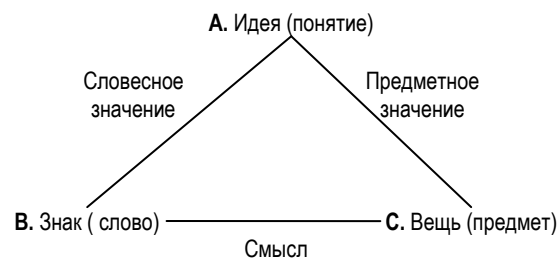

Рис. 2

Здесь последовательность **ABC** отражает позицию реалиста, представляющего равенство идеи и вещи в *сознании*, последовательность **ACB** — позицию номиналиста, уравнивающего идею и знак в *познании*, а последовательность **BAC** — позицию концептуалиста, соединяющего знак и вещь в *знании* их смысла. Троищность всех проявлений не случайна. Это действие взаимных синергичных связей, обеспечивающее гармонию всех частей в их взаимных противопоставлениях. Выбор той или иной программы организует строгую последовательность попарных оппозиций. Например, в совпадении **A—C** ключевую роль играет **B** (реализм), а в совпадении **A—B** в центре оказывается **C** (номинализм). «Третий лишний» становится регулятором действий всех составов семантического треугольника.

В принципе каждая научная программа имеет дело со знаком (словом), но в разном отношении. Для реалиста слово представлено как *цель*, для номиналиста оно же является *предметом*, а для концептуалиста слово есть искомый *объект*, который следует актуализировать на основе предмета.

Первый выбор исследования касается мировоззренческой позиции. Методологические основы концептологии лежат в области классической философии реализма. Реалист исходит из знака (слова), предполагая равенство идеи и вещи, и находится в области *сознания*, поскольку его интересует словесное *значение* — связь слова с идеей («Мы познаем только признаки», — А. Потебня). В отличие от этого, номиналист исходит из реальности вещи и находится в области *познания* связи вещи с идеей, поскольку его интересует только *предметное* значение словесного знака. Концептуалист же исходит из готовой идеи и находится в

области *знания* о связи вещи с ее знаком («слова и вещи»); предметом его интересов является общий *смысл* знака на понятийном уровне.

Из всех возможных вариантов концептология в качестве методологической *концепции* выбирает реализм, поскольку именно слово как словесный знак является *целью* его интересов. На первом этапе исследования ставятся цели. «Сознание — предельное понятие философии как таковой, о чем бы она ни была... Сознание должно объясняться в терминах чего-то другого — его нельзя ухватить» [Мамардашвили 1990: 3, 15]. В этих словах известного философа содержится мысль о том, что только сознанию доступно самое сокровенное в предмете знания, с чего всё начинается в познании; это апелляция к *мистической* интуиции русских философов начала прошлого века и к русской традиции *символического* знания. На этом этапе описания внимание сосредотачивается на словесном значении, которое на логическом уровне соотносится с *содержанием* понятия; их ментальное единство носит название *десигнат*.

Метод

Переходя к предметному полю исследования, концептолог останавливается на *концепте* как содержательной форме слова в языке (а *не* в речи). В таком случае выбор метода подводит к историко-типологическому (философски — к диалектическому) исследованию. Это момент *поиска сущностей в познании*, в центре внимания «максимально мыслимая *вещь*, или сущность», причем «понятие сущности относится к рефлексивному уровню» [Там же: 12] в *форме чувственной интуиции* русских философов. На первый план выходит *предметное* значение слова, соединенное с логическим объемом понятия, что совместно мы и называем *денотатом*. Поскольку когнитивистика постулирует единство языка и мысли, становится возможным аналитическое раздвоение десигната и денотата в целях удобства описания.

Концепт как смысловая форма слова всегда состоит из четырех частей, т. е. наполнен четырьмя содержательными формами своего состава в соответствии с четырьмя членами каузального ряда «причинности», установленными еще Аристотелем: *основание, условие, причина и цель*. Это синергичное множество является ментальной парадигмой сознания и проявляется соответственно как «первосмысл» концептума (это *основание* всего), *образ, понятие и символ*. Покажем это на концептуальном

квадрате в соотношении ментального денотата *D* и реального референта *R* (и их отсутствия: $-D, -R$; см. рис. 3).

	<i>R</i>	$-R$
<i>D</i>	причина понятия	условие образа
$-D$	цель символа	основание концептума

Рис. 3

Из схемы видно, что причина и цель реальны в *R*, условие и основание идеальны — *R*, т. е. представлены субъективно. Этому соответствуют и их содержательные формы: понятие и символ реальны, а образ и концептум идеальны, т. е. находятся в области сознания. Точно так же они опредмечиваются в денотатах: причина понятия и условие образа предметны в *D*, тогда как цель символа и основание концептума — нет (символ опредмечивается в *другом*, в образе, а концептум есть помысленная сущность).

В попарных оппозициях *противопоставление* по горизонтали указывает на несводимость содержательных форм: образ и понятие, символ и концептум противопоставлены по функциям. В вертикальном *подчинении* образ предстает как первое проявление концептума, а понятие — как снятый символ (восходит к образному понятию). По диагонали представлены *противоположности* как проявления сущностей: образ манифестирует символ, а понятие есть актуализированный концептум. Таково системное соотношение в синергичной связи составов ментальной парадигмы. Это всеобщий закон соответствия всех содержательных форм концепта в «зрелом слове» (по П. А. Флоренскому).

Предметом языкознания вообще является знак (слово), и в его познании на первое место выходит номинализм, пристально изучающий взаимоотношение знака и идеи (слова и понятия). Традиционно это историко-типологический метод. Историческое описание дает вертикальную перспективу изменения, типологическое — горизонтальную перспективу сопоставлений с другими языковыми системами. Например, историческая последовательность накопления содержательных форм у концепта Дом ('кров', 'семья', 'хозяйство', 'здание') смещалась в сторону понятийного 'здание'. Актуализацией понятийного значения на основе образного и символического закончилось формирование концептуального поля русского сознания, концепт проявился в полном виде *зрелого слова*. Понятийное значение есть реализация исходного первосмысла (концептума как *зерна*) в его актуальной форме: *здание как кров*.

Сопоставление с другими языками показывает, что состав концептов в них пред-

ставлен в другом измерении; например, англ. *house* 'здание' и *home* 'кров' разграничивают денотаты, так же как *land* — *earth* 'земля', *side* — *edge* 'грань' и т. д. Это обеспечивает англосаксонскому континууму строгое различие идей в знаках языка, склоняя носителей языка к номинализму.

Тем самым *метод* исследования у концептологии также номиналистичен: исходя от знака (слова) на первом этапе, при постановке цели, на втором мы вплотную подошли к необходимости одновременного толкования его идеи (история) и вещи (типология). Тем самым в центре внимания теперь находится процесс *познания*, который расширяет рамки исходного действия сознания. Это *метод* в узком значении термина. Метод обеспечивает целостное понимание *концепта* во времени и пространстве, не ограничиваясь одним только понятийным («главным») значением выражающего концепт слова.

Методика

До сих пор мы находились в поле теории (реализм) и прагматики (номинализм), теперь рассмотрим положение с практической точки зрения.

Задача состоит в том, чтобы из определенной совокупности однородных текстов извлечь информацию об их глубинном ментальном содержании в плане прояснения пределов знания о концепте у данной группы авторов. Поскольку объектом языкознания является все тот же словесный знак, то в его знании, в эквивалентности знака (слова) как означающего и референта как означаемого на первый план выходит третья научная программа, а именно концептуализм. Однако в отличие от *данного* предмета описания объект надлежит еще выявить, объективируя скрытые потенции предмета. Третий этап исследования как конкретная методика ассоциируется с концептуализмом, потому что здесь описывается момент *построения понятия* на основе ранее выявленных десигнатов (реализм) и денотатов (номинализм). Это проявление *интеллектуальной интуиции*, по суждению русских философов Серебряного века. Есть одно философское направление, которое в анализе разграничивает рассмотрение денотатов и десигнатов — французский постмодернизм. Таким образом, свое значение имеет методика анализа текстов, предложенная французскими постструктуралистами.

Французское понимание метода как методики выражено в эпиграфе. То же самое представлено в философии современного французского деконструктивизма (постструк-

турализма) — у Дерриды или Мишеля Фуко. В своей книге «Основы концептологии» я отдал дань этому направлению мысли, предлагая методику описания фактов. В моем изложении также не было заимствований, они демонстрируют простой параллелизм в близости точек зрения на предмет описания.

Концепт как смысловое содержание слова раскладывается на свои составы, являя все свои содержательные формы — образ, понятие, символ, реальные проявления которых и позволяют воссоздать их первоисточник — *концептум*. Дискурс в границах зафиксированного текста направлен на поиски сущности, которую в ментальном плане я и понимаю как концептум. По верному суждению М. К. Мамардашвили, «максимально мыслимая вещь, или сущность и понятие сущности относится к рефлексивному уровню». Это и есть та форма представления знания, которая своей актуализацией обязана построению понятия.

Методика текстуального анализа представлена у французских концептуалистов. По их мнению, любой текст отличается от самого себя в зависимости от его прочтения: один и тот же текст предстает во многих своих проявлениях. ТЕКСТ — это неопределенное поле в постоянных изменениях. Каждый текст дан (читается) как «методологическая гипотеза», конечная цель таких гипотез — «выявить тот „довербализованный“ уровень существования человека, где безраздельно господствует царство бессознательного, и вскрыть его механику» [Ильин 1996: 132—133].

Поиски *эпистемы* как минимальной единицы знания — глобальный принцип организации всех правил, всеобщий принцип единения текста. Исследователь «конструирует становление (новой) реальности» [Там же: 111], потому что язык говорит «на поверхности и схватывает то, что на поверхности» (Ж. Делёз). В таком случае необходимо создавать «интертекст» — «порядок из хаоса» случайных и поверхностных проявлений текста «как доминантную структуру языкового характера» [Там же: 59]. Именно в таком конструировании интертекста и проявляется способ воссоздания первосмысла в бессознательном — *концептума* (conceptum).

Концептология предоставляет возможность из хаоса случайных текстов конструировать новую реальность, максимально приближающуюся к адекватному толкованию того смысла, который содержался в приведенных высказываниях, но вряд ли осознавался авторами самих текстов.

Ближайшим образом принцип конструирования текста представлен в виде *семан-*

тической константы («смысловой постоянной»); она представляет собою синергичное единство «четырех причин» Аристотеля: ментального *основания* и конструктивных собственно причин — *условия, причины и цели*, которые укладываются в формулу семантической константы (рис. 4).

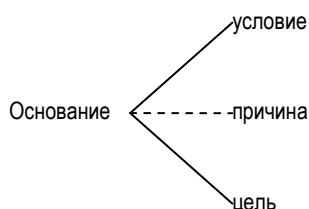

Рис. 4

Последовательность переходов каузального ряда обогащает содержательную часть высказывания, вместе с тем уточняя сказанное на предыдущем уровне.

Покажу это на конкретном примере концепта «Дом», который в своем составе содержит следующие содержательные формы: основание 'кров', условие 'семья', причина 'здание', цель 'хозяйство'. Одновременно это и актуализованные проявления концептума, образа, понятия и символа (рис. 5).

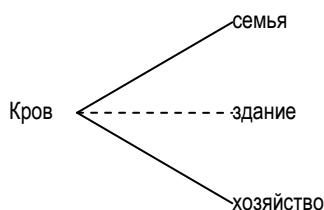

Рис. 5

Схему на рис. 5 можно развернуть в следующий текст: «Дом есть *кров семьи и здание для ведения хозяйства*».

Здесь представлены все конститутивные признаки «дома» во всем их объеме. Условием его существования является наличие семьи («населения дома»), а целью — хозяйство, которое она ведет. Здание предстает как опредмеченное основание — кров. Все содержательные формы концепта представлены как самостоятельные концепты следующего уровня, который, в свою очередь, можно раскрыть в анализе. При отсутствии любого состава понимание концепта Дом невозможно или носит неполный характер. При этом само основание — *кров* — исчезает за каузальным рядом причин, как и следует в ментальном пространстве сознания. Это заместитель концептума, который может быть представлен в виде этимона: *dom — *dem, описывающего «прежде всего не постройку из стен и крыши, а общественную организацию, семью» [ЭССЯ, т. 5: 3].

Следовательно, исходным первообразом концепта, воплотившим его первосмысл, являются условие наличия «дома» и представление о семье как части общего крова.

Образное понятие

Необходимо остановиться на специальном значении концептума: его роль в понимании смысла высказывания является определяющей. Возвращаясь к примеру с концептом «Дом», отметим широкую вариативность сочетаний имен прилагательных («расплавленных имен» по О. Есперсену) с существительными, составляющими *оперативные понятия* сознания, созданные для определенных случаев в известных контекстах. Это аналитическое понятие, содержанием представленное в прилагательном, а объемом — в существительном. Сопоставления доказывают определенную связь сочетаний двух имен с содержательными потенциями слова как носителя *концептума*.

Постоянные эпитеты создают новые понятия путем выделения актуального признака концепта «Дом»: *белый дом — большой дом — желтый дом — жилой дом — казенный дом — отчий дом — публичный дом — родной дом — торговый дом — хитрый дом* — всё это однозначные понятия образного характера, представленные как *термины* путем совмещения образа в определительном слове и символа в имени (существительном); украшающие авторские эпитеты из описания исключаются. Образное понятие и само по себе символично, представляет собою *символ перехода* от образа к понятию — это обязательный момент в формировании понятий литературного языка.

В столкновении существительного и прилагательного символ имени также обрачивается определенным признаком *концептума* — в метонимическом следовании, например, для единицы <дом>: 'кров' > 'населяющие его' > 'хозяйство' > 'здание' и т. д.; в данном перечне к типичному значению относятся представленные здесь оттенки *жилой, отчий, родной*, к образному — *казенный, публичный, хитрый*, к понятийному — только *торговый*, к символическому — *белый, большой, желтый*; исторически они и появились в указанной последовательности. Во всех случаях незримое присутствие концептума 'кров' в слове *дом* неизбежно направляет семантическое развитие слова в конечную точку символа — с промежуточными моментами образного или понятийного значения: *белый дом* как резиденция правительства не обязательно белый, *большой дом* как «кров» тайной полиции не обязательно велик, *желтый дом* как «кров» для

умалишенных вообще обычно имеет неприглядный вид.

Таким образом, дошедший до «зерна первосмысла» анализ источников сменяется синтезом актуального на данный момент состава, первоначально представленного аналитически. Только впоследствии этот состав может предстать в виде отдельного слова-термина нового смысла. Это можно показать на истории сочетаний со словом *рука*: в публицистике 1990-х гг. сочетания *косматая рука, мохнатая рука, волосатая рука* передавали отрицательную эмоцию неприятия блата, взяточничества, рейдерства и прочих неприглядных действий «нового класса» собственников. В конце этого периода образовался термин символического характера *волосатость* (*у него такая волосатость!* — о незаконных «связях» и сделках), который включил в свой состав все образные оттенки предыдущего периода. Ничего этого не было бы, если бы в основе слова *рука* в виде его концептума не сохранился сокровенный смысл — ‘кривой, косо́й’ или ‘хватать, собирать’.

Именно концептумы являются теми строительными камешками, которые крепят национальную культуру во времени, сохраняя ее в пространстве.

Заключение

Теперь мы в состоянии представить все три проявления латинского корня *concept-*. Это методологическая *концепция* (*conceptio*), методический *концепт* (*conceptus*) и конечная цель — исследование исходного «зерна первосмысла») — *концептума* (*conceptum*).

Совмещение всех трех научных программ расширяет горизонты исследования, выстраивая иерархию «методов». Практика показывает, что у каждой программы наряду с коренным методологическим основанием присутствуют чисто прагматические установки, которыми в практическом исследовании невозможно пренебречь. Именно так и поступают все исследователи. Например, академик Ю. С. Степанов, являясь сторонником неореализма, как русский исследователь, как языковед склоняется к номинализму, а как романист по базовому образованию не избегает влияния концептуализма. В лингвистическом смысле выделение трех научных программ обеспечивается тем обстоятельством, что каждая форма когнитивной лингвистики тяготеет к определенной программе, а именно: контентивная (содержательная — *познание*) — к номинализму с выходом на метод, собственно когнитивная (познавательная — *знание*) — к концептуа-

лизму с предпочтением конкретных методик, а концептология (конструктивная — *сознание*) — к реализму с утверждением методологических оснований. Неизбежность синтеза приводит к работам Аристотеля, который в методическом отношении представляет исходный научный синтез всех возможных приемов научного анализа.

Таким образом, на первом этапе исследования *сознание* ставит *цели* в рамках реалистской концепции, на втором этапе в номиналистском *познании* выявляется *предмет*, который на третьем этапе в результате последовательного описания исходного материала становится концептуальным *знанием* объективированной сущности — *объекта*. Во всех случаях центром внимания является словесный знак — *слово*, и, разворачиваясь той или иной своей гранью, каждый раз требует особого метода для своего осмысления. Сужение принципов исследования до узкопрофессиональной (лингвистической) границы превращает концепции в относительные ценности, однако их влияние весьма значительно, поскольку они определяют исходную позицию исследователя. В нашем случае, при выборе реализма, мы остаемся в том же круге явлений общего порядка; важны центральное положение слова, единство идеи и вещи («идея и есть вещь» — А. Ф. Лосев) и бессознательное, которое в виде подсознания в конце концов возвращается в методике.

Необходимость обязательного расслоения трехчастного метода во всех предпринимаемых действиях позволяет выстроить строгую цепь логической последовательности операций, представить *алгоритм событий*. Так действует организованное немецкое мышление, этому учат на уроках логики. Сначала определяется методологический принцип, затем — соответствующий метод (а методов в каждой сфере деятельности множество), наконец, избирается конкретная методика (техника) работы. Методология определяет все следующие уровни действия Метода; например, предпочтение номинализма сокращает исследование, поскольку методология и метод здесь совпадают в одном устремлении к познанию как цели. Это ведет к построению объективистской картины мира, которая, в отличие от русского выбора реализма, лишена субъективного («душевного») элемента в интерпретациях и часто смешивает предмет описания и объект исследования. Нравственная окраска всех объективных характеристик у русского ученого — также хорошо известная особенность русской гуманитарной науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры. — М. : Academia, 2002.
2. Аристотель. Соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1975—1983. (Сер. «Философское наследие»).
3. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Т. 2. — Новосибирск, 1998.
4. Баранцев Р. Г. Синергетика в современном естествознании. — М., 2003.
5. Дмитриева Н. М. Языковые особенности этнических категорий русского менталитета // Вестн. ОГУ. 2011. № 11. С. 57—61.
6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М. : Интрада, 1996.
7. Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград, 2007.
8. Колесов В. В. Концептология. — СПб., 2012.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
10. Мамардашвили М. К. Заметки о сознании / Вопросы философии. 1990. № 5.
11. Потебня А. А. Собрание трудов. Мысль и язык. — М., 1999.
12. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. — М. : Наука, 1988. 242 с.
13. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. — СПб., 2014.
14. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. — М., 2000. С. 24—32.
15. Флоренский П. А. Соч. : в 2 т. — М. : Правда, 1990.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 5. — М., 1978.

V. V. Kolesov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: prof.kolesov@gmail.com.

A Reflection on the Method

ABSTRACT. *The article describes a sequence of logical operations of a tripartite Method from the positions of conceptology as a part of cognitive linguistics. This demonstrates the algorithm of scientific application of the Method. In a broad sense, conceptology, as a part of cognitive linguistics, interprets the Method as a tripartite unity of the methodology of cognition, the method of research and the method of description. The conceptological method of research has a historical character; it is used to explore the function of a concrete sign as a symbol in word representation: the symbol, as well as the representation and the sign itself change in time and space. The three constituents of the Method are determined by the national preferences: the Anglo-Saxon positivism with its focus on cognition, the Russian preference of consciousness, and the French preoccupation with holistic knowledge. The necessity of obligatory separation of the tripartite method in all the actions performed makes it possible to build up a rigorous pattern of the logical sequence of operations and to present an algorithm of event. First, we define a methodological principle, then – the corresponding method (and there is a multitude of methods in each sphere of activity), and, finally, we choose a concrete procedure (technology) of activity. A detailed analysis of the given notions allows distinguishing the meaning of the terms originating from the Latin stem concept-: methodological conception (conceptio), methodological concept (conceptus), and the ultimate goal – exploration of the original “grain of primary meaning” (conceptum). Thus, at the first stage of investigation, our consciousness sets the aims within the realistic conception; at the second stage, there emerges an object in nominalistic cognition, which at the third stage becomes conceptual knowledge of objectified reality – an object – as a result of consecutive description of the original material.*

KEYWORDS: *methodology of cognition; cognitive linguistics; research methods; methods of description; semantic triangle; mental paradigms; semantics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kolesov Vladimir Victorovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Faculty of Philology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kolesov, V. V. A Reflection on the Method / V. V. Kolesov // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 42—49.*

REFERENCES

1. Alefirenko N. F. Poetic Energy of the Word. Synergetics of Language, Consciousness, Culture. — Moscow : Academy, 2002. [Poeticheskaya energiya slova. Sinergetika yazyka, soznaniya, kul'tury. — M. : Academia, 2002]. — (In Rus.)
2. Aristotle. Works. In 4 vol. — Moscow : Thought, 1975—1983. (Ser. “Philosophical Heritage”) [Soch. : v 4 t. — M. : Mysl', 1975—1983. (Ser. «Filosofskoe nasledie»)]. — (In Rus.)
3. Akhiezer A. S. Russia: a Criticism of Historical Experience. Vol. 2. — Novosibirsk, 1998. [Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. 2. — Novosibirsk, 1998]. — (In Rus.)
4. Barantsev R. G. Synergetic in Modern Natural Science. — Moscow, 2003. [Sinergetika v sovremennom estestvoznanii. — M., 2003]. — (In Rus.)
5. Dmitrieva N. M. Language Features of Ethnic Categories of the Russian Mentality // Herald of OSU. 2011. № 11. P. 57—61. [Yazykovye osobennosti etnicheskikh kategoriy russkogo mentaliteta // Vestn. OGU. 2011. № 11. S. 57—61]. — (In Rus.)
6. Il'in I. P. Poststructuralism. Deconstruction. Postmodernism. — M.: Intrada, 1996. [Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm. — M. : Intrada, 1996]. — (In Rus.)
7. Karasik V. I. Language Keys. — Volgograd, 2007. [Yazykovye klyuchi. — Volgograd, 2007]. — (In Rus.)
8. Kolesov V. V. Conceptology. — Saint Petersburg, 2012. [Konceptologiya. — SPb., 2012]. — (In Rus.)
9. Kubryakova E. S. Language and Knowledge. On the Way to Gaining Knowledge about the Language: Parts of Speech From a Cognitive Point of View. The role of Language in the Knowledge of the World. — Moscow : Languages of Slavic culture, 2004. [Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004]. — (In Rus.)
10. Mamardashvili M. K. Notes on Consciousness / Philosophy Questions. 1990. № 5. [Zametki o soznanii / Voprosy filosofii. 1990. № 5]. — (In Rus.)
11. Potebnya A. A. Collected Works. Thought and Language. — Moscow, 1999. [Sobranie trudov. Mysl' i yazyk. — M., 1999]. — (In Rus.)
12. Serebrennikov B. A. The Role of the Human Factor in Language: Language and Thinking. — Moscow : Science, 1988. 242 p. [Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i myshlenie. — M. : Nauka, 1988. 242 s.]. — (In Rus.)

13. Dictionary of Russian Mentality / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — Saint Petersburg, 2014. [Slovar' russkoy mental'nosti / V. V. Kolesov, D. V. Kolesova, A. A. Kharitonov. — SPb., 2014]. — (In Rus.)

14. Tarasov E. F. Actual Problems of the Analysis of Language Consciousness // Language Consciousness and the Image of the World. — Moscow, 2000. P. 24—32. [Aktual'nye problemy

analiza yazykovogo soznaniya // Yazykovoe soznanie i obraz mira. — M., 2000. S. 24—32]. — (In Rus.)

15. Florenskiy P. A. Works. In 2 vol. — Moscow : Truth, 1990. [Soch. : v 2 t. — M. : Pravda, 1990]. — (In Rus.)

16. Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Lexical Fund. Iss. 5. — Moscow, 1978. [Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 5. — M., 1978]. — (In Rus.)

Н. Н. Кошкарлова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

Н. Б. Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: —

E-mail: nkoshka@rambler.ru; verbalis@mail.ru.

На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу явления постправды в современной политической коммуникации. Авторы предлагают следующее определение изучаемого феномена: это такая деструкция и трансформация социальной и политической реальности, при которой происходит инверсия семантики происходящего, возникают когнитивные иллюзии, распространяются «псевдоновости», создатель которых не несет за это никакой ответственности, а преследует определенные цели и коррелирует их с эмоциональным настроем целевой аудитории. В работе предлагается лингвистический анализ лексической единицы «постправда», в результате чего делается вывод о том, что слово еще не может претендовать на статус термина, обозначая при этом ситуацию, при которой неопровержимые факты уже не играют никакой роли, а политика часто не является сферой постоянства, стабильности и правды. Жанровой репрезентацией искаженной действительности в межкультурном политическом пространстве в настоящей статье признаются фейковые новости, механизм создания которых описан авторами. Приводится конкретный речевой и экстралингвистический материал, демонстрирующий работу некоторых из указанных механизмов создания фейковых новостей. Авторы предлагают несколько советов, которые помогут рядовому пользователю отличить фейковые новости от настоящих. Делается вывод о соотношении явлений постправды и фейковых новостей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: постправда; фейковые новости; политические провокации; политические коммуникации; политический дискурс; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Институт лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет); 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, ауд.169; e-mail : nkoshka@rambler.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 285; e-mail : verbalis@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кошкарлова, Н. Н. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации / Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 50—56.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00465 А).

Правда всегда парадоксальна. Порой скажешь правду, говорят: «Ну ты врешь!» — а совершь, и все удивляются: «Надо ж, как в жизни бывает!»

Михаил Задорнов

ВВЕДЕНИЕ

Где проходит разграничительная линия между правдой и ложью в политической коммуникации? В чем заключаются различия и сходства между явлениями постправды и фейка? Необходимо ли оперировать термином *правда* или более корректно использовать слово *истина* при описании анализируемых феноменов? Можно ли говорить о

том, что правда для некоторых акторов политической коммуникации не входит в число основных ценностей? Правомерно ли при характеристике постправды рассуждать о популизме как типе политического сознания?

Вот лишь некоторые из тех вопросов, ответы на которые важны для понимания современной геополитической ситуации, прогнозирования возможного развития событий внутри одной страны и на межгосударствен-

ном уровне, лингвистической интерпретации ложной и диффамационной информации с целью сокращения (элиминации) манипулятивного потенциала фейковых новостей.

В своих предыдущих работах [Кошкарва 2018; Руженцева, Кошкарва 2018] мы уже обращались к характеристике фейковой новости как жанра политической провокации. Целью настоящего исследования является лингвопрагматическая характеристика постправды — феномена, который, с одной стороны, равнозначен явлению фейка, а с другой — обладает своими характерологическими признаками, отличающими его от смежных понятий.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН ИЛИ БАСТИОН ЛЖИ?

Постправда как феномен в западной политической коммуникации существует в течение последнего десятилетия, однако только в 2016 г. Оксфордский словарь признал это прилагательное (в английском языке слово *post-truth* употребляется в качестве препозитивного определения в сочетании со словом *politics*) словом года и предложил следующую его дефиницию: *relating to or denoting circumstances in which objective facts are less influential in shaping public opinion than appeals to emotion and personal belief* [Word of the Year 2016 is... http] — *обозначающий или относящийся к обстоятельствам, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям.*

В российском политическом и массмедийном пространстве анализируемая лексическая единица используется с некоторой долей осторожности, так как пока не совсем ясным представляется ее содержательное наполнение, вариативным остается и правописание слова (ср., например, *пост-правда* vs. *постправа*). *Post-truth* рассматривается отечественными исследователями в различных аспектах: с точки зрения политики [Политика постправды в современном мире 2017; Чугров 2017], в аспекте массмедийной коммуникации [Володина 2017; Жолудь 2018; Зиновьев 2018], с точки зрения лингвистики [Иванова 2017]. Зарубежные исследователи несколько расширяют область научного анализа и не только описывают современное положение дел в области постправды и фейковых новостей [Vöcskei 2017; Martin 2017], но и обсуждают пути борьбы с указанными деструктивными явлениями [Gilchrist 2018].

С философской точки зрения С. Фуллер определяет феномен постправды следую-

щим образом: «...порядок постправды, где только определенная группа людей знает, что **ИСТИННО И ЛОЖНО** (выделено нами. — *H. K., H. P.*) и контролирует это знание, а все остальные просто верят в то, что им говорят, основан на резком противопоставлении реальности и вымысла» [Фуллер http]. Действительно, в отношении постправды, вероятнее всего, приходится говорить именно об истине, а не о правде, так как, по справедливому замечанию историка и журналиста А. Ефимова, «*истина* одна на всех, а *правда* у каждого своя» [Ефимов http].

В лингвистическом плане важно дифференцировать феномен постправды и схожее с ним явление фейка, обладающее своими дискурсивными и лингвопрагматическими особенностями. С. В. Чугров разграничивает постправду и фейки по следующим критериям:

- 1) во-первых, термин «постправда» родился не в социокультурном, а в сугубо политическом дискурсе;
- 2) во-вторых, постправда — порождение виртуальной среды, в которой ключевую роль сыграли Интернет и социальные сети, взятые на вооружение политиками и бизнесом;
- 3) в-третьих, одно из центральных качеств постправды — это редукция и исчезновение смыслов в результате контекстной стандартизации политического дискурса [Чугров 2017: 45].

Суммируя наблюдения, сделанные другими учеными в ходе анализа феномена постправды [Берендеев 2017; Козловский 2018; Чугров 2017], и собственные исследования по анализируемой проблеме, делаем вывод о том, что постправда — это такая деструкция и трансформация социальной и политической реальности, при которой происходит инверсия семантики происходящего, возникают когнитивные иллюзии, распространяются «псевдоновости», создатель которых не несет за это никакой ответственности, а преследует определенные цели и коррелирует их с эмоциональным настроением целевой аудитории. При этом под инверсией дискурса М. В. Берендеев понимает «процедуру искажения или полного изменения смысла (включая сюда его онтологические, аксиологические и когнитивные параметры) описываемого события с последующим его укоренением в определенной знаковой и культурной системе (включая язык)» [Берендеев 2017: 25]. Действительно, постправда как когнитивный и социальный феномен презентуется в определенном наборе текстов и жанров, которые реализуют воздействующую функцию языка и оказывают речевое манипулирование — «разновидность манипулятивного воздействия, осуществ-

ляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина 2010: 25].

В лингвистическом плане лексическая единица *постправда* является неологизмом, образованным по активной словообразовательной модели (характерной как для английского, так и для русского языка), в котором, однако, префикс *пост-* расширяет свое значение: если раньше он обозначал «то же явление и понятие, что выражено мотивирующим существительным, но происходящее после него (постимпрессионизм, постредактирование)» [Пост- (префикс) http], то сейчас он обозначает то, что «относится ко времени, в котором указанный концепт или явление становится неважным или малозначительным». По такой модели в английском языке образованы слова *post-national*, *post-racial*, *post-colonial*. Приведем контексты употребления указанных лексических единиц.

- *In an astonishing statement to the New York Times in 2015, Justin Trudeau declared, "There is no core identity, no mainstream in Canada, and consequently that "makes us the first post-national state" (CBC News, December 8, 2018). — В своем нелепом заявлении газете New York Times в 2015 г. Джастин Трюдо утверждал, что в Канаде нет национальной идентичности, нет руководящей силы, что делает страну первым постнациональным государством (перевод здесь и далее наш. — Н. К., Н. Р.).*

- *"I grew acutely aware that many black people think this is a racist country, but white people don't feel that way, and I didn't either," he says. "I didn't see it until I heard their stories and felt their pain. People talk about a post-racial society. Well, for the most part, white people say that. Black people know better (Los Angeles Times, January 7, 2014). — „Я вырос с четким осознанием того, что чернокожие воспринимают эту страну как расистское государство, но белые так не думают, я тоже не считал так, — говорит он. — Мое мнение изменилось, когда я увидел реальные истории и настоящую боль этих людей. Кто-то рассуждает о пострасовом обществе. По большей части так думают белые. Чернокожим это известно лучше“.*

- *Awkwardly-fitting clothes, or rather, discomfort in one's appearance while in a new country is part of the migrant experience. Gurnah's previous novels include *By the Sea*, *Desertion* and the Booker Prize shortlisted *Paradise*. *Gravel Heart* joins them as a work of post-colonial literature that entertainingly intertwines migration and a tale of family drama (The Herald of Sunday, May 14, 2017). — Плохо сидящая*

одежда или, скорее, стеснение из-за своего внешнего вида, когда находишься в новой стране, — вот что чувствует мигрант. Среди ранних работ А. Гурнаха — „У моря“, „Запустение“ и вошедший в шорт-лист Букеровской премии „Рай“. „Каменное сердце“ тоже относится к произведениям постколониальной литературы, в которой миграция и семейная драма сплетены воедино.

В русском языке префикс *пост-* также отражает социальные и культурные экстралингвистические обстоятельства, влияющие на когнитивно-дискурсивную природу образованного с его помощью слова.

- Россия вступает в *посткрымский* период своей истории (Александр Проханов. На Крымском направлении // Известия. 2014.03.16).

- *Но это один сценарий, касающийся всех новых явлений, которые связывают с постлиберализмом, с „пост-Европой“ [Гостев http].*

Приведенные выше определения *постправды* и лингвистический анализ слова позволяют сделать вывод о том, что данная лексическая единица еще не может претендовать на статус термина, обозначая при этом ситуацию, при которой неопровержимые факты уже не играют никакой роли, а политика часто не является сферой постоянства, стабильности и правды.

БОРОТЬСЯ ИЛИ НЕ БОРОТЬСЯ?

С эпохой *постправды* тесным образом связаны фейковые новости, вернее, фейки являются жанровой репрезентацией искаженной действительности в межкультурном политическом пространстве. Анализу фейковых новостей посвящено большое количество работ как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [Суходолов, Бычкова 2017; Корецкая 2017; Распопова, Богдан 2018; Anand 2017; Botei 2017; McIntyre 2018], авторы которых пытаются найти ответы на два вечных вопроса: «Кто виноват?», «Что делать?» — но фейковые новости по-прежнему доминируют в информационном пространстве, так как «ценность фальшивых и настоящих новостей неодинаковая — и ложные выгоднее истинных» [Козловский 2018: 27]. Так, если вы сообщаете обыденную и ожидаемую информацию, то целевая аудитория получает новое знание в минимальном объеме. Неправдоподобные новости предоставляют их потребителю знания в превосходной степени, привлекают к себе больше внимания, обладают большим эффектом неожиданности, а создатели таких новостей принадлежат к числу избранного меньшинства.

Представляется, что сказанное будет достоверным прежде всего в отношении второй из выделенных Е. Стецко групп фейковых новостей:

1. Фейковые новости, использующиеся в рекламе и пиаре (реклама товаров и услуг, продвижение имиджа персон и бренда предприятий, организаций, торговых марок).

2. Fake news как средство политической борьбы и пропаганды определенных взглядов [Стецко <http>].

В фокусе нашего внимания — именно вторая группа фейковых новостей, которые стали продуктом «эпохи постправды», создаются как политиками, так и журналистами, распространяются через официальные средства массовой информации или социальные сети. Механизм создания фейковых новостей включает следующие компоненты:

1) отсутствие правдивых свидетельств о произошедших событиях в силу их давности, что является основой для создания поддельных свидетельств;

2) обвинение представителей других национальностей в совершении чего-то противозаконного или деструктивного;

3) демонизация врага как один из приемов манипулирования и средство информационно-психологической войны, что «неизбежно приводит к замкнутому кругу действий по эскалации напряженности, ведет к ухудшению отношений между странами» [Обертяева 2017: 4];

4) сфабрикованное сенсационное сообщение, которое может носить как политический, так и научный характер;

5) использование существующих предрассудков, суждений и мнений для раздувания недовольства существующим положением дел и (или) действиями противоположной стороны;

6) вплетение в текстовую ткань новости визуального ряда, который является поддельным и постановочным;

7) наличие только одного авторитетного источника информации или вообще отсутствия такового;

8) множественность интерпретаций значения лексической единицы, которая может быть детерминирована различными типами дискурса и (или) структурно-типологическими особенностями языка.

Приведем конкретный речевой и экстралингвистический материал, демонстрирующий работу некоторых из указанных механизмов создания фейковых новостей.

29 декабря 2018 г. на сайте американского издания *Washington Examiner* был размещен материал под заголовком «Melania Trump's trip to Iraq marked first war zone visit by a first lady in over a decade» — «Мелания

Трамп первой из жен президентов посетила зону боевых действий за последнее десятилетие». Фрагмент статьи:

• *When Melania Trump accompanied her husband President Trump to Iraq this week, it was the first time in more than a decade that a first lady of the United States had visited a war zone. Trump also became the only first lady to have visited Iraq since the war began more than 15 years ago. During the eight years of her husband's presidency, Michelle Obama never traveled to a war zone, according to Mark Knoller, a veteran CBS White House correspondent widely respected for his copious and accurate record-keeping of White House activities and events. "Checked my records," Knoller told the Washington Examiner. "Found no war zone trips by Mrs. Obama". — Сопровождая своего мужа — президента Трампа в поездке в Ирак на этой неделе, Мелания Трамп была первой из жен президентов, кто посетил зону военных действий за последнее десятилетие. Госпожа Трамп стала единственной из первых леди, кто побывал в Ираке с момента начала войны более 15 лет назад. Во время президентства своего мужа Мишель Обама никогда не была в зонах военных действий, как сообщил Марк Кноллер, корреспондент CBS News, который известен своими точными записями всего происходящего в Белом доме. „Согласно моим записям, госпожа Обама никогда не была в зоне военных действий“, — сказал Кноллер *Washington Examiner*.*

В приведенном фрагменте ложный характер сообщения основан на множественности интерпретации выражения *war zone*, семантика которого в английском языке не имеет однозначной трактовки. Так, если следовать дефиниции *war zone* как места, характеризующегося повышенной опасностью, то приведенная выше новость является фейковой, так как Мишель Обама, жена бывшего президента США Барака Обамы, встречалась с американскими солдатами на военной базе Аль-Удейд в Катаре, что в английском языке тоже описывается при помощи словосочетания *war zone*. Вероятно, в данном случае журналисту необходимо было разграничить два термина: *war zone* и *combat zone*, — последний является генерализованным обозначением любых военных действий на вражеской территории.

Другой важной частью работы журналиста или деятельности рядовых граждан в процессе восприятия новостей является умение отличать реальные фотографии от вымышленных. Так, в июне 2018 г. в Сети появилось изображение Барака Обамы, одетого в костюм Люцифера (рис.).

Рис.

Как утверждали сайты, разместившие данную фотографию, произошла «утечка» секретной информации. Однако, как выяснилось позже, изначально фотография была размещена на странице пользователя по имени @everysilversea в «Инстаграме» 20 января 2017 г. Вдумчивый читатель может вспомнить, что в этот день происходила инаугурация 45-го президента США Дональда Трампа. Таким образом человек, разместивший ложную фотографию, выразил недоверие действиями победившего президента, а ситуация еще раз подчеркивает тот факт, что «неправда распространяется в социальных сетях гораздо лучше правды» [Почепцов [http](http://)].

С целью проверки истинного или ложного характера сообщений существует большое количество ресурсов как в русскоязычном, так и в англоязычном пространстве: <https://noodleremover.news/>, <https://www.snopes.com/>, <https://www.factcheck.org/>. Вместе с тем каждый рядовой пользователь должен следовать некоторым советам, чтобы уметь отличать фейковые новости от настоящих:

1. Проверять место публикации, достоверность сайта.

2. Читать не только заголовок информационного сообщения, но и весь его текст.

3. Проверять авторство текста, сравнивать разные материалы автора, выяснять, действительно ли сообщение было создано реальным человеком.

4. Проверять даты.

5. Проверять доказательства, при необходимости обращаться к экспертам за подтверждением или опровержением информации.

6. Проверять фотографии.

7. Не позволять собственным предрассудкам затмевать критическое мышление при восприятии информации.

ВЫВОДЫ

Таким образом, несмотря на общие характерологические особенности, — изображение того, чего не существует в реальности — постправда является более глобальным явлением, чем фейковые новости. Постправда — это благоприятная среда для появления фейка, который является новым жанровым образованием, созданным по определенным канонам и правилам, с использованием механизмов пропаганды и манипулятивного воздействия. Отсутствие цензуры в Интернете приводит к увеличению числа недостоверных сообщений, борьба с которыми ведется на разных уровнях, а рядовой пользователь должен уметь отличать фейк от истины.

ИСТОЧНИКИ

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.01.2019).

2. British National Corpus. NOW Corpus [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/now> (date of access: 01.01.2019).

3. Washington Examiner [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/> (date of access: 09.01.2019).

4. Word of the Year 2016 is... [Electronic resource] URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (date of access: 02.01.2019).

ЛИТЕРАТУРА

5. Берендеев М. В. Инверсия образа страны и политика постправды в медийном дискурсе (Россия в польском кейсе) // Политика постправды в современном мире. — СПб. : Скифия-принт, 2017. С. 24—27.

6. Володина Л. В. Post-truth как антитеза достоверности в медийном тексте // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. 2017. № 2 (11). С. 57—62.

7. Гостев А. Мировая «постправда» эпохи Путина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28311969.html> (дата обращения: 02.01.2019).

8. Ефимов А. Платон мне друг, но истины не надо [Электронный ресурс]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world> (дата обращения: 04.01.2019).

9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova (дата обращения: 03.01.2019).

10. Иванова Е. А. Лингвистический феномен пост-правды в англоязычном политическом дискурсе // Вестн. Челябин. гос. пед. ун-та. 2017. № 9. С. 154—159.

11. Козловский Б. Максимальный репост: как соцсети заставляют нас верить фейковым новостям. — М.: Альпина Паблицер, 2018.

12. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. — М.: Флинта: Наука, 2010.

13. Корецкая О. В. Фейковые новости как объект изучения медиалингвистики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9 (75). В 2 ч. Ч. 1. С. 118—120.

14. Кошкарлова Н. Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2018. № 2 (191). С. 14—18.

15. Жолудь Р. В. «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 117—123.

16. Зиновьев И. В. Постправда на телевизионных экранах: новости против достоверности // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24. № 1 (171). С. 41—48.

17. Обертяева И. А. Информационная политика Запада по «демонизации» России: характерные черты // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2017. Т. 15. № 2. С. 77—82.

18. Политика постправды в современном мире. — СПб.: Скифия-принт, 2017.

19. Пост- (префикс) [Электронный ресурс] // Новый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-16/id-79344/post_prefiks_slovoobrazovatel'naya_edinita.html.

20. Почепцов Г. Г. Пространство постправды и пространство лжи стали сближаться, отсюда фейки и постправда [Электронный ресурс]. URL: hvylya.net/.../prostranstvo-pravdy-i-prostranstvo-lzhi-stali-sblizhatsya-otsyuda-feyki-i-p... (дата обращения: 09.01.2019).

21. Распопова Е. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: информационная мистификация: учеб. пособие. — М.: Аспект Пресс, 2018.

22. Руженцева Н. Б., Кошкарлова Н. Н. Политическая провокация: лингвистический комментарий недостоверных сообщений // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация. — Екатеринбург, 2018. С. 225—230.

23. Стецко Е. Fake news и феномен пост-правды: информационно-политические тренды года [Электронный ресурс].

URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/11/20/fake-news-i-fenomen-post-pravdy-informacionno-politicheskie-trendy-goda> (дата обращения: 08.01.2019).

24. Суходолов А. П., Бычкова А. М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 143—169.

25. Фуллер С. Постправда [Электронный ресурс]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/84059> (дата обращения: 03.01.2019).

26. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42—59.

27. Anand B. N. The U.S. Media's Problems Are Much Bigger than Fake News and Filter Bubbles // Harvard Business Review. 2017. Jan. 5. P. 2—10.

28. Böcskei B. "Post-truth politics" as the normal state of politics // Tamara : Journ. for Critical Organization Inquiry. 2017. Vol. 15. Iss. 3—4. Fall. P. 257—260.

29. Botei M. Misinformation with Fake News // Bulletin of the Transilvania Univ. of Braşov. Ser. VII: Social Sciences. Law. 2017. Vol. 10 (59). No. 2. P. 133—140.

30. Gilchrist A. Post-truth: an outline review of the issues and what is being done to combat it // Ibersid. 2018. 12:2. P. 13—24.

31. Martin N. Journalism, the Pressures of Verification and Notions of Post-Truth in Civil Society // Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journ. 2017. Vol. 9. No 2. P. 41—55.

32. McIntyre L. Post-truth. — Cambridge, Massachusetts: The MIT Pr., 2018.

N. N. Koshkarova

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8861-0353

N. B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: nkoshka@rambler.ru; verbalis@mail.ru.

Forth to Truth and Back to Hoax: Post-truth in Modern Political Communication

ABSTRACT. *The paper is devoted to the analysis of the phenomenon of post-truth in modern political communication. The authors suggest the following definition of the notion under study: it is such a destruction and transformation of social and political reality which causes inversion of the ongoing semantics, brings about cognitive illusions, and spreads pseudo-news the creator of which bears no responsibility for it but pursues certain aims and correlates it with the emotional state of the target audience. The authors analyze the lexical unit "post-truth" from the linguistic point of view and come to the conclusion that the word cannot be viewed upon as a term yet; it denotes the situation when irrefutable facts play no role any more, and the policy is no longer a sphere of trustworthiness, stability and truth. Fake news is admitted to be a genre representation of the post-truth phenomenon in the intercultural political space. The mechanism of creating fake news is described in the paper. The authors provide concrete speech and extra-linguistic material demonstrating the functioning of these mechanisms of fake news generation. Some pieces of advice are given for ordinary users how to tell fake news from real ones. The article makes a conclusion about the interrelation between post-truth and fake news.*

KEYWORDS: *post-truth; fake news; political provocations; political communications; political discourse; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Koshkarova Natal'ya Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of International Relations and Foreign Regional Studies, South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Koshkarova, N. N. Forth to Truth and Back to Hoax: Post-truth in Modern Political Communication / N. N. Koshkarova, N. B. Ruzhentseva // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 50—56.*

ACKNOWLEDGMENTS: *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-012-00465 A.*

MATERIALS

1. Russian National Corpus [Electronic resource]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (date of access: 01.01.2019).
2. British National Corpus. NOW Corpus [Electronic resource]. URL: <http://corpus.byu.edu/now> (date of access: 01.01.2019).
3. Washington Examiner [Electronic resource]. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/> (date of access: 09.01.2019).
4. Word of the Year 2016 is... [Electronic resource] URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016> (date of access: 02.01.2019).

REFERENCES

5. Berendeev M. V. Inversion of the Image of a Country and Post-Truth Policy in Media Discourse (Russia in the Polish Case) // Post-Truth Policy in the Modern World. — Saint Petersburg : Scythia-print, 2017. P. 24—27. [Inversiya obraza strany i politika postpravdy v mediynom diskurse (Rossiya v pol'skom keyse) // Politika postpravdy v sovremennom mire. — Spb. : Skifiya-print, 2017. S. 24—27]. — (In Rus.)
6. Volodina L. V. Post-truth as the Antithesis of Authenticity in the Media Text // Modern Periodicals in the Context of Communicative Processes. 2017. № 2 (11). P. 57—62. [Post-truth kak antiteza dostovernosti v mediynom tekste // Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov. 2017. № 2 (11). S. 57—62]. — (In Rus.)
7. Gostev A. The Global “Post-truth” of the Putin Era [Electronic resource]. [Mirovaya «postpravda» epokhi Putina]. URL: <https://www.svoboda.org/a/28311969.html> (date of access: 02.01.2019). — (In Rus.)
8. Efimov A. Plato is my Friend, but Truth is not Necessary [Electronic resource]. [Platon mne drug, no istiny ne nado]. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world> (date of access: 04.01.2019). — (In Rus.)
9. Efremova T. F. The New Dictionary of the Russian Language [Electronic resource]. [Novyy slovar' russkogo yazyka]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)
10. Ivanova E. A. The Linguistic Phenomenon of Post-truth in the English-speaking Political Discourse // Herald of Chelyab. State Ped. Univ. 2017. No. 9. P. 154—159. [Lingvisticheskiy fenomen post-pravdy v angloyazychnom politicheskom diskurse // Vestn. Chelyab. gos. ped. un-ta. 2017. № 9. S. 154—159]. — (In Rus.)
11. Kozlovskiy B. Maximum Repost: How Social Networks Make Us Believe the Fake News. — Moccow : Alpina Publ., 2018. [Maksimal'nyy repost: kak sotsseti zastavlyayut nas verit' feykovym novostyam. — M. : Al'pina Publisher, 2018]. — (In Rus.)
12. Kopnina G. A. Speech Manipulation. — Moscow : Flint : Science, 2010. [Rechevoe manipulirovanie. — M. Flinta : Nauka, 2010]. — (In Rus.)
13. Koretskaya O. V. Fake News as an Object of Studying Medialinguistics // Philological Sciences. Problems of Theory and Practice. 2017. No. 9 (75). In 2 parts. Part 1. P. 118—120. [Feykovye novosti kak ob"ekt izucheniya medialingvistiki // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 9 (75). V 2 ch. Ch. 1. S. 118—120]. — (In Rus.)
14. Koshkarova N. N. Fake News: Creative Solution or Fraud? // Herald of Tomsk State Ped. Univ. 2018. No. 2 (191). P. 14—18. [Feykovye novosti: kreativnoe reshenie ili moshennichestvo? // Vestn. Tomsk. gos. ped. un-ta. 2018. № 2 (191). S. 14—18]. — (In Rus.)
15. Zholud' R. V. “The Era of Post-Truths” in Western Journalism: Causes and Consequences // Herald of Voronezh State Univ. Ser.: Philology. Journalism. 2018. No. 3. P. 117—123. [«Era postpravdy» v zapadnoy zhurnalistike: prichiny i posledstviya // Vestn. Voronezh. gos. un-ta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2018. № 3. S. 117—123]. — (In Rus.)
16. Zinov'ev I. V. Post-truth on Television Screens: News Versus Authenticity // News of Ural Feder. Univ. Ser. 1, Problems of education, science and culture. 2018. Vol. 24. No. 1 (171). P. 41—48. [Postpravda na televizionnykh ekranakh: novosti protiv dostovernosti //

- Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2018. T. 24. № 1 (171). S. 41—48]. — (In Rus.)
17. Obertyaeva I. A. Western Information Policy on the “Demonization” of Russia: Characteristics // Modern Problems of the Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 15. № 2. P. 77—82. [Informatsionnaya politika Zapada po «demonizatsii» Rossii: kharakternye cherty // Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk. 2017. T. 15. № 2. S. 77—82]. — (In Rus.)
18. Post-truth Politics in the Modern World. — S. Peterb. : Scythia-print, 2017. [Politika postpravdy v sovremennom mire. — Spb. : Skifiya-print, 2017]. — (In Rus.)
19. Post- (prefix) [Electronic resource] // New Dictionary of the Russian Language / T. F. Efremova. [Post- (prefiks) // Novyy slovar' russkogo yazyka / T. F. Efremova]. URL: http://slovoonline.ru/slovar_efremova/b-16/id-79344/post_priefiks_slovoobra_zovatelnaya_edinita.html.
20. Pocheptsov G. G. The post-truth Space and the Lie Space Began to Converge, hence the Fakes and the Post-truth [Electronic resource]. [Prostranstvo postpravdy i prostranstvo lzhi stali sblizhat'sya, otsyuda feyki i postpravda]. URL: hvylyya.net/.../prostranstvo-pravdy-i-prostranstvo-lzhi-stali-sblizhatsya-otsyuda-feyki-i-p... (date of access: 09.01.2019). — (In Rus.)
21. Raspopova E. S., Bogdan E. N. Fake News: Information Hoax : teaching aid. — Moscow : Aspect Press, 2018. [Feykovye novosti: informatsionnaya mistifikatsiya : ucheb. posobie. — M. : Aspekt Press, 2018]. — (In Rus.)
22. Ruzhentseva N. B., Koshkarova N. N. Political Provocation: Linguistic Commentary of Inaccurate Messages // Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication. — Ekaterinburg, 2018. P. 225—230. [Politicheskaya provokatsiya: lingvisticheskiy kommentariy nedostovernnykh soobshcheniy // Uchim'sya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya. — Ekaterinburg, 2018. S. 225—230]. — (In Rus.)
23. Stetsko E. Fake News and the Post-truth Phenomenon: Informational and Political trends of the Year [Electronic resource]. [Fake news i fenomen post-pravdy: informatsionno-politicheskie trendy goda]. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2017/11/20/fake-news-i-fenomen-post-pravdy-informacionno-politicheskie-trendy-goda> (date of access: 08.01.2019).
24. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. “Fake news” as a Phenomenon of Modern Media Space: Concept, Types, Purpose, Countermeasures // Problems of the Theory and Practice of Journalism. 2017. Vol. 6. No. 2. P. 143—169. [«Feykovye novosti» kak fenomen sovremennogo mediaprostranstva: ponyatie, vidy, naznachenie, mery protivodeystviya // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2017. T. 6. № 2. S. 143—169]. — (In Rus.)
25. Fuller S. Post-truth [Electronic resource]. [Postpravda]. URL: <https://postnauka.ru/longreads/84059> (date of access: 03.01.2019). — (In Rus.)
26. Chugrov S. V. Post-truth: the Transformation of Political Reality or the Self-destruction of Liberal Democracy // Polis. Political studies. 2017. No. 2. P. 42—59. [Post-truth: transformatsiya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noy demokratii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 42—59]. — (In Rus.)
27. Anand B. N. The U.S. Media's Problems Are Much Bigger than Fake News and Filter Bubbles // Harvard Business Review. 2017. Jan. 5. P. 2—10.
28. Böcskei B. “Post-truth politics” as the normal state of politics // Tamara : Journ. for Critical Organization Inquiry. 2017. Vol. 15. Iss. 3—4. Fall. P. 257—260.
29. Botei M. Misinformation with Fake News // Bulletin of the Transilvania Univ. of Braşov. Ser. VII: Social Sciences. Law. 2017. Vol. 10 (59). No. 2. P. 133—140.
30. Gilchrist A. Post-truth: an outline review of the issues and what is being done to combat it // Ibersid. 2018. 12:2. P. 13—24.
31. Martin N. Journalism, the Pressures of Verification and Notions of Post-Truth in Civil Society // Cosmopolitan Civil Societies: An Interdisciplinary Journ. 2017. Vol. 9. No 2. P. 41—55.
32. McIntyre L. Post-truth. — Cambridge, Massachusetts : The MIT Pr., 2018.

РАЗДЕЛ 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 811.111'42:811.111'38
DOI 10.26170/pl19-01-06
ББК Ш43/21-51+Ш43/21-55

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19; 10.02.04

Н. В. Зиновьев

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия
ORCID ID: —

Е. А. Нахимова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0003-4908-632X

E-mail: nakhimova@gmail.com; nikolas_dark@mail.ru.

Доминантная метафорическая модель «ДВИЖЕНИЕ» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики

АННОТАЦИЯ. Представлен анализ метафор, использованных в текстах современного британского политика Дэвида Кэмерона. Сопоставлено метафорическое моделирование политического дискурса, с одной стороны — периода избирательной кампании, а с другой — периода, когда Дэвид Кэмерон занимал должность премьер-министра Великобритании. Доказано, что доминантной для дискурса Кэмерона является метафорическая модель со сферой-источником «ДВИЖЕНИЕ». Проведен детальный разбор используемых фреймов и составляющих их типовых слотов. Выявлена высокая частотность использования следующих фреймов: «Путешествие», «Вид перемещения», «Характер движения», «Помеха движению», «Факторы, способствующие движению». Обнаружено, что Д. Кэмерон регулярно использует следующие слоты: «Путь», «Хожждение», «Автотранспорт», «Восхождение», «Хожждение кругами», «Смена направления», «Движение вперед», «Препятствие», «Ловушка», «Мертвый груз», функциональный и конструктивный элемент, обеспечивающий вертикальные связи. Сделан вывод о том, что в период пребывания Д. Кэмерона в должности руководителя правительства метафоричность его речи существенно возрастает, увеличивается количество ярких образов, активизируются новые сферы и фреймы метафорического притяжения. Изменение функций политика закономерно ведет к преобразованию его риторики. В конце статьи приводится информация статистического характера для подтверждения результатов проведенной работы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорические модели; метафорическое моделирование; политическая метафорология; политические метафоры; концепты; политический дискурс; политические деятели; премьер-министр Великобритании.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Зиновьев Никита Викторович, аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Сургутский государственный университет; 628412, Россия, г. Сургут, пр-т Ленина, 1; e-mail: nikolas_dark@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Нахимова Елена Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: nakhimova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Зиновьев, Н. В. Доминантная метафорическая модель «ДВИЖЕНИЕ» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики / Н. В. Зиновьев, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 57—64.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00465 «Лингвополитическая персонология: дискурсивный поворот».

Политическая лингвистика — интенсивно развивающееся направление современной науки [Баранов 2003; Будаев 2008, Гаврилова 2011, Чудинов 2006; Чудинов 2013 и др.]. В последние годы внимание специалистов все больше привлекает публичная речевая деятельность государственных лидеров [Алексеева 2012; Алышева 2012; Анисимова 2016; Гаврилова 2011; Гаврилова 2012, Нахимова 2016; Паршина 2005; Седых 2012; Седых 2016 и др.]. Выбор политиком языковых средств, в том числе метафор, в значительной

степени обусловлен той системой ценностных ориентиров, которые определяют национальное самосознание и индивидуальную картину мира, свойственную политике.

Для данного этапа развития нашей науки характерно переключение внимания специалистов на динамику коммуникативных портретов, на зависимость метафорического арсенала политика от того, какой пост он занимает, какую роль выполняет в политической системе государства [Асташова 2012; Гаврилова 2011; Чудинов, Нахимова, Никифо-

рова 2018; Чудинов, Никифорова 2018 и др.]. Предметом нашего исследования стала темпоральная динамика характеристик коммуникативной практики британского политика Дэвида Кэмерона. Сопоставлено метафорическое моделирование политического дискурса, с одной стороны, периода избирательной кампании, а с другой — периода, когда Дэвид Кэмерон занимал должность премьер-министра Великобритании.

При выборе методологии сопоставления за основу была взята традиционная для уральской школы политической метафорологии методика фреймово-слотового анализа [Будаев 2008; Чудинов 2006 и др.].

Одна из наиболее характерных для метафорических моделей в дискурсе Д. Кэмерона сфер-источников — «ДВИЖЕНИЕ». Рассмотрим основные фреймы и слоты этой модели в период предвыборной кампании.

1. Фрейм «Путешествие»

Слот 1.1. Путь

Сфера-мишень представлена такими понятиями, как общество, экономика, политика, команда, партия, ответственность и т. д. Наиболее частые лексемы — это *way*, *road*, *path* и другие:

– *It is our responsibility to make sense of this crisis for them, and to show them the right way out of it* [Cameron, Leader's speech 2008]. / Мы несем ответственность за то, чтобы объяснить им суть этого кризиса и показать им правильный **путь** из него;

– *When you've taken the wrong road, you don't just keep going* [Cameron, Leader's speech 2008]. / Когда вы выбрали неправильную **дорогу**, вы просто прекращаете движение по ней.

В рамках метафорической модели «Движение» количество лексем, представляющих слоты данного фрейма, возрастает в период получения Д. Кэмероном должности премьер-министра страны. Коннотация, как правило, положительная, так как понятие движения главным образом связано с развитием и процветанием (однако порой развитие может пойти не в том направлении, например, когда образ неверно выбранного пути связывается с ошибочными реформами и инициативами).

Рассмотрим следующий фрейм.

2. Фрейм «Вид перемещения»

Слот 2.1. Хождение

Сфера-мишень в данном случае — политика, выборы, образование. Основная лексема — «*step*».

– *So if this government goes ahead with the plans to say the district general hospital is over,*

we will fight them every step of the way between now and the general election [Cameron, Leader's speech 2007]. / Поэтому, если это правительство продолжит с заявлениями, что окружная больница „закончилась“, мы будем бороться с ними на каждом **шагу** между „сейчас“ и всеобщими выборами.

Шаг в данном случае действие на пути к лучшей Британии. В то же время посредством данной метафоры дается предупреждение представителям Лейбористской партии о том, что не следует стоять на пути у консерваторов.

Слот 2.2. Автотранспорт

Сфера-мишень в данном случае — политика, реформы, преобразование. Основные лексемы — *driving seat*, *brake*, *accelerator*.

– *I brought together the real experts, leaders in youth work from over twenty different voluntary organisations. We discussed my proposal. They gave their views. And now they're in the driving seat* [Cameron, Speech to the Centre for Social Justice 2006]. / Я собрал настоящих экспертов, лидеров в работе с молодежью из более чем двадцати различных общественных организаций. Мы обсудили мое предложение. Они высказали свои взгляды. И теперь они на **водительском месте**;

– *The government has got its academy programme. It's a good programme. But I feel that Gordon Brown is putting his foot on the brake when he should be putting his foot on the accelerator...* [Cameron, Leader's speech 2007] / У правительства есть своя академическая программа. Это хорошая программа. Но я чувствую, что Гордон Браун ставит ногу на **тормоз**, когда он должен давить на **газ**...

В данном случае политик сравнивается с водителем. Движение вперед воплощено в принятии политической программы. Лейбористы же препятствуют этому движению. Очень показателен образ Гордона Брауна как неуверенного «водителя».

Слот 2.3. Восхождение

Сфера-мишень в данном случае — массовый долг, социальный крах, политическое разочарование. Основные лексемы — *climb* и *mountain*.

– *So yes, there is a steep climb ahead* [Cameron, Leader's speech 2009] / Так что да, впереди **крутой подъем**;

– *I know Francis likes to pretend that everything is doom and gloom. He's always talking about the mountain we have to climb* [Cameron, Leader's speech 2006a]. / Я знаю, что Фрэнсису нравится притворяться, будто все обречено и мрачно. Он всегда говорит о **горé**, на которую нам нужно взобраться.

Первоначально движение под руководством консерваторов сравнивается с восхождением на гору. Связано это с теми проблемами, с которыми им придется столкнуться после победы на выборах.

3. Фрейм «Характер движения»

Слот 3.1. Хождение кругами

Сфера-мишень в данном случае — это политика. Лексема — *went round*:

– *So New Labour went **round and round in circles*** [Cameron, Leader's speech 2006a]. / *Итак, новые лейбористы начали **ходить кругами**.*

Едва заметный, но тем не менее довольно важный слот. Одна из причин сложившейся ситуации, по мнению оратора, в том, что лейбористы водят страну кругами, не позволяя двигаться в нужном направлении. Заключается это в ошибочной отмене реформ либо несвоевременных попытках их реализации.

Слот 3.2. Смена направления

Сфера-мишень здесь представлена такими понятиями, как «экономика» и «страна». Характерная лексема — *direction*.

– *Our task is to lead Britain in a completely different **direction*** [Cameron, Leader's speech 2009]. / *Наша задача — вести Великобританию в совершенно другом **направлении**.*

Когда заходит речь о смене направления, затрагиваются, как правило, методы управления государством, реформирование экономической, социальной и других систем государства.

Теперь рассмотрим **фреймы и составляющие их слоты в дискурсе Д. Кэмерона в период, когда он занимал должность премьер-министра Великобритании.**

1. Фрейм «Путешествие»

Слот 1.1. Путь

Количество понятий, представляющих сферу-мишень, увеличивается. Теперь к ним добавляются такие понятия, как «нация», «страна», «сообщество», «нечто лучшее», «система социального обеспечения» и т. д. Наиболее частые лексемы — *way, trip, journey* и другие:

– *Because we know in this party that the best **route** out of poverty is work* [Cameron, Leader's speech, Manchester 2015]. / *Потому что мы знаем в этой партии, что лучший **маршрут** из бедности — это работа;*

– *Our huge deficit and rapidly growing public debt are the clearest manifestations of our economic mistakes — the **glaring warning sign** overhead telling us we have taken the **wrong route*** [Cameron, "Transforming the British economy: Coalition strategy for economic

growth" 2010]. / *Наш огромный дефицит и быстрорастущий государственный долг являются самыми явными проявлениями наших экономических ошибок — яркий **предупреждающий знак**, говорящий нам, что мы выбрали **неверный маршрут**.*

Встречаются примеры как с положительной, так и с негативной коннотацией. Говоря о пути, Д. Кэмерон, как правило, затрагивает правильность либо ошибочность направления, по которому нужно следовать, чтобы выбраться из сложившейся ситуации либо преодолеть определенные трудности.

2. Фрейм «Вид перемещения»

Слот 2.1. Хождение

Сфера-мишень в период пребывания в должности премьер-министра — «нация», «общество», «образование». Основные лексемы — *step, stride, walk*:

– *We're at a moment where all the hard work is finally paying off... and the light is coming up after some long dark days. Go back now and we'll lose all we've done... falling back into the shadows when we could be **striding** into the sun* [Cameron, Leader's speech, Birmingham 2014]. / *Мы находимся в том моменте времени, когда вся тяжелая работа, наконец, окупается... и после долгих темных дней поднимается солнце. Вернемся назад, и мы потеряем все, чего мы достигли... падая обратно во тьму, когда мы могли бы **шагать** к свету;*

– *Because let's be clear: There is no "**walk on by**" option* [Cameron, Leader's speech, Birmingham 2014]. / *Потому что давайте будем честны: нет варианта „**пройти мимо**“.*

Пешее движение всегда связано с трудностями. Порой шаг, представленный как инициатива или законопроект, может потребовать много усилий от правительства. По мнению Кэмерона, Британия может совершать правильные шаги, но при этом нужно избегать ошибочных, которые ввергнут страну во мглу неудачных законов и решений.

Слот 2.2. Автотранспорт

Сфера-мишень в данном случае — «политика», «общество», «образование». Основные лексемы — *passengers, drivers*:

– *I know the British people and they are not **passengers** — they are **drivers**. I've seen the courage of our soldiers, the spirit of our entrepreneurs, the patience of our teachers, the dedication of our doctors, the compassion of our care workers, the wisdom of our elderly, the love of our parents, the hopes of our children* [Cameron, Leader's speech, Birmingham 2010]. / *Я знаю британцев, и они не **пассажиры** — они **водители**. Я видел мужество наших солдат,*

дух наших предпринимателей, терпение наших учителей, самоотверженность наших врачей, сострадание наших медработников, мудрость наших пожилых людей, любовь наших родителей, надежды наших детей.

С точки зрения Д. Кэмерона, государством управляют не политики, а граждане. В очередной раз он дал это понять посредством довольно интересной метафоры. Автотранспорт — это то, что есть у многих людей. В данном случае метафора служит для того, чтобы показать отношение к избирателям, т. е. подчеркивается, что если к власти будет допущен кандидат от консерваторов, то управлять страной будут именно граждане и региональные представители, а это, по большому счету, и является идеальным примером демократии.

3. Фрейм «Характер движения»

Слот 3.2. Смена направления

Сфера-мишень по сравнению с периодом избирательной кампании не меняется. Характерная лексема — *turn around*:

— *When we came to office, we faced a clear and daunting task: to turn our country around* [Cameron, Leader's speech, Manchester 2013]. / *Когда мы пришли на работу в кабинет, мы столкнулись с непростой задачей: развернуть нашу страну.*

Данный слот встречается и до, и после вступления Д. Кэмерона в должность премьер-министра. Однако если раньше говорилось об *изменении направления* пути, то сейчас возникает необходимость *полного разворота*. Связано это с тем, что, по мнению консерваторов, ошибки либеральной партии направили страну в неверном направлении, а порой даже ведут назад. Разворот необходим в первую очередь в экономике. Это обеспечит движение страны вперед, выражающееся в достойной оплате труда, росте уровня жизни, увеличении поддержки семей, — одним словом, в достижении страной процветания.

Слот 3.3. Движение вперед

В период премьерства Д. Кэмерона сфера-мишень включала такие понятия, как «семья», «страна», «возможность», «общество» и т. д. Основные лексемы — *forward* и *forwards*:

— *And the thing you can't measure but you just know it when you see it, the sense that our country is moving forwards once again* [Cameron, Leader's speech, Birmingham 2010]. / *И то, что вы не можете измерить, но вы просто знаете это, когда видите, ощущение, что наша страна снова движется вперед;*

— *We are in this together — and we are agreed on the way forward* [Cameron, "Transforming the British economy: Coalition strategy for economic growth" 2010]. / *Мы вместе — и мы согласны двигаться вперед.*

Движение вперед всегда очень показательный слот, который имеет исключительно положительную коннотацию и служит, как правило, для подтверждения правильности определенных политических инициатив, реформ и т. д. Данный фрейм наблюдается в период пребывания Д. Кэмерона в должности премьер-министра.

4. Фрейм «Помеха движению»

Слот 4.1. Препятствие

Сфера-мишень представлена такими понятиями, как «торговля», «развитие», «возможности», «система планирования», «благотворительность» и т. д. Наиболее частотные лексемы — *obstacle*, *barrier*, *wall*, *mud* и другие:

— *One of the best things we could do for the British economy today is break down the barriers to trade* [Cameron, "Transforming the British economy: Coalition strategy for economic growth", Shipley 2010]. / *Одна из лучших вещей, которые мы могли бы сделать для британской экономики сегодня, — это преодоление торговых барьеров.*

Речь идет о поддержке торговли и устранении протекционизма. Дэвид Кэмерон, являясь глобалистом, считает, что для развития экономики необходимо разрушить препятствующие дальнейшему движению страны торговые барьеры: в его понимании экономическое развитие может происходить лишь путем взаимодействия с другими странами, в том числе и в сфере экспорта-импорта.

— *If there's a problem or obstacle or bureaucratic log-jam, they will be there, on hand, to help break them down and get things moving* [Cameron, "Speech on the Big Society", Liverpool 2010]. / *Если есть проблема, или препятствие, или бюрократический завал, они будут там, чтобы помочь устранить их и возобновить работу.*

Говоря о местных лидерах, парламентариях и советниках, таких как Филип Редмонд, Д. Кэмерон отмечает, что именно они — тот инструмент, который поможет преодолеть любые барьеры.

Слот 4.2. Ловушка

Сфера-мишень представлена такими понятиями, как «бедность», «благотворительность» и «зависимость». Основная лексема — *trap*:

— *The system we inherited was not only unaffordable. It also trapped people in poverty and*

encouraged irresponsibility [Cameron, "Speech on welfare" 2012]. / Система, которую мы унаследовали, была не только непозволительной. Также из-за нее люди попали в ловушку нищеты и поощряемой безответственности;

– A welfare system that **trapped** millions in dependency [Cameron, Leader's speech 2011]. / Система социального обеспечения оказалась **ловушкой** для миллионов зависимых людей.

Коннотация у подобных метафор, как правило, негативная: изображается, как странным образом система, созданная для помощи людям, стала их ловушкой. Это характерно для многих стран Европейского и других континентов. Д. Кэмерону данный концепт помогает сфокусировать внимание на довольно важной проблеме, а именно необходимости привести в порядок социальную сферу.

Слот 4.3. «Мертвый» груз

Сфера-мишень в данном случае — «система образования». Основная лексическая единица — *drag back*:

– ...And that's why on education we won't let Labour **drag us back** to square one — we're going to finish what we have begun [Cameron, Leader's speech, Birmingham 2014]. / ...И поэтому касаясь образования мы не позволим лейбористам **тянуть нас назад** — мы собираемся закончить то, что мы начали.

Обращаясь к системе школьного образования, Д. Кэмерон говорит об ошибочном, по его мнению, подходе в обучении, когда преподаватель работает со всеми учениками одинаково, независимо от уровня их способностей. За этим стоит так называемая философия того, что «все должны выигрывать призы». Современная школа Британии основана на всеобщем уравнивании и отмене грантов. Апологетами школьных реформ выступали лейбористы, что, в свою очередь, буквально делает их «мертвым грузом» для развития страны.

5. Фрейм «Факторы, способствующие движению»

Слот 5.1. Функциональные и конструктивные элементы, обеспечивающие вертикальные связи

Сфера-мишень включает следующие понятия: «образование», «возможности», «безопасность», «экономика». Основные лексемы — *stepping stone, springboard, ladder*.

– ... these are the **stepping stones** on the **path** to greatness for our country — and we've been laying them every day since we came to office [Cameron, Leader's speech, Manchester 2015]. / ...это **каменные ступеньки на пути** к величию для нашей страны — и мы кладем их каждый день с тех пор, как вступили в должность;

– We know that education is the **springboard** to opportunity [Cameron, Leader's speech, Manchester 2015]. / Мы знаем, что образование — это **трамплин** для возможности;

– Yes, you must help people — but you help people by putting up **ladders** that they can climb through their own efforts [Cameron, Leader's speech, Manchester 2013]. / Да, вы должны помогать людям — но вы поможете людям, давая им **лестницы**, при помощи которых они могут подняться своими силами;

– Labour talked opportunity but ripped the **ladders** of opportunity away [Cameron, Leader's speech 2011]. / Лейбористы говорили о возможностях, но убрали **лестницы** возможностей прочь.

В период вступления Д. Кэмерона в должность премьер-министра в его дискурсе параллельно с фреймом «ПОМЕХА ДВИЖЕНИЮ» возникает и только что рассмотренный фрейм. Это и своеобразные *ступеньки*, и некий *трамплин*, и *лестницы*, которые могут предложить консерваторы. Лейбористы же, наоборот, лишают людей возможностей к развитию. Приведенные лексемы указывают на возможности для движения в плане социализации и служат простым, но сильнодействующим для большинства людей образом, воплощающим инициативы и реформы Консервативной партии.

Количественные результаты исследования приведены в таблице.

Таблица 1

Частотные показатели метафорической модели со сферой-источником «ДВИЖЕНИЕ»

№	Наименование фрейма	Наименование слота	Частотность			
			I		II	
			Кол-во	Проц.	Кол-во	Проц.
1	Путешествие	1.1. Путь	27	60,0 %	61	59,8 %
2	Вид перемещения	2.1. Хождение	8	17,7 %	5	4,9 %
		2.2. Автотранспорт	2	4,4 %	1	0,9 %
		2.3. Восхождение	4	8,8 %	—	—
3	Характер движения	3.1. Хождение кругами	1	2,2 %	—	—
		3.2. Смена направления	3	6,6 %	4	3,9 %
		3.3. Движение вперед	—	—	8	7,8 %
4	Помеха движению	4.1. Препятствие	—	—	10	9,8 %
		4.2. Повушка	—	—	4	3,9 %
		4.3. «Мертвый груз»	—	—	1	0,9 %
5	Факторы, способствующие движению	5.1. Функциональный и конструктивный элемент, обеспечивающий вертикальные связи	—	—	8	7,8 %
Всего			45	100 %	102	100 %

В целом рассмотренный нами материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Концептуальная метафора с исходной сферой-источником «ДВИЖЕНИЕ» представлена различным количеством фреймов и слотов в оба рассматриваемых периода, но общее количество метафорических репрезентаций в период пребывания в должности премьер-министра (102) превышает их количество в период предвыборной кампании (45). Можно сделать вывод о том, что речь Д. Кэмерона в период работы на посту премьер-министра становится более насыщенной и яркой, обладающей более высоким прагматическим потенциалом.

2. Наиболее частотным фреймом в оба периода является фрейм «Путешествие» (59,4 %). Происходит расширение состава лексических единиц. Поскольку понятие движения в первую очередь связано с развитием, Д. Кэмерон таким образом заостряет внимание на необходимости изменений в стране на политическом, социальном, экономическом и других уровнях.

3. В период пребывания в должности премьер-министра возникают два новых фрейма — «Помеха движению» (10,1 %) и «факторы, способствующие движению» (5,4 %). Данное явление свидетельствует об изменениях внутри страны. Возникают не только новые трудности, воплощающиеся в образах препятствий на пути к достижению успеха, но и образы тех событий и явлений, которые помогут данные трудности преодолеть.

4. В сферу-мишень входит значительное число понятий, например, таких как общество, экономика, политика, команда, партия,

ответственность, семья, страна, возможность и т. д. Количество этих понятий увеличивается в период работы в должности премьер-министра в связи с тем, что увеличивается число проблемных отраслей, однако, как признает сам Д. Кэмерон, исправить ситуацию не всегда удавалось, равно как осуществить правильные шаги.

ИСТОЧНИКИ

1. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Birmingham 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=153>.
2. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Blackpool 2007 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=152>.
3. David Cameron (Conservative) Speech to the Centre for Social Justice, London 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=318>.
4. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=154>.
5. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Bournemouth 2006a [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=314>.
6. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=36>.
7. David Cameron (Conservative) "Transforming the British economy: Coalition strategy for economic growth", Shipley 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=351>.
8. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Birmingham 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=356>.
9. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Birmingham 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=214>.
10. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=354>.
11. David Cameron (Conservative) "Speech on the Big Society", Liverpool 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=321>.

12. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=313>.

13. David Cameron (Conservative) "Speech on welfare", Bluewater, Kent 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=350>.

14. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=354>.

ЛИТЕРАТУРА

15. Алексеева А. К. Политический портрет В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 64—80.

16. Альшешва Ю. С. Речевой портрет В. В. Путина // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. 2012. № 2 (16). С. 171—174.

17. Анисимова С. А. Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В. В. Путина и Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2016. № 57. С. 77—83.

18. Астахова О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. — Екатеринбург, 2012. 245 с.

19. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык средств массовой информации. — М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 134—140.

20. Будаев Э. В. Методики сопоставительного анализа политической метафоры // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. I. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 56. Вып. 23. С. 210—216.

21. Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета президента России Д. А. Медведева // Вестн. ТвГУ. Сер. «Филология». 2011. № 1. С. 4—10.

N. V. Zynov'ev

Surgut State University, Surgut, Russia

ORCID ID: —

E. A. Nakhimova

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-4908-632X

E-mail: nakhimova@gmail.com; nikolas_dark@mail.ru.

22. Гаврилова М. В. Некоторые черты речевого портрета первого президента России Б. Ельцина // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 17—22.

23. Нахимова Е. А. «Прямая линия» с народом»: президентские ответы на детские вопросы // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 22—26.

24. Нехорошева А. М. Особенности языковой личности политического лидера Германии Ангелы Меркель // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 147—150.

25. Паршина О. Н. Риторический портрет В. В. Путина // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. — Саратов, 2005. № 5. С. 25—35.

26. Седых А. П. К вопросу об идиополитическом стиле В. В. Путина // Политическая лингвистика. 2016. № 55. С. 35—41.

27. Седых А. П. Идеологические элементы фразеологии политического руководителя (на материале дискурса В. В. Путина и А. Меркель) // Политическая лингвистика. 2012. № 1. С. 57—67.

28. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М.: Флинта : Наука, 2006. 256 с.

29. Чудинов А. П. и др. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

30. Чудинов А. П., Нахимова Е. А., Никифорова М. В. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 14—31.

31. Чудинов А. П., Никифорова М. В. Лингвополитическая персонология как научное направление // Филологические науки : науч. доклады высшей школы. 2018. № 1. С. 45—52.

Dominant Metaphorical Model “MOVEMENT” in the Discourse of British Prime Minister David Cameron: a Technique for Studying Temporal Dynamics

ABSTRACT. *The article analyzes the metaphors used in the texts of the contemporary British politician David Cameron. The authors carry out metaphorical modeling of the political discourse of D. Cameron, on the one hand, during his election campaign and, on the other, during the period when he held office of the Prime Minister of Great Britain. The article argues that the metaphorical model with the source domain “MOVEMENT” is dominant for D. Cameron’s discourse. The authors present a detailed analysis of the frames and typical slots employed. The following frames are very frequently used: “Travel”, “Type of movement”, “Character of movement”, “Obstacle to movement”, “Factors facilitating movement”. It has been found that D. Cameron regularly uses the following slots: “Way”, “Walking”, “Motor transport”, “Climbing”, “Walking in circles”, “Change of direction”, “Movement forward”, “Obstacle”, “Trap”, “Dead Weight”, as functional and structural elements that provide vertical relationships. The authors conclude that during the period when David Cameron held the position of the Prime Minister of Great Britain, the metaphorical load of his speech significantly increased, the quantity of bright images grew up, and new spheres and frames of metaphorical attraction became more active. The change of politician’s functions naturally leads to the transformation of his rhetoric. In its final part, the article provides statistical information to confirm the results of the work carried out.*

KEYWORDS: *metaphorical models; metaphorical modeling; political metaphorology; political metaphors; concepts; political discourse; politicians; Prime Minister of Great Britain.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Zynov'ev Nikita Victorovich, Post-graduate Student, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Surgut State University, Surgut, Russia.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Nakhimova Elena Anatol'evna, Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Zynov'ev, N. V. Dominant Metaphorical Model “MOVEMENT” in the Discourse of British Prime Minister David Cameron: a Technique for Studying Temporal Dynamics / N. V. Zynov'ev, E. A. Nakhimova // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 57—64.*

ACKNOWLEDGMENTS. *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-012-00465 «Linguo-Political Personology: Discursive Turn».*

MATERIAL

1. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Birmingham 2008 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=153>.
2. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Blackpool 2007 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=152>.
3. David Cameron (Conservative) Speech to the Centre for Social Justice, London 2006 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=318>.
4. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2009 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=154>.
5. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Bournemouth 2006a [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=314>.
6. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=36>.
7. David Cameron (Conservative) "Transforming the British economy: Coalition strategy for economic growth", Shipley 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=351>.
8. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Birmingham 2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=356>.
9. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Birmingham 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=214>.
10. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=354>.
11. David Cameron (Conservative) "Speech on the Big Society", Liverpool 2010 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=321>.
12. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=313>.
13. David Cameron (Conservative) "Speech on welfare", Bluewater, Kent 2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=350>.
14. David Cameron (Conservative) Leader's speech, Manchester 2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=354>.

REFERENCES

15. Alekseeva A. K. Political Portrait of V. V. Putin and D. A. Medvedev (on the material of the press and associative experiment) // *Political Linguistics*. 2012. № 3. P. 64—80. [Politicheskii portret V. V. Putina i D. A. Medvedeva (na materiale pressy i associativnogo eksperimenta)] // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. № 3. S. 64—80]. — (In Rus.)
16. Alysheva Yu. S. Speech Portrait of V. V. Putin // *Herold of Volgogr. State Univ.* 2012. № 2 (16). P. 171—174. [Rechevoy portret V. V. Putina // *Vestn. Volgogr. gos. un-ta*. 2012. № 2 (16). S. 171—174]. — (In Rus.)
17. Anisimova S. A. The Role of Precedent Phenomena in the Formation of the National Mental Space (based on a comparative analysis of the discourses of presidents V. V. Putin and B. Obama) // *Political Linguistics*. 2016. No. 57. P. 77—83. [Rol' pretsedentnykh fenomenov v formirovanii natsional'nogo mental'nogo prostranstva (po materialam sopostavitel'nogo analiza diskursov prezidentov V. V. Putina i B. Obamy)] // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 57. S. 77—83]. — (In Rus.)
18. Astashova O. I. Speech Portrait of Politics as a Dynamic Phenomenon : dis. ... Cand. Filol. Sciences: 10.02.01. — Ekaterinburg, 2012. 245 p. [Rechevoy portret politika kak dinamicheskiy fenomen : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. — Ekaterinburg, 2012. 245 s.]. — (In Rus.)

19. Baranov A. N. Political Political Metaphor of a Journalistic Text: Possibilities of Linguistic Monitoring // *Language of mass media*. — M.: Moscow State University Publishing House, 2003. P. 134—140. [Politicheskaya metaforika publitsicheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa // *Yazyk sredstv massovoy informatsii*. — M. : Izd-vo MGU, 2003. S. 134—140]. — (In Rus.)
20. Budaev E. V. Methods of Comparative Analysis of Political Metaphors // *Herold of Ural State Univ. Ser. 1. Problems of education, science and culture*. 2008. № 56. Vol. 23. P. 210—216. [Metodiki sopostavitel'nogo analiza politicheskoy metaforiki // *Izv. Ural. gos. un-ta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*. 2008. № 56. Vyp. 23. S. 210—216]. — (In Rus.)
21. Gavrilova M. V. Some Features of the Speech Portrait of the President of Russia D. A. Medvedev // *Herold of TVU. Ser. "Philology"*. 2011. No. 1. P. 4-10. [Nekotorye cherty rechevogo portreta prezidenta Rossii D. A. Medvedeva // *Vestn. TvGU. Ser. «Filologiya»*. 2011. № 1. S. 4—10]. — (In Rus.)
22. Gavrilova M. V. Some Features of the Speech Portrait of the First President of Russia B. Yeltsin // *Political Linguistics*. 2012. No. 4. P. 17—22. [Nekotorye cherty rechevogo portreta pervogo prezidenta Rossii B. El'tsina // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. № 4. S. 17—22]. — (In Rus.)
23. Nakhimova E. A. "The straight line" with the People": Presidential Answers to Children's Questions // *Political Linguistics*. 2016. № 2 (56). P. 22—26. ["Pryamaya liniya" s narodom": prezidentskie otvety na detskie voprosy // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 2 (56). S. 22—26]. — (In Rus.)
24. Nekhorosheva A. M. Features of the Linguistic Personality of German Political Leader Angela Merkel // *Political Linguistics*. 2012. № 1. P. 147—150. [Osobennosti yazykovoy lichnosti politicheskogo lidera Germanii Angely Merkel // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. № 1. S. 147—150]. — (In Rus.)
25. Parshina O. N. The Rhetorical Portrait of V. V. Putin // *Problems of Speech Communication : Interuniversity collection of scientific papers*. — Saratov, 2005. № 5. P. 25—35. [Ritoricheskiy portret V. V. Putina // *Problemy rechevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr.* — Saratov, 2005. № 5. S. 25—35]. — (In Rus.)
26. Sedykh A. P. To the Question of the V. Putin's Idiopolitan Style // *Political Linguistics*. 2016. No. 55. P. 35—41. [K voprosu ob idiopoliticheskom stile V. V. Putina // *Politicheskaya lingvistika*. 2016. № 55. S. 35—41]. — (In Rus.)
27. Sedykh A. P. Ideological Elements of a Political Leader's Phraseology (on the material of V. V. Putin and A. Merkel's discourse) // *Political Linguistics*. 2012. № 1. P. 57—67. [Ideologicheskie elementy frazeologii politicheskogo rukovoditelya (na materiale diskursa V. V. Putina i A. Merkel')] // *Politicheskaya lingvistika*. 2012. № 1. S. 57—67]. — (In Rus.)
28. Chudinov A. P. *Political Linguistics : teaching aid*. — M.: Flint : Science, 2006. 256 p. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 256 s.]. — (In Rus.)
29. Chudinov A. P. [et al.]. *Essays on Contemporary Political Metaphorology : Monograph. / Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2013. 176 p.* [Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.]. — (In Rus.)
30. Chudinov A. P., Nakhimova E. A., Nikiforova M. V. *Russian Linguopolitical Personology: a Study of the Discourse of Political Leaders // Herold of RUDN. Ser.: Theory of Language. Semiotics. Semantics*. 2018. Vol. 9, No. 1. P. 14—31. [Rossiyskaya lingvopoliticheskaya personologiya: issledovanie diskursa politicheskikh liderov // *Vestn. RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*. 2018. T. 9, № 1. S. 14—31]. — (In Rus.)
31. Chudinov A. P., Nikiforova M. V. *Lingvopolitical Personology as a Scientific Direction // Philological Sciences: Scientific. high school reports*. 2018. No. 1. P. 45—52. [Lingvopoliticheskaya personologiya kak nauchnoe napravlenie // *Filologicheskie nauki : nauch. doklady vysshey shkoly*. 2018. № 1. S. 45—52]. — (In Rus.)

А. И. Золотайко

Уральский юридический институт МВД России; Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-9513-7987

E-mail: Liani@list.ru.

Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США (сфера-источник — зоонимы)

АННОТАЦИЯ. В статье автор рассматривает проблему восприятия гражданами США сотрудников правоохранительных органов. Изучение общественного мнения осуществляется посредством когнитивно-дискурсивного анализа метафоры как ментальной операции, способа познания, объяснения, структурирования и моделирования окружающего мира. Исследование метафорических словоупотреблений проводится в рамках дискурса общественного мнения на основе интернет-статей, блогов, форумов и комментариев к видеосюжетам. Наиболее яркую эмоциональную окраску приобретают высказывания в адрес полиции, поскольку ее сотрудники оказываются на передовой в решении конфликтных и опасных ситуаций, требующих корректного поведения и юридической грамотности в регулировании правовых вопросов. Методом широкой выборки автор группирует 478 наиболее частотных и продуктивных метафор в рамках отдельной метафорической модели «ПОЛИЦИЯ — ЭТО МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ», объединенных во фрейм «Мир животных». Внутри данного фрейма посредством ряда примеров представляется характеристика доминантных слотовых пар: «Хищники и фитофаги» и «Дикие и домашние животные». Сделан вывод о том, что в подавляющем большинстве метафорические словоупотребления, связанные с восприятием правоохранительных органов гражданами, носят негативную эмоциональную окраску. Автор связывает данное явление непосредственно с характером деятельности полиции: сотрудникам приходится осуществлять свою деятельность в опасных условиях (зачастую с риском для жизни) под пристальным вниманием общественности, и каждое неверное действие ведет к смене оценочного вектора и изменению облика всей полиции в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: зооморфные метафоры; дискурс общественного мнения; интернет-коммуникация; дискурс-анализ; метафорические модели; метафорические образы; метафорическое моделирование; правоохранительные органы; политический дискурс; полиция.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Золотайко Анастасия Игоревна, преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России; аспирант четвертого курса обучения, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: Liani@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Золотайко, А. И. Метафорическое моделирование образа полиции в дискурсе общественного мнения США (сфера-источник — зоонимы) / А. И. Золотайко // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 65—71.

Введение

Зооморфная метафора как средство когнитивной деятельности человека восходит к временам, когда людьми предпринимались первые попытки осмысления окружающей действительности, выражавшиеся в тотемизме и мифологии. На протяжении многих веков человек отождествлялся с животными на основе каких-либо отличительных физических особенностей (силы, скорости, ловкости, зоркости) или поведенческих характеристик, что со временем привело к образованию целого ряда научных дисциплин, рассматривающих взаимосвязь человека, животных и общества с точки зрения эволюционного развития. В своем исследовании «Sense and nonsense» (2011) британские ученые Кевин Лаланд и Джиллиан Браун представили сводную таблицу, объединяющую в рамках зоологии и эволюционного обществознания различные попытки ученых доказать, что ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЖИВОТНОЕ

[Laland 2011]. Все указанные ими подходы рассматривают людей как сложных представителей животного мира и исходят из положений науки социобиологии. На основе этого утверждается, что анималистическое поведение естественно для человека, и социобиология характеризует его как по большей части соревновательное и агрессивное.

Зооморфизм нашел свое отражение и в политической метафорологии. Многие отечественные и зарубежные исследователи склонны считать данный вид метафоры прототипной, парадигматической. Данный факт объясняется универсальностью анималистических метафор, исходящей от универсального характера человеческого мышления, а также внушительным моделирующим потенциалом сферы-источника «Мир животных». Ряд исследователей считает, что анималистические метафоры в большинстве своем обладают негативной коннотацией в связи с тем, что направлены на политиче-

ского оппонента, противника, врага. Как указывает Э. В. Будаев, и сама действительность дает основание для метафорического представления политики посредством негативных зооморфных образов [Будаев 2011: 193]. Г. Н. Скляревская отмечает, что зооморфные метафоры «направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета и обладают яркой пейоративной окраской» [Скляревская 1993: 91].

Характеристика модели

Зооморфные метафорические словоупотребления в отношении полиции в дискурсе общественного мнения обладают широкими возможностями для развертывания, а также отличаются высокой частотностью и изучаются посредством когнитивно-дискурсивного анализа метафоры как ментальной операции, способа познания, объяснения, структурирования и моделирования окружающего мира. Методом широкой выборки они объединяются в одну из наиболее доминантных и продуктивных моделей «ПОЛИЦИЯ — ЭТО МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ». Модель включает в себя 478 метафорических словоупотреблений, организованных по принципу принадлежности к всеобъемлющему фрейму «Мир животных». В структуру данного фрейма входят слоты «**Хищники и фитофаги**» (246), «**Дикие и домашние животные**» (137), а также «**Аномалии в мире животных**» (95). В настоящей статье рассмотрим доминантные слотовые пары «**Хищники и фитофаги**» и «**Дикие и домашние животные**».

С точки зрения биологии хищниками являются те животные, что атакуют жертву и питаются частями ее тела. Главным охотничьим приемом таких представителей фауны считается преследование или подкарауливание добычи (иногда в засаде). Как правило, хищники обладают рядом приспособлений для охоты или особых физических характеристик (сила, скорость, мимикрия), позволяющих им захватывать и умерщвлять жертву. Также данным животным присущи агрессивность поведения и состязательность с целью выживания, а также определенная территориальность, т. е. привязанность к определенному участку обитания, обеспечивающего их потенциальной добычей.

Все указанные признаки находят отражение в восприятии гражданами сотрудников правоохранительных органов. В метафорическом преломлении охота становится выслеживанием преступников, полицейские участки — местом обитания хищных полицейских, служебное оружие — когтями, зубами или рогами, а униформа — окрасом, сигнали-

зирующим об опасности. Более того, как и представители животного мира, полицейские могут «охотиться» поодиночке или стаей.

“COP == **HUMAN PREDATOR... by definition. And in this case, a shameless arrogant predator!**” [Beverly hills police use unlawful intimidation tactics... [http](#)]. / КОП == ЧЕЛОВЕК-ХИЩНИК... по определению. А в данном случае, еще и бессовестный заносчивый хищник!

Примечательно, что автор высказывания все же наделяет созданный зооморфный образ отрицательными характеристиками, присущими только человеку, и это лишь усиливает пейоративную коннотацию.

Американский журналист Боб Герберт, обозреватель газеты «The New York Times», при написании статьи о полицейских, осужденных за сексуальные домогательства при исполнении должностных обязанностей, также склонен отождествлять подобных сотрудников правоохраны с хищными животными, выслеживающими свою добычу. Готовый текст он озаглавил: *In America; Police Predators* [Herbert 2001] — «В Америке: полицейские-хищники».

“Oh, now the hyenas are gathering!” [POLICE STATE VS CITIZEN [http](#)]. / «О, а вот и гиены подбираются».

В данном случае адресант высказывания отождествляет окружающих злоумышленника полицейских с гиенами — хищниками, прославившимися своим знаменитым «смехом»: смесью воя, рыка и лая, звучащего для человеческого уха звучит крайне неприятно.

Hyenas eat their own [Cop fired after using slur during DUI arrest [http](#)]. / Гиены поедают своих же сородичей.

Принято считать гиен падальщиками, хотя на самом деле это не так: в подавляющем большинстве случаев гиены убивают свою жертву. Процитированное выражение обладает негативной коннотацией и подразумевает, что полицейские способны подставить своих же коллег, не говоря уже об обычных гражданах.

Однако не всегда сотрудники правоохраны выступают в образе опасных животных: наоборот, для того, чтобы приуменьшить их вес и значимость в обществе, комментаторы могут сравнить их с мелкими грызунами:

When did the **Chipmunks** become cops? [POLICE STATE VS CITIZEN [http](#)]. / Когда это бурундуки копами стали?

Апелляция к бурундукам содержит аллюзию к комедийному фильму «Элвин и бурундуки». Автора смешит то, как полицейские взаимодействуют с гражданами, заискивая перед начальством.

That “rat” is trying to cover himself with badge of officer and staining it, should be fired immediately [Beverly hills police use unlawful intimidation tactics... http]. / Та „крыса“ пытается прикрыться жетоном полицейского и, запятнав его, должна быть уволена незамедлительно.

Другая апелляция к грызунам с использованием лексемы «крыса» придает высказыванию совершенно иную эмоциональную окраску: в отличие от бурундуков, крысы исконно связываются с нечистыми на руку людьми (ворами, лжецами, предателями), болезнями и подлостью. Примечательно и использование автором предикативной конструкции «прикрываться жетоном полицейского», подразумевающей лицемерие человека, ложь, а также превышение служебных полномочий, ведь жетон — символ всего того идеального, чему должны соответствовать сотрудники правоохранительных органов США. «Запятнать» жетон — значит стать недостойным представлять правосудие.

Деление животных на два типа в зависимости от их самостоятельности и способности к выживанию без посторонней помощи имплицитно и то, как полицейские в общественном восприятии справляются со своими служебными обязанностями. Некоторые из сотрудников правоохранительных органов своими действиями в зависимости от результата (положительного или отрицательного) вызывают у граждан ассоциативные связи с дикими представителями фауны. В метафорическом преломлении в дискурсе общественного мнения формируются образы животных на основе не только поведенческих характеристик, но и физических данных.

В рамках данного слота превалирующее число метафорических словоупотреблений связано с образом свиньи — одомашненного животного, как правило, обитающего на фермах. Лексема обладает негативной коннотацией, поскольку уподобление свинье подразумевает оскорбительное отношение и трансляцию нелицеприятных черт данного животного на человека: тучность, неопрятность и нечистоплотность, лень, в ряде случаев агрессивность, скудоумие и т. д. Примечательно, что прозвище «свиньи» в отношении полицейских чрезвычайно распространено и существует продолжительное время. Возникновение прозвища «PIG» в отношении сотрудников полиции с этимологической точки зрения объясняют по-разному. Так, популярно мнение, что термин появился в 60-х гг. XX в., когда полицейские были вынуждены надевать противогазы во время разгона митингующих масс народа с помощью слезоточивого газа [Why Do People

Sometimes Call Police Officers Pigs? http]. Образ получился настолько запоминающийся, что «прилип» надолго. Также исключительные полномочия сотрудников правоохранительных органов схожи с теми, что присвоили себе свиньи в антиутопии Джорджа Оруэлла «Скотный двор». Это натолкнуло ряд исследователей на мысль о том, что прозвище появилось именно благодаря удачному употреблению писателем зоосемантической метафоры. По утверждению Оксфордского словаря английского языка, помимо общего грубого значения при употреблении в адрес неприятного человека, следует учитывать время возникновения подобного использования лексемы: становление первой в Англии организованной полиции, занимавшейся профессиональным расследованием преступлений, — «Сыщики с Боу-Стрит» (Bow Street Runners) [Bow Street Runners http]. Свиньями же они стали называться с легкой руки криминальных элементов, которые впоследствии сами переняли нелицеприятное прозвище. С точки зрения метафорологии, лексема «PIG» до сих пор продуктивна и частотна и на просторах интернет-форумов и блогов занимает лидирующую позицию в рамках модели «ПОЛИЦИЯ — МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ».

Most of them are indeed pigs... swines wallowing in a swamp of corruption who get their kicks out of terrorizing people like they did as bullies in their schools [Mayor refers to police officer as ‘pig’ http]. / Большинство из них действительно свиньи... хрюка, барахтающиеся в болоте коррупции, получающие удовольствие от запугивания людей, так же как и в школе, будучи хулиганами.

Адресант высказывания транслирует поведенческие черты домашнего животного на полицейских, подчеркивая тот факт, что сотрудники правоохранительных органов осознают собственное исключительное положение и злоупотребляют им. Примечателен образ «болота» в отношении коррупции. Он эксплицирует следующие прагматические смыслы: неприятная, затягивающая масса, погружение в грязь, нечистоты.

Многие пользователи канала YouTube склонны считать, что прозвище «свиньи» недостаточно емко отражает их отношение к офицерам полиции, а иногда даже порочит само животное:

Though I use the term quite often, I do feel bad. It’s an insult to pigs who are actually cute sweet creatures who wouldn’t harm anyone [Why Do People Sometimes Call Police Officers Pigs? http]. / Хотя я и достаточно часто употребляю этот термин, мне не по себе. Это оскорбление свиней, которые

на самом деле милые и безобидные создания ☺.

Зоосемантические метафоры со сферой-источником «свиньи» могут найти выражение даже в перефразированной детской литературе:

The cow says 'Moo!'. The butterfly don't say nothin'. The pig says 'You have the right to remain silent' [Why Do People Sometimes Call Police Officers Pigs? [http](http://)]. / *Корова говорит: „Мууу!“.* Бабочки вообще не говорят. Свиньи говорят: „У вас есть право хранить молчание“.

Адресант высказывания вторит содержанию детских книг. Так родитель объясняет и учит малыша звукам, произносимым тем или иным животным. Фраза обладает положительным коннотативным значением в сочетании с иронией. Резкий контраст между простыми фразами, понятными ребенку, и профессиональной юридической речью взрослых полицейских призван усилить комический и пренебрежительный эффект.

Зачастую в комментариях пользователей медийных каналов и блогов можно встретить синекдоху «бекон», замещающую образ свиней:

The dog wanted some bacon [Officer Gets Shot in Leg During Shootout With Robbery Suspect]. / *Пёс хотел немного бекона.*

Так, автор, комментируя нападение на полицейского, пренебрежительно отождествляет его с лакомым куском мяса, а преступника — с собакой, готовой схватить желаемое. Негативную коннотацию высказывание приобретает благодаря полному отказу адресанта видеть какие-либо человеческие черты в полицейском.

Помимо свиней, со сферой-мишенью метафорического переноса «Полиция» связаны и другие домашние животные, о которых заботится человек:

What a stud!!!! He'll yeah bro! You guys keep up the good work 🐾🐾🐾 [Officer Gets Shot in Leg During Shootout With Robbery Suspect]. / *Вот это жеребец!!! Да, черт возьми, бро! Давайте в том же духе, ребята!* 🐾🐾🐾

Автор данного высказывания восхищенно отождествляет полицейского с сильным и выносливым животным, и это вдохновляет его на поощрение деятельности сотрудников правоохраны. Фраза обладает коннотацией с положительным вектором.

В некоторых комментариях можно обнаружить современные идиоматические единицы, не зарегистрированные в официальных словарях, но находящиеся в широком хождении. Узнать достоверное значение подобных выражений можно лишь с помощью

словарей сленга, самым распространенным из которых является «Urban Dictionary», представляющий не только трактовку той или иной идиомы, но также и контекстуальные значения и примеры ее употребления в речи среднестатистического американца.

That's one cool cat. Incredible calm under fire. Very, very professional. Love this guy [Officer Gets Shot in Leg During Shootout With Robbery Suspect [http](http://)]. / *Тот полицейский — сама невозмутимость. Невероятно спокойный под огнем. Очень-очень профессионально. Мне нравится этот парень.*

Зооморфная метафора **cool cat** в правильном переводе на русский язык обозначает «невозмутимый парень», «хипповый чувак». В английском же идиома неразрывно связана с животным и его поведением: своевольной кошкой, всегда действующей по своему усмотрению и равнодушной ко всему, что не тревожит ее покой.

Подобное употребление зоосемантической метафоры демонстрирует и образ собак в качестве сферы-источника метафорического переноса: *Just cause they wear the badge they think there the Top DOG* [Officer Gets Shot in Leg During Shootout With Robbery Suspect [http](http://)]. / *Только из-за того, что носят жетон, они считают себя хозяевами положения.*

Идиома *top dog* обладает следующими прагматическими смыслами: победитель, хозяин положения, господствующая сторона, лицо, победившее в драке.

Зооморфные метафоры также несут в себе оценочный потенциал, раскрывающийся при анализе способов осуществления офицерами полиции своих служебных обязанностей и реакции на стремительно обостряющуюся ситуацию. Неудовлетворительные результаты ведут к уничижительному отношению и нелестным сравнениям:

American police always stay chicken and bastard why shoot on his body shoot his leg or arm and catch him they always kill easy [Las Vegas Police Shoot Stabbing Suspect Fleeing Officers [http](http://)]. / *В американской полиции всегда остаются трусами и ублюдками: зачем стрелять в корпус, стреляйте в ногу или руку и хватайте его — они всегда с легкостью убивают.*

Идиоматический предикат **stay chicken** основан на уподоблении полицейских суеливым и пугливым домашним птицам. Высказывание обладает следующими прагматическими значениями: пасовать, трусить, избегать конфликтной ситуации или конфронтации.

Самостоятельность и неукротимость, мощь и следование инстинктам отличают диких жи-

вотных от домашних. Метафорические словоупотребления, сгруппированные по наличию данных черт, имплицитно различают восприятия гражданами сотрудников полиции.

To become a policeman in the US, you just have to look like a gorilla. It doesn't matter if you can't read [POLICE STATE VS CITIZEN [http](http://www.youtube.com/watch?v=3dqeZq1wJ6k&app=desktop)]. / *Чтобы стать полицейским в США достаточно выглядеть, как горилла. Не важно, если ты и читать-то не умеешь.*

That Gorilla is really strong! [Video shows moment traffic stop becomes near-fatal gun battle [http](http://www.youtube.com/watch?v=ot5Tw2HvLI)]. / *Тот Горилла реально сильный!*

Уподобление самым крупным представителям приматов с высоким уровнем интеллекта носит противоречивый характер: автор, ссылаясь на отсутствие необходимости интеллектуальной работы в качестве полицейского, имплицитно утверждает, что в правоохране служить может даже глупый, при этом физически развитый человек.

Internal investigations is a joke. Can't have the fox guard the henhouse [Killer Cops Get Rich More Than They Get Punished]. / *Внутренние расследования — это ерунда. Не заставишь лису стеречь курятник.*

В данном высказывании полицейские метафорически выступают в качестве лесного зверя, отличающегося крайней осторожностью и способностью перепрятываться и сбивать со следа погоню — именно поэтому в фольклоре многих народов лисица является воплощением хитрости и ловкости. В контексте комментария полицейские вынуждены «стеречь курятник» — охранять граждан, с чем, очевидно, не способны справиться, и поэтому коннотация высказывания носит ироничный, пренебрежительный характер.

Заключение

Изучение метафорических словоупотреблений в отношении полиции в дискурсе общественного мнения США обладает высоким исследовательским потенциалом, так как оценка деятельности полиции гражданами отражает уровень эффективности работы как правоохранительных органов, так и самого государства в целом. Следует отметить, что в подавляющем большинстве освещенные метафорические словоупотребления в рамках модели «ПОЛИЦИЯ — ЭТО МИР ЖИВОЙ ПРИРОДЫ» носят негативную эмоциональную окраску. Данный факт можно списать на специфику работы полиции: сотрудникам правоохраны приходится осуществлять свою деятельность в опасных условиях (зачастую с риском для жизни), а потому принимаемые ими меры для урегулирования возникающих конфликтов могут быть жесткими и резкими, что в сознании

граждан вызывает не столько уважение, сколько опасение и невольные ассоциативные связи с хищными представителями животного мира. В связи с восприятием работы полицейских особо остро ставится вопрос о границах их полномочий: способны ли они сами подчиняться закону или, опьяненные властью, «звереют» и используют любую возможность для устрашения не только преступников, но и граждан. Впрочем, следует учитывать отмеченную Э. В. Будаевым особенность: частотность употребления метафоры в отдельных случаях не в полной мере отражает оценочные характеристики. Высокая частотность зооморфной модели в национальном дискурсе не всегда свидетельствует об активном привнесении резко негативных оценок в осмысление сферы-мишени [Будаев 2007: 97].

ИСТОЧНИКИ

1. Beverly hills police use unlawful intimidation tactics on lamborghini owner // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3dqeZq1wJ6k&app=desktop> (дата обращения: 16.10.2018).
2. Bow Street Runners // Historic UK URL: <https://www.historic-uk.com/HistoryUK/HistoryofBritain/Bow-Street-Runners/> (дата обращения: 12.11.2018).
3. Cop fired after using slur during DUI arrest // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kk9Ji2uoFJw> (дата обращения: 26.10.2018).
4. Herbert B. In America; Police Predators // The New York Times. — 2001. — January, 25. — A00023.
5. Las Vegas Police Shoot Stabbing Suspect Fleeing Officers // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=lnUdmVWE> (дата обращения: 30.08.2018).
6. Officer Gets Shot in Leg During Shootout With Robbery Suspect // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xz-hG26ZPy0> (дата обращения: 16.11.2018).
7. POLICE STATE VS CITIZEN Officers get caught harassment abuse misconduct profiling // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6XjNwr4USSg> (дата обращения: 30.10.2018).
8. Filming A Police Officer... // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UpT-SAunuLk> (дата обращения: 22.02.2018).
9. Why Do People Sometimes Call Police Officers Pigs? // YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=t8cb_Hdsjsos (дата обращения: 14.10.2018).
10. Mayor refers to police officer as 'pig'. // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0THo7y5iA8o> (дата обращения: 12.09.2018).
11. Video shows moment traffic stop becomes near-fatal gun battle. // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ot5Tw2HvLI> (дата обращения: 22.09.2018).
12. Killer Cops Get Rich More Than They Get Punished. // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mPspMFDteIQ> (дата обращения: 26.09.2018).

ЛИТЕРАТУРА

13. Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П. Историческая динамика метафорических систем в политической коммуникации России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 26—32.
14. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2011. 330 с.
15. Будаев Э. В. Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2007. 149 с.
16. Маис-Ареvalo К. Эмоциональная самопрезентация в WhatsApp: анализ статуса профиля // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 161—174.

17. Складарская Г. Н. Метафора в системе языка. — СПб. : Наука, 1993. 152 с.

18. Солопова О. А., Чудинов А. П. Диахронический анализ метафор в Британском корпусе текстов: Колокола Победы и Russia's V-Day // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 313—337.

19. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2013. 176 с.

20. Юс Ф. Выражение чувств и эмоций в пропозиции: взгляд на иронию и интернет-коммуникацию // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 1. С. 94—107.

21. Bogoyavlenskaya Y. V., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. С. 39—48.

22. Budaev E. V., Chudinov A. P. Transformations of precedent text: Metaphors We Live By in academic discourse // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. №1. С. 60—67.

23. Laland K. N., Brown G. Sense and Nonsense: Evolutionary perspectives on human behaviour. 2nd ed. — New York : OXFORD Univ. Pr., 2011. 270 p.

24. Lu Tingting, Chudinov A. P. Implicit and explicit tactics of evasion strategy in Russian and Chinese political interview // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 76—82.

25. Shkurko V., Mardieva L., Shchuklina T., Chudinov A. Post-er images in a new linguistic and extralinguistic context // Amazonia Investiga. 2018. Vol. 7. Num. 12. P. 320—324.

26. Solopova O. A., Ilyushkina M. Yu., Chudinov A. P. New designs in university curriculum: teaching political linguistics // INTED2017. 11th International Technology, Education and Development Conference proceedings. Spain, Valencia, 6—8 March, 2017. P. 1357—1363.

27. Solopova O. A., Chudinov A. P. Linguistic political prognostics: Models and Scenarios of Future / Procedia — Social and Behavioral Sciences. The XXVI Annual International Academic Conference, Language and Culture, 27—30 October, 2015. P. 412—417.

A. I. Zolotayko

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9513-7987

 E-mail: Liani@list.ru.

Metaphorical Modeling of the Image of Police in the Public Opinion Discourse of the USA (Source-domain — Zoonyms)

ABSTRACT. *The article deals with the issue of the attitude of the USA citizens to law enforcement officers. The study of the public opinion is carried out through cognitive-discursive analysis of the metaphor as a mental operation, a way of cognition, explanation, structuring and modeling of the surrounding world. The study of metaphorical usage is conducted within the discourse of public opinion on the basis of Internet articles, blogs, forums and comments on video fragments. Statements about the police acquire the most vivid emotive coloring, since its employees are at the forefront of conflict resolution and dangerous situations that require correct behavior and legal literacy in regulating legal issues. Using a wide sampling method, the author groups 478 most frequent and productive metaphors within a separate metaphorical model “POLICE IS A WORLD OF LIVING NATURE”, united into the frame “Animal World”. A characteristic of the dominant slot pairs “Predators and Herbivores” and “Wild and Domestic Animals” is given on a number of examples within the given frame. It is concluded in the article that the vast majority of metaphorical usages depicting the attitude of the citizens towards the police have a negative emotional coloring. The author associates this phenomenon directly with the nature of the police activity: police officers carry their duties in stressful and dangerous situations (often risking their lives), while being closely watched by the public. And each mistake leads to a change of the assessment vector and a shift in the image of the police in general.*

KEYWORDS: *zoomorphic metaphors, discourse of public opinion, Internet communication, discourse analysis; metaphorical models, metaphorical images; metaphorical modeling; law enforcement organs; political discourse; police.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Zolotayko Anastasiya Igorevna, Senior Lecturer of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Second Year Post-graduate Student, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Zolotayko, A. I. Metaphorical Modeling of the Image of Police in the Public Opinion Discourse of the USA (Source-domain — Zoonyms) / A. I. Zolotayko // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 65—71.*

MATERIAL

1. Beverly hills police use unlawful intimidation tactics on lamborghini owner // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3dqeZq1wJ6k&app=desktop> (date of access: 16.10.2018).

2. Bow Street Runners // Historic UK URL: <https://www.history-uk.com/HistoryUK/HistoryofBritain/Bow-Street-Runners/> (date of access: 12.11.2018).

3. Cop fired after using slur during DUI arrest // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kk9Ji2uoFJw> (date of access: 26.10.2018).

4. Herbert B. In America; Police Predators // The New York Times. — 2001. — January, 25. — A00023.

5. Las Vegas Police Shoot Stabbing Suspect Fleeing Officers // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=InUdmVWE C9A> (date of access: 30.08.2018).

6. Officer Gets Shot in Leg During Shootout With Robbery Suspect // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xz-hG26ZPy0> (date of access: 16.11.2018).

7. POLICE STATE VS CITIZEN Officers get caught harassment abuse misconduct profiling // YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6XjNwr4USSg> (date of access: 30.10.2018).

8. Filming A Police Officer... YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UpT-SAunuLk> (date of access: 22.02.2018).

9. Why Do People Sometimes Call Police Officers Pigs? YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=t8cb_Hdsjos (date of access: 14.10.2018).

10. Mayor refers to police officer as 'pig'. YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0THo7y5iA8o> (date of access: 12.09.2018).

11. Video shows moment traffic stop becomes near-fatal gun battle. YouTube URL: https://www.youtube.com/watch?v=_ot5Tw2HvLI (date of access: 22.09.2018).

12. Killer Cops Get Rich More Than They Get Punished. YouTube URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mPspMFDteI Q> (date of access: 26.09.2018).

REFERENCES

13. Anikin E. E., Budaev E. V., Chudinov A. P. Historical Dynamics of Metaphorical Systems in the Political Communication of Russia // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2015. No. 3. P. 26—32. [Istoricheskaya dinamika metaforicheskikh sistem v politicheskoy kommunikatsii Rossii // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2015. № 3. S. 26—32]. — (In Rus.)
14. Budaev E. V. Comparative Political Metaphorology. — Nizhniy Tagil : NTGSPA, 2011. 330 p. [Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya. — Nizhniy Tagil : NTGSPA, 2011. 330 s.]. — (In Rus.)
15. Budaev E. V. The Post-Soviet Reality in the Metaphors of the Russian and British Press. - Nizhny Tagil: NTGSPA, 2007. 149 p. [Postsovetskaya deystvitel'nost' v metaforakh rossiyskoy i britanskoy pressy. — Nizhniy Tagil : NTGSPA, 2007. 149 s.]. — (In Rus.)
16. Mais-Arevalo K. Emotional Self-presentation in WhatsApp: Analysis of Profile Status // *Herald of RUDN Univ. Ser. : Linguistics*. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 161—174. [Emotsional'naya samoprezentatsiya v WhatsApp: analiz statusa profilya // *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2018. T. 22. № 1. S. 161—174]. — (In Rus.)
17. Sklyarevskaya G. N. Metaphor in the Language System. — Saint Petersburg : Science, 1993. 152 p. [Metafora v sisteme yazyka. — SPb. : Nauka, 1993. 152 s.]. — (In Rus.)
18. Solopova O. A., Chudinov A. P. Diachronic Analysis of Metaphors in the British Corpus of Texts: Victory Bells and Russia's V-Day // *Herald of RUDN Univ. Ser. : Linguistics*. 2018. Vol. 22. No. 2. P. 313—337. [Diakhronicheskiy analiz metafor v Britanskom korpuse tekstov: Kolokola Pobedy i Russia's V-Day // *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2018. T. 22. № 2. S. 313—337]. — (In Rus.)
19. Chudinov A. P. Essays on Modern Political Metaphorology : Monograph. / Ural. State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2013. 176 p. [Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2013. 176 s.]. — (In Rus.)
20. Yus F. Expression of feelings and emotions in a proposition: a look at irony and Internet communication // *Herald of RUDN Univ. Ser. : Linguistics*. 2018. Vol. 22. No. 1. P. 94—107. [Vyrazhenie chuvstv i emotsiy v propositsii: vzglyad na ironiyu i internet-kommunikatsiyu // *Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*. 2018. T. 22. № 1. S. 94—107]. — (In Rus.)
21. Bogoyavlenskaya Y. V., Nakhimova E. A., Chudinov A. P. Precedent utterances in the national historical memory: a corpus study // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2016. № 2. C. 39—48.
22. Budaev E. V., Chudinov A. P. Transformations of precedent text: Metaphors We Live By in academic discourse // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2017. № 1. C. 60—67.
23. Laland K. N., Brown G. Sense and Nonsense: Evolutionary perspectives on human behaviour . 2nd ed. — New York : OXFORD Univ. Pr., 2011. 270 p.
24. Lu Tingting, Chudinov A. P. Implicit and explicit tactics of evasion strategy in Russian and Chinese political interview // *Issues of Cognitive Linguistics*. 2018. № 1. C. 76—82.
25. Shkurko V., Mardieva L., Shchuklina T., Chudinov A. Poster images in a new linguistic and extralinguistic context // *Amazonia Investiga*. 2018. Vol. 7. Num. 12. P. 320—324.
26. Solopova O. A., Ilyushkina M. Yu, Chudinov A. P. New designs in university curriculum: teaching political linguistics // *INTED2017. 11th International Technology, Education and Development Conference proceedings*. Spain, Valencia, 6—8 March, 2017. P. 1357—1363.
27. Solopova O. A., Chudinov A. P. Linguistic political prognostics: Models and Scenarios of Future / *Procedia — Social and Behavioral Sciences. The XXVI Annual International Academic Conference, Language and Culture, 27—30 October, 2015*. P. 412—417.

Л. Г. Ким

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: 0000-0003-1712-9663

Е. С. Беляева

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
ORCID ID: orcid.org/0000-0001-8007-9852

✉ *E-mail*: kimli09@mail.ru; lis.ens@yandex.ru.

Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье, выполненной на материале инаугурационных речей российских президентов (Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева), решается теоретическая задача рассмотрения репрезентации образа автора и воплощения в тексте его политических интенций, а также моделирования образа адресата. Доказывается, что текст инаугурационного обращения хотя и подчиняется канонам жанра, однако создается в конкретных социально-политических условиях и не может не отражать личность автора, его модальность и интенциональность, а также образ адресата, его социальные ожидания в конкретных социально-исторических условиях. Цель работы заключается в обосновании положения о том, что в инаугурационном дискурсе реализуются текстовые категории «образ автора» и «образ адресата», позволяющие выявить особые свойства текстов выступлений российских президентов, которые отражают языковую личность политического лидера государства. В результате лингвистического анализа инаугурационного дискурса Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева было установлено, что типовым образом автора является политический лидер, который главной своей целью видит работу на благо страны и улучшение условий жизни общества. Автор инаугурационной речи позиционирует себя как патриотически настроенный лидер, благодарный своему электорату. Моделирование образа адресата позволяет выстроить типовую модель, имеющую вариации, которые обусловлены фактором изменения социальных ожиданий электората. Типовая модель адресата — это образ гражданина, патриота, уверенного в своем правительстве и готового вместе работать для возрождения и процветания России. При этом в каждой речи этот образ представлен некоторыми вариациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; политический дискурс; российские президенты; политические деятели; политическая риторика; политические речи; языковая личность; инаугурационные речи; инаугурационный дискурс; образ автора; образ адресата.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ким Лидия Густовна, доктор филологических наук, доцент, директор института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 5309; e-mail: kimli09@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Беляева Елизавета Сергеевна, аспирант кафедры русского языка, Кемеровский государственный университет; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 5212; e-mail: lis.ens@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ким, Л. Г. Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе / Л. Г. Ким, Е. С. Беляева // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 72—80.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202 А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»).

Данная статья, выполненная на материале инаугурационных речей российских президентов, направлена на решение теоретической задачи репрезентации образа автора и воплощения в тексте его политических интенций, а также моделирования образа адресата. Текст инаугурационного обращения хотя и подчиняется канонам жанра, однако создается в конкретных социально-политических условиях и не может не отражать личности автора, его модальности и интенциональности, а также образ адресата, его ожидания в конкретных социально-политических условиях.

Инаугурационный дискурс как институциональный жанр

Развитие политической лингвистики как нового направления современного языкознания обусловило интерес отечественных и зарубежных лингвополитологов к текстам институциональных жанров, в том числе к инаугурационным речам президентов [Бабенко, Конторских 2018; Гаврилова 2005; Шейгал 2002 и др.]. В литературе описаны жанровые и дискурсивные особенности текстов инаугурационных обращений американских и российских президентов, в том числе в сопоставительном аспекте. Лингвокогнитивный анализ выступлений российских президентов позволяет заключить, что инаугу-

гурационная речь как один из основных идеологических инструментов политической коммуникации представляет собой строго функциональный текст и хотя создается определенной группой, однако личностное начало вступающего в должность президента ощущается достаточно сильно. Формирование закрепленной структурной организации инаугурационной речи допускает вариативность ее языкового наполнения, что приводит к возникновению новых смыслов, позволяет проявить индивидуальность автора как политического лидера и языковой личности, а также отразить социально-политический дух эпохи.

Выполненные на основе анализа инаугурационных выступлений американских и российских президентов исследования позволяют выявить как **общие** характеристики инаугурационного текста, так и **особенные** лингвокогнитивные свойства текстов выступлений разных президентов. Это позволяет утверждать, что политическая языковая личность проявляет себя даже в условиях строго регламентированного, канонизированного институционального дискурса. Целью нашего исследования является обоснование положения о том, что в инаугурационном дискурсе реализуются текстовые категории «образ автора» и «образ адресата», позволяющие выявить **особенные** свойства текстов выступлений российских президентов, которые отражают языковую личность политического лидера государства.

Категории «образ автора» и «образ адресата» как предмет филологического исследования

Проблема **образа автора и образа адресата** впервые была поставлена в работах В. В. Виноградова [Виноградов 1971] и М. М. Бахтина [Бахтин 1996] и решалась преимущественно на материале художественных произведений. Развивая концепции В. В. Виноградова и М. М. Бахтина о дифференциации образа автора-рассказчика и образа автора-писателя, Е. В. Падучева разрабатывает понятие образа автора и выделяет виды повествователей [Падучева 1996].

Категория образа автора активно используется и в новом лингвистическом направлении — политической лингвистике — в работах, посвященных моделированию речевого портрета политического деятеля [Алексеева 2012; Бабенко, Конторских 2018; Иссерс 1999; Ким, Мустайоки, Пиетилляйнен 2013; Меркурьева, Костина 2012; Романова 2009; Седых 2012 и др.]. Политические портреты Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева исследуются на основе информации

о них в прессе, их политических выступлений, а также на основе анализа результатов лингвистического эксперимента. Сходные по содержанию политические программы, предвыборные обещания, произносимые разными политиками, в одном случае вызывают доверие электората, а в другом — скепсис.

В лингвистике **категория адресата** находит проявление в разных ее разделах, получая обозначение в разных терминах. На протяжении всего XX в. вопросы, касающиеся адресации текстов, взаимодействия адресата и адресанта, затрагиваются при обсуждении общих вопросов семиотики и семиосферы культуры, диалогизма современного коммуникационного пространства. Ю. М. Лотман, рассматривая взаимоотношение текста и аудитории, объясняет различия между текстом, обращенным «ко всем», и тем, который имеет в виду некоторое конкретное и лично известное говорящему лицо [Лотман 1996]. Личность получателя текста, представляя семиотическое единство, неизбежно вариативна и способна «настраиваться по тексту». В то же время и образ аудитории, поскольку он не эксплицирован, а лишь содержится в тексте как некоторая мерцающая позиция, поддается варьированию. В результате «между текстом и аудиторией происходит сложная игра позициями» [Лотман 1996: 88]. Это наблюдение как нельзя более применимо к исследованию современных политических текстов, которые не столько воздействуют на аудиторию, сколько взаимодействуют с ней.

Интерес лингвистов к проявлению в разных типах текстов взаимоотношения «автор — адресат» знаменует кардинальные изменения в отечественной лингвистике, связанные и с развитием зарубежной лингвистики (разработка теории речевых актов Остина — Серля и прагмалингвистики), и с социально-политической ситуацией в стране. Статья Н. Д. Арутюновой «Фактор адресата» [Арутюнова 1981] стала отправной точкой лингвистического изучения типических форм обращенности и типических концепций адресатов. Концепция паритетности автора и читателя, провозглашенная М. М. Бахтиным и Ю. М. Лотманом, сменяется гипертрофированием читателя, которого Р. Барт восстанавливает в правах и рождение которого «приходится оплачивать смертью Автора» [Барт 1994: 391]. Комментируя концепцию Р. Барта, считаем важным отметить, что, с одной стороны, «редукция» автора имеет гносеологическое обоснование: необходимость абстрагирования, его условного «исключения» определяется задачами ис-

следования механизма взаимодействия таких компонентов, как *текст* — *адресат*. То есть такая редукция здесь скорее деактуализация образа автора, чем его отрицание. Но есть и другая сторона — онтологическая, отражающая сложную диалектическую природу текста как речевого произведения и как некой объективной данности. Реальная, персонифицированная личность автора, его интенция и ее речевое воплощение являются актуально значимыми в процессе создания текста, на этапе, когда текст осмысливается как результат реализации авторского замысла. На этапе же функционирования текста в пространстве адресата реализуется задача не определения коммуникативной интенции автора («Что хотел сказать автор»), а задача реализации рецептивно-интерпретационной деятельности адресата («Что понял адресат»), которого мы рассматриваем как активного и креативного субъекта коммуникативного процесса, характеризующегося собственной интенциональностью и своими прагматическими установками [Голев, Ким 2008].

Обсуждая проблему доминирования субъектов в системе «автор — адресат», О. С. Иссерс указывает на прямую зависимость образа автора от образа адресата и связывает понятие имиджа, используемое в политологии, социологии, теории коммуникации, с образом адресата. Автор моделирует свою аудиторию как некую фикцию, предполагая ее уровень знаний, отношение к предмету речи и автору. Аудитория может определять степень свободы автора в выборе между *Ethos* и *Persona*: знакомая аудитория требует, чтобы имидж автора определялся реальными качествами его личности, незнакомая позволяет использовать «маску», конструировать образ автора. *Ethos* формирует доверие к автору, *Persona* моделирует для него роль, которую автор считает подходящей для аудитории, темы и другие элементы риторического контекста. При этом *Ethos* и *Persona* рассматриваются О. С. Иссерс не в оппозиции, а во взаимодополнении [Иссерс 2003: 193—202].

Таким образом, проявления адресата в текстах могут исследоваться в разных аспектах, с учетом филологических и философских традиций: с точки зрения способов конструирования образа адресата; с точки зрения его функций, отношения к речевой ситуации и ее участникам, а также в свете типологии образов адресата, которую разрабатывает Т. Л. Каминская [2009].

Образ автора и адресата в инаугурационном дискурсе

Опираясь на традицию дифференциации образа автора, мы различаем три типа образа автора инаугурационного дискурса: 1) *реальный автор* — конкретный президент Российского государства; 2) *интенциональный автор* — автор текста, который реализует в инаугурационном дискурсе свои коммуникативные намерения, свои представления о том, каким он должен и желает предстать перед избравшим его народом; 3) *перцептивный автор* — автор текста, воспринимаемый и воссоздаваемый адресатом, т. е. реальными, конкретными представителями населения России (и не только России). Мы полагаем, что эти три образа, коррелирующие с одним и тем же субъектом, могут в большей или меньшей степени различаться. В рамках данной статьи мы описываем образ реального и на основе лингвопрагматического анализа инаугурационных речей моделируем образ интенционального автора. Образ перцептивного автора может быть исследован посредством интерпретации результатов лингвистического эксперимента, что определяет перспективу данной работы.

Адресат инаугурационного дискурса рассматривается нами как семантико-прагматическая категория, представляющая собой мысленно конструируемый автором образ адресата, для которого предназначен данный текст и который имеет определенные языковые эксплицитные и имплицитные способы выражения.

Образ автора в инаугурационной речи Б. Н. Ельцина 1991 года

Жанр инаугурационной речи был введен в российский политический дискурс с момента инаугурации Б. Н. Ельцина в 1991 году.

В тексте посредством лексических единиц подчеркивается, что президент прежде всего такой же гражданин своей страны, как и представители его электората: *Нет выше чести, чем та, которая оказывается человеку народом, нет выше должности, на которую избирают граждане государства*. При этом образ автора дуалистичен, с одной стороны, это человек частный, часть народа, что актуализируют лексемы *я, человек, свой, наш, мне, эмоциональное состояние, душевное состояние, переживаю* и т. д. С другой стороны, автор предстает как человек социальный, как несомненный лидер; репрезентация этого образа осуществляется при помощи лексем *президент, смотрю в будущее, добьемся, сделаем*.

Анализ единиц морфологического уровня показывает, что автор в большей степени

представлен как конкретная личность, как человек частный, нежели как человек социальный. Это обусловлено частотным употреблением личного местоимения *я*, использованием глаголов в форме первого лица (*переживаю, смотрю*): *Невозможно передать словами душевное состояние, которое я переживаю в эти минуты; Я с оптимизмом смотрю в будущее и готов к энергичным действиям.*

Анафора, выраженная глаголом *нет* в сочетании с формой сравнительной степени прилагательного *выше*, подчеркивает осознание автором исключительности, фундаментальности должности президента и высшую меру ответственности перед избравшим его народом: *Нет выше чести, чем та, которая оказывается человеку народом, нет выше должности, на которую избираются граждане государства.*

Автор инаугурационной речи хорошо владеет и ораторскими приемами, выступая в роли лидера государства, который способен возродить страну. В его речи слышится высокий пафос; используемые лексические единицы и синтаксические конструкции подчеркивают образ политика, лидера, который стремится к возрождению и процветанию России: *Великая Россия поднимается с колен!; Россия возродится вместе с нами!*

Таким образом, в своем инаугурационном выступлении Б. Н. Ельцин предстает, с одной стороны, как человек частный, как гражданин своей страны; его образ — «выходец из народа», разделяющий, поддерживающий и намеревающийся реализовать пожелания своих сограждан по созданию сильного государства. С другой стороны, это образ человека социального — активного, энергичного лидера, который с оптимизмом смотрит в будущее.

Образ автора в инаугурационной речи В. В. Путина 2012 года

Композиционно инаугурационная речь В. В. Путина 2012 г. выстроена в соответствии с жанровыми канонами: традиционное приветствие, указание на преемственность политического курса, позитивная оценка результатов деятельности предшествующего правительства, призыв к единению нации как необходимому условию для решения предстоящих задач и достижения поставленных целей, опора на исторические и культурные традиции.

В этом тексте наиболее употребляемыми являются лексемы *ответственность, свобода, доверие*. Частотность этих слов в первую очередь связана с политической ситуацией в стране, так как на тот момент

главной задачей президента было вызвать у адресата доверие. В своем выступлении президент основной акцент делает на том, что он осознает свой долг и признает ответственность перед народом. Образ автора — это образ демократического патриота: *Понимаю всю свою ответственность перед Родиной. Считаю смыслом всей своей жизни и своим долгом служение Отечеству, служение нашему народу.*

Трижды произнесенное местоимение *я* отражает субъективную авторскую модальность. Оно используется в предложениях-обращениях, в предложениях со значением волеизъявления (*я хочу*), утверждения (*я могу, я буду*), что показывает личную заинтересованность автора. Местоимение *я* в тексте последовательно чередуется с местоимением *мы*, свидетельствующим об объективации, стремлении к сближению с народом. Это связано с одной из главных задач, которые стоят перед адресантом — «достичь понимания и быть не только понятым, но и принятым». *Мы* употребляется в предложениях, подчеркивающих единство президента с народом, автора с адресатом (*мы вместе*), способность и необходимость в этом единстве решать поставленные задачи (*мы должны доказать*), обозначение целей, которые необходимо достичь (*у нас общие цели*). Вступающий в должность президент России желает доказать, что цели и планы правительства достижимы лишь во взаимодействии с народом, они являются общими и направлены на благо всех граждан.

Используемые глаголы преимущественно употреблены в форме настоящего времени (*обращаюсь, понимаю, делаем*). Как правило, они находятся в сильной позиции текста — начало и конец инаугурационного дискурса. Это свидетельствует об актуализации автором реальной коммуникативной ситуации, представленной параметрами: *я — ты — здесь — сейчас*. Глаголы прошедшего времени употребляются в предложениях, в которых акцентируется предшествующий политический опыт и успехи (*прошли большой и сложный путь, укрепили страну, мы сами добились, сами остановили, мы доказали*). Употребление в речи глаголов в форме прошедшего времени обусловлено каноническими требованиями — подчеркнуть преемственность курса и обозначить успехи, достигнутые предшественником. Для того чтобы показать основательность настоящих политических перспектив, необходима ретроспективная отсылка, показывающая незыблемость и преемственность. В речи также прослеживается устремленность в будущее и перспективы раз-

вития страны, что выражается глаголами в форме будущего времени (*мы добьемся, мы будем работать, будем жить*).

Анализ синтаксических единиц текста инаугурационной речи, содержащего смысловую часть — призыв к единству, позволяет обнаружить использование риторических фигур, в частности анафору: **Мы добьемся** наших целей, если будем единым, сплоченным народом, если будем дорожить нашим Отечеством <...>. **Мы обязательно добьемся** успеха, если будем опираться на прочный фундамент культурных и духовных традиций нашего многонационального народа, на нашу тысячелетнюю историю, на те ценности, которые всегда составляли нравственную основу нашей жизни. **Мы хотим и будем жить** в демократической стране, где у каждого есть свобода и простор для приложения таланта и труда, своих сил. **Мы хотим и будем жить** в успешной России, которую уважают в мире как надежного, открытого, честного и предсказуемого партнера.

Таким образом, анализ ключевых лексем, морфологических форм и синтаксических конструкций инаугурационной речи В. В. Путина позволяет видеть автора как человека целеустремленного, сильного, уверенного политика, реализующего курс на развитие демократического государства; политика, чей курс управления государством и результаты такого управления возможны только с опорой на поддержку всего народа. В единстве власти и народа Путин видит залог успеха России.

Образ автора в инаугурационной речи Д. А. Медведева

Рассматривая единицы лексического уровня, организующие текст выступления президента, можно отметить следующее: уже в начале речи наблюдается акцентирование на личности произносящего и моменте произнесения (*только что мной принесена президентская присяга*). В общем пространстве текста автор функционирует как человек частный. Это проявляется на лексическом уровне в употреблении лексем с личной оценкой (*особое внимание придаю фундаментальной роли права, на котором основывается и наше государство, и наше гражданское общество*), а также лексем, выражающих эмоциональное состояние автора (*Дорогие друзья! Вы понимаете, сколь глубокие чувства я сейчас испытываю*).

На морфологическом уровне субъективная авторская модальность передается при помощи местоимений *я, мне, мой*, а также глаголов в форме первого лица единствен-

ного числа (*буду работать, сделаю, испытываю, осознаю, сердечно благодарю*).

Значительный акцент в данной инаугурационной речи делается на преемственности политического курса предшествующего лидера: *Я сердечно благодарю президента Владимира Владимировича Путина за его неизменную личную поддержку, которую я постоянно ощущал. Уверен, что так будет и впредь. За последние восемь лет был создан мощный фундамент для долгосрочного развития, для просто десятилетий свободного и стабильного развития*. Это объясняется канонами жанра, но можно предположить, что субъективация образа автора обусловлена тем, что народу нужно было представить нового президента как сильного, самодостаточного лидера, при этом продолжающего намеченный курс развития, поддерживающего идеи «старого» правительства, но имеющего свой взгляд и личную заинтересованность в улучшении и укреплении того, что уже сделано.

Говоря о субъективной авторской модальности, нельзя не отметить, что в тексте присутствуют и моменты объективизации. Я переходит в *мы* при употреблении с глаголами активного действия (*мы должны добиться, мы будем строить*). Автор сам дает оценку и ставит цель, при этом подчеркивает, что результата можно добиться только вместе, действовать надо сообща, быть единым народом.

Для акцентирования ключевых положений в речи используются синтаксические конструкции в комбинации с лексическим повтором: *В этой связи считаю своей важнейшей задачей дальнейшее развитие гражданских и экономических свобод, создание новых, самых широких возможностей для самореализации граждан — граждан, свободных и ответственных как за свой личный успех, так и за процветание всей страны*.

И этот уникальный шанс мы должны максимально использовать, чтобы Россия стала одной из лучших стран мира, лучшей — для комфортной, уверенной и безопасной жизни наших людей: в этом — наша стратегия, и в этом — ориентир на годы вперед.

Таким образом, Д. А. Медведев в инаугурационной речи делает акцент на правовую основу государства, считает своим долгом обеспечить комфортные условия для граждан своей страны и нацелен на продолжение политического курса, заданного предшествующим правительством.

Анализ образа автора в речах Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева позво-

ляет выявить как общие черты, так и отличия. Так, константным является обращение к опыту прошлого, привлечение исторического контекста, преемственность политического курса, призыв к единству нации, момент утверждения нового лидера в роли президента, — все это обусловлено каноническими требованиями данного жанра, поскольку он носит ритуальный и перформативный характер.

При этом каждое из представленных инаугурационных выступлений имеет и особые характеристики образа автора. Так, например, в выступлении Б. Н. Ельцина нет, в отличие от двух других речей, клишированного приветствия. Это можно объяснить одной из главных коммуникативных задач президента — представить адресата не в позиции *гражданина*, а в позиции *согражданина*, т. е. сократить дистанцию между автором и адресатом. Также в соответствии с коммуникативной задачей меняется и главный акцент выступления, а следовательно, и образ выступающего. Все это связано с экстралингвистическими факторами и прежде всего с политической ситуацией в стране. Так, образ автора в инаугурационном выступлении Б. Н. Ельцина выстроен как образ человека частного, являющегося частью своего народа. В выступлении В. В. Путина автор представлен как демократический лидер, главным для которого является доверие и поддержка народа. В инаугурационной речи Д. А. Медведева образ автора — образ президента, для которого основной задачей является создание и развитие правового государства.

Репрезентация образа адресата в инаугурационной речи Б. Н. Ельцина 1991 года

В процессе произнесения инаугурационной речи автор неоднократно обращается к избравшему его народу, для чего использует такие лексические единицы, как *сограждане*, *граждане*, *народ*, *мы*. При номинации адресата в речи Б. Н. Ельцина используются лексемы, указывающие на отнесенность автора и адресата к одному пространственно-государственному континууму: *Впервые в тысячелетней истории России Президент торжественно присягает своим согражданам. Нет выше чести, чем та, которая оказывается человеку народом, нет выше должности, на которую избирают граждане государства.*

В тексте неоднократно подчеркивается, что автор и адресат являются гражданами одного государства. При номинации адресата используется торжественная лексика (*сограждане*, *народ*), в то время как автор на-

зывает себя как *один из, человек*, который выполняет волю народа.

Тема единства автора и адресата подчеркнута местоимением *мы*: *Мы обязательно превратим ее в процветающее, демократическое, миролюбивое, правовое и суверенное государство; Перейдя через столько испытаний, ясно представляя свои цели, мы можем быть твердо уверены: Россия возродится!* Адресат и автор выступают как единое целое, акцентируется внимание на том, что их цели совпадают, а результата можно достичь лишь в совместной созидательной работе на благо России, стремясь к ее возрождению.

Анализ синтагматических связей лексических единиц, обозначающих адресата, позволяет увидеть, что лексема *сограждане* употребляется в сочетании с притяжательным местоимением *свои*. Это подчеркивает сопряженность автора и адресата, их геополитическое единство. Лексема *граждане* сочетается с лексемой *государство*, что подчеркивает законность церемонии инаугурации. Адресат предстает как правовой субъект, обладающий определенными правами и полномочиями. На это указывает и предикат *избирают*. Образ адресата — это образ гражданина, обладающего правом выбора, правом решать будущее своей страны, избирать главу государства.

Репрезентация образа адресата в инаугурационном выступлении В. В. Путина 2012 года

Для номинации адресата в тексте инаугурационной речи 2012 года используются лексемы, подчеркивающие его государственную и национальную принадлежность: *Уважаемые граждане России!* Лексема *граждане* употребляется в сочетании с прилагательным *уважаемые*, что подчеркивает уважительное отношение президента к избравшему его народу.

Считаю смыслом всей своей жизни и своим долгом служение Отечеству, служение нашему народу, поддержка которого вдохновляет и помогает решать самые сложные и трудные задачи. Ее интересы, безопасность, благополучие граждан страны всегда были и всегда останутся для меня превыше всего.

Лексема *народ* употребляется в сочетании с притяжательным местоимением *наш* для конкретизации адресата и указания на отнесенность автора и адресата к одному государству.

В тексте выступления употребляются имена, характеризующие межличностные отношения (*дорогие друзья*). Данное слово-

сочетание выполняет коммуникативную задачу сближения автора и адресата.

Образ адресата, выраженный местоимением *мы*, как и в предыдущей речи, подчеркивает идею единства президента и народа, общность поставленных целей и то, что ее можно успешно достичь, только прилагая общие усилия.

Мы вместе прошли большой и сложный путь, поверили в себя, в свои силы, укрепили страну, вернули себе достоинство великой нации, мир увидел возрожденную Россию, и это результат усилий нашего народа, общей напряженной работы, в которой есть личный вклад каждого.

Для большего акцентирования взаимодействия президента и народа местоимение *мы* употребляется с лексемой *вместе* и предикатом *прошли*, подчеркивающим большой совместный труд в прошлом. Глагол *вступаем* указывает на объединение усилий в решении поставленных задач в настоящее время, а предикат *добьемся* использован для усиления призыва к взаимодействию в будущем.

Особенность этого текста инаугурационного выступления президента состоит в том, что кроме имен, отражающих идею единства, употребляются языковые единицы, подчеркивающие роль каждой отдельной личности. Эта идея выражается повтором в использовании местоимения *каждый*.

Мы хотим и будем жить в демократической стране, где у каждого есть свобода и простор для приложения таланта и труда, своих сил.

Таким образом, адресат представлен как субъект, обладающий определенными правами и свободами, человек, живущий в демократической стране, в которой он может реализовать себя в полной мере. И успех всех зависит от вклада каждого.

Репрезентация образа адресата в инаугурационной речи Д. А. Медведева 2008 года

Выступление начинается с обращения *Уважаемые граждане России!* Используемое при обращении прилагательное *уважаемые* подчеркивает уважительное отношение президента к народу, настраивает на доброжелательный тон и располагает к доверию. Адресат представлен гражданином своего государства, с которым считается его глава. Имена, характеризующие межличностные отношения, в данной речи представлены лексемами: *Дорогие друзья!* — используемыми для сокращения дистанции между автором и адресатом.

В речи Д. А. Медведева, как и в речах других президентов, для подчеркивания единства президента и народа используется

личное местоимение *мы*, притяжательное местоимение *наш*. Главная задача автора — убедить свой народ, что лишь во взаимодействии могут быть решены задачи развития России: *И этот уникальный шанс мы должны максимально использовать, чтобы Россия стала одной из лучших стран мира, лучшей — для комфортной, уверенной и безопасной жизни наших людей: в этом — наша стратегия, и в этом — ориентир на годы вперед.*

Адресат показан как сознательный гражданин своего государства, понимающий, что залог его безопасности и уровня комфортной жизни — в его созидательном труде ради процветания России.

В результате анализа инаугурационных речей российских президентов можно составить обобщенный инвариантный образ адресата — это образ сознательного гражданина, обладающего определенными правами и свободами, патриота, заинтересованного в развитии и процветании России, понимающего, что это процветание возможно при условии объединения усилий правительства и всего народа. При этом в каждой речи образ адресата представлен и некоторыми вариативными характеристиками. Так, в речи Б. Н. Ельцина подчеркивается *согражданственность* автора и адресата и акцентируется внимание на роли адресата в выборе будущего страны. В речи В. В. Путина 2012 года адресат показан как личность, возможности ее самореализации открываются лишь при объединении усилий всего народа и руководства страны. В речи Д. А. Медведева адресат представлен как гражданин, обладающий определенными правами, главной целью которого является процветание страны и создание в совместной работе с новым правительством оптимальных условий для жизни.

Резюме

Инаугурационная речь входит в поле взаимодействия «автор — адресат». В этом дискурсе реализован образ автора и образ обобщенного адресата, к которому обращено выступление вступающего в должность президента.

Несмотря на подчиненность этого типа дискурса жанровым канонам, в таких речах проявляется личность вступающего в должность конкретного президента. Инаугурационная речь каждого политического лидера имеет как общие, типические черты, так и особенные, присущие личности конкретного политика. Это проявляется в том числе и в текстовых категориях «образ автора» и «образ адресата».

Вариативность образа автора обусловлена личностными качествами лидера и меняющейся политической ситуацией в стране. Типовым образом автора, черты которого представлены во всех инаугурационных выступлениях российских президентов, является политический лидер, который главной своей целью видит работу на благо страны и улучшение условий жизни общества.

При этом такой типовой образ в каждой речи представлен своими вариациями. Так, в инаугурационной речи Б. Н. Ельцина 1991 г. образ автора — это образ лидера, который соперничает своему народу, позитивно смотрит в будущее, готов реализовать общие цели по возрождению страны. Главная особенность данного образа — это направленность на демократизацию и равноправие. В инаугурационных выступлениях В. В. Путина автор представлен как лидер, уверенный в своих силах и в правильности наметенного политического курса, его коммуникативная интенциональная позиция «Я могу вместе с вами» меняется на интенциональность «Я смогу благодаря вам». В инаугурационной речи Д. А. Медведева 2008 г. образ автора — это образ демократически настроенного лидера, делающего главный упор на развитие правового государства.

Моделирование образа адресата в инаугурационных выступлениях российских президентов позволяет выстроить типовую модель. Это образ гражданина, патриота, уверенного в своем правительстве и готового вместе работать для возрождения и процветания России. При этом в каждой речи этот образ представлен с некоторыми вариациями.

В инаугурационной речи Б. Н. Ельцина 1991 г. адресат представлен правовым субъектом, от действий которого зависит будущее страны; только с его помощью правительство сможет достичь совместно поставленных целей. В речи В. В. Путина 2012 г. образ адресата конкретизируется: это свободный, независимый гражданин, обладающий правами и потенциалом для своего раз-

вития. В выступлении Д. А. Медведева 2008 г. образ адресата — это образ правового субъекта, акцентируется внимание на законодательной базе и демократической основе общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1981. № 4. С. 356—367.
2. Алексеева А. А. Политические портреты В. В. Путина и Д. А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 64—80.
3. Бабенко Л. Г., Контгорских А. И. Реализация категории модальности в инаугурационной речи (на материале речи Дональда Трампа) // Политическая лингвистика. 2018. № 3. С. 29—32.
4. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М., 1994. С. 384—391.
5. Бахтин М. М. Язык в художественной литературе // Собр. соч. В 7 т. / М. М. Бахтин. — М.: Русские словари, 1996. С. 287—297.
6. Виноградов В. В. О теории художественной речи. — М.: Высш. шк., 1971.
7. Гаврилова М. В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. — СПб., 2005. 38 с.
8. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филол. журн. 2008. № 1. С. 144—153.
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. — М.: УРСС, 2003. 284 с.
10. Каминская Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2009. 284 с.
11. Ким Л. Г., Мустайоки А., Пиетийайнен Ю. Восприятие модернизации русскими студентами как результат влияния образа автора на интерпретацию политического текста // Политическая лингвистика. 2013 № 4. С. 47—59.
12. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. — М.: Яз. рус. культуры, 1996. 447 с.
13. Меркурьева В. Б., Костина К. В. Языковая репрезентация образа российских президентов в современном немецкоязычном медиадискурсе // Magister-Dixit: науч.-пед. журн. Восточной Сибири. 2012. № 2.
14. Падучева Е. В. Семантика нарратива // Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. — М., 1996. С. 195—419.
15. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика // Политическая лингвистика. 2009. № 1. С. 109—117.
16. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи — 3. — Саратов, 2002. С. 205—214.

L. G. Kim

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: 0000-0003-1712-9663

E. S. Belyaeva

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
ORCID ID: orcid.org/0000-0001-8007-9852

 E-mail: kimli09@mail.ru; lis.ens@yandex.ru.

Inaugural Discourse Images: The Author and the Addressee

ABSTRACT. *The article, based on the Russian presidents' inaugural speeches (B. N. Yeltsin, V. V. Putin, D. A. Medvedev), addresses the theoretical problem of representing the author's image and embodying his political intentions in the text, as well as modeling the image of the addressee. It demonstrates that the text of the inaugural address, although complying fully with the conventions of the genre, is created under the specific socio-political conditions and cannot but reflect the*

author's personality, modality, and intentionality, as well as the image of the addressee, and their social expectations under specific socio-historical conditions. The purpose of the article is to substantiate the thesis that the text categories "author's image" and "addressee's image" are implemented in the inaugural discourse, allowing the researcher to reveal the specific features of the Russian presidents' addresses, which reflect the linguistic personality of the head of state. The linguistic analysis of the inaugural discourses by B. N. Yeltsin, V. V. Putin, D. A. Medvedev resulted in discovering that the typical image of the author represents a political leader, who considers working for the benefit of the country and improving the living conditions of the society as their main goal. The author of the inaugural speech positions themselves as a patriotic leader grateful to their electorate. Modeling of the image of the addressee makes it possible to build a standard scheme possessing certain variations conditioned by the factor of change in the social expectations of the electorate. The typical model of the addressee is the image of a citizen, a patriot, confident of their government and ready to work together for the revival and prosperity of Russia. And each discourse represents this image with certain variations.

KEYWORDS: political linguistics; political discourse; Russian presidents; politicians; political rhetoric; political speeches; linguistic personality; inaugural speeches; inaugural discourse; author's image; image of the addressee.

AUTHOR'S INFORMATION: Kim Lidiya Gustovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Institute of Philology, Foreign Languages, and Media Communications, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Belyaeva Elizaveta Sergeevna, Post-graduate Student of Department of Russian Language, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

FOR CITATION: Kim, L. G. Inaugural Discourse Images: The Author and the Addressee / L. G. Kim, E. S. Belyaeva // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 72—80.

ACKNOWLEDGMENTS: Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-012-00202 A «Everyday Political Communication in Social Networks: Complex Linguistic Analysis».

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Addressee's Factor // Herald of the Academy of Sciences of the USSR. Ser.: literature and language. 1981. № 4. P. 356—367. [Faktor adresata // Izv. AN SSSR. Ser. literatury i yazyka. 1981. № 4. S. 356—367]. — (In Rus.)
2. Alekseeva A. A. Political Portraits of V. V. Putin and D. A. Medvedev (on the material of the modern press and associative experiment) // Political Linguistics. 2012. № 3. P. 64—80. [Politicheskie portrety V. V. Putina i D. A. Medvedeva (na materiale sovremennoy pressy i assotsiativnogo eksperimenta) // Politicheskaya lingvistika. 2012. № 3. S. 64—80]. — (In Rus.)
3. Babenko L. G., Kontorskikh A. I. Realization of the Category of Modality in Inaugural Speech (based on the speech of Donald Trump) // Political Linguistics. 2018. No. 3. P. 29—32. [Realizatsiya kategorii modal'nosti v inauguralionnoy rechi (na materiale rechi Donal'da Trampa) // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 3. S. 29—32]. — (In Rus.)
4. Barthes R. The Death of the Author // Selected Works: Semiotics. Poetics / R. Barthes. — Moscow, 1994. P. 384—391. [Smert' avtora // Izbrannye raboty: semiotika. Poetika / R. Bart. — M., 1994. S. 384—391]. — (In Rus.)
5. Bakhtin M. M. Language in Fiction Literature // Coll. Works. In 7 vol. / M. M. Bakhtin. — Moscow: Russian Dictionaries, 1996. P. 287—297. [Yazyk v khudozhestvennoy literature // Sobr. soch. V 7 t. / M. M. Bakhtin. — M.: Russkie slovari, 1996. S. 287—297]. — (In Rus.)
6. Vinogradov V. V. On the Theory of Artistic Speech. — Moscow: Higher School, 1971. [O teorii khudozhestvennoy rechi. — M.: Vyssh. shk., 1971]. — (In Rus.)
7. Gavrilova M. V. Linguistic and Cognitive Analysis of Russian Political Discourse: abstract. of thesis ... Dr. filol. sciences. — S. Peterb., 2005. 38 p. [Lingvokognitivnyy analiz russkogo politicheskogo diskursa: a avto-ref. dis. ... d-ra. filol. nauk. — SPb., 2005. 38 s.]. — (In Rus.)
8. Golev N. D., Kim L. G. On the Relationship of the Addressee, the Author and the Text in the Paradigm of Linguistic Interpretationism // Siberian Philol. Journal. 2008. No. 1. P. 144—153. [Ob otnosheniyakh adresata, avtora i teksta v paradigme lingvisticheskogo interpretatsionizma // Sibirskiy filol. zhurn. 2008. № 1. S. 144—153]. — (In Rus.)
9. Issers O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. 3rd ed., ster. — Moscow: URSS, 2003. 284 p. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi. 3-e izd., ster. — M.: URSS, 2003. 284 s.]. — (In Rus.)
10. Kaminskaya T. L. The Image of the Addressee in the Texts of Mass Communication: A Semantic-Pragmatic Study: doctoral thesis... Phil. sciences. — S. Peterb., 2009. 284 p. [Obraz adresata v tekstakh massovoy kommunikatsii: semantiko-pragmaticheskoe issledovanie: dis. ... d-ra filol. nauk. — SPb., 2009. 284 s.]. — (In Rus.)
11. Kim L. G., Mustayoki A., Pietilyaynen Yu. Perception of Modernization by Russian Students as a Result of the Influence of the Author on the Interpretation of the Political Text // Political Linguistics. 2013 № 4. P. 47—59. [Vospriyatie modernizatsii russkimi studentami kak rezul'tat vliyaniya obraza avtora na interpretatsiyu politicheskogo teksta // Politicheskaya lingvistika. 2013 № 4. S. 47—59]. — (In Rus.)
12. Lotman Yu. M. Inside the Thinking Worlds: Man — Text — Semiosphere — History. — Moscow: Languages of Rus. Culture, 1996. 447 p. [Vnutri myslyashchikh mirov: chelovek — tekst — semiosfera — istoriya. — M.: Yaz. rus. kul'tury, 1996. 447 s.]. — (In Rus.)
13. Merkur'eva V. B., Kostina K. V. Language Representation of the Image of Russian Presidents in the Modern German-Language Media Discourse // Magister-Dixit: Scientific and Pedagogical Journal of Eastern Siberia. 2012. № 2. [Yazykovaya reprezentatsiya obraza rossiyskikh prezidentov v sovremennom nemetskoyazychnom mediadiskurse // Magister-Dixit: nauch.-ped. zhurn. Vostochnoy Sibiri. 2012. № 2]. — (In Rus.)
14. Paducheva E. V. The Semantics of Narrative // Semantic studies: the semantics of time and species in Russian; semantics of narrative. — Moscow, 1996. P. 195—419. [Semantika narativa // Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narativa. — M., 1996. S. 195—419]. — (In Rus.)
15. Romanova T. V. Communicative Image and Speech Portrait of a Modern Politician // Political linguistics. 2009. No. 1. P. 109—117. [Kommunikativnyy imidzh i rechevoy portret sovremennogo politika // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 1. S. 109—117]. — [In Rus.]
16. Sheygal E. I. Inaugural Address as a Type of Political Discourse // Speech Genres — 3. — Saratov, 2002. P. 205—214. [Inauguratsionnoe obrashchenie kak zhanr politicheskogo diskursa // Zhanry rechi — 3. — Saratov, 2002. S. 205—214]. — (In Rus.)

Г. Е. Попова

Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4134-8954 E-mail: pebble2406@mail.ru.

Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской и политической коммуникации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются когнитивно-коммуникативные аспекты политической и, в частности, парламентской коммуникации (парламентский дискурс от других разновидностей политического отличаются тематическая релевантность, публичность и институциональная регламентированность полемики, скрупулезность аргументации, определенная культура рассуждений, дискурсивная когерентность (прецедентность) и протокольная интертекстуальность, обусловленный необходимостью принятия решения (закона) поиск консенсуса). На основе когнитивных методологических построений предлагается структурная модель когнитивного пространства парламентского дискурса, раскрывающая взаимодействие иерархически организованных пропозиций. Автор выдвигает гипотезу о приоритете принципа релевантности в когнитивной структуре политической коммуникации. Целью исследования становится механизм принятия решения как основная функциональная характеристика парламентской коммуникации. Подчеркивается роль консенсуса и необходимость конструктивной делиберативной составляющей в процессе взаимодействия политического класса и гражданского общества. Выделяются дифференциальные признаки политической персуазивности, выявляется механизм взаимодействия внешнего и внутреннего контекстов в процессе институционального речевого взаимодействия. Материалом исследования выступает политическая дискурсивная формация современной Франции. На примере политического кризиса, проявившегося в движении «желтых жилетов», проводится анализ степени релевантности дискурса политической элиты в коллективном сознании гражданского общества. Анализ приводит к выводу о необходимости дальнейшей разработки структуры и функций политической релевантности как конклюзивного механизма и средства достижения консенсуса в делиберативной политической коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: парламентский дискурс; консенсус; релевантность дискурса; когнитивный анализ; политический дискурс; парламентаризм; политическая коммуникация; парламентская коммуникация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Попова Галина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Астраханский государственный технический университет; 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; e-mail: pebble2406@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова, Г. Е. Когнитивно-прагматическая категория релевантности в структуре парламентской и политической коммуникации / Г. Е. Попова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 81—89.

Политическая коммуникация, как правило, рассматривается как регулятивная социальная интеракция, имеющая тройную цель: «распределение общественных ресурсов; контроль за принятием решений / право принимать решения (судебные, законодательные и исполнительные); применение санкций (право наказывать или награждать)» [Шейгал 2000: 14]. В многочисленных исследованиях политической коммуникации выделяются такие ее черты, как институциональность, пропозициональная неопределенность, театральность, агональность, ритуальность, идеологичность, манипулятивность, медийность и т. д. [Чудинов 2009].

Однако высокая степень институциональности парламентского дискурса становится его характерологической чертой в сопоставлении с широким пространством политического дискурса. Парламентский дискурс отличается: 1) тематическая релевантность: не все аспекты внутренней и между-

народной политики входят в поле парламентской коммуникации; 2) публичность и институциональная регламентированность полемики: ответственность может рассматриваться как ингерентная черта парламентского дискурса, что влечет за собой 3) скрупулезность аргументации, определенную культуру рассуждений, суждений, выводов и доказательств; 4) дискурсивная когерентность (прецедентность) и протокольная интертекстуальность; и, главное, 5) необходимость принятия решения (закона) ограничивает агональность политической борьбы, инициирует поиск консенсуса, когда эристическая агональность [Тамразова 2016] заменяется на стремление к конструктивной релевантности (ср.: [Кустова, Попова, Шамугия 2015]).

Именно последнее отличие, а вернее, степень проявления релевантности как когнитивно-прагматической категории в политической и, в частности, парламентской

коммуникации, становится **предметом нашего рассмотрения**.

Сегодня в исследовании социополитической коммуникации произошел когнитивный поворот, что дает возможность приблизиться к моделированию когнитивного пространства социальной институциональности [Базылев 2005]. Дискурс социальных институтов рассматривается как результат «овеществления» социальных когниций.

Методиками исследования становятся: анализ когнитивных пространств социальных институтов, профилирование общих и специальных фоновых знаний (common ground) как протагонистов институциональной коммуникации, так и их «институциональных клиентов» (термин В. И. Карасика), фиксирование параметров институционального контекста путем отграничения его от более широкого социально-коммуникативного пространства и, наконец, определение когнитивно-интеракциональной динамики институционального дискурса, изучение когнитивных механизмов дискурсивного взаимодействия акторов политического и, в частности, парламентского коммуникативного процесса. За единицу анализа интериндивидуальной и коллективной когниции (common knowledge, common ground) принимается *пропозиция*, имеющая главным своим дискурсивным коррелятом высказывание — речевой акт. И за высказыванием — материальным воплощением пропозиции — кроются различные измерения: денотативно-референтное, логико-инференциальное, аргументативное и др. [Арутюнова 1990]. Пропозиция отражает определенное положение вещей, фрейм, структурную рамку, ограничивающую деятельность континуум в понятии отдельной структурированной *социальной ситуации* [Гофман 2003].

Цель нашей статьи — рассмотреть возможность социокогнитивного подхода на примере исследования взаимодействия парламентского и политического дискурса и показать, что особенность парламентской коммуникации, в отличие от политической коммуникации вообще, состоит в статусе конструктивного консенсуса как прототипической основы делиберативной^[1] институциональности. В основе консенсуса лежит категория релевантности, характеризующая пропозицию как единицу когнитивного анализа аргументативно-персуазивной политической делиберации.

1. Когнитивная структура парламентской коммуникации

Парламентский дискурс (ПД) — один из главных социально-политических институ-

циональных дискурсов общества, который, помимо политической борьбы противостоящих партий, олицетворяет делиберативный процесс в политике, является проявлением конкурентной диалогической кооперативности [Алферов, Кустова, Попова 2013] и коммуникативной институциональности в политической коммуникации.

Основными характеристиками ПД являются, с одной стороны, аргументативная и риторическая персуазивность [Правикова 2018], а с другой — конклюдентность, т. е. законотворческая целенаправленность и завершенность, проявляющаяся в выработке законодательного текста [Алферов, Кустова 2014]. Суть парламентской коммуникации состоит в решении социополитических задач посредством обсуждения и *принятия решения*, имеющего законодательное, государственно-управленческое и общественно-политическое значение [Boltanski, Thévenot 1991]. Поэтому цель критической дискуссии в парламенте — «убедить противоположную сторону в своей правоте» — предопределяет необходимость делиберативной дискуссии в целях оптимального для всех решения, предполагающего компромисс, консенсус.

Коммуникативные, когнитивные и лингвопрагматические механизмы *делиберации* (диалога) прототипичны. Они заложены в природе человеческого общения, в принципе кооперативности [Grice 1979] и — шире — в когнитивной эмпатии [Zlatev 2014], в коллективном мышлении и кооперативной *коллективной интенциональности* [Томаселло 2011]. Консенсус можно рассматривать как персональное (внутреннее) решение каждого участника делиберации и как общее (внешнее) коллективное соглашение [Heinich 2017]. Поэтому под *внутренним консенсусом* мы понимаем *осознание* и решение индивидуумом проблемной ситуации, и, как следствие, получение нового выводного (конклюдентного) *знания* [Dijk 2003], на основе которого *решение* декларируется для осуществления дальнейшей деятельности.

Под *внешним консенсусом* мы подразумеваем ту когнитивно-аналитическую базу, которая возникает в результате коллективного обсуждения и решения общей проблемной ситуации. Такая база формируется в ходе аргументативного обмена и составляет основу конклюдентного текста, имеющего законодательный статус. В дальнейшем такого рода декларации (законы) становятся фундаментом *общего социального консенсуса* — гарантией стабильности в обществе. Суть парламентской делиберативности заключается в том, что во внешний консенсус включаются и все избиратели (гражданское

общество), от имени которых действуют парламентарии. Поэтому чем меньше процент оставшихся вне поля консенсуса, тем более устойчивой является общественно-политическая ситуация [Fernros, Schaffer 2014]. В этом состоит политическая релевантность парламентского консенсуса [Murphy, Shleifer 2009].

Отсюда следует, что одним из главных условий реализации *эффективности парламентской коммуникации* должен быть когнитивно-коммуникативный *поиск* коллективного и индивидуального **консенсуса** как основы принятия того или иного решения в ходе парламентской деятельности [Kettner 2007]. Наша задача — показать, что процесс достижения внутреннего и внешнего консенсуса строится на основе когнитивно-прагматического **механизма релевантности** ^[2].

Релевантность как релятивная категория зависит от структурного и/или функционального контекста (ко-текстной дистрибуции и/или ситуации). Прагмакогнитивный подход тесно связывает релевантность с «вычислительными» (computational) способностями интеллекта и включает в себя интерсубъективное, интеракциональное измерение.

В парламентской когнитивно-деятельностной формации *согласие* объединяет два эпистемических начала, два операциональных знания — *делиберативное* и *волевое*. *Делиберативное знание* связано с понятием консенсуса — внешней договоренности в институциональном коллективе на основе внутреннего согласия отдельных субъектов. *Волевое знание* связано с понятием институционального принуждения («когнитивного насилия» — ср. [Медведева, Воронкова 2013]) и представляет собой знание (осо-знание, при-знание) конвенциональной необходимости (партийная, групповая принадлежность и т. д.). В менее политизированной дискуссии (научный, технический анализ) превалирует убедительность (*credibility*) и обоснование (*justification*), в политике же господствует *персуазивность* как интеллектуально-волевое воздействие [Murphy, Shleifer 2004].

Наличие альтернативных (противоречащих) слотов в структуре когнитивного фрей-

ма создает *проблемную ситуацию*, которая требует решения на основе *интенционального основания* — базового аргумента, позволяющего считать решение правильным, а соответствующую ему пропозицию — истинной и/или обоснованной (релевантной) ^[3].

Гипотезой исследования становится положение о корреляции релевантности пропозиции (фрейма) и релевантности выражающего ее дискурса (высказывания). Л. В. Правикова выделяет три типа пропозиций, постоянно присутствующих в ментальном пространстве парламентской интеракции: *пропозицию факта*, *пропозицию ценности* и *пропозицию политического курса* [Правикова 2018]. Такая типология носит метауровневый характер, так как любое содержание (тема, повестка) парламентского дискурса должно рассматриваться именно в этих категориях. Поэтому мы относим их к метапропозициональному уровню парламентской коллективной когниции.

Следующий уровень когнитивной интеракции парламентской коммуникации представлен противонаправленными макропропозициями (МП), или — в терминах риторики — тезисами, которые вступают в делиберативно-аргументативное взаимодействие [Peleckis, Peleckienė 2015].

Макропропозиция референтно соотносится с утверждением или фактом. Это фактуально-событийная сторона предмета, тема обсуждения («Пенсионная реформа», «Налоги на топливо» и т. д.). На макропропозицию накладываются отмеченные выше метапропозиции: *метапропозиции фактуальности*, *ценности политического курса*.

Обсуждаемая на заседании парламента проблемная макропропозиция (например: «Принять / не принять закон о пенсионной реформе») состоит из двух базовых (профилирующих) пропозиций, одна из которых — «Реформа необходима», другая — «Реформа губительна». Базовая, или профилирующая пропозиция имеет свои про- и контраргументы в виде *микропропозиций* — аргументов — суждений и высказываний субъектов делиберативного процесса. Таким образом, пропозициональную структуру делиберативности можно представить так, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Пропозициональная структура делиберации

МЕТАПРОПОЗИЦИИ	Фактуальность, оценочность, необходимость
Макропропозиция	Выдвигаемый для обсуждения тезис
Базовые (профилирующие) пропозиции	Пропозиции принятия решения (ЗА/ПРОТИВ)
Микропропозиции	Аргументы, обоснования, импозиции

Таблица 2

Делиберативная модель принятия решения

ИНИЦИАЛЬНАЯ МАКРОПРОПОЗИЦИЯ	АРГУМЕНТАТИВНАЯ ДЕЛИБЕРАЦИЯ (микропропозиции)	КОНКЛЮЗИВНАЯ МАКРОПРОПОЗИЦИЯ
→ вербализация →		→ концептуализация →

Совокупность метапропозиций — основных ипостасей проблемы, выдвинутой на обсуждение, — дает *интенциональное основание* для оценки **релевантности** МП и *принятия решения* каждым участником делиберативной интеракции.

Динамика делиберативного процесса, происходящего при обсуждении спорной проблемы, представлена в табл. 2.

Этот процесс происходит за счет двух когнитивно-прагматических механизмов:

- формирования индивидуальных ментальных и *контекстуальных моделей* [Dijk 2009] участников парламентских дебатов и
- формирования представления о *степени релевантности* [Wilson, Sperber 1990] макро- и микропропозиций (истинности, нравственности, партийности и т. д.).

Релевантность высказывания напрямую зависит от способности моделирования аудитории, понимания ее внутреннего контекста (*recipient design*) [Mölders 2013]. В институциональной коммуникации чаще имеют место «навязанные релевантности» [Шюц 2004: 566] как результат *импозиции*, т. е. легитимизированного «когнитивного насилия» [Wilson, Sperber 1990]. Общность базовой системы внутренних релевантностей парламентариев как когнитивных субъектов определяется институциональной ответственностью за принятие государственных и политических решений. Исходя из представления о ментальных контекстуальных моделях и их дискурсивных коррелятах, мы предлагаем различать два типа (А и Б) и несколько уровней *релевантности*.

А. Релевантность пропозиции:

- событийная релевантность (эвиденциальная и коммуникативная);
- инференциальная релевантность (логическая и контекстуальная);
- институциональная релевантность (идеологическая и политическая).

Б. Релевантность дискурсивного коррелята-высказывания:

- релевантность пропозиционального отношения (истинность, ложность, вероятность и другие модальности);
- имплицативная релевантность (интерпретативная, семантико-прагматическая);
- иллокутивная релевантность (уместность и успешность речевого акта);

- аргументативная релевантность (персуазивная, риторическая);
- интерперсональная релевантность (вежливость, уважение и т. п.);
- дискурсивная релевантность (значимость высказывания в дискурсе и дискурса в дискурсивной формации) [Попова 2004; 2018].

Парламентский дискурс разворачивается в двух коммуникативных фреймах (по И. Гоффману): профессионально-политическом (внутреннем) и социально-политическом (внешнем). Внутреннее институционально-коммуникативное пространство — это взаимодействие профессиональных акторов — политиков, парламентариев, экспертов, их квалифицированных компетенций, выражающихся в определенных типах интеракций — жанрах парламентского, юридического и управленческого дискурсов (принятие поправок к закону, делиберация в парламентских группах и фракциях, экспертный анализ и т. д.)^[4].

В отличие от парламентского дискурса, пространство общеполитического дискурса в рамках национальной социополитической коммуникации в меньшей степени зависит от условий политической толерантности и ограничения противоречий между политическими противниками.

Однако на примере недавних событий во Франции можно показать, как когнитивная интеракция между политическим классом и гражданским обществом зависит от условий функционирования категории релевантности.

2. Иррелевантность высказываний и перформативность нерелевантной пропозиции в политической дискурсивной формации

Внешним социально-политическим пространством парламентской коммуникации выступает вся политическая дискурсивная формация (ПДФ). В рамках ПДФ делиберация может рассматриваться как диалог политического класса (ПК) и гражданского общества (ГО). С парламентским дискурсом в пространстве национальной политической дискурсивной формации взаимодействуют, с одной стороны, дискурсы правительства, президента, с другой — дискурсы СМИ и дискурсы ГО в лице постоянных и/или окказиональных гражданских организаций и движений (манifestаций, делегаций, митингов, пикетов и т. п.).

Таблица 3

Структура политической дискурсивной формации (ПДФ)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС		ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО	
ПРЕЗИДЕНТ	ПАРЛАМЕНТ	ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕДИА (САЙТЫ)	НПО
ПРАВИТЕЛЬСТВО			ПРОФСОЮЗЫ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ		СМИ ИНТЕРНЕТ	ДВИЖЕНИЯ и АКЦИИ

Как было отмечено, в рамках общественной делиберации область актуальной коммуникации лежит между инициальной и конклюдивной макропропозициями (см. выше — табл. 2). Например, недавняя инициатива (инициальная макропропозиция) правительства Франции по введению «экологического налога на топливо» представлена следующей пропозициональной формулой: «Увеличение налога на стоимость горючего составит часть бюджета страны, направляемую на развитие экологически чистых источников энергии (ветряные электростанции и т. п.)» (P1). Одним из главных слотов-аргументов такого решения стал тот факт, что стоимость автомобильного топлива во Франции не самая высокая в ЕС. Однако с точки зрения налогоплательщика эта пропозиция вступает в противоречие с фактом снижения доходов (покупательной способности) значительной части населения, с одной стороны, и наличием высокой потребности в использовании личного транспорта, что при повышении цен на бензин создает угрозу семейному бюджету многих французов. Таким образом, инициальная макропропозиция (предложение правительства) вступает в противоречие с внутренним контекстом гражданского общества («благополучие людей») и приводит к *контроверзе* между ГО и правящей политической элитой. Это противоречие выразилось в *контр*-макропропозиции ГО «Повышение налога на топливо — угроза жизненным интересам французов» (P2). Аргументация P2 базировалась, в частности, на упреке правительству в отказе от прогрессивного налога на сверхприбыли и рядом других слотов этого контрфрейма.

Как известно, недовольство граждан выплеснулось в социальные сети. В течение нескольких недель (ноябрь — декабрь 2018 г.) призывы участвовать в пикетах и митингах вывели людей на демонстрации, охватившие всю страну. Движение «желтых жилетов» (*mouvement des gilets jaunes*) (далее — ДЖЖ) поддержали около 80 % населения Франции. Фактуальным (событийным) контекстом проблемной макропропозиции, таким образом, стали спонтанно организовавшиеся через социальные сети демонстрации

по всей стране и в столице Франции. Требование отменить «экологический налог» превратилось в целый список социально-политических претензий в адрес правительства, президента и парламента республики: снизить налоги, увеличить минимальную зарплату, отменить налог на топливо, вернуть прогрессивный налог на крупные состояния и т. д. Изменение в контексте (народные манифестации, вандализм погромщиков, угроза радикализации конфликта) привело к изменению инференциальной релевантности как *про*- (P1), так и *контр*- (P2) макропропозиций: релевантность P1 практически свелась к нулю, в связи с расширением макроконтекста — многочисленных манифестаций. Инференциальное знание 'низкий уровень жизни', связанное с пропозицией P2, инициировало расширение P2 < P3. Пропозиция P3 «Устранение социальной несправедливости в обществе» вобрала в себя все требования ДЖЖ, выраженные рядом пропозиций. Две из них напрямую относятся к предмету нашего рассмотрения.

Первая профилирующая пропозиция ДЖЖ напрямую коснулась релевантности политического дискурса власти. Президенту Макрону вменялось в вину высокомерие, проявившееся в его заявлениях.

Э. Макрон, еще будучи министром экономики, открыл череду своих «мемов» обращением к безработным: *Vous n'allez pas me faire peur avec votre tee-shirt. Le meilleur moyen de se payer un costard, c'est de travailler. — Вы не напугаете меня вашей майкой. Лучший способ купить костюм (арго) — это работать*, которое вместе с высказыванием о женщинах — работницах фермы (*...une majorité de femmes ... pour beaucoup illettrées... — ...большинство женщин, как правило, неграмотных*) — принесло ему характеристику «незрелого политика» [Figaro-2015]. С тех пор высокомерие (*arrogance*) становится главной медийной чертой Макрона, который получает прозвище «Юпитер» (“Jupiter planète gazeuse”) [Figaro-2017]. Макрона-президента начинают обвинять в «монархическом» речевом поведении. Его полемическое *Je ne céderai rien, ni aux fainéants ni aux cyniques ni aux extrêmes... qui foutent le bordel* (Я не уступлю ни

лентяям, ни циникам, ни крайним, ...которые устраивают бардак...), адресованное противникам реформ, или вырванное из контекста ироничное *Gaulois réfractaires au changement* (Галлы, огнеупорные к переменам), или гиперболическое *...des gens qui réussissent et des gens qui ne sont rien...* (успешные люди и ничтожества) и другие высказывания были «раскручены» прессой и Интернетом, политическими противниками слева и справа [Figaro-2018]. Данный контекст стал предметом обсуждения в соцсетях, в СМИ и в политических дебатах в парламенте. Сторонники Макрона и он сам говорили, что такой стиль общения «ломает канцелярский язык» («langue de bois») в стремлении «быть понятным» [Macron 2018], однако эристика высказываний президента породила эристику со стороны его политических противников и, главное, в обществе в целом.

Второй базовой пропозицией ДЖЖ стало недоверие к представительской парламентской системе, требование усиления «гласа народа» в политической жизни страны — было предложено создать постоянный делиберативный механизм в виде «Народного Референдума»: ***Le Référendum populaire doit entrer dans la Constitution. Création d'un site lisible et efficace, encadré par un organisme indépendant de contrôle où les gens pourront faire une proposition de loi*** (В Конституции должен быть прописан **Народный Референдум**: создание сайта, понятного и эффективного, представляющего независимый контрольный орган, в котором примут участие граждане, уполномоченные выходить с законодательными инициативами) [Figaro-2018].

Делиберация в рамках политической дискурсивной формации, возникшая вокруг кризиса «желтых жилетов», показала, что диалог политического класса и гражданского общества как элемент делиберативной демократии — это не теоретический конструкт политической философии, а реальность, с которой нельзя не считаться в политике современного демократического государства. Теперь на повестке парламентских слушаний возникает «макропропозиция» о создании Референдума гражданской инициативы — «*Référendum d'Initiative Citoyenne (RIC)*» [Idem].

Таким образом, парламентский дискурс, являясь конклюдивным, подводит итог коллизиям политической коммуникации в виде протокольных и законодательных документов. Особенно в случаях, когда объектом этих коллизий становится первое лицо государства.

Мы видим, что следствием нерелевантности пропозиций акторов общеполитического коммуникативного пространства Франции стала необходимость поиска конструктивного консенсуса на парламентском уровне и его институционального закрепления в определенной законодательной форме.

Это доказывает, что отношение (максимальной) релевантности между когнитивным пространством правительственной и парламентской коммуникации и внешним когнитивно-дискурсивным пространством гражданского общества выступает средством поддержания социополитической стабильности в общественной жизни. Поэтому рассмотрение системы и функционирования когнитивных и прагматических механизмов политической делиберации и механизмов парламентского дискурса сквозь призму категории релевантности является перспективным направлением исследований в политической лингвистике, политологии и политической конфликтологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]. Делиберативность здесь понимается широко — как дискуссия, процесс обсуждения («обдумывания» — англ.) разных точек зрения [Eemeren, Grootendorst 1994]. Принятое в политологии специальное (узкое) понятие «делиберативная демократия» [Хабермас 2001] противопоставляется представительской, т. е. парламентской, демократии и вызывает противоречивые оценки [Bohman 1998; Kettner 2007].

[2]. Прагмакогнитивная теория релевантности (TP) — от истоков [Sperber, Wilson 1989; Wilson, Sperber 1990] через критическое развитие [Dijk 2009; Eemeren, Grootendorst 2004; Tokimoto 2015] — превращается в методологический инструмент зарубежной социолингвистической науки (см. тж.: [Правикова 2002; Шпербер, Уилсон 1988]).

[3]. Отличие истинности от релевантности знания заключается: 1) в противопоставлении логического и прагматического (эмоционально-оценочного) компонентов рассуждения, 2) в различии аргументативной и персуазивной составляющих в речи, 3) в расхождении алетической и деонтологической (и других) модальностей пропозиции [Попова 2018].

[4]. Существует мнение, что национальные парламенты по их дискурсивно-когнитивному стилю можно разделить на профессиональные (Великобритания) и «театрально» делиберативные (Италия, Франция) [Heurtin 1999].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В., Кустова Е. Ю., Попова Г. Е. Интеракционное регулирование когнитивного пространства собеседников // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2013. № 2. С. 77—79.

2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Европейский парламентский дискурс: стратегия исследования // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2014. № 1. С. 91—94.
3. Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 401.
4. Базылев В. Н. Политический дискурс: когнитивное моделирование // Концептуальное пространство языка. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 324—330.
5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. — М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с.
6. Еемерен ван Ф. Х., Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях. — СПб.: Нотабене, 1994. 239 с.
7. Кустова Е. Ю., Попова Г. Е., Шамугия Л. Г. Интеракциональная релевантность парламентского дискурса // Вестн. Пятигорск. гос. лингвист. ун-та. 2015. № 2. С. 203—206.
8. Медведева М. А., Воронкова Н. В. Морально-правственные аспекты легитимации насилия // Идеи и идеалы. 2013. № 4 (18). Т. 1. С. 137—145.
9. Попова Г. Е. Релевантность высказывания как единицы речевого взаимодействия (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2004. 16 с.
10. Попова Г. Е. Релевантность как категория парламентского дискурса // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: Труды и материалы Междунар. конф. 2018. С. 194—197.
11. Правикова Л. В. Релевантность как когнитивная и лингвистическая категория // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. — Рязань, 2002. С. 45—55.
12. Правикова Л. В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (79). Ч. 2. С. 359—362.
13. Тамразова И. Г. Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85—87.
14. Томаселло М. Истоки человеческого общения. — М.: Языки славянских культур, 2011. 323 с.
15. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб.: Наука, 2001. 419 с.
16. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 292 с.
17. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. — Волгоград, 2000. 431 с.
18. Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. С. 153—212.
19. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с.
20. AN-I — Assemblée nationale [Electronic resource]. XVe législature. Session ordinaire de 2018—2019 Compte rendu intégral. Deuxième séance du mardi 11 décembre 2018. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/15/cr/2018-2019/20190102.asp#P1561310>.
21. Bohman J. The coming age of deliberative democracy // The Journal of Political Philosophy. 1998. No 6 (4). P. 400—425.
22. Boltanski L., Thévenot L. De la justification: Les économies de la grandeur. — Paris: Gallimard, 1991. 496 p.
23. Dijk van T. A. Knowledge in parliamentary debates // Journal of Language and Politics. 2003. No 2. P. 93—129.
24. Dijk van T. A. Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk. — New York: Cambridge Univ. Pr., 2009. 287 p.
25. Eemeren van F. H., Grootendorst R. A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach. — Cambridge, New York: Cambridge Univ. Pr., 2004. 216 p.
26. Fernros H. F., Schaffer J. K. The Consensus Paradox: Does Deliberative Agreement Impede Rational Discourse? [Electronic resource] // Political Studies. 2014. Febr. No 62 (S1). URL: <https://online.library.wiley.com/journal/14679248>.
27. Figaro-2015. Une petite phrase d'Emmanuel Macron sur les «milliardaires» consterne à sa gauche [Electronic resource] // Le Figaro. 7.01.2015. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/01/07/25002-20150107ARTFIG00070-une-petite-phrase-d-emmanuel-macron-sur-les-milliardaires-consterne-a-sa-gauche.php>.
28. Figaro-2017. «Illetrées», «fainéants», «bordel»... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron [Electronic resource] // Le Figaro. 5.10.2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001-20171005ARTFIG>.
29. Figaro-2018: L'Assemblée Nationale approuve les annonces d'Edouard Philippe [Electronic resource] // Le Figaro. 5.12.2018. URL: <http://video.lefigaro.fr/figaro/video/gilets-jaunes-l-assemblee-nationale-approuve-les-annonces-d-edouard-philippe>.
30. Grice H. P. Logique et conversation // Communications. 30. — Paris: Seuil, 1979. P. 57—72.
31. Heinich N. Des Valeurs. Une approche sociologique. — Paris: Gallimard, 2017. 406 p.
32. Kettner M. Deliberative democracy: from Rational Discourse to Public Debate // The Information Society: Innovation, Legitimacy, Ethics and Democracy. 2007. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-0-387-72381>.
33. Macron E. Faire de cette colère une chance [Electronic resource] // Site officiel du Président de la République Française. 12.10.2018. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/12/10/adresse-du-president-de-la-republique>.
34. Mölders M. Irritation expertise: Recipient design as instrument for strategic reasoning [Electronic resource] // European Journ. of Futures Research. 2013. No 2 (1), 32. 2013. URL: <http://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs40309-013-0032-3.pdf>.
35. Murphy K. M., Shleifer A. Persuasion in Politics // American Economic Review. Papers and Proceedings. 2004. No 94. P. 435—439.
36. Peleckis K., Peleckienė V. Persuasion in Business Negotiations: Strategic Orientations and Rhetorical Argumentation // Universal Journ. of Management. 2015. No 3 (10). P. 413—422.
37. Sperber D., Wilson D. La pertinence. Communication et cognition. — Paris: Minuit, 1989. 267 p.
38. Tokimoto S. Relevance in Real-Time Interpretation of Utterances // Open Journal of Modern Linguistics. 2015. No 5. P. 511—517.
39. Wilson D., Sperber D. Forme linguistique et pertinence // Cahiers de linguistique française. 1990. No 11. P. 13—35.
40. Zlatev J. The co-evolution of human intersubjectivity, morality and language // The Social Origins of Language / D. Dor, C. Knight, D. Lewis (eds.). — Lund: Lund Univ., 2014. P. 249—266.

G. E. Popova

Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4134-8954

 E-mail: pebble2406@mail.ru.

The Cognitive-Pragmatic Category of Relevance in the Structure of Parliamentary and Political Communication

ABSTRACT. *The article deals with the cognitive-communicative aspects of political, and specifically parliamentary communication (parliamentary discourse differs from other kinds of political communication by topical relevance, public nature and institutional regulation of polemics, carefulness of argumentation, a certain culture of reasoning, discursive co-*

herence (precedence), protocol intertextuality, and the search for consensus necessary for making a decision or adopting a law). Based on the cognitive methodological procedures, the author suggests a structural model of the cognitive space of parliamentary discourse demonstrating the interaction between hierarchically organized propositions. The author poses a hypothesis about the priority of the principle of relevance in the cognitive structure of political communication. The aim of the study is to describe the mechanism of decision making as the main functional characteristic of parliamentary communication. The role of consensus and the necessity of a constructive deliberative component in the process of interaction between a political group and the society at large is specially stressed. The author singles out differential features of political persuasiveness and reveals the mechanism of interaction between the inner and outer contexts in the process of institutional verbal communication. The material of the study includes the political discursive formation of modern France. The article analyzes the degree of relevance of the political elite discourse in the public consciousness of the civil society on the example of the political crisis culminating in the yellow vests movement. The analysis leads the author to the conclusion about the necessity of further study of the structure and functions of political relevance as a conclusive mechanism and means of reaching a consensus in deliberative political communication.

KEYWORDS: parliamentary discourse; consensus; discourse relevance; cognitive analysis; political discourse; parliamentarism; political communication; parliamentary communication.

AUTHOR'S INFORMATION: Popova Galina Evgen'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia.

FOR CITATION: Popova, G. E. The Cognitive-Pragmatic Category of Relevance in the Structure of Parliamentary and Political Communication / G. E. Popova // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 81—89.

REFERENCES

1. Alferov A. V., Kustova E. Yu., Popova G. E. Interactive Regulation of the Cognitive Space of Interlocutors // Heralds of Pyatigorsk State Linguist. Univ. 2013. No. 2. P. 77—79. [Interaktsional'noe regulirovanie kognitivnogo prostranstva sobesednikov // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2013. № 2. S. 77—79]. — (In Rus.)
2. Alferov A. V., Kustova E. Yu. European Parliamentary Discourse: Research Strategy // Herald of Pyatigorsk State Linguist. Univ. 2014. No. 1. P. 91—94. [Evropeyskiy parlamentskiy diskurs: strategiya issledovaniya // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2014. № 1. S. 91—94]. — (In Rus.)
3. Arutyunova N. D. Proposition // Linguistic Encyclopedic Dictionary. — Moscow : Soviet Encyclopedia, 1990. P. 401. [Propozitsiya // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. — M. : Sovetskaya entsiklopediya, 1990. S. 401]. — (In Rus.)
4. Bazylev V. N. Political Discourse: Cognitive Modeling // Conceptual Space of the Language. — Tambov : Publ. of TSU named after G. R. Derzhavin, 2005. P. 324—330. [Politicheskiy diskurs: kognitivnoe modelirovanie // Kontseptual'noe prostranstvo yazyka. — Tambov : Izd-vo TGU im. G. R. Derzhavina, 2005. S. 324—330]. — (In Rus.)
5. Gofman I. Analysis of Frames: an Essay on the Organization of Everyday Experience. — Moscow : Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2003. 752 p. [Analiz freymov: esse ob organizatsii povesednevnogo opyta. — M. : Institut sotsiologii RAN, 2003. 752 s.]. — (In Rus.)
6. Eemeren van F. Kh., Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions. — Saint Petersburg : Notabene, 1994. 239 p. [Rechevye akty v argumentativnykh diskussiyakh. — SPb. : Notabene, 1994. 239 s.]. — (In Rus.)
7. Kustova E. Yu., Popova G. E., Shamugiya L. G. Interactive Relevance of Parliamentary Discourse // Herald of Pyatigorsk State Linguist. Univ. 2015. No. 2. P. 203—206. [Interaktsional'naya relevantnost' parlamentskogo diskursa // Vestn. Pyatigorsk. gos. lingvist. un-ta. 2015. № 2. S. 203—206]. — (In Rus.)
8. Medvedeva M. A., Voronkova N. V. Moral and Moral Aspects of Legitimation of Violence // Ideas and Ideals. 2013. № 4 (18). Vol. 1. P. 137—145. [Moral'no-nravstvennye aspekty legitimatsii nasiliya // Idei i idealy. 2013. № 4 (18). T. 1. S. 137—145]. — (In Rus.)
9. Popova G. E. Relevance of the Utterance as a Unit of Speech Interaction (on the material of the French language) : abstract of thesis ... Cand. of Filol. Sciences. — Voronezh, 2004. 16 p. [Relevantnost' vyskazyvaniya kak edinitsy rechevogo vzaimodeystviya (na materiale frantsuzskogo yazyka) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Voronezh, 2004. 16 s.]. — (In Rus.)
10. Popova G. E. Relevance as a Category of Parliamentary Discourse // Scientific Heritage of V. A. Bogoroditsky and the Modern Vector of Research of the Kazan Linguistic School : Proceedings and Materials of the Intern. conf. 2018. P. 194—197. [Relevantnost' kak kategoriya parlamentskogo diskursa // Nauch-
- noe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly : Trudy i materialy Mezhdunar. konf. 2018. S. 194—197]. — (In Rus.)
11. Pravikova L. V. Relevance as a Cognitive and Linguistic Category // Text and Discourse: Traditional and Cognitive-Functional Aspects of Research. — Ryazan, 2002. P. 45—55. [Relevantnost' kak kognitivnaya i lingvisticheskaya kategoriya // Tekst i diskurs : traditsionnyy i kognitivno-funktional'nyy aspekty issledovaniya. — Ryazan', 2002. S. 45—55]. — (In Rus.)
12. Pravikova L. V. Persuasivity as a Cognitive Strategy in Parliamentary Discourse // Philological Sciences. Problems of Theory and Practice. — Tambov : Diploma, 2018. Num. 1 (79). Part 2. P. 359—362. [Persuazivnost' kak kognitivnaya strategiya v parlamentskom diskurse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2018. № 1 (79). Ch. 2. C. 359—362]. — (In Rus.)
13. Tamrazova I. G. The Cognitive Space of Euristics // Cognitive Studies of Language. 2016. No. 26. P. 85—87. [Kognitivnoe prostranstvo eristik // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2016. № 26. S. 85—87]. — (In Rus.)
14. Tomasello M. Origins of Human Communication. — Moscow : Languages of Slavic Cultures, 2011. 323 p. [Istoki chelovecheskogo obshcheniya. — M. : Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 323 s.]. — (In Rus.)
15. Khabermas Yu. Involving the Other. Essays on Political Theory. — Saint Petersburg : Science, 2001. 419 p. [Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii. — SPb. : Nauka, 2001. 419 s.]. — (In Rus.)
16. Chudinov A. P. Modern Political Communication : teaching aid. — Ekaterinburg : Ural. State Ped. Univ., 2009. 292 p. [Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya : ucheb. posobie. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t. 2009. 292 s.]. — (In Rus.)
17. Sheygal E. I. Semiotics of Political Discourse : doctoral thesis ... of Dr. of Philology. — Volgograd, 2000. 431 p. [Semiotika politicheskogo diskursa : dis. ... d-ra filol. nauk. — Volgograd, 2000. 431 s.]. — (In Rus.)
18. Spherber D., Uilson D. Relevance // New in Foreign Linguistics. Issue 23. Cognitive Aspects of Language. — Moscow : Progress, 1988. P. 153—212. [Relevantnost' // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka. — M. : Progress, 1988. S. 153—212]. — (In Rus.)
19. Shyuts A. Favorites. World, Glowing by Meaning. — Moscow : Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 1056 p. [Izbrannoe. Mir, svetyashchiysya smyslom. — M. : Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004. 1056 s.]. — (In Rus.)
20. AN-I — Assemblée nationale [Electronic resource]. XVe législature. Session ordinaire de 2018—2019 Compte rendu intégral. Deuxième séance du mardi 11 décembre 2018. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/15/cr/2018-2019/20190102.asp#P1561310>
21. Bohman J. The coming age of deliberative democracy // The Journal of Political Philosophy. 1998. No 6 (4). P. 400—425.

22. Boltanski L., Thévenot L. *De la justification: Les économies de la grandeur*. — Paris : Gallimard, 1991. 496 p.
23. Dijk van T. A. *Knowledge in parliamentary debates // Journal of Language and Politics*. 2003. No 2. P. 93—129.
24. Dijk van T. A. *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. — New York : Cambridge Univ. Pr., 2009. 287 p.
25. Eemeren van F. H., Grootendorst R. *A Systematic Theory of Argumentation: The pragma-dialectical approach*. — Cambridge, New York : Cambridge Univ. Pr., 2004. 216 p.
26. Ferrros H. F., Schaffer J. K. *The Consensus Paradox: Does Deliberative Agreement Impede Rational Discourse? [Electronic resource] // Political Studies*. 2014. Febr. No 62 (S1). URL: <https://online.library.wiley.com/journal/14679248>.
27. Figaro-2015. *Une petite phrase d'Emmanuel Macron sur les «milliardaires» consterne à sa gauche [Electronic resource] // Le Figaro*. 7.01.2015. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/citations/2015/01/07/25002-20150107ARTFIG00070-une-petite-phrase-d-emmanuel-macron-sur-les-milliardaires-consterne-a-sa-gauche.php>.
28. Figaro-2017. *«Illettrés», «fainéants», «bordel»... de Bercy à l'Élysée, le langage choc de Macron [Electronic resource] // Le Figaro*. 5.10.2017. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/le-scan/2017/10/05/25001-20171005 ARTFIG>.
29. Figaro-2018. *L'Assemblée Nationale approuve les annonces d'Edouard Philippe [Electronic resource] // Le Figaro*. 5.12.2018. URL: <http://video.lefigaro.fr/figaro/video/gilets-jaunes-l-assemblee-nationale-approuve-les-annonces-d-edouard-philippe>.
30. Grice H. P. *Logique et conversation // Communications*. 30. — Paris : Seuil, 1979. P. 57—72.
31. Heinich N. *Des Valeurs. Une approche sociologique*. — Paris : Gallimard, 2017. 406 p.
32. Kettner M. *Deliberative democracy : from Rational Discourse to Public Debate // The Information Society: Innovation, Legitimacy, Ethics and Democracy*. 2007. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-0-387-72381>.
33. Macron E. *Faire de cette colère une chance [Electronic resource] // Site officiel du Président de la République Française*. 12.10.2018. ULR: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/12/10/adresse-du-president-de-la-republique>.
34. Mölders M. *Irritation expertise: Recipient design as instrument for strategic reasoning [Electronic resource] // European Journ. of Futures Research*. 2013. No 2 (1), 32. 2013. URL: <http://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2Fs40309-013-0032-3.pdf>.
35. Murphy K. M., Shleifer A. *Persuasion in Politics // American Economic Review. Papers and Proceedings*. 2004. No 94. P. 435—439.
36. Peleckis K., Peleckienė V. *Persuasion in Business Negotiations: Strategic Orientations and Rhetorical Argumentation // Universal Journ. of Management*. 2015. No 3 (10). P. 413—422.
37. Sperber D., Wilson D. *La pertinence. Communication et cognition*. — Paris : Minuit, 1989. 267 p.
38. Tokimoto S. *Relevance in Real-Time Interpretation of Utterances // Open Journal of Modern Linguistics*. 2015. No 5. P. 511—517.
39. Wilson D., Sperber D. *Forme linguistique et pertinence // Cahiers de linguistique française*. 1990. No 11. P. 13—35.
40. Zlatev J. *The co-evolution of human intersubjectivity, morality and language // The Social Origins of Language / D. Dor, C. Knight, D. Lewis (eds.)*. — Lund : Lund Univ., 2014. P. 249—266.

Ф. Ф. Фархутдинова

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0992-1864

Х. А. Якупов

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия
ORCID ID: 0000-0002-8315-4253

✉ *E-mail*: fenfar@mail.ru; khalid2004@rambler.ru.

Фразеологизм *Судный день*: история и семантические сдвиги в современном политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В политическом дискурсе новейшего времени актуализировалось словосочетание «судный день», известное многим языкам и народам, исповедующим монотеистические авраамические религии. В статье проанализированы значения оборота в различных дискурсах и выполняемые им функции. Установлено, что оборот «судный день» может выполнять номинативную функцию, когда он называет один из самых главных иудейских праздников — Йом-Кипур (Иом-Кипур). Словосочетание становится фразеологизмом с характеризующим значением, когда оно обозначает религиозное понятие — суд над людьми при наступлении конца мира (света). Выявлены и описаны различия в понимании оборота в христианском (православном) и исламском русскоязычном дискурсах, а также показан процесс метафоризации словосочетания в светских текстах, где происходит актуализация компонента «суд» в составе ФЕ, что приводит к возникновению нового значения оборота, не зафиксированного словарями (фразеологизм становится обозначением важного, решающего для кого-то события: судный день или судный час ожидается как момент истины). Особое внимание уделено сдвигу в семантике устойчивого словосочетания под влиянием кинематографа и компьютерных игр (элиминация нравственно-дидактической составляющей, ее замена ярким визуальным рядом), а также фразеологизмам-дериватам, которые стали актуальными в политическом дискурсе и связаны с угрозой начала новой мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; устойчивые словосочетания; фразеологизмы; фразеологические единицы; семантический сдвиг; фразеология русского языка; русский язык; Судный день.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Фархутдинова Феня Фарвасовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой практического русского языка, Ивановский государственный университет; 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39; e-mail: fenfar@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Якупов Халид Аббясович, аспирант кафедры практического русского языка, Ивановский государственный университет; 153025, Россия, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39; e-mail: khalid2004@rambler.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Фархутдинова, Ф. Ф. Фразеологизм *Судный день*: история и семантические сдвиги в современном политическом дискурсе / Ф. Ф. Фархутдинова, Х. А. Якупов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 90—99.

После послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию в марте 2018 г. в мире заговорили о том, что Россия создала **оружие судного дня** [напр.: Матс Юхан Ларссон [http](http://); Гольц 2018]. Почему это выражение оказалось понятным всему миру? Каким образом устойчивые обороты, связанные с эсхатологическими взглядами и верованиям древних, наполняются новым содержанием в политическом дискурсе? Ответам на эти вопросы и посвящена данная статья.

В культурах разных народов присутствуют эсхатологические представления, одни из которых сформировались во времена язычества, другие же — в недрах монотеистических, в том числе и авраамических религий [Фрэзер 2003]. Нередко такие представления отражаются во внутренней форме устойчивых оборотов — фразеологизмов

(фразеологических единиц) и номинативных словосочетаний. В русском языке это, например, **Всемирный потоп**, **Страшный суд**, **Божий суд**, **конец света**. Данные фразеологические единицы не только несут в себе «нравственно-дидактический заряд огромной силы» [Дубровина 2010: 6], но и хранят в свернутом виде религиозные представления о прошлом или о будущем человечества. Перечисленные устойчивые обороты относят к пласту библейской фразеологии, которая активно исследуется в отечественной науке последних десятилетий под разным углом зрения (например, в аспекте источниковедения [Григорьев 2008], семантики в различных языках [Гак 1997; Иванова 2007; Субочева 2007; Коваленко 2010], лексикографирования [Шулежкова 2013; Шулежкова, Аксёнова, Борисова и др. 2017], языковой игры в современных СМИ [Кузне-

цова 2013], как средство профессиональной подготовки специалистов-теологов [Федуленкова, Койнова, Любимова 2017]). Наряду с библейскими фразеологизмами, к которым относят обороты, возникшие на основе ветхозаветных и новозаветных текстов, в русском языке существуют устойчивые словосочетания, пришедшие не из христианства, а из иудаизма и ислама — авраамических религий, исповедуемых на территории Российской Федерации. Одним из таких оборотов является фразеологизм *Судный день*.

Оборот *судный день* — устойчивое образование, реализующее разные значения и выполняющее в русском языке различные функции — не зафиксирован во фразеологических словарях русского языка, хотя в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова находим следующую информацию об устаревшем прилагательном *судный*: «Связанный с ведением судебных дел. *С-ое дело. С-ая пошлина. С. день; с. час* (в некоторых религиях: суд над людьми при наступлении конца мира, света)» [Кузнецов 2001: 1287]. Наличие архаичной формы *судный* в составе оборота свидетельствует о древности его проникновения в русский язык. Однако в материалах основного корпуса Национального корпуса русского языка устойчивое сочетание *судный день* впервые отмечено между 1850-м и 1860-м годами. Частота употребления оборота низкая и составляет 1—2 словоупотребления на 1 млн словоформ.

Обладая категориальными признаками фразеологизма, словосочетание *Судный день* употребляется в религиозных дискурсах, в языке публицистики, электронных СМИ, в научных трудах по истории Нового времени и богословию, в поэтических и прозаических произведениях. При этом спектр его значений достаточно разнообразен, как разнообразны и его коннотации. Данный оборот становится источником для возникновения других устойчивых образований, которые можно расценивать как фразеологизмы-неологизмы. Особенно активной ФЭ *Судный день* становится в русском языке Нового времени, становясь яркой метафорой общественной и политической жизни. Материалом для анализа стали данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), а также некоторых интернет-источников, отражающих разные стороны жизни общества и мировой политики.

Оборот *Судный день* используется как номинативная единица и служит названием иудейского праздника покаяния, очищения и искупления грехов — Йом-Кипур. В данном случае номинация *Судный день* в русском

языке может быть определена как экзотизм. Не случайно поэтому во многих фразеолопотреблениях наряду с данным оборотом употребляется его аналог — аллитерированное словосочетание из языка-источника (Йом-Кипур, Йом-Кипур, Йом Кипур или просто Кипур) или же его калька (*День искупления*), что можно видеть в следующих иллюстрациях: *Дафина — великое субботнее блюдо, его готовят и в Кипур, Судный день, после того как сутки нельзя не только разводить огонь, но и есть и пить* [Делеринс 2014], *Йом Кипур (Судный день), 10 тишрей. В этот день в Небесном суде окончательно утверждается приговор, вынесенный в Рош Гашана* [Иудейские праздники // Отечественные записки]. Такое разнообразие в назывании одного и того же религиозного неправославного праздника — особенность русскоязычных СМИ постсоветского периода (о вариативности названий мусульманских праздников см., напр.: [Фархутдинова 2015]).

Согласно лексикографическим источникам, праздник Йом-Кипур, или Йом-Кипур (*Судный день*), отмечается в 10-й день месяца тишрей, начинающего год по иудейскому календарю [Брокгауз и Ефрон; Советская историческая энциклопедия; Шломо-Залман]. Данное номинативное значение оборота реализуется в формах именительного падежа и в формах винительного падежа с предлогами *в* и *на*. Форма именительного падежа отмечена в контекстах, где речь идет о приближении, наступлении или завершении праздника. В Национальном корпусе русского языка, где зафиксировано 89 вхождений данного устойчивого словосочетания, большинство фразеопотреблений реализует именно эту семантику фразеологизма *Судный день* — название иудейского праздника. Ср.: *Йом Кипур (Судный день) — самый, пожалуй, главный, самый торжественный религиозный праздник в Израиле* [Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)]; *Завтра у евреев Судный день; в этот день они приходят к Стене плача, единственной сохранившейся до нашего времени стене храма Соломона* [Нина Торопцева. Паломничество по Святой Земле в конце XX века (1996) // «Альфа и Омега», 2000—2001]; *Вчера вечером наступил еврейский праздник „Йом-Кипур“ (Судный день)* [Вести (1914.09.30) // «Маленькие одесские новости», 1914]; *Прошел Судный день и книги жизни, открывшиеся 10 дней назад, снова закрылись* [Гелия Делеринс. Заветный горшок // «Огонек», 2014]; *Уже миновал Судный день, прошла неделя празд-*

ника Кущей, а благословенного в этих местах дожда все не было [Дина Рубина. Последний кабан из лесов Понтеведра (1999) // «Дружба народов», 1999.04.15]. Можно видеть, что в данном значении словосочетание *Судный день* употребляется с глаголами движения *наступает, проходит, минует*.

Та же семантика сохраняется в контекстах, где словосочетание употреблено в форме винительного падежа без предлога. Это, например, следующие вхождения: *Сегодня евреи празднуют свой большой праздник — Иом-Кипур (Судный день)* [неизвестный. Вести (1908.10.05) // «Столичная молва», 1908]; *У нас в доме справлялись праздники — и Пасха, и Судный день. Сперва это была дань традиции. Но чем скромней и приблизительней становился с годами обряд празднования, торжественней было самоощущение отца. Ибо в празднестве видел он не праздник еды и обряда, а некий символ, для которого достаточно и намека, и приблизительного исполнения* [Давид Самойлов. Общий дневник (1977—1989)]. Хорошо видно, что *Судный день* *празднуют, справляют* или *отмечают*.

Форма винительного падежа с предлогами *в* и *на* сохраняет семантику номинации (название одного из важнейших иудейских праздников), но осложняет ее семой 'время': *В сентябре 32-го года христианской эры, в Судный день, то есть за полгода до казни, Иисус решается наконец на первый из трех отчаянных поступков* [Нодар Джин. Учитель (1980—1998)].

В художественной литературе, в отличие от публицистики и мемуаристики, форма устойчивого словосочетания *в (на) Судный день* — часть хронотопа, что можно видеть на следующих примерах: *А в самый Иом-Кипур, в судный день, она как уснула вечером, так и не проснулась* [К. Г. Паустовский. Золотая роза (1955)]; *Совсем недавно, уже в Иерусалиме, валяясь, как обычно в Судный день, на диване и читая Пятикнижие, я обнаружила, что мой дядька возводил свой кривобокий саманный домишко на Кашгарке из таких же кирпичей, какие лепили в египетском рабстве мои гораздо более далекие предки* [Д. Рубина «На солнечной стороне улицы» (1980—2006)]. В поэтических текстах также возможна подобная функция оборота. Однако, например, в стихотворении С. Липкина форма словосочетания *в судный день* — это не просто часть хронотопа, но и образ, связывающий время сегодняшнее с прошлым и переносящий лирического героя в его далекое детст-

во, когда мир был простым и понятным: *Вот ласточка взметнулась, летя из света в тень, / И ясен мир, как в детстве, в Одессе, в Судный день* [С. Липкин «Судный день» (1936 г.)].

Рассматриваемое словосочетание нередко встречается в контекстах, описывающих традиционную обрядность праздника *Иом-Кипур (Судный день)*, исполнение которой важно для представителей еврейского этноса: *Няня рассказывает, как евреи на судный день устраивают жертвоприношение — мужчины вертят над головой связанного петуха, женщины — курицу и просят Бога обрушить на птицу наказания за грехи молящихся* [М. Шишкин «Венерин волос»]; *В Судный день постятся все — даже грудные дети („Нашей дочери Эмили 10 лет — и она уже 10 раз постилась: согласно традиции, в первый раз младенец может соблюдать пост через 24 часа после того, как его отлучили от груди“, — говорит Кохава, жена Ицхака* [Вероника Геннина. Самаритяне: племя древнее, незнакомое (2003) // «Вестник США», 2003.11.12]. В этот день приносят искупительные жертвы, стремятся примириться с окружающими, до захода солнца проводят разделяющую трапезу (после которой начинается суточный пост), до наступления сумерек зажигают свечи, надевают похожие на саван белые одежды, чтобы побудить себя к раскаянию, благословляют детей [Шломо-Залман 1983].

Обратившись к данным «Словаря сочетаемости слов русского языка», можно увидеть, что представленная в словарной статье *Праздник* сочетаемость слова оказывается стандартной и для номинативной единицы *Судный день* (праздник): *большой, традиционный, предстоящий...; приближение, канун, начало...; участие в ..., подготовка к ....; провести, отметить, справлять...; в праздник... делать что-л., во время праздника сделать что-л.; приближается, приходит, наступает, прошел...* [Словарь сочетаемости слов русского языка 1983: 419]. Как представляется, эта сочетаемость устойчивого словосочетания *Судный день* свидетельствует о том, что оно является частью лексико-фразеологической системы русского языка и обладает свойствами лексических единиц, входящих в гипер-гипонимический ряд *праздник — виды праздников*.

В Национальном корпусе русского языка большая часть вхождений со словосочетанием *Судный день* и формами его употребления *в Судный день, на Судный день* связана с иудаизмом, с бытом еврейского народа, реалиями еврейского государства и

его историей Нового времени. О важности **Судного дня** для еврейского народа можно судить, например, по такому вхождению в НКРЯ: *Была безотчетная вера в осмысленность жизни: бесценный вклад; ее не заменяет ни вера по Марксу и Геккелю, ни даже вера по Бергсону и Джемсу; было на земле благолепие быта: синагога и взаимное приветствие праздника, светлая чистота Пасхи, трубные звуки в судный день и прежде всего, суббота; их вовеки не заменят театр и кинематограф, международная елка и обмирщенное воскресение* [М. О. Гершензон. Судьбы еврейского народа (1922)]. М. О. Гершензон ставит **Судный день** с его *трубными звуками* в один ряд с такими категориями еврейской жизни, как *осмысленность существования, бытовое благолепие*, которое состояло в посещении *синагоги*, праздновании *Пасхи*, соблюдении *субботы*.

В православном дискурсе словосочетание **Судный день** — номинативная единица с эсхатологическим значением. Это четко проясляется и в подборке материалов НКРЯ. Обратимся к следующему словопотреблению: *Обычно упоминают четыре „последние вещи“: Смерть, Суд, Рай и Ад. Это „последние вещи человека“. А есть и четыре „последние вещи“ человечества: Судный День, Воскресение плоти, Страшный Суд и Конец Мира. В списке, тем не менее, отсутствует основной пункт — „Последний Адам“ и Его Тело, то есть Христос и Церковь. Ведь эсхатология в действительности не просто одна из частей христианского богословия, но его фундамент и основание, его вдохновляющий и направляющий принцип и, скажем так, ориентир всей христианской мысли. Христианство по природе своей эсхатологично* [протоиерей Георгий Флоровский. Век патристики и эсхатология (1939)]. Широкий контекст, в котором употреблено словосочетание **Судный день**, убеждает в эсхатологичности семантики данного оборота, поскольку он оказывается рядоположенным с такими христианскими понятиями, как Воскресение плоти, Страшный суд и Конец мира. Лексико-семантическая сочетаемость оборота однозначно свидетельствует о том, что **Судный день** воспринимается как неизбежность для каждого, но картина этого события из приведенных в НКРЯ текстов не восстанавливается: *...в оный судный день засвидетельствуй пред Богом об исповеданных мною грехах* [епископ Игнатий (Брянчанинов). В помощь кающимся (1850—1860)]; *...каждый будет истязан в Судный день* [протоиерей Георгий Флоровский. О границах церкви]; *воображаю наши лица в судный*

день [М. А. Журинская. Без московской ругани (2011)]. Приведенные вхождения из НКРЯ согласуются с христианской идеей о том, что человек вечен и что его земная жизнь — лишь мгновение перед этой вечностью, а также о неизбежности суда, который ждет каждого. Но саму картину суда христианство не конкретизирует, делая акцент на том, что это будет **Страшный суд**. В НКРЯ оборот **страшный суд** представлен широко — 400 вхождений; *на страшном суде* — 146 вхождений; *перед страшным судом* — 22 вхождения; *после страшного суда* — 13 вхождений; *божий суд* — 69 вхождений, *на божьем суде* — 4, *перед божьим судом* — 7, *после божьего суда* — нет ни одного вхождения.

В русскоязычных исламских текстах словосочетание **Судный день** имеет исключительно эсхатологическое значение и связано с представлением о дне, когда каждый из людей — живших прежде и живущих ныне — даст отчет Всевышнему о своей земной жизни и получит соответствующее воздаяние за нее. Картина **Судного дня** и конца света описана в сурах или в отдельных аятах Корана, а также в хадисах — изречениях пророка Мухаммеда. Срок наступления Судного дня известен только Аллаху, хотя каждый исповедующий ислам знает, что Судным днем будет пятница (Джума). О приближении этого дня будут свидетельствовать перемены в мире природы (например, солнце взойдет на западе) и изменения в характере человеческих ценностей (неуважение к старшим, непочтение родителей детьми и др.). Наступление же Судного дня увидят самые нечестивые люди, погрязшие в грехах и в неверии. Их повергнет в ужас происходящее. В суре 22 (аят 2) сказано: *В тот день каждая кормящая мать забудет того, кого она кормила, а каждая беременная женщина выкинет свой плод. Ты увидишь людей пьяными, но они не будут пьяны, зато мучения от Аллаха будут тяжки* (перевод Э. Кулиева). В этот день горы превратятся в прах, небо раскроется и упадут на землю звезды, воды стекутся и земля станет другой — неузнаваемой, белой (светло-серой). Так произойдет после первого дуновения ангела Исрафиля, а через сорок (дней, лет...) будет второе дуновение, после которого все умершие воскреснут нагими и босыми и будут ждать расчета за прожитую жизнь. Это тяжелое ожидание для человека, и оно тем тяжелее, чем греховнее был человек. Продолжительность **Судного дня** определена в пятьдесят тысяч земных лет.

Картины **Судного дня** и конца света, изображенные в Коране и в праведных ха-

дисах, призваны вызвать ужас и содрогание в душе человека. Описание **конца света** является постоянным напоминанием о бренности этого мира и ответственности каждого за свое поведение на этом свете, за рациональное использование времени, отпущенного людям Всевышним в этой жизни [Гаджиев http].

Важность данного понятия для ислама видна по такому языковому факту: **Судный день**, по подсчетам богословов, в тексте Корана имеет около 50 синонимов-перифраз, каждый из которых раскрывает одну из особенностей этого дня в истории человечества накануне его исчезновения с лица Земли. К самым известным относят следующие: **Великий день, Последний день, День подъёма и День исхода/выхода** (из могил), **День воскрешения (Воскресения), День сбора, День предстояния, День расчёта, День воздаяния, День угрозы, День взаимных упреков, День сожаления, День различения, День печали и скорби, День обмана и обделения** [Инфо-Ислам http]. При этом в «Арабско-русском словаре» Х. Баранова в словарной статье **День** (яум يوم) номинативное устойчивое словосочетание **судный день** передается тремя арабскими лексемами, которые толкуются с помощью трех устойчивых словосочетаний: яумуддин — **день воздаяния**; яумулхисаб — **день расчета**, яумулахар — **последний день**. Автор словаря использовал три семантических синонима, чтобы показать картину ожидаемого в этот последний день на Земле. И такое понимание Судного дня в русскоязычном секторе исповедующих ислам является очень распространенным, как и само восприятие этого события верующими: — *Ты всё шутишь, а в Судный день шутить не захочется, — возразил на это Дибир* [А. А. Ганиева. Вечер превращается в ночь (2010)].

Для истинного мусульманина **Судный день** вместе с верой в единого Аллаха — это то, что заставляет стремиться к отстранению от грехов, должным образом вести себя в мире людей и надеяться на получение милости Всевышнего и спасение от мучений ада. Именно это значение словосочетания **Судный день** реализуется в таких, например, вхождении в НКРЯ: *И, поистине, получите сполна вы за деяния свои в Судный День* [Шамиль Аляутдинов. Мусульмане: кто они? (1997—1999)]; *К примеру, Судный День, Ад, Рай, существование ангелов и многое другое <...> совершает молитву и выплачивает с того, чем Мы его наделили (Св. Коран, 2: 3)* [Шамиль Аляутдинов. Мусульмане: кто они? (1997—1999)]; *Ходатай-*

ство за кого-либо в Судный День невозможно, кроме как с позволения Всевышнего: „Кто заступится пред Ним, иначе как по воле Его?“ [Шамиль Аляутдинов. Мусульмане: кто они? (1997—1999)]; *„Я же, — говорит Пророк Мухаммад, — оставил её на Судный День, чтобы использовать для заступничества (шафа’а) за своих последователей“* [Шамиль Аляутдинов. Метафизика исламской молитвы (1997—1999)]; *Это сформулировано в следующих выражениях: „Сражайтесь с теми из людей Писания святого, кто в Господа и в судный день не верит и не считает запрещенным то, что не дозволено Аллахом и его пророком, не признавая истины религии Аллаха, — до тех пор, пока они вам дань платить не станут, своею собственной рукой, в смиренности покорном“* [Александр Алексеев. Эстетика террора (2003) // «Спецназ России», 2003.04.15].

Обе номинации — название иудейского праздника и обозначение последнего дня в истории человечества — активно употребляются в светских текстах как метафоры повседневности. Причем если в его первичном, эсхатологическом значении в обороте **Судный день** актуализируются семы *время неизбежного суда, воздаяние за земную жизнь, страх наказания* (оборот становится не номинативной единицей, а фразеологическим сращением), то в производном значении — «решающий день для кого-л., день, когда произойдет важное для человека» актуализируются семы *суд, оценка, справедливость*. Именно эти семы реализуются в следующих фразеопотреблениях: *Но среди буден настал в этом доме художников судный день, великий день: прибыла, если не путаю ее названия, закупочная комиссия* [Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)]; *В своей книге „Судный день Туринской плащаницы“, вышедшей в 1999 году, МакКрон приводит следующий курьезный случай: его жена, тоже исследователь, изучала клеевую полосу с одной старой французской картины* [В. Сурдин. Туринская плащаница: научное исследование // «Наука и жизнь», 2007]; *Она созналась мне, что дела ее, как опекуниши, страшно запутаны, и просила меня приехать в Т. Помочь ей в них разобраться. Я обещал, но задержанный делами не мог приехать утром и дал ей телеграмму, что буду с вечерним поездом Следователь вполне удовлетворился этим объяснением. Наконец „судный день“ для княжны настал. Маленькая зала Т-ского окружного суда не могла вместить всех желавших присутствовать на выдающемся процессе, хотя интерес его*

много уменьшился, когда узнали, что подсудимая отказалась иметь защитника [Н. Э. Гейнце. В тине адвокатуры (1893)] и др. В первых двух фразеопотреблениях речь идет об экспертной оценке картины и Туринской плащаницы, в последнем фразеопотреблении — о судебном процессе. Такие фразеопотребления типичны для русскоязычных текстов разных жанров и дискурсов, хотя они чаще всего встречаются в публицистике и в мемуаристике.

Словосочетание **Судный день** активно используется и в российском кинопрокате. Так, название фантастического фильма 1991 г. «Terminator 2: Judgement Day» (режиссер Джеймс Кэмерон) на русский язык переведено как «Терминатор 2: **Судный день**», название заключительного эпизода британского научно-фантастического сериала «Doctor Who (Доктор Кто)» (сезон 2006 года) — «Doomsday», как и постапокалиптического триллера 2008 г. «Doomsday» (режиссер Нил Маршалл) также переведено с помощью этого словосочетания. Очевидно, что использование оборота **Судный день** в названиях фильмов обусловлено тем, что данный оборот известен в культурах, связанных с авраамическими религиями. Так, в параллельном корпусе НКРЯ эквиваленты ФЕ **Судный день** представлены в текстах на английском, испанском, итальянском, польском, литовском, армянском, белорусском, украинском языках.

Словосочетание **судный день** стало и частью названий популярных компьютерных игр. Так, в анонсе к одной из них говорится: *Представьте, что Судный День настал: машины правят миром, человечество на грани истребления, а вы — его последняя надежда на существование. По этой причине выполняемая вами миссия приобретает статус особой важности! В ваше распоряжение предоставлен истребитель с ограниченным боезапасом — это все, что удалось достать. Но вы можете пополнить запас на поле боя — уничтоженные единицы противника оставляют после себя разнообразные ракеты, бомбы и патроны, поэтому перестрелка с врагом — очень захватывающее зрелище. Так что рекомендуем скачать игру Судный День, устроиться поудобнее и помнить — от вашей отваги и меткости зависит судьба всего мира!* (пунктуация источника сохранена — Ф. Ф., Я. Х.) [**Судный День** // Nevosoft]. Хорошо видно, что восприятие **судного дня** под влиянием кинематографа меняется: **судный день** понимается как время острейшего конфликта роботов (машин) и людей, ведущего к уничтожению человечества, но очистительного

начала, связанного с воздаянием за праведность или греховность каждого, понятие лишается, становясь зрелищем. Среди других компьютерных игр можно назвать и такие, как «Петька и Василий Иванович 2: **Судный день**» (также известная как «Петька и ВИЧ 2: **Судный день**», «ПиВИЧ 2») — компьютерная игра жанра квест, «Муму: **Судный день**». То, что авторы последней из названных игр осмысленно выбрали название для нее, акцентируя внимание на том, что Муму надо утопить (**судный день** или **судный час** для нее и для игрока, который должен это сделать), можно понять по следующему фрагменту ее анонса: «Руководитель отдела продаж компании HeroCraft, Алексей Сазонов, с прискорбием отметил: „Несмотря на наши старания донести до игроков истинный трагизм этой истории, я боюсь, что фан-клуб И. С. Тургенева, Союз Литераторов России и Русская Православная Церковь публично осудят игру. Что, впрочем, принесёт дополнительные 130—140 % продаж“» (орфография и пунктуация источника сохранены. — Ф. Ф., Я. Х.) [HeroCraft анонсирует игру «Муму: Судный День» [http](http://)]. На наш взгляд, хорошо видно, что в названиях компьютерных игр контаминируются эсхатологическая семантика номинативного словосочетания и метафорический смысл устойчивого выражения: **судный день** становится образом того, как играющий помогает героям спасти / уничтожить человечество («ПиВИЧ 2») или быстро утопить собаку, выполнив приказание барыни («Муму: **Судный день**»).

В современном русском языке оборот **Судный день** является деривационной базой для нескольких устойчивых словосочетаний. Причем одно из них связано с названием иудейского праздника Йом-Кипур, другие же — с христианским и исламским оборотом, обозначающим конец истории человечества.

Оборот **война Судного дня** можно охарактеризовать как историзм, называющий двадцатидневный военный конфликт на Ближнем Востоке. Арабо-израильское противостояние с 6 октября по 24 октября 1973 г. получило именно это обозначение. В основном корпусе Национального корпуса русского языка зафиксировано четыре документа, включающих данное фразеопотребление (семь вхождений). Приведем следующие примеры: *В октябре на Ближнем Востоке началась так называемая война „Судного дня“ — в день еврейского праздника войска Египта и Сирии внезапно напали на Израиль, пытаются взять реванш за поражение в 1967 году* [А. Д. Сахаров. Воспоминания (1983—1989)]; *В 1973 году разразилась война Судного Дня, когда Египет и Сирия нанесли внезап-*

ный удар с двух сторон, что едва не закончилось поражением для Израиля [Е. З. Кармазин. Неразрешимый вопрос (2006.01.07) // «Наша страна» (Аргентина), 2006]. Словосочетание **война Судного дня** пришло в русский язык из израильских и европейских источников, что можно видеть по следующему фразеопотреблению: *Они инсценировали и провели „Октябрьскую“ — евреи называют ее „Война Судного Дня“, а арабы „Война Рамадана“* [Публицист Исраэль Шамир специально для «КП». Сговор на Суэце // Комсомольская правда, 2012.02.24]. Устойчивые словосочетания **война Судного Дня** — **Война Судного Дня** — **война Рамадана** выполняют одну и ту же функцию — называют один из военных конфликтов на Ближнем Востоке, но дают ему разную мотивировку в зависимости от позиции участвовавших в конфликте сторон.

Апокалиптическое значение словосочетание **судный день** приобретает в оценочных суждениях, характеризующих новейшие виды боевой техники и вооружений, а также при описании ситуаций, связанных с возможным началом ядерной войны. В 1947 г. американские физики-ядерщики из Чикагского университета предложили в журнале «Bulletin of Atomic Scientists» проект «**Часы Судного дня**». На обложке журнала были изображены часы — символический образ приближающейся ядерной полночи (войны), за которой скрывается полное уничтожение человечества от атомного оружия. В 1947 г. **часы Судного дня** показывали 23 часа 53 минуты. В январе 2018 г. в связи с ядерными испытаниями в КНДР и сообщениями западных СМИ об использовании властью Б. Асада химического оружия против своего народа стрелки **часов Судного дня** передвинули, и они стали показывать 23 часа 58 минут. Эскалация напряженности в мире привела к тому, что СМИ вновь заговорили о технике **Судного дня**. В 1994 г. самолеты США E-4B «Nightwatch» (или National Emergency Airborne Command Post), ставшие воздушными командными пунктами, получили метафорическое название **самолеты Судного дня** или **самолеты конца света**. Один из 4 имеющихся в США самолетов готов к вылету в течение нескольких минут. Этот самолет, как и адъютант с ядерным чемоданчиком, сопровождают президента во время его зарубежных поездок [Boeing_E-4 [http](#)]. В СМИ последнего времени появляется информация о нарушениях этого правила. Так, в заметке РИА «Новости» от 11 апреля 2018 г. говорится: *США подняли в воздух E-4B Nightwatch, известный как самолет „Судного дня“, следует из данных, опубликованных*

мониторинговым ресурсом CivMilAir. На карте видно, что воздушное судно находится над штатом Индиана [США подняли в воздух **самолет «Судного дня»** [http](#)]. Данное словосочетание стало применяться и для характеристики российского вооружения, что можно видеть на примере следующих новостных заголовков: **„Самолёт Судного дня“ передан в Министерство обороны РФ** [«Самолет Судного дня» передан в Министерство обороны РФ [http](#)]. Аналогичная модель используется и для характеристики других видов вооружений: **Ракета „Скиф“: спящее оружие „Судного дня“** [Шишкин [http](#)]; **Мир в труху: Россия показала всё новое оружие „Судного дня“** [Мир в труху: Россия показала... [http](#)]; **В США заявили о том, что система „Периметр“, иначе известная как „Мертвая рука“ России, возвращается. National Interest призвал другие страны бояться российского „ядерного оружия Судного дня“** [«Мертвая рука» России возвращается... [http](#)].

Устойчивое словосочетание **Судный день**, возникнув в глубокой древности, призвано было формировать у человека представление о конечности мира и неизбежности воздаяния за содеянное каждым из людей.оборот **Судный день** встречается в текстах, связанных с тремя авраамическими религиями, исповедующими единобожие: иудаизм, христианство, ислам. В русском языке словосочетание **Судный день** является особым оборотом, который выполняет в речевом употреблении разные функции. Он используется как единица первичной номинации для обозначения одного из самых значимых иудейских праздников — Иом-Кипур, который ежегодно отмечается в начале еврейского Нового года. В качестве фразеологизма устойчивое словосочетание **Судный день** употребляется для обозначения конца рода человеческого на Земле в христианских и исламских текстах. Помимо эсхатологического контекста, данный оборот используется в светских текстах с актуализацией семантики корня **суд** в компоненте **судный** или семантики компонента **день**. В этом случае фразеологизм **судный день** становится обозначением важного, решающего для кого-то события: **судный день** или **судный час** ожидается как *момент истины*.

Рядоположенность понятий **Судный день** — **конец света** и **судный день** — **воскрешение плоти** — **Божий суд** — **конец света** привела к тому, что оборот **Судный день** стал основой яркого образа, оказавшегося востребованным в кинематографе и в компьютерных играх, где нравственно-дидактическая составляющая образной основы обо-

рота не только исключается, но и заменяется ярким визуальным рядом. Так **Судный день** превратился из дня справедливого решения (суда над каждым) во время борьбы людей и машин и даже в игру, в которой играющий обязан как можно скорее утопить собачку. Из ожидающего наказания человек превращается в палача, убивающего другого.

Оборот **Судный день** стал деривационной базой для целого ряда устойчивых оборотов, связанных с угрозой начала третьей мировой войны. Вначале в научном сообществе физиков-ядерщиков, а затем и в широком обороте появились понятия **часы Судного дня**, **машина судного дня** и гипонимические образования **самолёт судного дня**, **оружие судного дня**, **ракеты судного дня**. Данные обороты особенно активно начали возникать в языке последнего времени и используются в политическом дискурсе разных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. — М.: Русский язык, 1985.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2001.
3. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/.
4. Гаджиев Мухаммад аль-Ичхи. Вера в Конец Света и Судный день — пятый столп ислама [Электронный ресурс] // Islam.ru : исламский информационный портал. 2016. 31 июля. URL: <http://islam.ru/content/veroeshenie/43226>.
5. Гак В. Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 55—65.
6. Григорьев А. П. Источниковедение истории русской библейской фразеологии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008.
7. Гольц А. Ракеты для судного дня [Электронный ресурс] // Новое время. The new times. 2018. 1 марта. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/150064>.
8. Делеринс Гелия. Заветный горшок // Огонёк. 2014. № 39. С. 50.
9. Дубровина К. Н. Предисловие // Энцикл. слов. библейских фразеологизмов. — М.: Флинта : Наука, 2010.
10. Иванова Н. Е. Библейские фразеологизмы и их лексикографическая разработка в словарях современного английского языка различных типов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иваново, 2007.
11. Инфо-Ислам [Электронный ресурс]. Общероссийское информационное агентство мусульман. URL: http://www.info-islam.ru/stuff/religija/nastavlenija/samye_izvestnye_nazvanija_sudnogo_dnja.
12. Иудейские праздники [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2003. № 1. URL: http://www.zh-zal.ru/oz/2003/1/2003_01_29.html.
13. Коваленко Г. А. Функционирование библейской лексики и фразеологии в светском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Чебоксары, 2010.
14. Кузнецова И. В. Библейская фразеология и языковая игра // Сибирский филол. журн. 2013. № 2. С. 212—219.
15. Матс Юхан Ларссон. День, когда Путин шокировал мир [Электронный ресурс] // Иносми.ру. 2018. 4 марта. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180304/241619921.html>.
16. «Мертвая рука» России возвращается»: В США призвали бояться «оружия Судного дня» [Электронный ресурс] // Царьград. 2018. 13 дек. URL: https://tsargrad.tv/news/mertvaja-ruka-rossii-vozvrashaetsja-v-ssha-prizvali-bojatsja-oruzhija-sudnogo-dnja_173738.
17. Мир в тьму: Россия показала всё новое оружие «Судного дня» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/eureka/inventions/19-07-2018/1389429-0/>.
18. «Самолет Судного дня» передан в Министерство обороны РФ [Электронный ресурс]. 2016. 27 июля. URL: <https://tvzvezda.ru/news/opk/content/201607271855-24r0.htm>.
19. Словарь сочетаемости слов русского языка : ок. 2500 словар. статей; под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — М.: Рус. яз., 1983.
20. Советская историческая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/sie/>.
21. Субочева А. В. Системный анализ библейских фразеологизмов из лексикографических трудов В. И. Даля : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.
22. Судный День [Электронный ресурс] // Nevosoft. URL: <https://www.nevosoft.ru/game-Mashine-Hell/platform-pc>.
23. США подняли в воздух самолет «Судного дня» [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2018. 11 апр. URL: <https://ria.ru/20180411/1518403842.html>.
24. Фархутдинова Ф. Ф. Исламский мотив в российской культурной симфонии // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политические аспекты. 2015. Т. 11. № 2. С. 127 — 136.
25. Федуленкова Т. Н., Койнова А. С., Любимова О. В. Библейская фразеология в проектировании индивидуального образовательного маршрута религиоведа [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26699> (дата обращения: 13.01.2019).
26. Фрэнгер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. — М.: АСТ : Ермак, 2003.
27. Шишкин К. Ракета «Скиф»: спящее оружие «Судного дня» [Электронный ресурс] // Русская семерка. URL: <http://russian7.ru/post/raketa-skif-spyashhee-oruzhie-sudnogo/>.
28. Шломо-Залман Ариэль. Энциклопедия иудаизма [Электронный ресурс]. — Иерусалим ; Тель-Авив : МАССАДА, 1983. URL: <https://judaism.academic.ru/149>.
29. Шулежкова С. Г. От земли обетованной к небесам обетованным: очерки о судьбах библейских крылатых выражений. — М., 2013.
30. Шулежкова С. Г., Аксёнова А. Ю., Борисова Д. Э., Еськова А. С., Жусупова А. Р., Ручкина К. А., Стельмаш Е. О., Шайкина Г. Л. Не хлебом единым... : мини-словарь библеизмов для школьников. — Магнитогорск, 2017.
31. Boeing E-4 [Электронный ресурс] // Википедия : свободная энцикл. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Boeing_E-4.
32. HeroCraft анонсирует игру «Муму: Судный День» [Электронный ресурс] // PC Magazine. URL: <https://blogs.pcmag.ru/node/278>.

F. F. Farkhutdinova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

ORCID ID: 0000-0002-0992-1864

Kh. A. Yakupov

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

ORCID ID: 0000-0002-8315-4253

 E-mail: fenfar@mail.ru; khalid2004@rambler.ru.

Phraseological Unit *Judgment Day* (rus. *Sudnyy den'*): Its History and Semantic Shifts in the Modern Political Discourse

ABSTRACT. *The modern political discourse has actualized the word combination “sudnyy den’” (judgment day) known to many languages and cultures practicing monotheistic Abrahamic religions. The article analyzes the meanings of the phraseological unit in different discourses and its functions. It has been found that the unit “sudnyy den’” can perform the nominative function when it names one of the main Judaic holidays – Yom Kippur. The word combination becomes a phraseological unit with a characterizing meaning when it denotes a religious concept – judgment of the people in the end times. The article reveals and describes the differences in the understanding of the unit in the Christian (Orthodox) and Islamic Russian language discourses and shows the process of metaphorization of the unit in secular texts in which the actualization of the component “sud” (judgment) brings about the emergence of a new meaning of the unit not recorded in dictionaries (the phraseological unit begins to denote a vitally important event: the judgment day or the judgment hour is looked forward to as a moment of truth). Special attention is given to the semantic shift of the phraseological unit under the influence of films and computer games (elimination of the moral-didactic component, its substitution by salient visual images), and to the phraseological derivatives which have become urgent in the political discourse and are associated with the threat of a new world war.*

KEYWORDS: *political discourse; stable phrases; phraseologisms; phraseological units; semantic shift; Russian phraseology; Russian language; Judgment Day.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Farkhutdinova Feniya Farvasovna, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Practical Russian Language, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yakupov Khalid Abbyasovich, Post-graduate Student of Department of Practical Russian Language, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.*

FOR CITATION: *Farkhutdinova, F. F. Phraseological Unit Judgment Day (rus. Sudnyy den'): Its History and Semantic Shifts in the Modern Political Discourse / F. F. Farkhutdinova, Kh. A. Yakupov // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 90—99.*

REFERENCES

1. Baranov Kh. K. Arabic-Russian dictionary. - M.: Russian language, 1985. [Arabsko-russkiy slovar'. — M. : Russkiy yazyk, 1985]. — (In Rus.)
2. Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / ed. in chief S.A. Kuznetsov. — Saint Petersburg : Norint, 2001. [Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2001]. — (In Rus.)
3. Brokgauz F. A., Efron I. A. Encyclopedic Dictionary [Electronic resource] [Entsiklopedicheskiy slovar']. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/. — (In Rus.)
4. Gadzhiev Mukhammad al'-Inchki. Faith in the End of the World and Judgment Day — the Fifth Pillar of Islam [Electronic resource] // Islam.ru: Islamic information portal. 2016. July 31. [Vera v Konets Sveta i Sudnyy den' — pyatyy stolp islama // Islam.ru : islamskiy informatsionnyy portal. 2016. 31 iyulya]. URL: <http://islam.ru/content/veroeshenie/43226>. — (In Rus.)
5. Gak V. G. Features of Biblical Phraseological Units in the Russian Language (in Comparison with French Biblicalisms) // Issues of Linguistics. 1997. № 5. P. 55—65. [Osobennosti bibleyskiykh frazeologizmov v russkom yazyke (v sopostavlenii s frantsuzskimi bibleizmami) // Voprosy yazykoznaniya. 1997. № 5. S. 55—65]. — (In Rus.)
6. Grigor'ev A. P. Source Study of the History of Russian Biblical Phraseology : synopsis of doctoral thesis ... of Dr. of Philology. — Moscow, 2008. [Istochnikovedenie istorii russkoy bibleyskoy frazeologii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2008]. — (In Rus.)
7. Gol'ts A. Rockets for the Doomsday [Electronic resource] // New Time. The New Times. 2018. March 1st. [Rakety dlya sudnogo dnaya // Novoe vremya. The new times. 2018. 1 marta]. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/150064>. — (In Rus.)
8. Delerins Geliya. Coveted Pot // Flame. 2014. No. 39. P. 50. [Zavetnyy gorshok // Ogonek. 2014. № 39. S. 50]. — (In Rus.)
9. Dubrovina K. N. Preface // Encyclop. of Biblical Phraseology. — Moscow : Flinta : Science, 2010. [Predislovie // Entsikl. slov. bibleyskiykh frazeologizmov. — M. : Flinta : Nauka, 2010]. — (In Rus.)
10. Ivanova N. E. Biblical Phraseological Units and Their Lexicographic Development in the Dictionaries of Modern English of Various Types : abstract of thesis ... of Cand. of Philology. — Ivanovo, 2007. [Bibleyskie frazeologizmy i ikh leksikograficheskaya razrabotka v slovaryakh sovremennogo angliyskogo yazyka razlichnykh tipov : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ivanovo, 2007]. — (In Rus.)
11. Info-Islam [Electronic resource]. All-Russian Muslim News Agency. [Obshcherossiyskoe informatsionnoe agentstvo musul'man]. URL: http://www.info-islam.ru/stuff/religija/nastavle_nija_samy_e_izvestnye_nazvaniya_sudnogo_dnja. — (In Rus.)
12. Jewish holidays [Electronic resource] // Domestic notes. 2003. № 1. [Iudeyskie prazdniki // Otechestvennye zapiski. 2003. № 1]. URL: http://www.zh-zal.ru/oz/2003/1/2003_01_29.html. — (In Rus.)
13. Kovalenko G. A. Functioning of Biblical Lexemes and Phraseology in Secular Discourse : abstract of thesis ... of Cand. of Philology. — Cheboksary, 2010. [Funktsionirovanie bibleyskoy leksiki i frazeologii v svetskomo diskurse : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Cheboksary, 2010]. — (In Rus.)
14. Kuznetsova I. V. Bible Phraseology and Language Game // Siberian Philol. Journal. 2013. No. 2. P. 212—219. [Bibleyskaya frazeologiya i yazykovaya igra // Sibirskiy filol. zhurn. 2013. № 2. S. 212—219]. — (In Rus.)
15. Mats Yukhan Larsson. The Day When Putin Shocked the World [Electronic resource] // Inosmi.ru. 2018. March 4th. [Den', kogda Putin shokiroval mir // Inosmi.ru. 2018. 4 marta]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20180304/241619921.html>. — (In Rus.)
16. ““ The Dead Hand of Russia Returns ”: In the USA, they Called Upon to Fear“ Doomsday Weapons ”[Electronic resource] // Tsargrad. 2018. Dec 13. [«Mertvaya ruka“ Rossii vozvrashcha-

etsya»: V SShA prizvali boyat'sya «oruzhiya Sudnogo dnya» // Tsar'grad. 2018. 13 dek.]. URL: https://tsargrad.tv/news/mertvajaruka-rossii-vozvrazhaetsja-v-ssha-prizvali-bojatsja-oruzhija-sudnogo-dnja_173738.

17. The World in Dust: Russia Showed all the New Weapons of the Doomsday [Electronic resource]. [Mir v trukhu: Rossiya pokazala vse novoe oruzhie «Sudnogo dnya»]. URL: <https://www.pravda.ru/eureka/inventions/19-07-2018/1389429-0/>.

18. “Doomsday Plane” Submitted to the Ministry of Defense of the Russian Federation [Electronic resource]. 2016. July 27th. [«Samolet Sudnogo dnya» peredan v Ministerstvo oborony RF. 2016. 27 iyulya]. URL: <https://tvzvezda.ru/news/opk/content/201607271855-24r0.htm>.

19. Dictionary of Compatibility of Words of the Russian Language : approx. 2500 vocabulary articles / ed. by P. N. Denisov, V. V. Morkovkina. — 2nd ed., corr. — Moscow : Rus. lang., 1983. [Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka : ok. 2500 slovar. statey; pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. — 2-e izd., ispr. — M. : Rus. yaz., 1983]. — (In Rus.)

20. Soviet Historical Encyclopedia [Electronic resource]. [Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/sie/>. — (In Rus.)

21. Subocheva A. V. System Analysis of Biblical Phraseology from the Lexicographic Works of V. I. Dahl : abstract of thesis ... of Cand. of Philology. — Moscow, 2007. [Sistemnyy analiz bibleyskikh frazeologizmov iz leksikograficheskikh trudov V. I. Dallya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2007]. — (In Rus.)

22. Judgment Day [Electronic resource] // Nevosofr. [Sudnyy Den' // Nevosofr]. URL: <https://www.nevosoft.ru/game-Mashine-Hell/platform-pc>. — (In Rus.)

23. The USA Lifted the Doomsday Aircraft into the Air [Electronic resource] // RIA “News”. 2018. Apr 11. [SShA podnyali v vozdukh samolet «Sudnogo dnya» // RIA «Novosti». 2018. 11 apr.]. URL: <https://ria.ru/20180411/1518403842.html>. — (In Rus.)

24. Farkhutdinova F. F. The Islamic Motive in the Russian Cultural Symphony // Islam in the Modern World: Interstate and International Political Aspects. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 127—136. [Islamskiy motiv v rossiyskoy kul'turnoy simfonii // Islam v

sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskie aspekty. 2015. T. 11. № 2. S. 127 — 136]. — (In Rus.)

25. Fedulenkova T. N., Koynova A. S., Lyubimova O. V. Biblical Phraseology in Designing an Individual Educational Route for Religious Studies [Electronic resource] // Modern Problems of Science and Education. 2017. No. 4. [Bibleyskaya frazeologiya v proektirovanii individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta religioveda // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2017. № 4]. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26699> (date of access: 13.01.2019).

26. Frazer J. G. Folklore in the Old Testament. — Moscow : AST: Ermak, 2003. [Fol'klor v Vetkhom Zavete. — M. : AST : Ermak, 2003]. — (In Rus.)

27. Shishkin K. Rocket “Skiff”: sleeping weapon “Doomsday” [Electronic resource] // Russian seven. [Raketa «Skif»: spyashchee oruzhie «Sudnogo dnya» // Russkaya semerka]. URL: <http://rusian7.ru/post/raketa-skif-spyashchee-oruzhie-sudnogo/>. — (In Rus.)

28. Shlomo-Zalman Ariel'. Encyclopedia of Judaism [Electronic resource]. — Jerusalem ; Tel Aviv : MASSADA, 1983. [Entsiklopediya iudaizma. — Ierusalim ; Tel'-Aviv : MASSADA, 1983]. URL: <https://judaism.academic.ru/149>. — (In Rus.)

29. Shulezhkova S. G. From the Promised Land to the Promised Heaven : Essays on the Fates of Biblical Cronyic Expressions. — Moscow, 2013. [Ot zemli obetovannoy k nebesam obetovannym: ocherki o sud'bakh bibleyskikh krylatykh vyrazheniy. — M., 2013]. — (In Rus.)

30. Shulezhkova S. G., Aksenova A. Yu., Borisova D. E., Es'kova A. S., Zhusupova A. R., Ruchkina K. A., Stel'mash E. O., Shaykina G. L. Not Only by Bread... : mini biblical dictionary for schoolchildren. — Magnitogorsk, 2017. [Ne khlebom edinym... : mini-slovar' bibleizmov dlya shkol'nikov. — Magnitogorsk, 2017]. — (In Rus.)

31. Boeing E-4 [Electronic resource] // Wikipedia : free entsikl. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Boeing_E-4. — (In Rus.)

32. HeroCraft Announces the Game “Mumu: Judgment Day” [Electronic resource] // PC Magazine. [HeroCraft anonsiruet igru «Mumu: Sudnyy Den'» // PC Magazine]. URL: <https://blogs.pcmag.ru/node/278>.

РАЗДЕЛ 4. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 81'42:81'38
DOI 10.26170/pl19-01-11
БКШ 1105.51+1105.551.5

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

И. Т. Вепрева

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-2230-1985

Уонг Минь Туан

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0002-6366-7035

 E-mail: irina_vepreva@mail.ru; uonghinhtuan76@gmail.com.

Вьетнам в информационной повестке дня

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу локального свертхтекста, тематическим центром которого является Вьетнам. В ноябре 2017 г. произошли 2 крупных события, связанные с Вьетнамом, которые стали информационными поводами для их отражения в российских СМИ. Первым событием было наступление тайфуна «Дамри» во Вьетнаме, который обрушился на центральную часть Вьетнама 4 ноября, затем последовало политическое событие — юбилейный, 25-й саммит Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС), прошедший во вьетнамском городе Дананге с 5 по 12 ноября 2017 г. Цель работы — проанализировать, как отражение подобных событий в массмедиа способствует пополнению знаний о Вьетнаме. Локальный свертхтекст, совокупность высказываний и текстов, ограниченная временными рамками, формируется как смысловое единство текстовых фрагментов о выделенном объекте, закрепляется в языковом сознании читателя как целостный образ места, оказывая существенное влияние на его восприятие. Важные информационные поводы актуализируют реальность в рамках локального свертхтекста, усиливают интенсивность подачи информации о Вьетнаме. Образ Вьетнама носит многоаспектный собирательный характер. Локальный текст способствует получению сведений о культуре, истории, экономике, политическом устройстве, национальных особенностях страны. Журналисты знакомят читателя с топонимией страны, вписывая в географическую сетку труднопроизносимые названия городов и провинций. Формируется визуальный портрет Вьетнама с голубым небом, ярким солнцем, песчаными пляжами, густой тропической растительностью, с возможными природными катаклизмами разрушительного характера. На протяжении всего «вьетнамского» текста наблюдается позитивная модальность по отношению к центральной единице текста.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: локальные свертхтексты; информационные поводы; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс СМИ; средства массовой информации; политический дискурс.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: irina_vepreva@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Уонг Минь Туан, аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: uonghinhtuan76@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вепрева, И. Т. Вьетнам в информационной повестке дня / И. Т. Вепрева, Уонг Минь Туан // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 100—106.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры».

Одной из задач при изучении топонимических концептов является определение объема этнокультурного знания об объекте номинации. Концепт *Вьетнам* относится к ономастическим концептам особого типа, поскольку в языковом сознании носителей русского языка он является концептом-минимумом [Wierzbicka 1985], когнитивная матрица которого заполнена не полностью [Болдырев 2014: 57—67]. Вьетнам представляет собой реалию известную, но являющуюся периферийной для жизненной практики россиян [Уонг Минь Туан 2018].

Действительно, Вьетнам для многих стран — в том числе и для сегодняшней России — остается малоизвестной и загадочной страной.

Становление и развитие современного информационного общества, возросшие возможности коммуникационных технологий превращают новейшие СМИ в эффективный источник знаний, выполняющий ценностно ориентированную миссию — выстраивать межкультурный диалог между разными этносами. Пресса, Интернет, телевидение реализуют плодотворную концепцию «диалога культур» М. М. Бахтина, утверждавшие-

го, что самобытность одной культуры по отношению к другой не является препятствием для их общения и взаимного познания. Одним из факторов, помогающих познакомиться с культурой другого народа, отсылающих читателя к информации о другой стране, являются различные информационные поводы.

Информационным поводом для новостного сообщения может стать факт действительности, который представляет интерес для читателя, «актуальное событие, произошедшее в краткосрочном промежутке времени, на которое обратило внимание как минимум более 3—4 информационных агентств и которое затем получило высокий рейтинг цитирования как топовая новость в различных средствах массовой информации» [Болотнов 2015: 264]. Укажем ряд критериев значимости событийного информационного повода, важных для данной работы: 1) событие носит международный характер; 2) событие носит характер чрезвычайного события или повлекло за собой человеческие жертвы; 3) в событиях участвуют VIP-персоны мирового масштаба [Карпушин, Чиркова, 2007: 14—15].

В ноябре 2017 г. произошли 2 крупных события, связанные с Вьетнамом, которые стали информационными поводами для отражения их в российских СМИ. Первым происшествием было появление тайфуна «Дамри» во Вьетнаме: тайфун *Дамри* (международное название), или *Двенадцатый* (вьетнамское наименование тайфуна по порядковому номеру в 2017 г.), который обрушился на центральную часть Вьетнама 4 ноября, был оценен как самое разрушительное стихийное бедствие в стране за последние 20 лет. Затем (практически одновременно) следует крупное политическое событие — юбилейный, 25-й саммит Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТЭС), прошедший во вьетнамском городе Дананге с 5 по 12 ноября 2017 г. В саммите принимали участие лидеры 21 страны, событие освещали более 10 тысяч иностранных журналистов, уделившие особое внимание важным персонам саммита: президенту РФ Владимиру Путину, президенту США Дональду Трампу, председателю КНР Си Цзиньпину.

Цель нашей статьи — проанализировать, как отражение подобных крупных событий в массмедиа способствует пополнению знаний о Вьетнаме. В соответствии с поставленной задачей собранный в течение двух недель речевой материал (с 4.11.2017 до 18.11.2017) рассматривается нами в рамках сверхтекста, который определяется как «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объеди-

ненная содержательно и ситуативно» [Купина, Битенская 2010: 215].

Особую популярность у исследователей приобретает тема локальных сверхтекстов [Меднис 2003], которые отражают специфику того или иного локуса. Главный признак локального текста — его прикрепленность к той или иной внетекстовой реалии. Выбранный для анализа сверхтекст имеет тематически обозначенный центр, в роли которого выступает конкретный локус — Вьетнам, составляя единый «вьетнамский» текст. Фокусирующий объект предстает как единый концепт сверхтекста.

Источниками материала явились 952 документа различных СМИ, размещенных в базе данных *Integrum.ru*. Кроме того, привлекалась для поддержки текстового анализа визуальная информация из телевизионных новостей ведущих телеканалов России, а также размещенных в Интернете свидетельств очевидцев. Оговорим некоторые особенности паспортизации материала. Датировка источников приводится только для развернутых высказываний. В тексте статьи не паспортизируются извлеченные из федеральных и региональных газет типовые словосочетания.

Локальный сверхтекст имеет временное обрамление. Особенности и последствия тайфуна «Дамри» зафиксированы конкретными датами: тайфун обрушился на южные и центральные провинции Вьетнама **4 ноября**; *самолет Ил-76 МЧС России с гуманитарной помощью вылетел во вьетнамский порт Камрань утром 8 ноября*; *тайфун «Дамри», обрушившийся в выходные на центральную часть Вьетнама, стал самым разрушительным стихийным бедствием в стране за последние 20 лет.*

Точное время прохождения саммита АТЭС, а также важные события саммита (день открытия, встреча Дональда Трампа и Владимира Путина, встречи лидеров с деловыми кругами, а также с приглашенными лидерами стран АСЕАН) обозначены сочетаниями: **5 ноября во вьетнамском Дананге начинается работу юбилейный, 25-й по счету саммит АТЭС; с 6 по 11 ноября пройдет саммит АТЭС; 25-й саммит АТЭС открылся в Дананге 10 ноября и продлится два дня; Встреча в верхах проходила 10—11 ноября во вьетнамском городе Дананг; В субботу, 11 ноября, несмотря на выходной, работа во Вьетнаме продолжится; Начнется саммит завтра, 10 ноября, со встречи лидеров с деловыми кругами.**

Локальный сверхтекст — это корпус текстов о месте, благодаря которым место наделяется рядом характеристик, важных для

читателя, включающий самую разную информацию.

Смысловое ядро сверхтекста — географическая дескрипция места (Вьетнам — *небольшое государство в Юго-Восточной Азии, находящееся далеко от России: **далекий Вьетнам***), которая поддержана энциклопедической паспортизацией страны: *площадь почти в десять раз меньше России, но население во Вьетнаме более 90 миллионов человек; Средняя продолжительность жизни: женщины — 75 лет, мужчины — 72.*

Широкая географическая палитра страны, представленная в новостях, связана с происходящими событиями: тайфун «Дамри» обрушился на центральную часть Вьетнама, в частности, в районах Кханьхоа и Биньтхуан нет электричества; перечисляются другие провинции Вьетнама: в провинции Кханьхоа на юге страны, в провинциях Биньдинь, Фуйен в центральной части страны, в центральной провинции Тхьятхьен-Хюэ. АТЭС проходил в курортном городе Дананг на берегу Южно-Китайского моря. Называется столица государства: <...> *сказал Трамп, направляясь в столицу Вьетнама Ханой* (РБК. 12.11.2017). Важны также историко-социологические сведения: *В Сайгон — бывшую столицу Южного Вьетнама, а ныне город Хошимин <...>* (Губернские ведомости. 14.11.2017). В связи с упоминанием политиков мирового уровня называются лидеры государства: *на встрече с президентом Вьетнама Чан Дай Куангом; выступил вице-премьер и глава МИД Вьетнама Фам Бинь Минь.*

Ландшафтная самобытность страны подается в рамках брендингового подхода — формируется образ Вьетнама как туристически привлекательной территории: *джунгли Вьетнама; нескончаемые рисовые поля и сады с экзотическим фруктом (драконий глаз) часто сменялись населенными пунктами и изумительной красоты морскими пейзажами; Главные достопримечательности этих мест — красные и белые каньоны. Зрелище вокруг удивительное! Горы красного песка напоминают марсианский пейзаж* (Губернские ведомости. 14.11.2017); *Гостей разместят на виллах Sun Peninsula, что в 10 км, в окружении пальмовых рощ и сахарных пляжей* (Независимая газета. 03.11.2017); *В какие теплые страны едут на зимние каникулы российские туристы и что нового предлагают турфирмы и авиакомпании в этом сезоне. До 130 тысяч рублей на двоих. В эту сумму можно уложиться, выбрав тур во Вьетнам или Таиланд* (Комсомольская

правда. 14.11.2017); *Вьетнам в сентябре — беспроигрышный вариант для тех, кому хочется к теплому морю и солнцу* (Губернские ведомости. 14.11.2017); *в десятку самых популярных среди туристов направлений для пляжного отдыха войдут также ОАЭ, Вьетнам, Тунис, Болгария* (РБК. 13.11.2017); *Прямая линия установлена для обслуживания требований туристов двух стран; Сегодня российский загранпаспорт открывает безвизовый въезд в 108 стран... есть и популярные — Таиланд, Израиль, Куба, Вьетнам и многие другие* (Российская газета. 07.11.2017).

Подчеркиваются климатические особенности страны: *По прилету в Дананг гостей встречало яркое солнце и практически голубое небо* (МК. 11.11.2017); *Вьетнам в ноябре — не самое благоприятное место для мировых форумов: в сезон дождей ливни идут такие, что любой вышедший на улицу промокает моментально. А тут еще и тайфун Дамри подкрался* (Комсомольская правда. 10.11.2017).

Вьетнам сегодня является одним из популярных мест, ежегодно привлекающих большое количество русских туристов: *Тайфун обрушился на южные и центральные провинции Вьетнама 4 ноября, в частности в районах Кханьхоа и Биньтхуан. В этих регионах, по данным ведомства, отдыхает „достаточно большое“ количество российских туристов* (РБК. 05.11.2017); *В Сайгоне много не только французского, но и русского. Родная речь слышится здесь почти на каждом шагу. В центре города стоит памятник Ленину. Только фамилия вождя пролетариата написана на вьетнамский манер — Ле-Нин. Почти везде меню на русском языке, стали привычными и вывески типа Кафе „Назад СССР“, „Русские пельмени“, „Турагентство у Вани“* (Губернские ведомости. 14.11.2017).

Стихия в виде тайфуна стала содержательной нишей «вьетнамского» текста: *Число жертв тайфуна превысило 61 человека, десятки пропали без вести. Около 80 тыс. построек получили повреждения, около 40 тыс. человек были эвакуированы* (Комсомольская правда. 14.11.2017); *Под водой оказались 30-километровый участок железной дороги, связывающий север и юг страны, а также многие отрезки трансвьетнамской автомагистрали. Из-за стихии многие районы страны остались без электроснабжения* (Российская газета. 09.11.2017); *О разбушевавшейся стихии напоминали разве что сваленные вдоль дороги груды мусора, кирпичей, мокрых листьев и*

строительной арматуры (МК. 11.11.2017); Тайфун также затопил более 40 тыс. гектаров сельскохозяйственных культур, включая рисовые и каучуковые плантации, а также поля, на которых выращивают сахарный тростник. В некоторых провинциях были отменены занятия в школах (РБК. 05.11.2017); **Президент РФ уже поручил МЧС России оказать помощь вьетнамцам в ликвидации последствий тайфуна и выделил из Резервного фонда Вьетнаму 5 миллионов долларов** (МК. 09.11.2017).

Текстовый ряд описания стихии поддерживается обращением к данным Интернета. На сайте *You Tube*, предоставляющем пользователям возможность просмотра видеороликов, в анализируемый период были размещены десятки тысяч небольших видеосюжетов очевидцев тайфуна «Дамри» во вьетнамском курортном городе Нячанг. Под влиянием складывающихся визуальных образов локальной территории, через эмоциональные и рациональные переживания, связанные с последствиями природного катаклизма, актуализируется и формируется «чувство места» как «социально-территориального аспекта чувства принадлежности к локальному сообществу и культуре» [Скалабан 2014: 118].

Журналисты не обходят стороной описание повседневной жизни вьетнамцев: *Несмотря на присутствие сильных мира сего, жизнь в Дананге шла своим чередом: бегали по улицам жирные крысы, рыбаки ловили в океане свой ужин, а сотни кафе зазывали гостей на местные деликатесы — суп фо бо и лапшу с морепродуктами* (МК. 11.11.2017); *Дананг, вложивший в организацию саммита всю душу, скучать не дает. В морском порту — флаги прибрежных государств, улицы в наряде, туристам — зрелища. Накануне по центральной улице Чан Хынг Дао прошла то ли генеральная репетиция, то ли парад армии и флота, полиции и спецслужб, призванных обеспечивать безопасность, охранять покой и порядок в эти светлые дни* (Независимая газета. 06.11.2017); *Многие отмечают вьетнамскую вежливость. Тебе улыбается и приветливо кивает каждый встречный; В отличие от нас, летящих за тысячами километров за загаром, у вьетнамцев культ белой кожи. На улицах городов и в сельской местности большинство жителей, и, прежде всего, женщин носят маски и перчатки, чтобы не загореть* (Губернские ведомости; 14.11.2017).

В локальном сверхтексте есть пласт, продуцирующий мифы и предания: *Не доез-*

жая до отеля, останавливаемся у обочины огромного участка, залитого водой, чтобы сфотографировать розовое чудо — поле лотосов. <...> не случайно Вьетнам называют страной тысячи лотосов. Впрочем, по словам нашего гида, у Вьетнама есть еще одно древнее название — страна драконов. Вьетнамцы считают себя потомками этих мифических существ (Губернские ведомости. 14.11.2017).

Атрибуты восточной культуры, местные национальные ритуалы, гастрономия — повторяющаяся константа при описании географических мест: *По традиции торжественному ужину предшествует совместное фотографирование участников саммита в национальной одежде страны-хозяйки. И хотя у Вьетнама разновидностей традиционного костюма масса, организаторы остановились на самом скучном — длинной рубашке синего или белого цветов* (МК. 11.11.2017); *Еда была соответствующая — вареная тапиока, а по-нашему сладкий картофель, с чаем из листьев ананаса* (Губернские ведомости. 14.11.2017); *суп фо бо и лапша с морепродуктами*.

Одна из важных составляющих «вьетнамского» текста — экономика страны. После распада СССР Вьетнам, с одной стороны, устойчиво сохраняет модель социализма, а с другой — конструктивно осуществляет меры по трансформации плановой экономики в рыночную, активизирует интеграцию в региональную и мировую экономику и достигает значимых результатов: *Вьетнам развивает рыночную экономику; Вьетнаму саммит АТЭС дал шанс показать свои экономические успехи; не первый год демонстрирует внушительные темпы экономического роста; Вьетнам, Китай, Индонезия, США и Таиланд являются ключевыми направлениями для зарубежных инвестиций в АТЭС* (РБК. 08.11.2017); *Вьетнам, кстати, стал первым государством, заключившим с ЕАЭС соглашение о зоне свободной торговли, и товарооборот заметно вырос* (Российская газета. 10.11.2017); *Вьетнам является одним из крупнейших производителей и экспортеров кофе, и кофеманы нередко утверждают, что именно вьетнамский кофе лучший* (Тамбовская жизнь. 15.11.2017).

В описание экономических успехов включается краеведческая информация, которая выполняет в локальном тексте функцию спецификации особого, «восточного» облика страны: *Среди сортов кофе, выращиваемого во Вьетнаме, есть и Копи Лювак, один из самых дорогих сортов кофе в мире. Его особенностью является то, что*

зерна кофе ферментируются естественным путем — проходя через желудок циветт, их еще называют **мусангами**, это такие зверьки, немного похожие на кошек. Они съедают кофейные ягоды, а зерна проходят через желудочно-кишечный тракт не переваренными. Их выбирают из помета, промывают и высушивают (Там же).

Развивающаяся экономика Вьетнама позволяет увидеть журналистам приметы и сигналы цивилизации: Сайгонская **262-метровая башня-небоскреб Битекско** со смотровой площадкой, напоминающая нераспустившийся цветок лотоса, находится на пятом месте в десятке самых высоких строений в мире. Въезжая в Сайгон, удивляешься огромному количеству небоскребов. Город напоминает разноцветный коллаж, построенный на контрасте старого и нового, современного и традиционного (Губернские ведомости. 14.11.2017).

Журналисты не оставляют без внимания советский период отношений с Вьетнамом. Прослеживается историко-смысловая мотивация, закрепленная за данным топомом: братская помощь Советского Союза Вьетнаму в его двух войнах Сопrotивления — в 1946—1954 и 1964—1975 гг. — против внешних агрессоров, за независимость и свободу. Широкое освещение военных событий в советских СМИ сформировало в русском языке переносное употребление топонима *Вьетнам*, закрепленное в словаре: «ВЬЕТНАМ*, а, м. Публ. О затяжных военных действиях США, НАТО на территории другого государства, напоминающих вьетнамскую войну (1964—1973 гг.)» [Новые слова и значения. Т. 1. 2009: 359], породило словосочетания «второй Вьетнам», «европейский Вьетнам», «вьетнамский синдром» и др.

Исторические коллизии, связанные с агрессией США во Вьетнаме, разворачиваются на страницах газет с подробностями, демонстрирующими все ужасы войны, напоминающая старшему поколению известные факты: *Американские солдаты и офицеры называли эту войну „адской дискотекой в джунглях“. Стопроцентная влажность, сорокаградусная жара, полчища насекомых, змей, червей и паразитов. Джунгли стали для них настоящим проклятием. А для вьетнамцев же это была уже третья война подряд, и они прекрасно освоили опыт двух предыдущих. <...> Война шла и под землей. Вьетнамские партизаны раскопали целую сеть подземных коммуникаций, в которых успешно скрывались. Американцы оказались не готовыми к условиям партизанской войны. И превратили Вьетнам в полигон для испытаний новых видов оружия массового*

уничтожения. Нарцательным для обозначения жестокости и бесчеловечности стало название деревни Сонми. Здесь американскими солдатами было с особой жестокостью убито более 500 жителей, все постройки сожжены, домашний скот и посевы уничтожены. Глубокое возмущение мировой общественности вызвала практика убийства пленных солдат и мирных жителей, отрезание ушей у трупов и снятие скальпов военными разведывательного подразделения „Tiger Force“ из состава 101-й воздушно-десантной дивизии. Установленный в деревне мемориал перечисляет имена 504 погибших в возрасте от 1 года до 82 лет. В том числе: 173 ребенка, 182 женщины (в том числе 17 беременных), 60 мужчин старше 60 лет, 89 мужчин младше 60 лет (Страж Балтики. 10.11.2017).

Журналисты предаются рефлексии, размышляя над историей: сравнивают, как было (Падают бомбы американских агрессоров на мирную землю Вьетнама; Главные злодеяния США во Вьетнаме — ковровые бомбардировки городов, уничтожение джунглей посредством диоксина (Agent Orange); братский Вьетнам сумел при поддержке СССР одолеть американцев) и как стало (Порт Дананг, базой которого в недавние времена эксклюзивно пользовались корабли Военно-морского флота СССР и России, отныне открыт для американских военных кораблей — «Коммуна», 17.11.2017; Вьетнам ведет активную торговлю с США; Будет обсуждаться тема полного снятия эмбарго американского оружия во Вьетнам, условия торговли и сотрудничества, в развитии которого заинтересованы обе стороны — «Независимая газета», 03.11.2017).

В этой связи важной является информация о политической ориентации страны в настоящий период, стабильная приверженность Вьетнама социалистическим идеям: *Столь же успешно идет вперед Социалистическая Республика Вьетнам* (Советская Россия. 04.11.2017); *В отличие от России, во Вьетнаме имеется только единственная партия — коммунистическая* (Коммерсантъ. 14.11.2017); страна продолжает двигаться по *социалистическим рельсам*; *установление советской модели общественного устройства*; *Никакие ковровые бомбежки, никакое сжигание напалмом селений и городов Вьетнама не остановили эту мужественную страну в ее стремлении к обществу социальной справедливости* (Советская Россия. 09.11.2017); *Во Вьетнаме будут отмечать 100-летие Октябрьской революции <...>. У памятника Ленину в Ханое 7 ноября со-*

стоит митинг с красными флагами и пионерами (Независимая газета. 03.11.2017); *Вьетнам под знаменем вождя революции Хо Ши Мина, объединившего север и юг страны и освободившего ее от французских колонизаторов, продолжает строить коммунизм* (Губернские ведомости. 14.11.2017).

На протяжении всего «вьетнамского» текста наблюдается позитивная модальность по отношению к центральной единице текста. Оценка в дискурсе СМИ социально обусловлена. Индикаторами эксплицитной аксиологической модальности служат частнооценочные прилагательные и наречия, которые в совокупности с лексемой *Вьетнам* образуют модальный кластер — несколько тематически связанных смыслов, положительно характеризующих страну: *Вьетнам братский; мужественный; героический; активно / уверенно / бурно / стремительно / динамично / быстро развивающийся*.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Рассмотренная совокупность высказываний и текстов, ограниченная определенными временными рамками, формируется как смысловое единство текстовых фрагментов о выделенном объекте, закрепляется в языковом сознании читателя как целостный образ места, оказывая существенное влияние на его восприятие. Важные информационные поводы актуализируют реальность в рамках локального сверхтекста, усиливают интенсивность подачи информации о Вьетнаме, которая фиксируется и закрепляется на уровне ментальности целого сообщества. В результате накопления информации локус генерирует концептуальное пространство, репрезентируемое в тексте. Репрезентация пространства, знание места, его истории создает необходимую основу для диалога

культур. Образ места носит многоаспектный собирательный характер. Ненавязчиво журналисты знакомят читателя с топонимией страны, вписывая в географическую сетку труднопроизносимые названия городов и провинций. Формируется визуальный портрет Вьетнама с голубым небом, ярким солнцем, песчаными пляжами, густой тропической растительностью, с возможными природными катаклизмами разрушительного характера. Локальный текст способствует получению сведений о культуре, истории, экономике, политическом устройстве, национальных особенностях страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. 4-е изд., испр. и доп. — Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
2. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. — Томск : Изд-во Томского ЦНТИ, 2015.
3. Карпушин Д. И., Чикирова С. А. Пресс-релиз: правила составления. — СПб. : Питер, 2007.
4. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности // Человек — текст — культура : коллект. моногр. / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. — Екатеринбург : ИРРО, 2004. С. 214—233.
5. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе. — Новосибирск : НГПУ, 2003.
6. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века : в 2 т. / Т. Н. Буцева [и др.] ; ред.: Т. Н. Буцева (отв. ред.), Ю. Ф. Денисенко, Е. А. Левашов ; Ин-т лингвистических исследований РАН. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2009.
7. Скалабан И. А. «Чувство места» как фактор участия // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования : Междунар. науч. конф., программа и тезисы (2014). — Томск : Изд-во Томск. ун-та. С. 118—120.
8. Уонг Минь Туан. Концепт «Вьетнам» в русском языковом сознании: что русские знают о Вьетнаме // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4. № 3. С. 52—64.
9. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. — Ann Arbor : Karoma, 1985.

I. T. Vepreva

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-2230-1985

Uong Minh Tuan

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6366-7035

E-mail: irina_vepreva@mail.ru; uongminhtuan76@gmail.com.

Vietnam on Information Agenda

ABSTRACT. *The article analyzes the local supertext with the topical focus on Vietnam. In November 2017, there were two major events related to Vietnam which received extensive coverage in the Russian media. The first event was the typhoon “Damrey” in Vietnam which struck central Vietnam on November 4; then, it was followed by a political event — the 25th Anniversary Summit of Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) held in the Vietnamese city of Da Nang on November 5-12, 2017. The aim of the paper is to analyze how the reflection of such events in mass media can contribute to the accumulation of knowledge about Vietnam. The local supertext, a set of utterances and texts limited by time frames, is formed as a semantic unity of text fragments about a selected object and is fixed in the reader's linguistic consciousness as a holistic image of a place having a significant impact on its perception. Important breaking news events actualize the reality within the*

framework of the local supertext and reinforce the intensity of the information presentation about Vietnam. The image of Vietnam has a multifaceted collective character. The local text facilitates obtaining information about the culture, history, economy, political structure, and national peculiarities of the country. Journalists acquaint the reader with the toponymy of the country, introducing the difficult-to-pronounce names of the cities and provinces into the geographic frame. They form the visual portrait of Vietnam with blue skies, bright sun, sandy beaches, rich tropical vegetation, and with possible natural disasters of destructive nature. Throughout the “Vietnamese” text, a positive modality with respect to the central unit of the text is observed.

KEYWORDS: *local supertexts; breaking news; journalism; media linguistics; media texts; mass media discourse; mass media; political discourse.*

AUTHOR'S INFORMATION: Vepрева Irina Trofimovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

AUTHOR'S INFORMATION: Uong Minh Tuan, Post-graduate Student, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: *Vepрева, I. T. Vietnam on Information Agenda / I. T. Vepрева, Uong Minh Tuan // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 100—106.*

ACKNOWLEDGMENTS. Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-012-00399 A «Axiological Potential of the Modern Russian Metaphor».

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics: a Course of Lectures. 4th ed., rev. and add. — Tambov : Ed. House of TSU n. a. G. R. Derzhavin, 2014. [Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku : kurs lektsiy. 4-e izd., ispr. i dop. — Tambov : Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2014]. — (In Rus.)
2. Bolotnov A. V. Text Activity as a Reflection of the Communicative and Cognitive Styles of Information and Media Language Personality. — Tomsk : Publ. House of Tomsk TSNTI, 2015. [Tekstovaya deyatel'nost' kak otrazhenie kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediyonoy yazykovoy lichnosti. — Tomsk : Izd-vo Tomskogo TsNTI, 2015]. — (In Rus.)
3. Karpushin D. I., Chikirova S. A. Press Release: Rules for Compiling. — S. Petersburg : Piter, 2007. [Press-reliz: pravila sostavleniya. — SPb. : Piter, 2007]. — (In Rus.)
4. Kupina N. A., Bitenskaya G. V. Supertext and its Varieties // Man — Text — Culture: a collective monography / ed. N. A. Kupina, T. V. Matveyeva. — Ekaterinburg : IRRO, 2004. P. 214—233. [Sverkhstekst i ego raznovidnosti // Chelovek — tekst — kul'tura : kollekt. monogr. / pod red. N. A. Kupinoy, T. V. Matveyevoy. — Ekaterinburg : IRRO, 2004. S. 214—233]. — (In Rus.)
5. Mednis N. E. Overtexes in Russian Literature. — Novosibirsk : NGPU, 2003. [Sverkhsteksty v russkoy literature. — Novosibirsk : NGPU, 2003]. — (In Rus.)
6. New Words and Meanings: a Reference Dictionary on Materials of the Press and Literature of the 90s. years of XXth century : in 2 vol. / T. N. Butseva [et al.]; ed. : T. N. Butseva (ed.), Yu. F. Denisenko, E. A. Levashov ; Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences. — S. Petersburg : Dmitry Bulanin, 2009. [Novye slova i znacheniya : slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh gg. XX veka : v 2 t. / T. N. Butseva [i dr.]; red.: T. N. Butseva (otv. red.), Yu. F. Denisenko, E. A. Levashov ; In-t lingvisticheskikh issledovaniy RAN. — SPb. : Dmitriy Bulanin, 2009]. — (In Rus.)
7. Skalaban I. A. “The Sense of Place” as a Factor of Participation // Man in a Changing World. Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity: Methodology, Methodology and Research Practices : Intern. Scientific Conf., the program and theses (2014). — Tomsk : Publishing House of Tomsk Univ. P. 118—120. [«Chuvstvo mesta» kak faktor uchastiya // Chelovek v menyayushchemsya mire. Problemy identichnosti i sotsial'noy adaptatsii v istorii i sovremennosti: metodologiya, metodika i praktiki issledovaniya : Mezhdunar. nauch. konf., programma i tezisy (2014). — Tomsk : Izd-vo Tomsk. un-ta. S. 118—120]. — (In Rus.)
8. Uong Min' Tuan. The Concept “Vietnam” in the Russian Language Consciousness: What Russians Know about Vietnam // News of Tyumen State Univ. Humanities Research. Humanitates. 2018. Vol. 4. No. 3. P. 52—64. [Kontsept «V'etnam» v russkom yazykovom soznanii: chto russkie znayut o V'etname // Vestn. Tyumen. gos. un-ta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates. 2018. T. 4. № 3. S. 52—64]. — (In Rus.)
9. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. — Ann Arbor : Karoma, 1985.

М. Н. Лату

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6313-5637 **E-mail:** Laatu@yandex.ru.

Языковая репрезентация системной организации политических понятий в дефинициях

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме репрезентации на языковом уровне различного характера соотносительности элементов научного знания. Приводятся вербализаторы некоторых внутрисистемных связей между понятиями политической сферы, которые также выступают в роли ключевых языковых средств для построения прототипичных информационных блоков дефиниции. Преимущественно они представляют собой единицы общеупотребительной лексики и их сочетания. Рассматриваются наиболее значимые типы связи, служащие для систематизации научных понятий и построения иерархической классификации: отношения между гиперонимом и его непосредственными гипонимами (вербализаторами служит и определенная лексика, и пунктуационные знаки «тире» и «двоеточие»); связь, где один референт выступает признаком, свойством, характеристикой другого (смежные термины; вербализаторы: «характеризуется», «свойствами является»); связь между меронимами и холонимами («состоящий из», «включает»); отношения в информационном блоке локализации; в информационном блоке субъектных отношений (между субъектом, который выступает в роли инициатора или активного начала в процессе, и самим процессом); отношения между согипонимами определяемого понятия в информационном блоке оппозиционных отношений; отношение, устанавливаемое между двумя понятиями, одно из которых является процессом, а другое его причиной или результатом («возникает в результате», «формируется вследствие»). Рассматривается специфика блока дополнительной информации. В его составе отсутствует указание на системные отношения со смежными терминами. При этом информация в его содержании служит не для описания границ понятия, а представляет собой иные сведения, соотносимые с определяемым термином, которые в большей степени носят уточняющий характер (сведения о времени появления, создателе термина, его мотивировке, синонимах и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: системные отношения; языковые дефиниции; информационные блоки; политика; политическая терминология; политические термины.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Лату Максим Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Прикладная лингвистика, терминоведение и лингвокогнитивные технологии», Пятигорский государственный университет; 357532, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, д. 9; e-mail: Laatu@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лату, М. Н. Языковая репрезентация системной организации политических понятий в дефинициях / М. Н. Лату // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 107—113.

БЛАГОДАРНОСТИ. Публикация выполнена в рамках реализации проектов «Комплексное когнитивное исследование языковой репрезентации системных отношений между терминами в прикладных моделях организации научного знания» по гранту Президента Российской Федерации (№ 14.Z56.18.895-МК); «Разработка лингвистических принципов проектирования и создание экспертной системы представления элементов научного знания на основе конструирования терминологических семантических сетей» по проектной части государственного задания Министерства образования и науки РФ на 2017—2019 гг.» (№ 34.3234.2017/ПЧ).

Вопросы систематизации и стандартизации специализированной лексики не теряют актуальности для различных областей научного и профессионального знания [Колбанёв, Татарникова, Яковлева 2015; Акаева, Алимуратов 2016; Шевцова 2017], включая и политическую сферу, где значимой остается проблема определения понятий, их взаимосвязи и функционирования в дискурсе [Купина 2009; Скачкова 2015; Сурикова 2017]. Системная организация понятий находит отражение в научных текстах [Константинова, Раздубев 2017], в том числе и в определениях [Lewis 1970; Malaise, Zweigenbaum, Vachimont 2004], в составе которых в разном соотношении представлены как термины,

так и единицы общеупотребительной лексики [Лату 2017а]. В зависимости от специфики сообщаемого знания в дефиниции выделяются прототипичные информационные блоки. В ходе более ранних исследований было установлено, что существует корреляция между определенными информационными блоками дефиниции и системными отношениями разных типов, связывающими научные понятия [Лату 2017б]. Следует заметить, что в информационных блоках дефиниции не всегда представлены смежные термины, что отчасти зависит от специфики понятия, индивидуального выбора составителя дефиниции и ряда других факторов. Каждый тип системных отношений репре-

зентрируется на языковом уровне посредством определенного набора вербализаторов, или языковых маркеров (linguistic markers) [Arauz, Faber 2010]. Как показывает анализ, они зачастую совпадают с ключевыми языковыми средствами, используемыми для построения информационных блоков дефиниции, и являются весьма разнообразными как в аспекте структуры, так и семантики. Рассмотрим их на примере дефиниций политических терминов.

Одним из наиболее значимых типов связей для систематизации научных понятий и построения иерархической классификации является отношение АКО, которое устанавливается между гиперонимом и его непосредственными гипонимами. Данная связь репрезентируется в составе нескольких информационных блоков дефиниции, к которым относятся блок родовой принадлежности, блок видовых отношений и блок примеров. К частотным вербализаторам данного отношения, используемым в качестве ключевых языковых средств для построения информационного блока родовой принадлежности, в первую очередь относятся такие лексические единицы, как *это*, *вид*, *разновидность*, *тип*, *класс*, *называется* и др. Нередко они используются совместно с такими графическими средствами языка, как знак «тире» и «двоеточие», например: **активное избирательное право — разновидность субъективного избирательного права**; *гарантированная государством возможность участия граждан в формировании представительных органов государственной власти и местного самоуправления* [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010]; **харизматическое лидерство — вид лидерства**, *основывающееся на вере в наличие у человека исключительных качеств, выделяющих его среди обычных людей и рассматриваемых последователями как божественный дар* [Сирота 2012]. В данных примерах вербализаторами связи между определяемыми понятиями (**активное избирательное право**, **харизматическое лидерство**) и их гиперонимами (**субъективное избирательное право**, **лидерство**) выступают сочетания лексических и графических средств языка «— *разновидность*», «— *вид*». Весьма распространены случаи, когда информационный блок родовой принадлежности вводится в состав дефиниции посредством только тире, например: **консерватизм — идеология**, *направленная на сохранение существующих в обществе ценностей, традиций, поддержание исторически сложившихся форм общественно-политического и государственного устройства...* [Погоре-

лый, Фесенко, Филиппов 2010]. При этом для вербализации отношения АКО данный знак используется преимущественно в дефинициях, а не в других фрагментах научных текстов.

Информационный блок видовых отношений также раскрывает наличие родовидовых связей, но в данном случае гиперонимом выступает определяемое понятие, а в содержании блока приводятся сведения о его гипонимах. В этой связи в качестве ключевых языковых средств для построения блока используются другие вербализаторы данного отношения, среди которых *выделяют*, *подразделяется на*, *разновидностями являются*, *различают*, *классифицируются на* и другие, например: **политический режим — это средства, способы, формы и методы реализации политической власти, характер взаимодействия власти, общества и личности**. **Выделяют режимы тоталитарные, авторитарные, демократические** [Кулаков 2006]. Системное отношение АКО может также репрезентироваться и в информационном блоке примеров, когда в качестве иллюстрации или уточнения сказанного приводятся один или несколько гипонимов. В этом случае вербализаторами связи выступают *например*, *примером является* и др.

Смежные термины, связанные с определяемым термином системным отношением At (связь, где один референт выступает признаком, свойством, характеристикой другого), представлены в информационном блоке атрибутивных свойств. На языковом уровне данное отношение репрезентируется посредством таких вербализаторов, как *с/со*, *характеризуется*, *свойствами являются*, *к характеристикам относятся*, *для ... характерны*, *которому свойственны* и другие, например: **демократия — одна из основных форм правления, политической и социальной организации общества, государства и власти**. *Демократию обычно увязывают с республиканской формой государства ... для демократии характерны многопартийность, открытость общества...* [Кулаков 2006]. Из данной дефиниции следует, что **демократии** свойственны такие характеристики, как **многопартийность** и **открытость общества**, соотнесенность которых выражается посредством конкретного вербализатора связи.

Отношение РО, репрезентирующее связь между меронимами и холонимами, в дефиниции представлено в составе информационного блока составляющих. К его вербализаторам относятся: *состоит из*, *составляет*, *состоящий из*, *включает*, *из*, *представлен в структуре* и др. Особенностью

данной связи является построение ряда вербализаторов на основе лексем с определенной семантикой составляющего и целого, среди которых *часть, элемент, компонент, сегмент, доля, система, структура, совокупность* и другие, например: **унитарное государство** — форма территориального устройства, состоящая из административно-территориальных единиц, не обладающих собственной государственностью; **международная система** — совокупность международных акторов — **государств и международных организаций**, постоянно взаимодействующих между собой и образующих устойчивую целостность [Сирота 2012]. К данному набору лексем также относятся *союз, ветвь, орган* и другие, характерные для репрезентации соотношенности ряда политических понятий, например: **конфедерация** — форма межгосударственного объединения, союз государств для выполнения определенных задач: экономических, политических, военных и др. Входящие в конфедерацию государства сохраняют свой суверенитет и имеют собственные органы государственной власти. Для координации действий в конфедерации, как правило, создаются общие органы власти и управления [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010].

В информационном блоке локализации репрезентируются различные типы системных отношений, описывающих разный характер пространственно-временной соотношенности политических понятий. Так, например, вербализаторами системного отношения *Loc* выступают *в/во, внутри, находится в, располагается в, существует в, происходит в* и другие, например: **репрессии** — карательные меры, применяемые органами государственной власти. Как реализация политической власти, в основном имеют место в тоталитарных политических системах [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010]. В данной дефиниции показано, что **репрессии** как процесс происходят именно в **тоталитарных политических системах**. Системное отношение *Agnd* описывает связь между референтами, один из которых расположен вокруг другого, и репрезентируется такими вербализаторами, как *вокруг, находится вокруг, окружает* и другими, например: **анклав** — территория государства, окруженная со всех сторон территорией другого государства [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010].

Системное отношение *S*, устанавливаемое между субъектом, который выступает в роли инициатора или активного начала в процессе, и самим процессом, представлено

в информационном блоке субъектных отношений. К его вербализаторам относятся *совершает, осуществляет, выполняет, проводит, способный* и другие, например: **импичмент** — обвинение, отрешение от должности, придание суду главы государства, осуществляемое парламентом, в случаях нарушения им конституции страны [Кулаков 2006]; **путч** — государственный переворот, совершенный небольшой группой заговорщиков, нередко военных [Сирота 2012].

Информационный блок оппозиционных отношений содержит информацию о соотношениях определяемого понятия, между которыми устанавливается системное отношение *Op*. Вербализаторами системного отношения *Op* выступают *в отличие от, к данному классу относятся, другими представителями класса являются, другие разновидности включают* и другие, например: **контрэлита** — потенциальная элита, которая, в отличие от элиты правящей, лишена возможности принимать политические решения или влиять на процесс их принятия, не имеет доступа к реальному управлению государством из-за различного рода барьеров, существующих в обществе [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010]. В данном информационном блоке может быть представлено и отношение *Cntg*, устанавливаемое между понятиями, находящимися в противоречии или контрадикторном противопоставлении. Его вербализаторами являются *в противоположность, противоположный, обратный, обратный по отношению к, антитеза, является антиподом* и другие, например: **гражданственность** — антитеза аполитичности, активная и сознательная включенность личности в политическую жизнь общества, психологическое ощущение себя гражданином, полноправным членом политического сообщества, готовым защищать интересы общества, государства, идти на жертвы ради этого [Кулаков 2006].

Системное отношение *R*, устанавливаемое между двумя понятиями, одно из которых является процессом, а другое его причиной или результатом в зависимости от направления вектора связи, репрезентируется в составе информационного блока результативности. К вербализаторам данного отношения относятся *в результате, возникает в результате, является результатом, формируется вследствие, приводит к образованию, вызванный* и другие, например: **парламент** — высший представительный и законодательный орган власти, формируемый, как правило, на выборной

основе [Кулаков 2006]. В качестве еще одного примера можно привести следующую дефиницию: **политическая модернизация** — *изменение политической системы и формирование новых политических институтов* [Сирота 2012], из которой следует, что в результате **политической модернизации** могут образовываться **политические институты**. При этом весьма продуктивной выступает лексема *результат*, которая входит в состав многих сочетаний слов, являющихся вербализаторами данной связи.

Следует отметить, что системные отношения между понятиями находятся в корреляции не со всеми информационными блоками прототипичной модели дефиниции. В этой связи особого внимания заслуживает блок дополнительной информации, на котором следует остановиться подробнее. В его составе отсутствует указание на системные отношения со смежными терминами. При этом информация в его содержании служит не для описания границ понятия (как в случае с другими прототипическими блоками дефиниции), а представляет собой иные сведения, соотносимые с определяемым термином, которые в большей степени носят уточняющий характер.

Так, в данной части дефиниции может быть представлена информация о человеке, который первым выделил и описал определяемое научное понятие, а также о времени его появления. Как правило, в разных науках это упоминание ученого, специалиста в данной области, первооткрывателя или изобретателя. В политологии таковыми могут выступать и различные политические деятели. К частотным лексическим единицам и их сочетаниям, выступающим в роли ключевых слов в данном случае, относятся следующие: «*понятие введено ... в ...*», «*понятие предложено ... в ...*», «*открыт в ... под руководством ...*», «*понятие описано ... в ...*», «*изобретен ... в ...*», «*обнаружен ... в ...*», «*получен ... в ...*» и другие, например: **идеология** — *система политических, правовых, религиозных, философских представлений, взглядов ... Понятие идеология ввел в научный оборот французский философ А. Дестют де Траси...* [Погорельный, Фесенко, Филиппов 2010]. В состав данных сочетаний слов может также входить лексема *впервые*. Стоит отметить, что иногда данный блок содержит только информацию о времени или о человеке, который впервые выделил данное понятие. Как показывает анализ, в дефинициях политических терминов также может содержаться информация о государственных и общественных деятелях, известных личностях, соотносимых с опре-

деляемым понятием, являющихся представителями определенного направления, внесших вклад в развитие теорий, концепций и т. д. Сведения о них приводятся в круглых скобках, например: **западничество** — *направление русской общественно-политической мысли, отрицающее самобытный путь развития России и выступающее за ее реформирование по западному образцу (А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский и др.)* [Сирота 2012]; *...к основным направлениям **анархизма** относят индивидуалистическое (М. Штирнер), мютюэлистское (П. Прудон), коллективистское (М. Бакунин) и коммунистическое (П. Кропоткин)* [Погорельный, Фесенко, Филиппов 2010]. Для ряда понятий может указываться информация о месте возникновения описываемого явления, соотносимость с определенной страной, например: *...**впервые парламент возник** в XIII в. в Великобритании как орган представительства сословий...* [Кулаков 2006]; **славянофильство** — *идейное течение в России второй половины XIX века, обосновывающее самобытность ее общественного и государственного развития, неприемлемость для нее общественного устройства, характерного для Запада* [Сирота 2012].

В рассматриваемом информационном блоке могут также содержаться сведения о создателе термина и времени его появления. Хотя нередко исследователь, впервые выделивший понятие, может являться и автором существующего термина, в определенных случаях с течением времени состав терминосистемы может обновляться под влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов и процессов. Ключевыми языковыми единицами — словосочетаниями для введения в состав дефиниции такой информации выступают «*термин предложен ... в ...*», «*термин введен ... в ...*», «*...предложено название*», «*автор термина ...*» и другие, например: **волютаризм** — *социально-политическая практика, не считающаяся с объективными законами исторического процесса ... Термин введен в научный оборот в 1883 г. Ф. Теннисом в противопоставление интеллектуализму (рационализму)...* [Погорельный, Фесенко, Филиппов 2010]. В отдельных случаях может также приводиться указание на источник, где впервые был использован данный термин.

В составе дефиниций могут быть также представлены сведения, раскрывающие мотивацию определяемой терминологической единицы. К частотным языковым средствам в этой связи относятся: «*названо по имени ...*»,

«названо в честь», «свое название получило в связи с ...», «названо по ...», «происходит от названия» и другие, например: *хунта* — политическая группировка ... Термин *происходит от названия высшего органа исполнительной власти в испаноязычных странах* [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010]. Для некоторых терминов, в особенности иноязычного происхождения или содержащих в своей структуре интернациональные терминологические элементы, приводятся данные об их этимологии. Данная информация может быть представлена как в начале, так и в завершающей части определения, например: «*происходит от {латинского} слова ...*», «*{лат.} ...*» и другие. Например: *агрессия* (*лат. aggressio — нападение*) — *незаконные, запрещенные международным правом насильственные действия...* [Погорелый, Фесенко, Филиппов 2010].

Еще одним видом добавочных сведений является информация о вариантах и синонимах определяемого термина, которые существуют в терминологии на современном этапе ее развития и могут использоваться разными научными школами. В содержании дефиниции она вводится посредством таких сочетаний слов, как «*также используется термин ...*», «*может обозначаться как ...*», «*называется также ...*», «*используется как синоним ...*», «*в иностранной литературе ...*» и др.

Отдельным видом сведений, которые потенциально могут быть представлены в содержании данного блока, является упоминание человека, предложившего данное определение, которое отражает его трактовку и понимание сущности определяемого понятия. Такая информация может приводиться в круглых скобках в начале или в завершающей части дефиниции, например: «*(определение предложено ...)*», «*(по ...)*» и др.

Дополнительная информация может представлять собой еще одно определение, которое поясняет используемый в дефиниции тот или иной термин, а также иные дополнительные сведения, уточняющие суть сказанного, отсылающие к другим печатным и электронным источникам (интернет-сайты), раскрывающие особенности употребления понятия и взгляды ученых и т. д. К частотным сочетаниям лексических и графических средств, используемым для включения такого знания в состав дефиниции, относятся «*(то есть ...)*», «*(представляет собой ...)*», «*(включая ...)*», «*(в том числе ...)*», «*(кроме ...)*», «*(с учетом ...)*», «*(или ...)*» и др. Следует отметить, что нередко в составе блока дополнительной информации одновременно могут быть представлены

разные виды уточняющих сведений, например: *полиархия* — *политический строй, в котором власть осуществляется организованным меньшинством, избираемым народом, при активном участии граждан. По мнению автора термина Р. Даля, данное понятие отражает реальные политические режимы, существующие в странах Западной Европы и США, которые отличаются от идеальных моделей демократии* [Кулаков 2006].

Таким образом, системная организация политических понятий находит отражение в дефиниции и репрезентируется посредством определенного набора вербализаторов системных отношений, которые в большинстве случаев совпадают с ключевыми языковыми средствами для построения конкретных информационных блоков дефиниции. Преимущественно они представляют собой единицы общеупотребительной лексики и их сочетания. Как показал анализ, если определенное системное отношение представлено в составе нескольких информационных блоков, то для каждого из них в качестве ключевых языковых средств выступает только определенный набор вербализаторов в соответствии со спецификой и особенностями их содержания. Аналогично к набору ключевых языковых средств конкретного информационного блока могут относиться вербализаторы нескольких связей, если они репрезентируются в его составе, как, например, в составе блока локализации. Не все информационные блоки потенциально могут раскрывать системные связи между терминами. Так, блок дополнительной информации содержит добавочные сведения, относящиеся к определяемому понятию. Тот факт, что они носят весьма разнообразный характер, представляет определенные трудности для установления фиксированного набора частотных языковых средств для его построения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акаева Х. А., Алимуратов О. А. О некоторых системных критериях разграничения фундаментальных и прикладных терминологий // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2. С. 200—211.
2. Колбанев А. М., Татарникова Т. М., Яковлева Е. А. Систематизация базовой терминологии в области информационных технологий // Учен. зап. Междун. банковского ин-та. 2015. № 13. С. 162—171.
3. Константинова Е. С., Раздубев А. В. Основные характеристики лексической и терминологической сочетаемости // Язык, культура, этнос : сб. статей : к 65-летию юбилею проф. Замиры Касымбековны Дербисевой. Сер. «Концептуальный и лингвальный мир». 2017. С. 416—423.
4. Краткий словарь-справочник по политологии / сост. А. П. Кулаков. Изд. 2-е, исправ., доп. — Новосибирск, 2006. 43 с.
5. Купина Н. А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35—40.

6. Лату М. Н. Терминологическая плотность дефиниции // Изв. Самар. науч. центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017а. Т. 19. №3. С. 89—96.
7. Лату М. Н. Информационные блоки и характер системных связей в определениях политических терминов // Политическая лингвистика. 2017б. №5 (65). С. 216—220.
8. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорельский, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010. 318 с.
9. Сирота Н. М. Политология. Классики науки. Термины. Тесты. — СПб., 2012. 32 с.
10. Скачкова И. И. Языковая политика и языковое планирование: определение понятий // Политическая лингвистика. 2015. № 1 (51). С. 126—131.

11. Сурикова Т. И. Лукавый термин и его прагматика в общественно-политическом дискурсе СМИ // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 82—86.
12. Шевцова А. Ю. Моделирование — эффективное средство систематизации терминологии в прикладном исследовании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1—2. С. 47—51.
13. Arauz L., Faber P. Natural and contextual constraints for domain-specific relations // Proceedings of the Workshop Semantic Relations. Theory and Applications. 2010. P. 12—17.
14. Lewis D. How to Define Theoretical Terms // The Journ. of Philosophy. 1970. Vol. 67. No 13. P. 427—446.
15. Malaise V., Zweigenbaum P., Bachimont B. Detecting semantic relations between terms in definitions // CompuTerm 2004. 3d Intern. Workshop on Computational Terminology. 2004. P. 55—62.

M. N. Latu

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-6313-5637

 E-mail: Laatuu@yandex.ru.

Verbal Representation of Systemic Organization of Political Concepts in Definitions

ABSTRACT. *The article deals with the issue of representation of various kinds of reference of the elements of scientific knowledge at linguistic level. It describes the verbalizers of some intrasystemic relations between the political sphere concepts which also function as key verbal means for the construction of prototypical information blocks of definitions. For the most part, they are units of the common vocabulary and their combinations. The article considers the most significant types of connection serving to systematize scientific concepts and to create hierarchical classifications: relations between a hyperonym and its direct hyponyms (verbalizers include both certain words and punctuation marks “dash” and “colon”); connection in which one referent is a property or quality of another referent (related terms; verbalizers “characterized”, “has the properties of”); connection between a meronym and a holonym (“consists of”, “includes”); relations within the localization information block; relations in the information block of subject relations (between the subject which is the initiator or active force in the process and the process itself); relations between co-hyponyms of the concept defined in the information block of oppositional relations; relation established between two concepts one of which is a process, and the other – its cause or result (“emerges as a result”, “is formed owing to”). The author analyzes the specificity of the additional information block. There is no indication of systemic relationships with related terms in its structure. And the information contained in its meaning does not delimitate the concept boundaries, but represents other kind of information relatable to the term defined and has rather a specifying character (information about the time of coinage, term creator, its motivation, synonyms, etc.).*

KEYWORDS: *systemic relations; linguistic definitions; information blocks; policy; political terminology; political terms.*

AUTHOR'S INFORMATION: Latu Maksim Nikolaevich, Candidate of Philology, Associate Professor, Director of the Educational Centre “Applied Linguistics, Terminology and Lingo-cognitive Technologies”, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

FOR CITATION: Latu, M. N. Verbal Representation of Systemic Organization of Political Concepts in Definitions / M. N. Latu // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 107—113.

ACKNOWLEDGMENTS: Research is accomplished as part of realization of the projects “Complex Cognitive Research of Linguistic Representation of Systemic Relations between Terms in Applied Models of Organization of Scientific Knowledge” under the grant of the President of the Russian Federation (№ 14.Z56.18.895-MK); “Development of Linguistic Principles of Design and Creation of an Expert System of Presentation of Elements of Scientific Knowledge on the Basis of Constructing Terminological Semantic Networks” in accordance with the project part of the government assignment of the Ministry of Education and Science of Russian Federation for 2017-2019” (№ 34.3234.2017/ПЧ).

REFERENCES

1. Akaeva Kh. A., Alimuradov O. A. On Some Systemic Criteria for Distinguishing Fundamental and Applied Terminology // Russian Journal of Humanities. 2016. Vol. 5. No. 2. P. 200—211. [O nekotorykh sistemnykh kriteriyakh razgranicheniya fundamental'nykh i prikladnykh terminologiy // Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal. 2016. T. 5. № 2. S. 200—211]. — (In Rus.)
2. Kolbanev A. M., Tatarnikova T. M., Yakovleva E. A. Systematization of Basic Terminology in the Field of Information Technologies // Proceedings of Internat. Banking Institute. 2015. No. 13. P. 162—171. [Sistematsiya bazovoy terminologii v oblasti informatsionnykh tekhnologiy // Uchen. zap. Mezhduna. bankovskogo in-ta. 2015. № 13. S. 162—171]. — (In Rus.)

3. Konstantinova E. S., Razduv A. V. Main Characteristics of Lexical and Terminological Compatibility // Language, Culture, Ethnos: collection of articles. articles: to the 65th anniversary of prof. Zamira Kasymbekovny Derbisheva. Ser. “Conceptual and lingual worlds”. 2017. P. 416—423. [Osnovnye kharakteristiki leksicheskoy i terminologicheskoy sochetnosti // Yazyk, kul'tura, etnos: sb. statey: k 65-letnyu yubileyu prof. Zamiry Kasymbekovny Derbishevoy. Ser. «Kontseptual'nyy i lingval'nyy miry». 2017. S. 416—423]. — (In Rus.)
4. A Brief Dictionary-reference on Political Science / comp. A. P. Kulakov. Ed. 2nd, corrected., Ext. - Novosibirsk, 2006. 43 p. [Kratkiy slovar'-spravochnik po politologii / sost. A. P. Kulakov. Izd. 2-e, isprav., dop. — Novosibirsk, 2006. 43 s.]. — (In Rus.)
5. Kupina N. A. Sovietism: on the Definition of the Concept // Political Linguistics. 2009. № 2 (28). P. 35—40. [Sovetizmy: k

opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2009. № 2 (28). S. 35—40]. — (In Rus.)

6. Latu M. N. Terminological Density of Definition // News of Samara Scientific Center of Sciences. Social, Humanitarian, Bio-medical Sciences. 2017a. Vol. 19. No. 3. P. 89—96. [Terminologicheskaya plotnost' definitsii // Izv. Samar. nauch. tsentra RAN. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2017a. T. 19. №3. S. 89—96]. — (In Rus.)

7. Latu M. N. Information Blocks and Systemic Relations in Definitions of Political Terms // Political Linguistics. 2017b. No 5 (65). P. 216—220. [Informatsionnye bloki i kharakter sistemnykh svyazey v opredeleniyakh politicheskikh terminov // Politicheskaya lingvistika. 2017b. №5 (65). S. 216—220]. — (In Rus.)

8. The Latest Political Science Dictionary / ed.-comp. D. E. Pogorely, V. Yu. Fesenko, K. V. Filippov. — Rostov on Don : Phoenix, 2010. 318 p. [Noveyshiyy politologicheskii slovar' / avt.-sost. D. E. Pogorelyy, V. Yu. Fesenko, K. V. Filippov. — Rostov n/D : Feniks, 2010. 318 s.]. — (In Rus.)

9. Sirota N. M. Political Science. The Classics of Science. Terms Tests. — S. Petersburg, 2012. 32 p. [Politologiya. Klassiki nauki. Terminy. Testy. — SPb., 2012. 32 s.]. — (In Rus.)

10. Skachkova I. I. Language Policy and Language Plannig: Definition of the Notions // Political Linguistics. 2015. No 1 (51). P. 126—131. [Yazykovaya politika i yazykovoe planirovanie:

opredelenie ponyatiy // Politicheskaya lingvistika. 2015. № 1 (51). S. 126—131]. — (In Rus.)

11. Surikova T. I. Misleading Term and its Pragmatics in the Media Socio-political Discourse // Political linguistics. 2017. No 3 (63). P. 82—86. [Lukavyy termin i ego pragmatika v obshchestvenno-politicheskom diskurse SMI // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 3 (63). S. 82—86]. — (In Rus.)

12. Shevtsova A. Yu. Modeling — an Effective Means of Systematization of Terminology in Applied Research // Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2017. № 1—2. P. 47—51. [Modelirovanie — effektivnoe sredstvo sistematizatsii terminologii v prikladnom issledovanii // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2017. № 1—2. S. 47—51]. — (In Rus.)

13. Arauz L., Faber P. Natural and contextual constraints for domain-specific relations // Proceedings of the Workshop Semantic Relations. Theory and Applications. 2010. P. 12—17.

14. Lewis D. How to Define Theoretical Terms // The Journ. of Philosophy. 1970. Vol. 67. No 13. P. 427—446.

15. Malaise V., Zweigenbaum P., Bachimont B. Detecting semantic relations between terms in definitions // CompuTerm 2004. 3d Intern. Workshop on Computational Terminology. 2004. P. 55—62.

РАЗДЕЛ 5. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

УДК 811.161.1'42
DOI 10.26170/pl19-01-13
ББК ШП41.12-51

ГСНТИ 16.31.02

Код ВАК 10.02.01; 10.02.19

Т. А. Литвинова

Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия

ORCID ID: 0000-0002-6019-3700

 E-mail: centr_rus_yaz@mail.ru.

Пунктуационные выборы как составляющая ортологического параметра идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы

АННОТАЦИЯ. В настоящее время в связи с развитием интернет-коммуникации и появлением массива текстовых данных, часть которого содержит вредоносный контент, проблема идентификации автора текста, в том числе как задача судебной экспертизы, стала особенно актуальной. Однако точных и объективных методик атрибуции текста, которые могли быть использованы при проведении автороведческой экспертизы, до сих пор не разработано, причем как исследователи, так и эксперты-практики отмечают особую сложность автороведческого анализа текстов интернет-коммуникации. Статья посвящена проблемам создания инструментария автороведческой экспертизы текста на основе квантифицируемых признаков идиолекта как индивидуальной реализации языковой системы. Предметом рассмотрения являются результаты пунктуационного выбора пишущего как одна из составляющих ортологического параметра идиолекта. Обосновывается правомерность использования данного признака для идентификации автора. Анализ научной литературы по атрибуции текста, а также наши собственные экспериментальные исследования, выполненные на материале текстов экстремистского форума, показывают, что выбор пишущим знаков пунктуации, представленный рядом квантифицируемых признаков, в том числе впервые предложенных нами, достаточно устойчив к изменению темы текста (топика), что позволяет использовать данный параметр в кросс-топиковом сценарии. Нами также сформулированы направления дальнейших исследований, связанные прежде всего с формированием специализированного корпуса текстов, содержащего различные типы речевых произведений авторов (тексты разных жанров, модусов и т. д.), а также с извлечением новых признаков, характеризующих результаты выбора автором текста пунктуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: автороведческая экспертиза; русский язык; идиолекты; атрибуция текста; ортологические параметры идиолектов; пунктуационные знаки; лингвистика; корпус текстов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Литвинова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, зав. лабораторией теоретической и прикладной идиолектологии, Воронежский государственный педагогический университет; 394043, Россия, г. Воронеж, ул. Ленина, 86; e-mail: centr_rus_yaz@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Литвинова, Т. А. Пунктуационные выборы как составляющая ортологического параметра идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы / Т. А. Литвинова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 114—121.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда: № 18-78-10081 «Моделирование идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификации автора текста».

Переход общества к новым коммуникативным технологиям, появление новых форм и модулей существования языка, широкое распространение виртуального общения привели к резкому увеличению количества анонимных текстов, в том числе содержащих прямые и скрытые угрозы, призывы к противоправной деятельности, включая террористическую, героизирующих суицид, скрывающих криминальные намерения педофилов и т. п. Такие тексты являются орудием преступления, в связи с чем закономерно возросла потребность в развитии методик идентификации авторов подобных текстов. Установление факта авторства текста или его опровержение относится к одной из задач судебно-автороведческой экспер-

тизы (САЭ) [Галяшина 2011: 14], которая «отпочковалась от почерковедческой в самостоятельный вид исследования» [Чулахов 2007: 23]. Наряду с лингвистическими и фоноскопическими, она относится к классу судебно-речеведческих экспертиз [Моштылева 2018: 133], что указывает на особую специфику автороведческого исследования текста в сравнении с другими видами лингвистического анализа [Соколова 2018: 125]. САЭ используется при расследовании уголовных дел, связанных с торговлей детьми и использованием рабского труда [Головки 2016], с доведением до самоубийства «группами смерти» [Панина 2016], экстремизмом и терроризмом [Кулешов 2016], а также с клеветой, оскорблением, нарушением авторских и

© Литвинова Т. А., 2019

смежных прав, незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов и др. [Галяшина 2011: 14].

Задача идентификации автора текста решается отечественными лингвистами, юристами, а в последние годы — и специалистами по информационным технологиям, однако значительного прогресса в этой области сделано не было, что связано во многом с отсутствием интеграции методов указанных направлений, а также ориентированностью исследований лингвистов и специалистов по информационным технологиям на анализ текстов большого объема, преимущественно художественных, использованием лингвистами преимущественно неverified, субъективных методик анализа языкового материала.

Следует отметить, что в последнее время лингвистами осознается необходимость широкого применения более объективных, количественных методов для решения задачи речеведческих экспертиз, и в частности, задачи атрибуции текста [Баранов 2006; Напреенко 2014], однако лингвистические работы, как правило, не учитывают всего многообразия и возможностей современных методов анализа данных. Усилиями специалистов по информационным технологиям создаются программные комплексы для атрибуции автора текста (см. обзор: [Романченко 2013]), однако, как справедливо отмечается в указанной работе, существующие программные решения ориентированы на тексты большого объема и не применимы в экспертной практике. Кроме того, как лингвисты, так и специалисты по информационным технологиям, как правило, не знакомы с основами общей теории судебной экспертизы и не учитывают требований, предъявляемых к экспертным заключениям. На отсутствие разработанных методик объективной автороведческой экспертизы текстов и несовершенство используемых в названной экспертизе методов неоднократно указывали и ученые, и эксперты-практики. Ср., например, мнение профессора Института судебной экспертизы Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина Е. И. Галяшиной [Галяшина 2006]; ср. также критический анализ экспертных заключений, выполненных учеными-филологами без учета требований, предъявляемых к такого рода исследованиям, в работе [Соколова 2018].

В рамках названной научной области зарубежными исследователями (прежде всего специалистами по информационным технологиям) активно проводятся работы, ориентированные на решение задачи атрибуции

текста как одной из задач классификации с использованием инструментария информационного поиска (*information retrieval*) и добычи данных (*data mining*), проводятся хакатоны по выявлению самых точных классификаторов [Overview of the author identification task at PAN-2018... 2018], однако, как показано в обзорной работе [Authorship Attribution for Social Media Forensics 2017], специально посвященной анализу текстов социальных сетей в идентификационном аспекте, в этой области требуется разработка новых методов, связанных с малым размером текстов, сложностью их автоматической обработки, обусловленной языковыми особенностями естественных письменных текстов. Отметим также нерешенность многих теоретико-прикладных вопросов, связанных с выбором параметров текста при кросс-жанровой атрибуции (типичная ситуация, с которой сталкивается эксперт-авторовед), определением минимального объема текста, необходимого для проведения автороведческого исследования; возможным отсутствием автора в тестовой выборке и многих других.

Очевидно, что без теоретической основы, как и без использования больших корпусов текстов вкупе с современными методами добычи данных невозможно создание обоснованных и доказательных методик САЭ, однако, как показывает анализ научной литературы, до настоящего времени в науке не сложилось междисциплинарного направления, в котором бы сочетались указанные подходы. На наш взгляд, таким направлением может стать развиваемая нами междисциплинарная область — **корпусная идиолектология**, объектом которой является идиолект как индивидуальная реализация национальной языковой системы. Теоретические проблемы, разрабатываемые в рамках указанного направления, связаны прежде с построением комплексной многофакторной параметрической модели идиолекта, определением степени интериндивидуальной и интраиндивидуальной вариативности идиолектных признаков, определением вклада разных факторов в варьирование идиолектных признаков и т. д. Без решения этих и многих других вопросов невозможно решить и прикладные задачи, такие как идентификация и моделирование личности автора текста, анализ текста на заимствования, выявление в тексте намеренно искаженной информации и т. д.

Следует отметить прежде всего отсутствие общепринятого подхода к определению самого термина «идиолект». В российской науке нет четкой дифференциации между терминами «идиолект» и «идиостиль», при-

чем оба термина преимущественно используются в контексте исследования языка писателя, ученого и других лиц, профессионально владеющих языком. На наш взгляд, идиостиль, т. е. идиолект лица, профессионально владеющего языком, имеющего уникальный авторский стиль, является объектом идиостилистики, тогда как идиолект, т. е. индивидуальный вариант языка, присущий каждому его носителю, должен являться отдельным объектом исследования. Нами предлагается исследовать идиолект в рамках корпусной идиолектологии. Развитие Интернета привело к появления уникального по объему массива непрофессиональных текстов, и их исследование в аспекте авторства логично проводить в рамках названного направления. Именно исследование «естественных» письменных текстов разных жанров [Лебедева 2001] и — шире — идиолектов рядовых носителей языка, которому до последнего времени уделялось мало внимания в сравнении с текстами, созданными мастерами слова, является особенно актуальным для судебной лингвистики [Соколова 2018: 128].

В современной зарубежной лингвистике, в том числе судебной, идиолект понимается прежде всего как совокупность языковых привычек индивида (паттернов), который по своему использует языковую систему, общую для многих людей, как автоматическое и бессознательное поведение (см., например, [Chaski 2001: 8]), однако общепринятого определения, пригодного для решения задач судебного автороведения, также не выработано [Crankshaw 2012]. Заметим, что исследователи, занимающиеся проблемой идентификации автора текста, исходят из идеи о стабильности и уникальности идиолекта, однако специальных исследований по интра- и интериндивидуальной стабильности признаков идиолекта крайне мало [On the Stability of Some Idiolectal Features 2018; Litvinova et al. 2018]).

В современных исследованиях (преимущественно англоязычных) идиолект, наряду с голосом, походкой и другими уникальными формами человеческого поведения, рассматривается в рамках поведенческой биометрии [Rozz 2018]), основной задачей которой является идентификация личности. На наш взгляд, такой подход является более обоснованным, чем сравнение идиолекта с ДНК или отпечатками пальцев, как это делается в ряде работ [New Machine Learning Methods... 2005], поскольку идиолект является формой поведения, а не физиологической характеристикой.

В настоящее время научные работы в области изучения идиолекта носителей рус-

ского языка активно ведутся в Лаборатории теоретической и прикладной идиолектологии (ранее — Лаборатория корпусной социолингвистики и автороведческих исследований) (*RusProfilingLab*), созданной на базе Воронежского государственного педагогического университета под руководством автора статьи (<http://rusprofilinglab.ru>).

Исследования названной лаборатории ориентированы на изучение идиолекта носителя русского языка как «структуры стабильных и вариативных его параметров, репрезентируемых в тексте», или — иначе — «как совокупности устойчивых и вариативных квантифицируемых языковых признаков, обладающих неодинаковыми различительными способностями в аспекте идентификации личности» [Litvinova 2018]) с использованием корпусных данных и методов компьютерной лингвистики.

Как показывают наши исследования, перспективным является рассмотрение идиолекта как набора параметров разного уровня. Одним из важных параметров идиолекта является ортологический (от греч. *ortos* 'правильный') параметр, связанный с отношением продуцента текста к языковой норме и выбору ее вариантов [ср.: Загоровская 2018б]. Правомерность включения названного параметра в структуру идиолекта носителя русского языка подтверждается и реальной практикой специалистов в области судебного автороведения, учитывающих однотипность ошибок, связанных с нарушением языковых норм, при атрибуции текстов (см. об этом, например: [Маркова 1956]), и достижениями современной теоретической лингвистики, теории языковой нормы и русской ортологии, доказавших особую значимость нормативных/ненормативных выборов в организации языковой личности и языкового сознания носителя русского языка [Загоровская 2016а; Загоровская 2016б; Загоровская 2017]. Наши исследования позволяют также утверждать, что в зависимости от вида языковых норм и норм русского литературного словоупотребления (как известно, виды норм могут разграничиваться на разных основаниях, но для исследований в области лингвистической экспертизы текста наиболее значимым является их типология в соответствии с уровнями языковой системы и формой реализации речи, что предполагает выделение прежде всего норм орфоэпических, лексических, стилистических, грамматических и норм правописания, включающих орфографические и пунктуационные нормы) ортологический параметр идиолекта может репрезентироваться в различных составляющих и предполагать в том числе пунк-

туационный выбор продуцента текста [Загоровская 2018а; Загоровская 2018б].

В настоящее время в ряде работ (преимущественно на материале англоязычных текстов) достаточно определенно доказано, что носителю языка могут быть свойственны определенные пунктуационные привычки, которые проявляются в частотностях знаков препинания (как отдельных, так и в целом), а также в выборе названных знаков в определенной синтаксической позиции, что позволяет говорить о возможности использования пунктуационных выборов в качестве одного из признаков ортологического параметра идиолекта.

Выводы о стабильности пунктуационных привычек носителей языка содержатся, в частности, в работе [Ваауен 2002], доказывающей, что частотность пунктуационных знаков является одним из эффективных лингвистических признаков, используемых в кросс-топиковом и кросс-жанровом сценариях (то есть в тех случаях, когда тестовые и контрольные образцы принадлежат разным темам и/или жанрам).

Вывод об устойчивости пунктуационных выборов пишущего представлен в работе известного американского судебного лингвиста К. Часки [Chaski 2001], в которой показано, что синтаксически обоснованные пунктуационные выборы пишущего (*syntactically-classified punctuation*) в качестве параметров классификатора дают большую точность, чем просто частоты знаков препинания, демонстрирующие различия разных авторов (*inter-author identification*), а также позволяют установить авторство текстов, созданных одним и тем же автором (*intra-author identification*). Разные пишущие могут использовать одни и те же знаки препинания с одинаковой частотой, но при этом в разных позициях. Важно отметить, что в работах К. Часки использован весьма узкий круг пунктуационных знаков и синтаксических позиций: анализируются знаки конца предложения, знаки в словосочетаниях (фразах) и знаки в словах (дефис). Также в работе используется ограниченный корпус текстов (5 авторов).

В исследовании [Sapkota 2015] был использован обширный корпусный материал, а также современные алгоритмы машинного обучения для идентификации продуцента текста. Авторы экспериментировали с разными типами *n*-грамм символов (т. е. последовательностью символов) с учетом позиции символов в слове и выявили, что наивысшая точность моделей достигается для комбинации *affix + punct n-grams*, т. е. *n*-грамм (последовательностей), содержащих префиксы

и суффиксы, и *n*-грамм, содержащих, кроме прочих символов, знаки препинания, при этом *n*-граммы, содержащие знаки пунктуации, лучше всего работают в кросс-топиковом сценарии, что со всей очевидностью доказывает устойчивость пунктуационных привычек носителей языка.

Таким образом, предыдущие работы использовали в качестве признака частоты пунктуационных знаков, в том числе с учетом их синтаксической позиции и контекста в широком понимании (*n*-граммы символов).

Нами [Litvinova 2019] был расширен список признаков, основанных на автоматическом анализе пунктуационных выборов пишущего. Помимо признаков, использованных в работе [Sapkota 2015], были апробированы три группы признаков:

- триграммы токенов и пунктуационных знаков (как минимум 1 пунктуационный знак в триграмме), при этом слова заменяются обозначением их грамматических категорий, например триграмма *Ты где?* представляется в следующем виде: PRON ADV? (группа признаков PunctPOS);

- *n*-граммы ($n = \{3, 4, 5\}$) токенов и пунктуационных знаков (как минимум 1 пунктуационный знак в *n*-грамме), при этом слова заменяются знаком * (StarMark) (группа признаков StarMark);

- *n*-граммы ($n = \{3, 4, 5\}$) токенов и пунктуационных знаков (как минимум 1 пунктуационный знак в *n*-грамме), при этом слова заменяются знаком *, пунктуационный знак заменяется на 'PNCT' (группа признаков StarPunct).

Эксперименты по идентификации автора проводились нами на материале текстов форума «Кавказчат» (внесен в Федеральный список экстремистских материалов). Нами были проведены эксперименты по идентификации автора текста в рамках одной темы, а также в кросс-топиковом сценарии. Была выявлена эффективность всех групп «пунктуационных» признаков, при этом их эффективность не падала даже в кросс-жанровом сценарии, что позволяет говорить о стабильности пунктуационных признаков идиолекта, причем выделенные нами группы признаков учитывают не только частотность знаков препинания и контекст, как *n*-граммы из работы [Sapkota 2015], но и расстояния между ними (в словах), т. е. дополняют существующие в современной науке группы признаков идиолекта, используемые в идентификационных исследованиях [Литвинова 2015].

В дальнейшем мы планируем расширить наши исследования пунктуационных выборов пишущего в двух направлениях.

Во-первых, мы предполагаем извлечь новые группы признаков в зависимости от тех синтаксических позиций, которые в отечественной традиции связываются с понятием «пунктограмма» и предполагают использование определенных нормативных пунктуационных знаков, в том числе как обязательных, так и факультативных, в следующих позициях: 1) конец предложения; 2) границы предикативных частей сложного предложения; 3) границы обособленных членов предложения; 4) границы слов, грамматически не связанных с предложением; 5) границы пунктуационно не разделяемых и не выделяемых членов предложения (главные члены, второстепенные члены, однородные члены, актанты разных типов).

Мы предполагаем, что именно в таких позициях выбор того или иного пунктуационного знака, его замена и даже нарушение пунктуационной нормы чаще всего являются следствием индивидуальных предпочтений автора текста.

Разметка в таком случае может выполняться только вручную специалистом-лингвистом, что, безусловно, требует трудовых и временных затрат, однако сочетание ручных и автоматизированных методов анализа языкового материала является, как показывает наш опыт работы по моделированию личности автора письменного текста, обязательным методологическим принципом корпусной идиолектологии.

Вторым направлением работ является расширение корпусного материала. В настоящее время мы работаем с материалами корпуса «Кавказчат» как реальным языковым материалом, который, в силу своего содержания, нуждается в идентификационном анализе, а также мы используем материалы и возможности созданного в Лаборатории корпуса естественных письменных текстов *Ruspersonality* с метаданными о социально-демографических и личностных характеристиках авторов текстов (пол, возраст, уровень образования, данные психологического тестирования, профессия и т. д.) (подробнее о корпусе см.: [“RusPersonality”: A Russian corpus... 2016]).

В настоящее время нами проводится сбор корпуса текстов *RusIdioStyle* одних и тех же авторов в различных языковых модулях (формах существования национального русского языка и его функциональных разновидностях) и различных жанрах, произведенных в условиях специального эксперимента, а также в «реальных» условиях. Представляется, что материалы названного корпуса окажутся наиболее значимыми для проведения статистического анализа, ориен-

тированного на определение уровня стабильности и вариативности пунктуационных выборов автора русского письменного текста, и существенно дополняют представления о зонах квантифицируемых признаков идиолекта, на основании которых могут быть построены надежные методики идентификационной автороведческой экспертизы.

Следует отметить, что изучение стабильности и вариативности пунктуационных выборов автора русского письменного текста как компонентов ортологического параметра идиолекта и использование соответствующего параметра для идентификации продуцента текста представляется особенно перспективным ввиду типологических особенностей системы пунктуации в русском языке, а также специфики самой пунктуационной нормы, которая, по мнению многих современных специалистов в области русского синтаксиса и русской пунктуации, по своей сути является коммуникативно-прагматической, т. е. регулирующей употребление пунктуационных знаков во многих случаях не в соответствии с предписаниями, а в соответствии в теми условиями, которые устанавливаются в конкретной коммуникативной ситуации. Вместе с тем широкие возможности пунктуационных выборов, заложенные в самой пунктуационной норме русского языка, требуют от исследователей, работающих в рассматриваемой области, не только глубокого осмысления синтаксических явлений, передаваемых теми или иными пунктуационными знаками, но и поиска новых подходов к предварительной обработке языковых материалов, разметке текстов и их анализу с помощью современных методов корпусной лингвистики и математической статистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Теория лингвистических экспертиз как направление прикладной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. конф. «Диалог». — М. : Наука, 2004. С. 27—31.
2. Галяшина Е. И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 12—29.
3. Галяшина Е. И., Приводнова Е. В. Автороведческая экспертиза в российском судопроизводстве // Lex Russica. 2006. № 4. С. 55—61.
4. Головкин Н. В. Значение судебных экспертиз для успешного расследования уголовных дел о торговле детьми и использовании их рабского труда // Вестн. Акад. 2016. № 2. С. 101—104.
5. Загоровская О. В. Нормы русского литературного языка: типология и основания для классификации // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2016а. № 3 (272). С. 129—134.
6. Загоровская О. В. Языковая норма в современной русской визуально-письменной речи, функционирующей в интернет-коммуникации: к постановке проблемы // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2017. № 4 (277). С. 168—172.
7. Загоровская О. В. Языковая норма и норма литературного языка как лингвистические понятия // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2016б. № 2 (271). С. 161—165.

8. Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Корпус текстов RusPersonality как основа исследований «реальной» языковой нормы в современной русской письменной речи // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе / под ред. О. В. Загоровской. Вып. 28. — Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2018а. С. 51—57.

9. Загоровская О. В., Литвинова Т. А. Электронная база данных о языковой норме и ее вариантности как основа научных исследований ортологического параметра идиолекта // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2018б. № 3 (280). С. 138—143.

10. Кулешов Р. В. Роль судебно-автороведческой экспертизы в расследовании преступлений экстремистской и террористической направленности: типичные задачи, особенности назначения, соотношение со смежными видами экспертиз // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 147—152.

11. Лебедева Н. Б. Естественная письменная русская речь: проблемы изучения // Русский язык: исторические судьбы и современность : Междунар. конгр. исследователей русского языка : труды и материалы. — М., 2001. С. 260—261.

12. Литвинова Т. А., Литвинова О. А. Идентификация и моделирование личности автора письменного текста. — Воронеж : Изд-во ВГПУ, 2015. 322 с.

13. Маркова Г. Д. Идентификационные признаки письма в советской криминалистической экспертизе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 1956. 24 с.

14. Моштылева Е. С. Классификационное место речеведческих экспертиз в теории и практике судебной экспертизы // Вестн. ННГУ. 2018. № 4. С. 131—135.

15. Напреенко Г. В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 17—23.

16. Панина Н. А. О роли судебной автороведческой экспертизы при расследовании преступлений, связанных с доведением до самоубийства «группами смерти» // Традиции и новации в системе современного российского права : сб. тезисов 17-й Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. — М. : ООО «Проспект», 2018. С. 848—850.

17. Романченко Т. Н. Методы атрибуции в автороведческой экспертизе // Вестн. СГУОА. 2013. № 2 (91). С. 228—233.

18. Соколова Т. П. Роль специальных знаний в судебной автороведческой экспертизе // Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина. 2018. № 7 (47). С. 123—131.

19. Чулахов В. Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека / под ред. Е. Р. Россинской. — М. : Юрлитинформ, 2007. 285 с.

20. "RusPersonality": A Russian corpus for authorship profiling and deception detection / T. Litvinova [et. al.] // Proceedings of the International FRUCT Conference on Intelligence, Social Media and Web (ISMW FRUCT 2016). IEEE. С. 1-7.

21. Authorship Attribution for Social Media Forensics / A. Rocha [et al.] // IEEE Transactions on Information Forensics and Security. 2017. Vol. 12, Iss. 1. P. 5-33.

22. Baayen H., Halteren van H., Neijt A., Tweedie F. An experiment in authorship attribution // Proc. of 6th JADT. 2002. P. 29—37.

23. Chaski C. Empirical evaluations of language-based author identification techniques // Forensic Linguistics. 2001. Vol. 8. P. 1-65.

24. Crankshaw R. The validity of the Linguistic Fingerprint in forensic investigation. Diffusion: the UCLan Journal of Undergraduate Research. 2012. Vol., 5 Iss. 2. URL: <http://bcu.org/journals/index.php/Diffusion/article/view/92> (last accessed: 17.01.2019).

25. Litvinova T.A., Panicheva P.V., Litvinova O.A. Authorship Attribution of Russian Extremist Forum Texts with Different Types of N-gram Features // Submitted for CILCLING 2019.

26. Litvinova T.A., Seredin P.V., Litvinova O.A. Assessing the Level of Stability of Idiolectal Features across Modes, Topics and Time of Text Production // S. Balandin, T. Cinotti, F. Viola, T. Tyutina (eds). Proceedings of the 23rd Conference of Open Innovations Association FRUCT. — IEEE, 2018. P. 223-230.

27. New Machine Learning Methods Demonstrate the Existence of a Human Stylome / H.V. Halteren [et al.] // Journal of Quantitative Linguistics. 2005. № 12. P. 65-77.

28. On the Stability of Some Idiolectal Features / T. Litvinova [et. al.] // Lecture Notes in Computer Science. 2018. Vol. 11096. С. 331—336.

29. Overview of the author identification task at PAN-2018: cross-domain authorship attribution and style change detection / M. Kestemont [et al.] // Working Notes Papers of the CLEF 2018 Evaluation Labs. Avignon, France, September 10-14, 2018 / L. Cappellato [edit.]; et al. 2018. С. 1-25.

30. Rozz Y., Menezes R. Author Attribution Using Network Motifs // Cornelius S. et al. (eds). Complex Networks IX: Proceedings of the 9th Conference on Complex Networks. — Springer, 2018. P. 199-207.

31. Sapkota U., Bethard S., Montes M., Solorio T. Not all character n-grams are created equal: A study in authorship attribution // Proceedings of the 2015 conference of the North American chapter of the association for computational linguistics: Human language technologies. P. 93-102.

T. A. Litvinova

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6019-3700

 E-mail: centr_rus_yaz@mail.ru.

Punctuation Choice as a Component of Orthological Parameter of the Modern Russian Speaker's Idiolect in Forensic Authorship Analysis

ABSTRACT. *Currently, due to the development of Internet communication and the emergence of an array of text data, part of which contain malicious content, the problem of identifying the author of the text in forensic settings has become particularly urgent. However, exact and objective methods of text attribution, which could be used in forensic authorship analysis, have not yet been worked out, and both researchers and experts emphasize the particular complexity of the authorship analysis of the texts of Internet communication. The paper deals with the issues of creation of the tools of forensic authorship analysis based on quantitative markers of an idiolect as individual realization of the language system. The author analyzes punctuation choice of the writer as one of the components of the orthological parameter of an idiolect and justifies the relevance of the analysis of punctuation choice for authorship identification. Analysis of the scientific literature on text attribution, as well as the author of the paper's own experimental studies carried out on the material of extremist forum texts, shows that the punctuation choice of the writer represented by a number of quantifiable idiolect features, including those first suggested by the author of this article, are quite resistant to topic change, which allows them to be used for assessment of cross-topic scenarios. The author also formulates areas for further research, primarily related to the development of a specialized corpus containing texts of different genres, modes etc. by the same authors, as well as to the detection of new features characterizing the punctuation choice of the author of the text.*

KEYWORDS: *forensic authorship analysis, Russian language; idiolects, text attribution; orthological parameters of idiolects, punctuation marks, linguistics, text corpus.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Litvinova Tat'yana Aleksandrovna, Candidate of Philology, Head of Laboratory of Theoretical and Applied Idiolectology, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia.*

FOR CITATION: *Litvinova, T. A. Punctuation Choice as a Component of Orthological Parameter of the Modern Russian Speaker's Idiolect in Forensic Authorship Analysis / T. A. Litvinova // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 114—121.*

ACKNOWLEDGMENTS: Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research grant within the scientific project №18-78-10081 “Modeling of the Modern Russian Speaker's Idiolect in Forensic Authorship Analysis”.

REFERENCES

1. Baranov A. N. The Theory of Linguistic Expertise as a Direction of Applied Linguistics // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies : materials of annually conf. "Dialogue"*. — Moscow : Science, 2004. P. 27—31. [Teoriya lingvisticheskikh ekspertiz kak napravlenie prikladnoy lingvistiki // *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii : materialy ezhegod. konf. «Dialog»*. — M. : Nauka, 2004. S. 27—31]. — (In Rus.)
2. Galyashina E. I. Speech Expertise in Legal Proceedings // *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2011. No. 12. P. 12—29. [Rechevedcheskie ekspertizy v sudoproizvodstve // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2011. № 12. S. 12—29]. — (In Rus.)
3. Galyashina E. I., Privodnova E. V. Autorological Examination in Russian Legal Proceedings // *Lex Russica*. 2006. № 4. P. 55—61. [Avtorovedcheskaya ekspertiza v rossiyskom sudoproizvodstve // *Lex Russica*. 2006. № 4. S. 55—61]. — (In Rus.)
4. Golovko N. V. The Value of Forensic Examinations for Successful Investigation of Criminal Cases on the Sale of Children and the Use of Their Slave Labor // *Herald of Academy*. 2016. No. 2. P. 101—104. [Znachenie sudebnykh ekspertiz dlya uspehnogo rassledovaniya ugovolnykh del o torgovle det'mi i ispol'zovanii ikh rabskogo truda // *Vestn. Akad.* 2016. № 2. S. 101—104]. — (In Rus.)
5. Zagorovskaya O. V. Norms of the Russian Literary Language: Typology and Grounds for Classification // *News of Voronezh State Ped. Univ.* 2016a. Number 3 (272). P. 129—134. [Normy russkogo literaturnogo yazyka: tipologiya i osnovaniya dlya klassifikatsii // *Izv. Voronezh. gos. ped. un-ta*. 2016a. № 3 (272). S. 129—134]. — (In Rus.)
6. Zagorovskaya O. V. Language Norm in Modern Russian Visual-written Speech, Functioning in Internet Communications: to the Formulation of the Problem // *News of Voronezh State Ped. Univ.* 2017. No. 4 (277). P. 168—172. [Yazykovaya norma v sovremennoy russkoy vizual'no-pis'mennoy rechi, funktsioniruyushchey v internet-kommunikatsii: k postanovke problemy // *Izv. Voronezh. gos. ped. un-ta*. 2017. № 4 (277). S. 168—172]. — (In Rus.)
7. Zagorovskaya O. V. Language Norm and Norm of Literary Language as Linguistic Concepts // *News of Voronezh State Ped. Univ.* 2016b. Num. 2 (271). P. 161—165. [Yazykovaya norma i norma literaturnogo yazyka kak lingvisticheskie ponyatiya // *Izv. Voronezh. gos. ped. un-ta*. 2016b. № 2 (271). S. 161—165]. — (In Rus.)
8. Zagorovskaya O. V., Litvinova T. A. The Corpus of Texts RusPersonality as the basis for Research on the “Real” Language Standard in Modern Russian Written Speech // *Modern Problems of Linguistics and Methods of Teaching Russian in High School and School / ed. O.V. Zagorovskoy*. Iss. 28. — Voronezh: Scientific Research Educational Center, 2018a. P. 51—57. [Korpus tekstov RusPersonality kak osnova issledovaniy «real'noy» yazykovoy normy v sovremennoy russkoy pis'mennoy rechi // *Sovremennyye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i shkole / pod red. O. V. Zagorovskoy*. Vyp. 28. — Voronezh : IPTs «Nauchnaya kniga», 2018a. S. 51—57]. — (In Rus.)
9. Zagorovskaya O. V., Litvinova T. A. Electronic Database on the Language Norm and Its Variance as the Basis for Scientific Research on the Orthological Parameter of the Idiolect // *News of Voronezh State Ped. Univ.* 2018b. Num. 3 (280). P. 138—143. [Elektronnaya baza dannykh o yazykovoy norme i ee variantnosti kak osnova nauchnykh issledovaniy ortologicheskogo parametra idiolekta // *Izv. Voronezh. gos. ped. un-ta*. 2018b. № 3 (280). S. 138—143]. — (In Rus.)
10. Kuleshov R. V. The Role of Forensic-Authorship Expert Examination in Investigating Crimes of Extremist and Terrorist Orientation: Typical Tasks, Specifics of Assignment, Relationship with Related Types of Examinations. 2016. № 3 (37). P. 147—152. [Rol' sudebno-avtorovedcheskoy ekspertizy v rassledovanii prestupleniy ekstremistskoy i terroristicheskoy napravlenosti: tipichnye zadachi, osobennosti naznacheniya, sootnoshenie so smezhnymi vidami ekspertiz // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. 2016. № 3 (37). S. 147—152]. — (In Rus.)
11. Lebedeva N. B. Natural Written Russian Speech: Problems of Studying // *Russian Language: Historical Destinies and Modernity: Intern. Congr. of Russian Language Researchers : works and materials*. — Moscow, 2001. P. 260—261. [Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': problemy izucheniya // *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* : Mezhdunar. kongr. issledovatelye russkogo yazyka : trudy i materialy. — M., 2001. S. 260—261]. — (In Rus.)
12. Litvinova T. A., Litvinova O. A. Identification and Modeling of the Personality of the Author of the Written Text. — Voronezh : VGPU Publ. House, 2015. 322 p. [Identifikatsiya i modelirovaniye lichnosti avtora pis'mennogo teksta. — Voronezh : Izd-vo VGPU, 2015. 322 s.]. — (In Rus.)
13. Markova G. D. Identification Signs of the Letter in the Soviet Forensic Examination: abstract of doctoral thesis ... of Cand. in Law. — Kharkov, 1956. 24 p. [Identifikatsionnye priznaki pis'ma v sovetskoy kriminalisticheskoy ekspertize : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Khar'kov, 1956. 24 s.]. — (In Rus.)
14. Moshtyleva E. S. Classification of Speech Expertise in the Theory and Practice of Forensic Examination // *Herald of UNN*. 2018. No. 4. P. 131—135. [Klassifikatsionnoe mesto rechevedcheskikh ekspertiz v teorii i praktike sudebnoy ekspertizy // *Vestn. NNGU*. 2018. № 4. S. 131—135]. — (In Rus.)
15. Napreenko G. V. Text Identification by Its Author's Identity at the Lexical Level (formal-quantitative model) // *Herald of Tomsk State Univ.* 2014. No. 379. P. 17—23. [Identifikatsiya teksta po ego avtorskoy prindlezhnosti na leksicheskom urovne (formal'no-kolichestvennaya model') // *Vestn. Tomsk. gos. un-ta*. 2014. № 379. S. 17—23]. — (In Rus.)
16. Panina N. A. On the Role of Judicial Authoring Expertise in Investigating Crimes Related to “Bringing Death Groups To Suicide” // *Traditions and Innovations in the System of Modern Russian Law: Coll. Abstracts of the 17th International scientific-practical conf. for young scientists*. — Moscow : Prospect LLC, 2018. P. 848—850. [O roli sudebnoy avtorovedcheskoy ekspertizy pri rassledovanii prestupleniy, svyazannykh s dovedeniyem do samoubiystva «gruppami smerti» // *Traditsii i novatsii v sisteme sovremennoy rossiyskogo prava : sb. tezisov 17-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh*. — M. : OOO «Prospekt». 2018. S. 848—850]. — (In Rus.)
17. Romanchenko T. N. Methods of Attribution in the Author's Expert Examination // *Herald of SGUA*. 2013. № 2 (91). P. 228—233. [Metody atributsii v avtorovedcheskoy ekspertize // *Vestn. SGYuA*. 2013. № 2 (91). S. 228—233]. — (In Rus.)
18. Sokolova T. P. The Role of Special Knowledge in the Judicial Authors Theory Expertise // *Herald of Univ. named after O. E. Kutafina*. 2018. No. 7 (47). P. 123—131. [Rol' spetsial'nykh znaniy v sudebnoy avtorovedcheskoy ekspertize // *Vestn. Un-ta im. O. E. Kutafina*. 2018. № 7 (47). S. 123—131]. — (In Rus.)
19. Chulakhov V. N. Forensic Theory of Human Habits and Behavior / ed. E. R. Rossinskaya. — M.: Yurlitinform, 2007. 285 p.

[Kriminalisticheskoe uchenie o navykakh i privyckakh cheloveka / pod red. E. R. Rossinskoy. — M. : Yurlitinform, 2007. 285 s.]. — (In Rus.)

20. RusPersonality": A Russian corpus for authorship profiling and deception detection / T. Litvinova [et. al.] // Proceedings of the International FRUCT Conference on Intelligence, Social Media and Web (ISMW FRUCT 2016). IEEE. C. 1-7.

21. Authorship Attribution for Social Media Forensics / A. Rocha [et al.] // IEEE Transactions on Information Forensics and Security. 2017. Vol. 12, Iss. 1. P. 5-33.

22. Baayen H., Halteren van H., Neijt A., Tweedie F. An experiment in authorship attribution // Proc. of 6th JADT. 2002. P. 29—37.

23. Chaski C. Empirical evaluations of language-based author identification techniques // Forensic Linguistics. 2001. Vol. 8. P. 1—65.

24. Crankshaw R. The validity of the Linguistic Fingerprint in forensic investigation. Diffusion: the UCLan Journal of Undergraduate Research. 2012. Vol., 5 Iss. 2. URL: <http://bcu.org/journals/index.php/Diffusion/article/view/92> (last accessed: 17.01.2019).

25. Litvinova T.A., Panicheva P.V., Litvinova O.A. Authorship Attribution of Russian Extremist Forum Texts with Different Types of N-gram Features // Submitted for CICLING 2019.

26. Litvinova T.A., Seredin P.V., Litvinova O.A. Assessing the

Level of Stability of Idiolectal Features across Modes, Topics and Time of Text Production // S. Balandin, T. Cinotti, F. Viola, T. Tyutina (eds). Proceedings of the 23rd Conference of Open Innovations Association FRUCT. — IEEE, 2018. P. 223-230.

27. New Machine Learning Methods Demonstrate the Existence of a Human Stylome / H.V. Halteren [et al.] // Journal of Quantitative Linguistics. 2005. № 12. P. 65-77.

28. On the Stability of Some Idiolectal Features / T. Litvinova [et. al.] // Lecture Notes in Computer Science. 2018. Vol. 11096. P. 331—336.

29. Overview of the author identification task at PAN-2018: cross-domain authorship attribution and style change detection / M. Kestemont [et al.] // Working Notes Papers of the CLEF 2018 Evaluation Labs. Avignon, France, September 10-14, 2018 / L. Cappellato [edit.]; et al. 2018. C. 1-25.

30. Rozz Y., Menezes R. Author Attribution Using Network Motifs // Cornelius S. et al. (eds). Complex Networks IX: Proceedings of the 9th Conference on Complex Networks. — Springer, 2018. P. 199-207.

31. Sapkota U., Bethard S., Montes M., Solorio T. Not all character n-grams are created equal: A study in authorship attribution // Proceedings of the 2015 conference of the North American chapter of the association for computational linguistics: Human language technologies. P. 93-102.

РАЗДЕЛ 6. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 81'42:34
DOI 10.26170/pl19-01-14
ББК Ш105.51+Х0

ГСНТИ 16.01.11; 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Э. В. Будаев

Российский государственный профессионально-педагогический университет; Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-2137-1364

 E-mail: aedw@mail.ru.

Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается становление юридической лингвистики как междисциплинарной области научных исследований в зарубежных странах. Рассматриваются различные подходы к определению предмета данной области исследований (объектом изучения юридической лингвистики может быть любой текст, рассматриваемый в правовом контексте; представление юридической лингвистики как раздела прикладной лингвистики, в котором лингвистические теории и методологические подходы применяются для решения юридических проблем; синтез социолингвистики, прагматики и дискурсивного анализа, позволяющий установить, кто говорит, кому, где, когда и с какой целью). Определяются хронологические рамки становления дисциплины: первые работы соответствующей тематики относятся к началу 1960-х гг., словосочетание «Forensic Linguistics» впервые было использовано в 1968 г. Зарубежная юридическая лингвистика первоначально формировалась как судебная лингвистика, поэтому термин *forensic linguistics* обычно переводится на русский язык в зависимости от контекста как «лингвистическая экспертиза» или как «судебная лингвистика». Рассматриваются значимые уголовные дела и судебные разбирательства, которые продемонстрировали необходимость возникновения юридической лингвистики как самостоятельной области теоретических изысканий и прикладных исследований, показали важность разработки и совершенствования юрислингвистической методологии: судебная ошибка 1949 г., приведшая к казни Т. Эванса, актуализировавшая проблему определения достоверности судебных показаний; судебные разбирательства по поводу торговых марок, например иск владельца мультинациональной сети быстрого питания «McDonalds» к компании «Quality Inns International», анонсировавшей открытие сети гостиниц экономкласса под названием «McSleer». Особое внимание уделяется специфике формирования юридической лингвистики в США, Великобритании, Австралии, Германии и Австрии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическая лингвистика; лингвистическая экспертиза; юридический дискурс; междисциплинарные лингвистические направления; история лингвистики.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Будаев Эдуард Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, теории и методики обучения, Российский государственный профессионально-педагогический университет; профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620012, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11; e-mail: aedw@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Будаев, Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 122—126.

Юридическая лингвистика — направление научных исследований, возникшее на пересечении лингвистики и юриспруденции в США и Великобритании в 60-х гг. XX в. Известный специалист Джон Олссон, определяя данное научное направление, отмечает, что объектом изучения юридической лингвистики может быть любой текст, рассматриваемый в правовом контексте (завещание, письмо, книга, эссе, контракт, врачебный диагноз, диссертация и т. д.) [Olsson 2008: 1]. Таким образом, в фокус юрислингвистики попадают как тексты, актуализированные в собственно юридическом дискурсе, так и тексты, порождаемые вне юридического дискурса, но впоследствии используемые в юридическом контексте (например, в судебном разбирательстве). Это понимание юридической лингвистики следует из опре-

деления предмета данного научного направления.

Другой способ определить юридическую лингвистику — описать ее как раздел прикладной лингвистики, в котором лингвистические теории и методологические подходы (когнитивная лингвистика, теория речевых актов, дискурс-анализ, фонетический анализ, конверсационный анализ и т. д.) применяются для решения юридических проблем. По мнению М. Коултарда, юридическая лингвистика представляет собой методологическую триаду социолингвистики, прагматики и дискурсивного анализа. Этот синтез позволяет дать ответы на вопросы: кто говорит, кому, где, когда и с какой целью. К этому автор добавляет корпусную лингвистику, критический анализ дискурса [Coulthard et al. 2007: 2009].

© Будаев Э. В., 2019

Всякое научное направление формируется в течение определенного периода времени, и однозначно определить момент его возникновения едва ли возможно. Однако известно, когда возник сам термин. Слово-сочетание *Forensic Linguistics* было впервые использовано профессором Яном Свартвиком в 1968 г. в книге «The Evans statements: A case for forensic linguistics» [Svartvik 1968] в контексте лингвистического анализа показаний Тимоти Эванса. В 1949 г. семья Тимоти Эванса (беременная жена и маленькая дочь) была убита в своей квартире. Т. Эванс был арестован и приговорен к смертной казни. Через несколько лет после казни было доказано, что казненный не только не совершал этих убийств, но и верно называл имя убийцы в ходе судебного заседания. Этот случай — одна из самых известных судебных ошибок в истории, которая была тесно связана с проблемой определения достоверности судебных показаний.

Исследования в области лингвистического анализа юридической речи проводились и до появления термина *Forensic Linguistics*. Среди ранних работ в данной области можно отметить монографию Дэвида Мельникоффа «The Language of the Law» [Mellinkoff 1963], в которой американский исследователь, имевший большой опыт участия в судебных заседаниях, предложил новый взгляд на язык права, призывая совмещать пресловутую «точность» юридического языка со здравым смыслом и нормами естественной речи. Эта работа носила общелингвистический характер. Если же применять к рассматриваемому научному направлению структуру внутренней лингвистики, то следует отметить, что отдельные направления юридической лингвистики, например судебная фонетика и атрибуция текстов, развивались независимо друг друга и только потом были объединены под зонтичным термином *forensic linguistics*.

Зарубежная юридическая лингвистика первоначально формировалась как судебная лингвистика, поэтому термин *forensic linguistics* обычно переводится на русский язык в зависимости от контекста как «лингвистическая экспертиза» или как «судебная лингвистика». Если же имеется в виду более широкий контекст, то в русском языке используются словосочетания «юридическая лингвистика» или «правовая лингвистика», которые ближе английскому понятию *legal linguistics* или словосочетанию *language and law*, охватывающему широкий круг проблем взаимодействия языка и права.

Центрами становления юридической лингвистики были страны англосаксонского

права (в первую очередь, США и Великобритания).

Импульсом для развития юридической лингвистики в Великобритании стали проблемы, возникающие в ходе допроса свидетелей. В Соединенном Королевстве долгое время использовались так называемые *Judges' Rules* — правила допроса свидетелей и получения показаний. Согласно этим правилам, подозреваемые диктовали показания полицейским, которые должны были их записывать, не перебивая. Допускались только уточняющие вопросы. На практике эти правила никогда не соблюдались. Полицейские задавали вопросы и записывали показания не совсем так, как говорили допрашиваемые, а в так называемом «полицейском регистре» (*police register*). Авторы этих правил, видимо, не осознавали, что записывать устные показания без обработки — непростая задача. У полицейских выработались свои правила записи и корректировки показаний, которые использовались в том числе для злоупотреблений. В связи с этим постоянно возникали вопросы об аутентичности показаний, что, в конечном счете, привело к привлечению профессиональных лингвистов к разрешению правовых проблем.

В США юридическая лингвистика формировалась немного иначе, хотя стимулом тоже послужили проблемы, связанные с процессом допроса. В 1963 г. некий Э. Миранда был осужден за совершение вооруженного ограбления. Впоследствии обвиняемый заявил, что не понял, что у него было право хранить молчание и право на адвоката во время допроса. В 1966 г. Апелляционный суд пересмотрел его дело и отменил обвинительный приговор. После этого полицейских обязали сообщать задержанным о праве хранить молчание, праве на адвоката и о том, что все сказанное может быть впоследствии использовано против подозреваемых.

Однако применение данного правила породило новые вопросы. Как отмечает профессор Роджер Шуи [Shuy 1997], которого считают одним из основателей юридической лингвистики в США, новые правила подразумевали, что признание должно быть добровольным, допрос не должен быть принудительным, а задержанных необходимо спрашивать, понимают ли они свои права. Вместе с тем видеозаписи допросов свидетельствовали о том, что зачитывание прав не всегда приводит к пониманию этих прав задержанными. Работы Р. Шуи и других американских исследователей о «проблеме Миранды» послужили отправной точкой для тесного переплетения юриспруденции и лингвистики в США.

В дальнейшем проблемное поле юридической лингвистики расширилось до современного его понимания, но одновременно детализировались отдельные области научных изысканий. Так, Р. Шуи, опираясь на большой опыт участия в судебных заседаниях, выпустил серию монографий, каждая из которых посвящена судебным дискурсам, связанным с разбирательством конкретных видов преступлений: клеветы [Shuy 2010], лжесвидетельства [Shuy 2011], сексуальных преступлений [Shuy 2012], взяточничества [Shuy 2013], убийства [Shuy 2014].

Второй предпосылкой для пересечения двух научных направлений в США послужили судебные разбирательства по поводу торговых марок. Показательный пример — иск владельцев мультинациональной сети быстрого питания *McDonalds* к компании *Quality Inns International*, анонсировавшей открытие сети гостиниц экономкласса под названием *McSleep* [Levi 1994: 5]. В данном случае речь шла не о слове или словосочетании, а о морфологическом принципе присоединения морфемы *Mc* к общеупотребительным существительным, не защищенным авторским правом.

Лингвисты Дж. Лентин и Р. Шуи, привлеченные к судебному разбирательству в качестве экспертов, показали, что префикс *Mc* использовался в коммерческих целях и ранее и по этой причине у *McDonalds* нет исключительного права на этот принцип словообразования. Вместе с тем суд встал на сторону истца и не позволил открыть сеть мотелей под названием *McSleep*. Впоследствии Р. Шуи неоднократно привлекался к разбирательству подобных дел, подробно описанных им в монографии «Linguistic Battles in Trademark Disputes» («Лингвистические битвы в спорах о торговых марках») [Shuy 2002].

В Австралии юрислингвистика формируется в 1980-х гг. как прикладное направление социолингвистики, призванное способствовать соблюдению прав подозреваемых. Отправной точкой послужили трудности, которые возникали во время допросов аборигенов, говорящих на английском языке австралийских аборигенов (Australian Aboriginal English) [Eades 1994; Gibbons 2003]. Белые полицейские исходили из предпосылки, что допрашиваемые говорят на одном с ними языке, а это вело к неверному толкованию показаний. Дело в том, что английский язык австралийских аборигенов включает в себя несколько вариантов, сформировавшихся в различных частях континента. Каждый из этих вариантов имеет особенности в фонетике, грамматике, лексике и семантике. Со-

вокупность этих вариантов представляет собой континуум переходных форм, занимающих промежуточное положение между английским вариантом английского языка (так называемым «языком белых австралийцев» — «white English») и языком криол (Kriol), который не является вариантом английского языка. Криол — креольский язык, который ведет происхождение от пиджина, сформировавшегося в Новом Южном Уэльсе в период ранней колонизации. К собственно языковым причинам недопонимания добавлялись межкультурные и прагматические факторы. В частности, неконфронтационный характер речевого поведения аборигенов ложно трактовался полицейскими как признание вины.

Еще одним импульсом для пересечения лингвистики и юриспруденции в Австралии послужили исследования того, как аборигены, выступающие в роли свидетелей и обвиняемых, понимали судебный процесс, а также анализ межкультурных различий в осмыслении судебных феноменов аборигенами и белыми австралийцами [Walsh 1994]. В частности, было показано, что система допроса в ходе судебного заседания чужда культурным доминантам аборигенов, а их реакция на этот межкультурный конфликт трактуется не в культурологическом, а в правовом контексте [Gibbons 2003].

Значительное развитие юридическая лингвистика получила в Германии и Австрии [Drommel 2011, 2015; Fobbe 2011; Rechtskultur 1992; Texte 1990]. Если в англосаксонских странах данная научная дисциплина развивалась благодаря усилиям ученых-энтузиастов, которые иногда сотрудничали с органами правопорядка и судебными инстанциями, а иногда и выступали с экспертными заключениями, которых от них не требовали, что нередко приводило к игнорированию экспертных мнений лингвистов, то немецкие ученые изначально работали в тесном взаимодействии с органами правопорядка. Это позволило немецкой школе юридической лингвистики, возникшей позже, чем в англосаксонских странах, избежать ошибок становления, с которыми столкнулась эта область научных интересов в США и Великобритании. Именно Федеральное ведомство уголовной полиции Германии организовало первую конференцию по юридической лингвистике в 1988 г.

Первая британская конференция по юридической лингвистике состоялась в Бирмингемском университете в 1992 г., а год спустя была образована Международная ассоциация по юридической лингвистике. В 1994 г. начал выходить специализирован-

ный журнал «Forensic Linguistics», посвященный вопросам судебной лингвистики, который в 2003 г. был переименован в «International Journal of Speech, Language and the Law». Новое название отразило расширение не только географического ареала распространения данной научной дисциплины, но и ее предмета.

На рубеже тысячелетий юридическая лингвистика проникает в сферу образования. В 1999 г. в Кардиффском университете в магистерскую программу был введен курс юридической лингвистики. В 2008 г. был открыт Центр юридической лингвистики в Астонском университете [Ariani et al. 2014]. В 2000-х гг. выходят первые учебники и пособия по юридической лингвистике [Coulthard et al. 2007; Gibbons 2003; Olsson 2008; Shuy 2006].

На современном этапе развития в зарубежной юридической лингвистике формируется собственная методологическая система, включающая как эвристики национальных юрислингвистических школ, так и методологические наработки в области изучения различных уровней языка и аспектов юридического дискурса, что в комплексе создает условия для полного и многоаспектного исследования юридического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА. REFERENCES

1. Ariani M. G., Sajedi F., Sajedi M. Forensic linguistics: A brief overview of the key elements // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 158. P. 222—225.
2. Coulthard M., Johnson A., Wright D. An Introduction to Forensic Linguistics: Language in Evidence. — London : Routledge, 2007. — 253 p.
3. Drommel R. H. Sprachprofilung — Grundlagen und Fallanalysen zur Forensischen Linguistik. — Berlin : Frank & Timme Verl., 2015. 338 S.

4. Drommel R. H. Sprachwissenschaftliche Kriminalistik und Sprachprofilung. Anfänge, Kontroversen, Meilensteine, Fallbeispiele. — Graz : Universität — FB Plurilingualismus, 2011. 247 S.
5. Eades D. A case of communicative clash: Aboriginal English and the legal system // *Language and the Law* / ed. by J. Gibbons. — London : Longman, 1994. P. 234—264.
6. Fobbe E. Forensische Linguistik. Eine Einführung. — Tübingen : Narr Francke Attempto, 2011. 282 S.
7. Gibbons J. Forensic Linguistics: An Introduction to Language in the Justice System. — Oxford : Blackwell, 2003. 346 p.
8. Levi J. Language as evidence: the linguist as expert witness in North American courts // *Intern. Journ. of Speech, Language and the Law*. 1994. Vol. 1 (1). P. 1—26.
9. Mellinkoff D. The Language of the Law. — Boston : Little, Brown and Company, 1963. 526 p.
10. Olsson J. Forensic Linguistics. — Trowbridge : Cromwell Pr., 2008. 256 p.
11. Rechtskultur als Sprachkultur. Zur forensischen Funktion der Sprachanalyse / Grewendorf, Günther (Hrsg.). — Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1992. 376 S.
12. Shuy R. W. Linguistic Battles in Trademark Disputes. — New York : Palgrave Macmillan, 2002. 208 p.
13. Shuy R. W. Linguistics in the Courtroom: A Practical Guide. — New York : Oxford Univ. Pr., 2006. 160 p.
14. Shuy R. W. The Language of Bribery Cases. — New York : Oxford Univ. Pr., 2013. 288 p.
15. Shuy R. W. The Language of Defamation Cases. — New York : Oxford Univ. Pr., 2010. 264 p.
16. Shuy R. W. The Language of Murder Cases: intentionality, predisposition, and Voluntariness. — New York : Oxford Univ. Pr., 2014. 288 p.
17. Shuy R. W. The Language of Perjury Cases. — New York : Oxford Univ. Pr., 2011. 232 p.
18. Shuy R. W. The Language of Sexual Misconduct Cases. — New York : Oxford Univ. Pr., 2012. 240 p.
19. Shuy R. W. Ten Unanswered Language Questions about Miranda // *Forensic Linguistics*. 1997. Vol. 4. No. 2. P. 175—196.
20. Svartvik J. The Evans statements: A case for forensic linguistics. — Göteborg : Univ. of Göteborg, 1968. 44 p.
21. Texte und Theorie und Praxis forensischer Linguistik / Hannes Kniffka (Hrsg.). — Tübingen : Niemeyer, 1990. 540 S.
22. Walsh M. Interactional styles in the courtroom: An example from northern Australia // *Language and the Law* / ed. by J. Gibbons. — London : Longman, 1994. P. 217—233.

E. V. Budaev

Russian State Vocational Pedagogical University; Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0003-2137-1364

 E-mail: aedw@mail.ru.

Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject

ABSTRACT. *The article deals with the development of forensic linguistics as an interdisciplinary sphere of scientific research abroad. The article dwells on various approaches to the definition of the subject of the given research area (any text regarded in the legal context can be an object of research of forensic linguistics; presentation of forensic linguistics as a branch of applied linguistics in which linguistic theories and methodological approaches are used to solve legal problems; synthesis of sociolinguistics, pragmatics, and discourse analysis making it clear who speaks, who is spoken to, when, where and with what purpose something is said). The author defines the chronological frames of the development of the discipline: the first works in the given area refer to the early 1960s; the word combination “forensic linguistics” was first used in 1968. The foreign forensic linguistics was first formed as judicial linguistics, therefore the term forensic linguistics is usually translated into Russian depending on the context as “lingvisticheskaya ekspertiza” (linguistic expertise) or as “sudebnaya lingvistika” (judicial linguistics). The article dwells on significant criminal cases and trials which demonstrated the need for forensic linguistics as an independent sphere of theoretical and applied research and showed the importance of design and development of forensic linguistic methodology: the judicial error of 1949 that led to the execution of T. Evans and brought up the problem of determination of the credibility of evidence in court; trials on trademarks, for example the claim of the owners of the multinational fast food restaurant chain “McDonalds” against the “Quality Inns International” corporation which announced opening an economy class hotel chain under the name “McSleep”. Special attention is paid to the specificity of formation of forensic linguistics in the USA, Great Britain, Australia, Germany and Austria.*

KEYWORDS: *forensic linguistics; linguistic expertise; forensic discourse; interdisciplinary linguistic areas; history of linguistics.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Budaev Eduard Vladimirovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Foreign Languages, Russian State Vocational Pedagogical University; Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

FOR CITATION: *Budaev, E. V. Forensic Linguistics Abroad: Establishment of the Subject / E. V. Budaev // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 122—126.*

Г. Г. Гиздатов

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана, Алма-Ата, Казахстан

ORCID ID: 0000-0002-6014-4183

 E-mail: gizdat@mail.ru.

Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана

АННОТАЦИЯ. В статье представлен дискурсивный анализ казахстанского медийного пространства. В качестве основы интерпретации текста выбраны модели ситуаций. В работе выявлен и подтвержден конкретными примерами сложившийся в культурной практике страны симбиоз постсоветской и постколониальной идентичностей. В трактовке исследователя, три базовых проекта являются тем самым постоянным интертекстом, который определяет политические, социальные и культурные границы всего казахстанского общества. Евразийский проект полностью состоялся в официальном русскоязычном дискурсе, пантюркистский в допустимой государственной мере влияет на казахский общественный дискурс, либеральный проект частично присутствует в политическом дискурсе, больше отмечен в арт-дискурсе (через деколониальные тенденции и посредством них). Все проекты — это одновременно постоянные константы и рамки, за пределы которых «носители» этих дискурсов предпочитают не выходить. Концепты власти, идеологии и истории определены в рамках теории критического дискурс-анализа как базовые концепты казахстанского дискурса, представлено также их отражение в ассоциативном сознании носителей русского и казахского языков. В полученных результатах определены тенденции и когнитивные стратегии официального и массового дискурса: от сохранившихся советских штампов до становящейся национальной идентичности. Новизна работы обусловлена материалом и методикой анализа, согласно которой постулаты когнитивных теорий подкрепляются наработками критического дискурс-анализа. В представленной работе при анализе публицистических жанров, речевых средств и риторических стратегий, а также собственно языковой гибридности выявлены идеологические конструкции конкретного времени и пространства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс идентичности; дискурс-анализ; национальная идентичность; культурные практики; медиапространство; политические проекты; журналистика; медиалингвистика; медиатексты; медиадискурс СМИ; средства массовой информации; политический дискурс; казахские СМИ; казахский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гиздатов Газинур Габдуллович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры международных коммуникаций, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай-хана; 050022, Казахстан, г. Алматы (Алма-Ата), ул. Муратбаева, 200; e-mail: gizdat@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гиздатов, Г. Г. Дискурс идентичности в медийном пространстве современного Казахстана / Г. Г. Гиздатов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 127—133.

Анализ дискурса во всех его возможных временных и жанровых проявлениях предполагает различные подходы: психологический, семиотический, социологический, культурологический, психолингвистический [Водак 2017; Дейк 2013; Марков 2018; Чудинов 2006], в том числе с их желательным междисциплинарным объединением. Важно подчеркнуть, что модели ситуаций действительно необходимы нам в качестве основы интерпретации текста [Дейк 2000: 161]. По-прежнему вызывающая споры теория медиальности [Маклюэн 2017; Murašov 2016] и становящаяся на наших глазах актуальная теория культурной антропологии [Бахманн-Медик 2017] в этом случае существенно дополняют и расширяют собственно филологические исследования и подходы. В свою очередь, по отношению уже к казахстанской научной практике подобный междисциплинарный подход позволяет преодолеть существующий кризис в гуманитарных областях. Поясним, что на сегодняшний день очевидна

не всегда осознаваемая даже самими авторами интеграция лингвистических изысканий с политическими концепциями.

Так, традиционно казахстанские лингвисты, в особенности ориентирующиеся на российские линвокультурологические исследования, появившиеся в начале 1990-х гг., декларируют общность казахской и русской культуры, обязательно противопоставляя ее западным ценностям. Опыт так называемых «российских концептуалистов» вполне соотносится с национализмом казахских лингвистических штудий. В других, более поздних по времени выхода казахстанских психолингвистических работах, приводятся разного рода списки слов, которые, по мнению их составителей, отражают значимые для казахской культуры понятия. Неизбежные замечания о том, что подобного рода концепты универсальны для большинства европейских и постсоветских культур, остаются явно без внимания. При этом в самом научном исследовании происходит алогичная

подмена: типичные для современной казахской культуры черты и идеи устанавливаются исключительно на основании фольклорных материалов, классических литературных произведений, крылатых выражений и прочего. Иначе говоря, отбираются только те в значительной мере архаичные источники, которые являются самопрезентационными: в них отражается то, как сам народ представляет себя, каким хотел бы себя видеть, а не то конкретно-реальное, что в нем есть. Порой подобные источники демонстрируют и то, каким бы хотели видеть свой народ правители, государство или как они хотели бы «конструировать» его в нужном ключе. Противостоять подобной националистической идеологизации, тенденциозности исследований можно и нужно посредством дискурсного анализа, выявляющего новации словоупотребления, сдвиги значений, способы заимствований и передачи чужой речи.

Заметим, что наиболее объективными в данном контексте представляются данные немногочисленных психолингвистических исследований [Дмитрюк, Молдагалиева 2014; Дмитрюк 2016]. Ассоциативные материалы для любого языка традиционно выступают как объективный источник при когнитивных, культурологических и социально-психологических исследованиях.

На сегодняшнем этапе развития казахстанской лингвистики попытка осмыслить современные казахстанские тексты, другие образчики дискурсивной практики с использованием методов критических дискурсивных исследований не предпринималась. В свете этого неизбежны вопросы: чем является казахстанский дискурс — механическим или органическим соединением культур (вспомним еще недавно популярный в политическом дискурсе тезис о «лаборатории 120 языков»)? Что есть «дискурсивная» история Казахстана конца XX и XXI в. — от перестройки до середины двухтысячных? Каковы функции признаваемых политико-идеологических дискурсов?

Наиболее очевидным при анализе дискурсивного политико-идеологического пространства Казахстана является демонстрируемый медийным полем страны сложившийся симбиоз постсоветской и постколониальной идентичностей. Политические, социальные и культурные границы всего казахстанского общества определяются тремя проектами, выступающими в роли интертекста. В официальном русскоязычном дискурсе полностью реализовался евразийский проект, пантюркистский близок к национал-патриотическому и популярен в казахском дискурсе, частично присутствует в полити-

ческом дискурсе (благодаря влиянию новых медиа) либеральный проект, в основном фиксируемый в арт-дискурсе (за счет деколониальных тенденций). Все указанные проекты — это одновременно константы и рамки, за пределы которых «носители» этих дискурсов предпочитают не выходить. Проекты стали теми «инструментами», которые отделяют одних («нас») от других («чужих»).

Первый из перечисленных, евразийский, воспринимается в Казахстане как пророссийский проект развития страны. На сегодняшний день евразийский проект — это по-прежнему официальная идеология Республики Казахстан. При этом можно признать несостоявшейся попытку придать евразийству статус общенациональной идеи. Подобная идея призвана быть ориентирующей системой ценностей, норм, составляющих суть конкретной цивилизации. Слова о евразийской культурно-гуманитарной интеграции в большей мере оказались декларативными заявлениями, служащими для оформления не принимаемого многими частями казахстанского общества политического проекта.

Некоторое время после распада СССР (этот период даже назвали «политической оттепелью») Казахстан в 90-е гг. прошлого столетия действительно был страной с относительно высоким уровнем развития независимых от власти политических движений. Тогда и возникали идеологические основания пантюранизма (пантюркизма). Традиционно представители пантюркизма утверждают, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину Туран. По-прежнему сторонники пантюркистского проекта выделяют следующие объединяющие факторы: этническое родство; единство религии; близость языков [Чеботарев 2015]. Эти идеи были популярны и до сих пор характерны для документалистики, кинематографа, публицистики, для всей арт-практики рубежа XX—XXI вв. Тем не менее понятие «Туркестан» в массовом сознании жителей современного Казахстана по разным причинам постепенно начинает выходить из оборота. Пантюркизм частично созвучен идеям национально-патриотического движения. Существует также и официальное осмысление общетюркской идеи, предполагающее исключительно культурологическое наполнение: 1) информирование о единых для всего тюркского мира выдающихся тюркских деятелях; 2) исследование общей литературы; 3) создание общего культурного пространства.

Либеральный проект на сегодняшний день не имеет какого-либо внятного осмысления. При этом была даже государственная

программа «Путь в Европу», формальной реализацией которой стало председательство Казахстана в 2010 г. в ОБСЕ. В то же время влияние новых медиа на формирование идентичности в рамках либеральных идей пока сводится к иллюзии участия в политике через конsumerистское потребление медийного политического продукта.

Все три охарактеризованных проекта отражают множественный характер постсоветской идентичности и ее же «застывший» характер. Единственная причина этого, как подчеркивают казахстанские политологи, состоит в продолжительном отсутствии единых национальных ценностей, способных создать общее культурное пространство [Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи 2014: 34].

По сути сейчас после торопливых попыток реализовать невнятно осмысленные политические проекты мы наблюдаем в казахстанской практике «неловкий» возврат к соцреализму: «Соцреализм не есть нарратив; он есть дискурс, производящий — при посредстве нарратива — реальность» [Добренко 2008: 86]. Единственное, к чему могла обратиться государственная идеологическая машина, — это повторение базовой задачи социализма — производства действительности через переработку «реальности» в идеологически значимый продукт (в нашем случае посредством государственного информационного заказа). Приведем два характерных примера от казахстанского медиаэксперта [Шибуттов 2017]. Первый связан с частотностью появления новых статей на казахском языке в «Википедии»: с 2002 по 2007 г. опубликовано 1000 статей (по 200 статей в год); с 2007 по 2011 зафиксировано 7000 статей (порядка 1750 статей в год); с 2011 по ноябрь 2012 представлено 192 000 статей (по 96 000 статей в год); с 2013 г. по данное время написано 17 488 статей (по 4372 статьи в год).

Этот феномен объясняется достаточно просто и связан с чисто формальными государственными мероприятиями. На пополнение национального раздела «Википедии» в 2011 г. государство выделило деньги, а также обязало ТОО «Казахская энциклопедия» передать свои тексты (около 50 000 статей на казахском языке) фонду «Викибилим». Посредническая организация перенесла архивные статьи в казахский сегмент «Википедии», подготовив новые тексты разного уровня качества. Зато на сегодняшний день Казахстан занимает уже 36 место среди всех стран по объему локального раздела «Википедии».

Более показателен другой пример — производство смыслов государством. При-

ведем статистику новостей на известном казахстанском информационно-аналитическом портале «Информбюро» за один день: из 49 новостей 3 — спортивные, 3 — международные, 3 — общественной тематики, 2 — бизнес-новости, 36 (73,4 %) — посвященные государству и его представителям. Таким образом, вследствие явного информационного заказа мир в СМИ видится только глазами государства.

Пытаясь установить общие для большинства граждан социокультурные характеристики, казахстанские социологи предложили точный в данном случае термин «мещанство». В концепции казахстанского практика-социолога «мещане» выступают как уже сложившийся слой [Илеуова 2015]. В данной общности четко прослеживаются доставшиеся из советского прошлого и не утратившие актуальности советские идеологемы, в том числе догматизм и поверхностность мышления. По сути это новое невежество, формируемое при помощи государственного информационного заказа медийными средствами. Все это возвращает нас к принципам социалистической коммуникации 30-х годов [Мурашов 2013: 167]. Именно поэтому слухи и социальные сети стали единственными источниками, которым доверяют современные казахстанцы.

Подтвержденным фактом можно признать влияние постсоветских мифологических конструкций недавнего прошлого на сознание становящегося казахстанского общества. В этом плане показательна одна из новаций последнего времени — идеологема «новый казахстанский патриотизм», являющаяся вторичной по отношению к провозглашенному российскому патриотизму, в свою очередь воскрешающему советские идеологические установки. При этом в массовом сознании очевиден крен к ценностям советского прошлого. Подавляющее большинство научных, художественных и публицистических текстов, арт-продуктов закономерно отличаются резонерством, обилием канцелярита и антропоцентризмом истолкования — качествами, идеально соответствующими законсервированному пространству и времени.

В такой ситуации любопытно исследование не только практик создания явлений культуры, но и практик их восприятия. Положение о том, что мы привыкаем к языку как первичному объяснению мира и начинаем мыслить окружающий мир только «по букварю» [Марков 2018], является перспективным и результативным в медиалогической парадигме исследований. Понимание языка как такого же медиума, как телевизор, радио,

приводит в наших реалиях к пониманию языка как сковывающего наше познание и внушающего нам политические, социальные, эстетические суеверия. Реальность в казахском медиадискурсе пока представляет все три формы ложного сознания по С. Зенкину [Зенкин 2011]: предрассудки, идеологию и симулякры, выраженные в ведущих когнитивных стратегиях.

Это подтверждается при обращении к представлениям массового сознания, отраженным в ассоциативных полях для одних и тех же слов-стимулов русского и казахского языков. Выбор слов-стимулов определен их входжением в число базовых концептов политического и медийного дискурса. В значительной мере на выбор нашего исходного материала повлияли концепция и конкретная методика анализа Рут Водак [Водак 2011: 287].

Ниже приводятся только высокочастотные реакции (до 5 одинаковых реакций) к словам-стимулам *власть* — *билік*, *общество* — *жеке тұлға*, *культура* — *мәдениет*. Пилотный психолингвистический эксперимент проводился в 2017—2018 гг. по методике свободного ассоциативного эксперимента, информантами выступили соответственно русскоязычные и казахскоязычные (казахи) жители Казахстана (Алм-Ата, Астана, Тараз, Кокшетау и другие города) с высшим образованием, в гендерном отношении 58 % опрошенных составили женщины, 42 % — мужчины (в среднем по 115—120 информантов в возрасте от 25 до 58 лет, соответственно количество реакций также варьируется в пределах 115—120 слов; ниже рядом со словом-реакцией указана повторяемость реакции в ассоциативном поле). Реакции на слова-стимулы казахского языка считаем целесообразным дать в переводе на русский язык.

Власть (русскоязычные) — *сила* (16), *президент* (14), *правительство* (11), *деньги* (7), *народ* (7), *политика* (6), *государство* (6), *деньги* (5).

Власть — *билік* (казахскоязычные) — *правительство* (20), *политика* (16), *глава государства* (15), *управление* (13), *карьера* (9), *сила* (8), *владычество* (5).

Общество (русскоязычные) — *люди* (22), *народ* (16), *социум* (12), *государство* (5), *мнение* (5), *общество* (5).

Общество — *жеке тұлға* (казахскоязычные) — *народ* (21), *окружающая среда* (16), *люди* (13), *страна* (12), *свобода* (9), *социальное общество* (7), *государство* (5).

Культура (русскоязычные) — *воспитания* (7), *поведения* (6), *история* (5), *наследие* (5).

Культура — *мәдениет* (казахскоязычные) — *искусство* (25), *воспитание* (17), *обычай* (12), *общество* (7).

Языковое мышление русскоязычных и казахскоязычных жителей Казахстана отражает проявившийся еще в советские годы процесс русификации коренного населения бывшей советской республики. Так, анализ ассоциативных полей на материале современных русского и казахского языков показывает, что в большинстве случаев ассоциации на материале двух языков не просто созвучны, они в равной мере являются «литературоцентричными», полностью следуют из существующего русскоязычного публицистического дискурса. Несмотря на то, что слова-стимулы относятся к идеологической и исторической сфере, ассоциативные реакции на материале двух языков лишены этнического и эмоционального компонентов [см. также: Gizdatov, Sopiaeva 2018].

Очевидная в России и Казахстане актуализация советских образов и символов иногда и вовсе лишена идеологической составляющей. В результате становятся условными попытки конструирования не будущего и прошлого, а современности. Точнее всего суть происходящего в медийном пространстве может быть объяснена в терминах из демонстрирующей междисциплинарный подход работы арт-критика В. Ибраевой [Ибраева 2014]. Эти собственно культурологические формулировки и термины (сохранение советской эстетики, попытка «возродить» «придуманные» сейчас национальные традиции, реинкарнация забытого, наконец, общеглобалистические тенденции с критикой модерна и этнопрогнозирования) легко проиллюстрировать примерами из самого официального и массового дискурса. В казахском медиадискурсе преобладают исторические материалы, статьи о батырах, акынах и национальных традициях. Один из историков-публицистов — авторов подобных материалов весьма искренен в своем желании изменить прошлое: «Мы возрождаем свое далекое, незнакомое прошлое прежде всего в своем историческом сознании, потом уже — в сознании других» [Кшибеков 2006: 3].

Постсоветскость — это не только темпоральное обозначение, задающее хронологические рамки, это, по всей видимости, оптимальный термин для гибрида советских институциональных и культурных характеристик и того, что возникло в результате распада Советского Союза. Следует признать, что идеологическое наполнение казахстанских реалий советским содержанием и оценкой неизбежны. Немецкая исследовательница Алейда Ассман, ставшая одним из осно-

воположников теории культурной памяти, обоснованно указывает на объективный и неизбежный характер селективного воспроизводства прошлого [Ассман 2017: 223]. Она прослеживает эту тенденцию на примере ряда европейских стран, России и Америки.

Одновременно с этим стала более явной и агрессивной манипулятивность российской и казахстанской журналистики. Быть может, поэтому в казахстанской массовой культуре последних семи — десяти лет распространены риторические приемы манипулирования массовой аудиторией с суггестивными принципами речевой терапии. К таковым относится, во-первых, упрощение смысла. В казахстанском дискурсе налицо новое «пришествие» канцелярита. Приведем последние его образчики, спускаемые от государства населению: «молодежный кадровый резерв», «фактор культуры в эпоху кризиса», «прорывные проекты», «программы на развитие потенциала молодежи» и т. п.

Любопытно в данном контексте рассмотреть данные исследования молодежного языкового сознания, поскольку они в определенной мере подтверждают существование отмеченных тенденций. Сравнение делалось на основе высокочастотных ассоциаций, выявленных у русскоязычных студентов Алма-Аты (18—22 года, количество реципиентов — от 115 до 125 человек) для ряда слов. Ниже приводятся высокочастотные зоны только к двум словам-стимулам: *советский* — *старый* (20), *союз* (19), *качественный* (12), *фильм* (7), *человек* (5) и *Советский Союз — Сталин* (19), *СССР* (11), *коммунизм* (9), *Ленин* (6), *труд* (6). Зафиксирована исключительно позитивная и некритическая оценка истории, во многом предопределяемая, на наш взгляд, существующим учебно-историческим подходом. В любом случае обнаружить в казахстанском молодежном языковом сознании проявления культуры постмодерна, в том числе критическую молодежную установку или следование определенной идеологии, не представляется возможным. Вынуждены констатировать, что, как и в варианте со «взрослыми» ассоциативными полями, на основании полученных данных языковое сознание молодежи характеризуется ложным пафосом, обезличенностью и заурядностью осмысления недавних исторических событий.

Налицо в казахстанском общественном и образовательном дискурсе также явление, получившее в патопсихологии название «резонерство». В характеристику этого понятия входят слабость суждений, многоречивость, претенциозно-оценочная позиция, многозначительность. Приведем характерные приме-

ры, выявляющие заданность культурного кода. Как менялся язык школьных учебников в Казахстане на протяжении последних нескольких лет? По какой причине, например, критиковались предыдущие учебники русского языка? За традиционный и не меняющийся чуть ли не с 1930-х гг. выбор речевого материала, сомнительное качество текстов местных авторов. В этих книгах было много архаичных литературных и языковых штампов пятидесятих годов прошлого столетия: «незапамятные времена», «гласковые живительные лучи», «богатство, нажитое непосильным трудом». Подобные знаки-символы хорошо иллюстрируют старые советские мультфильмы. На смену архаике 50-х годов пришли обновленные (они внедрялись по отдельной программе) учебники последних двух лет, ставшие символом уже «лихих» 90-х, явно устаревшие еще до своего выхода в печать. В них есть информационный наив, есть примитивное графоманство в формулировке учебных заданий. Сентенции из любого нового школьного учебника обязательно глубокомысленны: «Если вы читаете этот текст, вы счастливый человек, потому что вы не принадлежите к тем двум миллиардам людей, которые не умеют читать!» («Русский язык», 5 класс). Большая часть материала в этих учебных текстах дана именно в такой навязываемой стилистике. Это и есть язык нашего медийного пространства, скудного, космополитичного и поверхностного по своей сути.

На сегодняшний день роль «дискурсивного» критика при практическом отсутствии политологических концепций и соответствующей критики в стране взяло на себя актуальное искусство. Оно стало тем самым «посредником», который идеально подходит для передачи множества идей, хаотично, но с исторически неизбежной закономерностью возникающих в стране, оно же верно подмечает квазиреальность мира казахстанского общественного и культурного пространства. Те процессы, которые происходят или, наоборот, не случаются в общественной и социальной практике, акцентируются посредством актуального искусства и художественного авангарда. Как ни странно, при этом немногочисленные образчики казахстанского постколониального искусства обнаруживают глубинное сходство с советским соцреализмом: тематическую общность, назидательный и пафосный характер, свободу от логики и вкуса. Во многих случаях даже в казахстанской научной и культурной практике мы имеем дело лишь с имитационным анализом.

Медиадискурс так же, как искусство или литература, проблематизирует соотношение

языкового и культурного компонентов в массовом сознании, начиная с их «зеркального» слияния и кончая образцами деконструкции. В перспективе необходим анализ как «горизонтальной» репрезентативности (на примере если не всех видов медиа, то хотя бы основных), так и обращение к «вертикальной репрезентативности» («высокие» и «низкие» тексты, паранаучные труды).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
3. Водак Р. Критическая лингвистика и критический дискурс-анализ // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 286—290.
4. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? — Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 404 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск, 2000. 308 с.
6. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: Либроком, 2013. 352 с.
7. Дмитриук Н. В., Молдагалиева Д. А. [и др.]. Казахский ассоциативный словарь. — Алматы; Москва: Медиа — ЛогоС, 2014. 330 с.
8. Дмитриук Н. В. Ассоциативная модель анализа лингвистических проблем плюрализма // Вестн. Кокшетауск. ун-та. Сер. филологическая. 2016. № 3. С. 36—42.
9. Добренко Е. Политэкономия соцреализма. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
10. Зенкин С. Ложное создание: теория, история, эстетика. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. 235 с.

G. G. Gizdatov

Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan

ORCID ID: 0000-0002-6014-4183

 E-mail: gizdat@mail.ru.

Discourse of Identity in the Media Space of Modern Kazakhstan

ABSTRACT. *The article presents a discursive analysis of Kazakhstan media space. The text interpretation strategy is based on situation modeling. The symbiosis of post-Soviet and postcolonial identities which has developed in the country's cultural practice has been revealed and confirmed in the work with concrete examples. According to the researcher, three basic projects constitute the constant intertext that defines the political, social and cultural boundaries of the entire Kazakhstan society. The Eurasian project has been completed in the official Russian-language discourse, the Pan-Turkic project influences the Kazakh public discourse to the extent permitted by the state, and the liberal project is partially present in the political discourse, and more marked in the art discourse (via decolonial trends). All projects are at the same time constants and frames, beyond which the «carriers» of these discourses prefer not to go. The concepts of power, ideology and history are defined within the framework of the theory of critical discourse analysis as the basic concepts of Kazakhstan discourse. The article also describes their reflection in the associative consciousness of the speakers of the Russian and Kazakh languages. The article indicates the trends and cognitive strategies of the official and mass discourse: from the surviving Soviet stereotypes to the emerging national identity. The novelty of the work is determined by the material and the methods of analysis, according to which the postulates of cognitive theories are supported by the findings of critical discourse analysis. While analyzing ideological genres, verbal means and rhetorical strategies, as well as language hybridity proper, the given study reveals the ideologic constructions of a concrete time and space.*

KEYWORDS: *discourse of identity; discourse analysis; national identity; cultural practices; media space; political projects; journalism; media linguistics; media texts; mass media discourse; mass media; political discourse; Kazakhstan mass media; Kazakh language.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gizdatov Gazinur Gabdullovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of International Communication, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan.*

FOR CITATION: *Gizdatov, G. G. Discourse of Identity in the Media Space of Modern Kazakhstan / G. G. Gizdatov // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 127—133.*

11. Ибраева В. Искусство Казахстана: постсоветский период. — Алматы, 2014. 144 с.

12. Илеуова Г. Современное мешчанство: социальный конформизм или адаптация к жизненной среде? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/396-sovremennoe-meshchanstvo-sotsialnyj-konformizm-ili-adaptatsiya-k-zhiznenoj-srede> (дата обращения: 14.01.2019).

13. Коктейль Молотова. Анатомия казахстанской молодежи. — Алматы: Альянс Аналитических Организаций, 2014. 194 с.

14. Кшибеков Д. К. Истоки ментальности казахов. — Алматы, 2006. 186 с.

15. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. — М.: Кучково поле, 2017. 464 с.

16. Марков А. В. Постмодерн культуры и культура постмодерна. Лекции по теории культуры. — М.: РИПОЛ классик, 2018. 256 с.

17. Мурашов Ю. Восток. Радио // Джамбул Джабаев: приключения акына в советской стране. — М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 138—170.

18. Чеботарев А. Е. Политическая мысль суверенного Казахстана: динамика, идеи, оценки. — Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 512 с.

19. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. — М.: Флинта: Наука, 2006. 254 с.

20. Шибуртов М. Государственная машина Казахстана по производству смыслов [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2227910.html> (дата обращения: 14.01.2019).

21. Gizdatov G. G., Sopiyeva B. A. Discourse and Identity in the Medial Space of Kazakhstan // Media Education (Mediaobrazovanie). 2018. No 58 (4). P. 29—38.

22. Murašov J. Dasunheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, film und Kunst in Russland. — München: Wilhelm Fink, 2016.

REFERENCES

1. Assman A. Are the Connection of Times Broken? The Rise and Fall of the Temporal Mode of Modernity. — Moscow : New Literary Review, 2017. 272 p. [Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 272 s.]. — (In Rus.)
2. Bakmann-Medik D. Cultural Turns. New Benchmarks in the Sciences of Culture. — Moscow : New Literary Review, 2017. 504 p. [Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s.]. — (In Rus.)
3. Vodak R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis // Political Linguistics. 2011. No. 4. P. 286—290. [Kriticheskaya lingvistika i kriticheskiy diskurs-analiz // Politicheskaya lingvistika. 2011. № 4. P. 286—290]. — (In Rus.)
4. Vodak R. Politics of Fear. What does the Discourse of Right-wing Populists Mean? — Kharkov : Humanitarian Center, 2018. 404 p. [Politika strakha. Chto znachit diskurs pravyykh populistov? — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2018. 404 s.]. — (In Rus.)
5. Deyk T. A. van. Language. Cognition, Communication. — Blagoveshchensk, 2000. 308 p. [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. — Blagoveshchensk, 2000. 308 s.]. — (In Rus.)
6. Deyk T. A. van. Discourse and Power. Representation of Dominance in Language and Communication. — M. : Librokom, 2018. 352 p. [Diskurs i vlast'. Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : Librokom, 2018. 352 s.]. — (In Rus.)
7. Dmitryuk N. V., Moldagalieva D. A. [et al.]. Kazakh Associative Dictionary. — Almaty ; Moscow : Media — Logo, 2014. 330 p. [Kazakhskiy assotsiativnyy slovar'. — Almaty ; Moskva : Media — LogoS, 2014. 330 s.]. — (In Rus.)
8. Dmitryuk N. V. Associative Model for Analyzing the Linguistic Problems of Plucentrism // Herald of Kokshetau Univ. Ser. philological. 2016. No. 3. P. 36—42. [Assotsiativnaya model analiza lingvisticheskikh problem plyutsentrizma // Vestn. Kokshetausk. un-ta. Ser. filologicheskaya. 2016. № 3. S. 36—42]. — (In Rus.)
9. Dobrenko E. The Political Economy of Socialist Realism. — Moscow : New Literary Review, 2007. 592 p. [Politekonomiya sotsrealizma. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 592 s.]. — (In Rus.)
10. Zenkin S. False Creation: Theory, History, Aesthetics. — Moscow : New Literary Review, 2011. 235 p. [Lozhnoe sozhdanie: teoriya, istoriya, estetika. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 235 s.]. — (In Rus.)
11. Ibraeva V. Art of Kazakhstan: the Post-Soviet Period. — Almaty, 2014. 144 p. [Iskusstvo Kazakhstana: postsovetskiy period. — Almaty, 2014. 144 s.]. — (In Rus.)
12. Ilevova G. Modern Philistinism: Social Conformism or Adaptation to the Living Environment? [Sovremennoe meshchanstvo: sotsial'nyy konformizm ili adaptatsiya k zhiznennoy srede?] [Electronic resource]. URL: <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/396-sovremennoe-meshchanstvo-sotsialnyj-konformizm-ili-adttatsiya-k-zhiznennoj-srede> (date of access: 14.01.2019). — (In Rus.)
13. Molotov Cocktail. Anatomy of Kazakhstani Youth. — Almaty : Alliance of Analytical Organizations, 2014. 194 p. [Kokteyl' Molotova. Anatomiya kazakhstanskoy molodezhi. — Almaty : Al'yans Analiticheskikh Organizatsiy, 2014. 194 s.]. — (In Rus.)
14. Kshibekov D. K. The Origins of the Mentality of the Kazakhs. — Almaty, 2006. 186 p. [Istoki mental'nosti kazakhov. — Almaty, 2006. 186 s.]. — (In Rus.)
15. Maklyuen G. M. Media Understanding: External Human Extensions. — Moscow : Kuchkovo Pole, 2017. 464 p. [Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. — M. : Kuchkovo pole, 2017. 464 s.]. — (In Rus.)
16. Markov A. V. Postmodern in Culture and Culture of Postmodern. Lectures on the theory of culture. — M.: RIPOL Classic, 2018. 256 p. [Postmodern kul'tury i kul'tura postmoderna. Lektsii po teorii kul'tury. — M. : RIPOL klassik, 2018. 256 s.]. — (In Rus.)
17. Murashov Yu. East. Radio // Dzhabul Dzhabaev: Adventures of Akyn in the Soviet Country. — Moscow : New Literary Review, 2013. P. 138—170. [Vostok. Radio // Dzhabul Dzhabaev: prikl'yucheniya akyna v sovetskoj strane. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. C. 138—170]. — (In Rus.)
18. Chebotarev A. E. Political Ideas of Sovereign Kazakhstan: Dynamics, Ideas, Assessments. — Astana ; Almaty : IWEP under the Foundation of the First President, 2015. 512 p. [Politicheskaya mysl' suverennogo Kazakhstana: dinamika, idei, otsenki. — Astana ; Almaty : IMEP pri Fonde Pervogo Prezidenta, 2015. 512 s.]. — (In Rus.)
19. Chudinov A. P. Political Linguistics : tutorial. — Moscow : Flinta : Science, 2006. 254 p. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 254 s.]. — (In Rus.)
20. Shibutov M. The State Machine of Kazakhstan for the Production of Meanings [Gosudarstvennaya mashina Kazakhstana po proizvodstvu smyslov] [Electronic resource]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2227910.html> (date of access: 14.01.2019).
21. Gizdatov G. G., Sopiyeva B. A. Discourse and Identity in the Medial Space of Kazakhstan // Media Education (Mediaobrazovanie). 2018. No 58 (4). P. 29—38.
22. Murašov J. Dasunheimliche Auge der Schrift. Mediologische Analysen zu Literatur, film und Kunst in Russland. — München : Wilhelm Fink, 2016.

E. G. Malysheva

Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4513-5086

I. S. Pirozhkova (translation from Russian)

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

ORCID ID: —

 E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Ideologeme as Lingo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification

ABSTRACT. *The article focuses on the issue of definition of the concept “ideologeme” which is extremely significant for modern linguistics, and specifically for political linguistics. This research determines what phenomena may be treated as ideologemes i.e. perform the function of ideology representation, become the “form of ideology” and “a sign of ideology”. We argue the possibility of interpretation of “ideologeme” as a special type of multi-layer concept, in the structure of which there are ideologically marked conceptual features that embody collective, often stereotypical and mythological image that exists in the minds of language speakers about the authorities, the state, the nation, society, and political and ideological institutions. Ideologeme is a mental cognitive element, a unit of ideological worldview that is used in a text (verbal or creolized), and even in discourse in the form of language units of different levels and signs of other semiotic systems. Furthermore, this article attempts to classify ideologemes on four grounds: the nature of conceptualized information; the sphere of usage and comprehension by native speakers; the pragmatic component; the topicality/outdatedness of ideologeme in contemporary ideological worldview. This classification provides additional information about the types of ideologemes.*

KEYWORDS: *cognitive linguistics; ideologeme, concept; classification of ideologemes.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Journalism and Media Linguistics, Faculty of Philology and Media Communication, Dostoyevsky Omsk State University, Omsk, Russia, e-mail: malysheva_eg@mail.ru.*

TRANSLATOR'S INFORMATION: *Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, e-mail: irene22@live.ru.*

FOR CITATION: *Malysheva, E. G. Ideologeme as Lingo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification / E. G. Malysheva; transl.into Engl. by I. S. Pirozhkova // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 134—144.*

1. Ideology and ideologeme: definition of concepts

The term “ideologeme” was introduced by M.M. Bakhtin to name the forms of ideology that exist in reality [Bakhtin 1975; 1994 and others]. Today it is used in many branches of science: philosophy and history, culture study and linguistics and many others.

In the variety of definitions of this phenomenon that exist due to the peculiarities of the object and scope of research in different branches of science, the common feature of these definitions is the characteristics outlined by M.M. Bakhtin: ideologeme is explication, a means of representation of this or that *ideology*. It is important to mention that M.M. Bakhtin treated both ideologeme and ideology in the broad and even semiotic sense; that is why many researchers find similarities between the views on society, human nature and language of M.M. Bakhtin and R. Barth [see Kosikov 2009].

Worthy of note is that in Bakhtin's concept worked out in the 1930-s (“Discourse in the Novel”, 1934-1935, “Forms of Time and of the

Chronotope in the Novel”, 1937-1938, “From the Prehistory of Novelistic Discourse”, 1940) “the term “ideology” is used both in its conventional meaning — ideology is “the leading idea, the axis or conception” [Spirkin 2009], and in the “acquired” meaning — ideology as “a unity of ideas, myths, beliefs, political slogans, public declarations of parties and philosophic conceptions” [New philosophic dictionary 2003]. This interpretation of ideology, “being non-religious in its essence ..., proceeds from the comprehended and “reconstructed” reality, is focused on people's interests and aims, and on manipulation and control of people by means of alteration of their consciousness” [New philosophic dictionary 2003].

Using the terms *ideology* and *ideologeme* to describe language stratification, M.M. Bakhtin builds his theory in the following paradigm: “the national language, being unified when viewed as an abstract phenomenon,” is divided into “verbal-ideological and social layers”, “into languages-ideologemes”, each of which has its own “socio-ideological environment”, “its slogan, its own abusive language and its own

compliments" [Bakhtin 1975: 101, 104], and none of the languages "can provide a holistic view of the world" [Kosikov 2009: 10].

It is important to mention that different ideologies are often biased and false; and thus R. Barth comes to the idea of joining ideology and myth. He names this phenomenon "meta language" or "secondary semiotic system" or "secondary language" without any semiotic differentiation of these concepts. Barth defines ideology as a mythological construction within the frames of general history that meets the interests of certain groups of people [Barth 1996].

R. Barth's view is quite peculiar (for instance he interprets a sign as a unity of the denoted and the denotator), however, the correlation between ideology and myth revealed in his works plays a great role in the modern interpretation of the essence of ideological mechanisms. Thus, "the status of ideology as embodiment of relations between discourse and social topic is described in contemporary philosophy in terms of credibility" [New philosophic dictionary 2003]. Mind that it is credibility, not identity.

Moreover, when describing ideology, N.I. Shestov defines it as "a political myth sanctioned by a political institution" [Shestov 2005: 95], which is constructed both non-verbally (demonstrations, state and military symbols, etc.) and verbally (for instance, euphemisms, labels, stereotypes, political terms, lexical repetitions, periphrases, parallel syntactical constructions, metaphors and others).

In general, the role of ideology in the 20th and 21st centuries is hard to overestimate: ideologization and politicization are typical of those spheres of human activity and human existence which should not be "involved" into ideology as they are marked as "being above ideology and politics". This happens to the sphere of world-class sport, which in 2016—2018 became a ground for violent information war against Russia and a means of temporary isolation of Russia as an independent country on the sports arena.

In our opinion, the events mentioned above prove once again the fact which is found in many cultural, historical, sociological and linguistic research works: even phenomena that have nothing to do with any spheres of politics, state, power or ideology may sometime come under the influence of ideology. In this connection, we find interesting the views on the transformations in the Soviet ideological worldview of cultural concepts into concepts-canons [Shkaiderova 2007: 19-28] and the idea of K.A. Alekseev that "the level of achievements in sport by a country often becomes a marker of stability of this country, and even resilience of the nation in general. It is applicable to almost any socio-

political system, dominant ideology and cultural paradigm" [Alekseev 2009].

However, in this part of the paper we are trying to answer the following question: phenomena of what level may be called ideologemes, i.e. which of them perform the function of ideology representation and appear as the "form of ideology" or ideological "sign"?

Going back to the statements given above, we may conclude that the "father" of the concept "ideologeme" is M.M. Bakhtin, philosopher and literary scholar. In his view, ideologemes are both sociolects taken as a whole and language and/or conceptual "markers" of such sociolects. However, it is obvious that he spoke about the worldview reflected in these "languages-ideologemes", which, in his opinion, was "heavily inadequate to reality", and contained only "a piece, one element of the world", "opinion", "ideologeme", some "hypotheses of meaning" [Bakhtin 1975: 105 and further]. The quotations contain theoretical provisions that determined the "flow of ideas" of contemporary linguists and culture experts who focus on totalitarian discourse and totalitarian language. Besides, the quotes show that the term ideologeme is multifold in the works of M.M. Bakhtin, which may be explained by the ambiguity but at the same time applicability of the phenomenon.

So, in contemporary linguoculturology and political linguistics (as well as in culturology, sociology and history), we are witnessing the growing interest to the phenomenon of ideologeme, which is due to the study and description of specific linguistic and conceptual features of the totalitarian period of the Soviet Union and the totalitarian language of the Soviet era [Kupina 1995, Torokhova 2006, Odessky, Feldman 2008, and others].

However, in all the studies mentioned above, the concept *ideologeme* is interpreted differently.

In this research we have singled out two approaches to the definition of ideologeme and interpretation of it *in terms of linguistics* — a broad definition and a narrow definition.

Thus, giving a definition of totalitarian language, E.A. Zemskaya underlines that it is ... a kind of a system of ideologemes, a means of reflection and formation of ideology-driven mind of a "Soviet man" [Zemskaya 1996: 23]. This is a *broad* linguoculturological approach to the concept of *ideologeme*.

A similar definition of the described phenomenon is given in the paper by T. Novikova [Novikova 2006] and in the monograph "D.S.P. Soviet ideologemes in Russian discourse of the 1990-s" by G.Ch. Guseynov [Guseynov 2004], which analyze "the forms of existence of

ideologemes” and the ways of representation of ideologeme in texts.

Such statements make it possible to suppose that an ideologeme is interpreted by the researcher as an element of non-verbal layer, a conceptual unit, which is embodied in the elements of a language; however, it is obvious that “the form of existence of an ideologeme” is *ideologemes of different types* which appear on different levels of the text — from *the minimal unit or a sign* (letter-ideologeme (in Russian these are the letters soft sign or yer (еръ), б (б), н (н), е (е); inflection-ideologeme, case inflection for instance (*izmena Rodiny* and *izmena Rodine, Federativnaya Respublika Germanii* and *Federativnaya Respublika Germaniya*)); to the *ideologeme—name* (toponym, ergonym, etc.); *ideologeme-quotation* (for example transformed statements of Stalin). Besides, from the point of view of G.Guseynov, ideologemes include obscene and swear words, which had ideological function in the Soviet period. *The Russian (Cyrillic) alphabet* is considered to be a *macroideologeme* of the USSR for the speakers of non-Slavic languages. The author singles out *ideologeme-accent* in mass media communication, cinema, theatre and everyday speech. On the basis of Stalinisms or Stalin’s prizes referred to in everyday speech, the linguist shows the development of ideological speech in general and explains the “vitality” of *ideologemes-Stalinisms* in the post-soviet discourse.

Thus, G.Ch. Guseynov, on the one hand, treats ideologeme as any language unit (including a text or a group of texts), which “marks” the Soviet ideology for native speakers; on the other hand, it is obvious that there are ideologemes of “the other level” — ideologemes as conceptual elements of ideology, which are represented in language with the help of the abovementioned units of different levels.

An even broader approach or culturological interpretation of an ideologeme is found in the monograph “Map of our Motherland: ideologeme between a word and body” by G. Guseynov [Guseynov 2005], which discusses “symbolic geography”: a map is viewed as an ideological element, a kind of ideologeme, which is proved, in the author’s view, by the attractiveness of the map of our country and its frequent use in advertising and political and TV discourses.

Speaking about the linguistic definition of the term *ideologeme* in its *narrow meaning*, it is important to refer to the views of N.A. Kupina, A.P. Chudinov, T.B. Radbil and other prominent linguists, who agree that an ideologeme is a verbal unit, a word which “is connected directly to an ideological denotatum” [Kupina 2005: 91] and “has an ideological component in its mean-

ing” [Chudinov 2007: 92]; “any verbal denotation of spiritual values meaningful for a person, when the direct meaning of a word is blurred and the emphasis is laid of pure evaluative, emotional and expressive connotations which are not based on the content of the word” [Radbil 1998: 22].

Going into detail, N.A. Kupina defines an ideologeme as “a belief (prescription) expressed in the form of a language” [Kupina 1995: 43], “language unit, whose semantics covers ideological denotatum or is superimposed on the semantics of non-ideological denotatum” [Kupina 2000: 183].

From this perspective, totalitarian language is a “hypertext of ideologemes”: “totalitarian language is systemic” and “it has its own vocabulary that can be presented as a number of clusters of ideologemes” which are “accompanied by precedent texts from the so-called original sources” [Kupina 1995: 138].

So, in contemporary linguistics, ideologeme is interpreted as a comparatively stable lexical unit that represents the basic ideological views and values in the language and that plays a special role in totalitarian language; the other interpretation views it as a unit of any language (or even text) level the function of which is explication of the system of ideological dominants.

However, we believe that the described phenomenon is, first of all, a *mental and cognitive unit* (this view does not contradict Bakhtin’s interpretation of an ideologeme), *of ideological worldview which is found in the text (including creolized texts) and even in discourse in the form of language units belonging to different levels of the language system and also in the form of signs from other semiotic systems.*

In our opinion, ideologeme should not be limited to a word or any other language unit. Probably the word is the most typical means of ideologeme representation, but it is *not the only* possible variant.

Such “cognitive-based” approach to the phenomenon under study is found in the works by N.I. Klushina and A.A. Miroshnichenko.

The latter, being the author of the linguo-ideological method of analysis [Miroshnichenko 1995], suggests identifying two units *lingveme* and *ideologeme* defining them as “praxeme of a language” and “praxeme of consciousness” accordingly.

A value-based language correlation that appears between an ideologeme and a lingveme is called by the author a linguo-ideologeme; the author of this approach underlines that it is a material and a product of linguo-ideological paradigms.

From the point of view of A.A. Miroshnichenko, a certain ideologeme (in its metaphysi-

cal and axiological meanings) is expressed by a certain lingveme. "It means that an *ideologeme* is a concept, while a *lingveme* is an indicator of *linguo-ideologeme*". It should be mentioned that A.A. Miroshnichenko emphasizes that lingveme, i.e. a means of language representation of an ideologeme, is "any unit of language, as well as any syntactical or semantic relation in language... The meaningful absence of the proper language unit or relation (ellipsis) may also serve as an indicator of *linguo-ideologeme*" [Miroshnichenko 1995].

N.I. Klushina defines ideologeme through the paradigm of communicative stylistics, which determines the view of the linguist on this phenomenon.

She defines ideologeme "as a central concept of publicism", "as a unit of communicative stylistics", "the basic intentional category of a publicistic text and publicistic discourse", which gives a "certain ideological modus to a publicistic text"; finally, an ideologeme is analyzed within the paradigm of communicative stylistics — it is "the main idea that has political, economic or social meaning, for the sake of which the text is written" [Klushina 2008: 38-39].

The latter of the definitions seems too vague and imprecise, however this approach is also important for this research as: in an attempt to differentiate the notions of *ideologeme*, *concept* and *mental stereotype*, N.I. Klushina admits that, firstly, they are units of the same level — mental and cognitive; secondly, the ideologeme, as well as the concept and mental stereotype, is represented in the scope of the texts of a certain discourse.

Yet, according to N.I. Klushina linguistic representation of an ideologeme is realized via verbal means such as "worldview-driven general word, more often a figurative word or metaphor bearing a strong suggestive potential" [Klushina 2008: 38]. This statement, in our opinion, limits the potential of ideologeme representation: probably it would be better to talk about *the main* way of linguistic representation of an ideologeme on the lexico-semantic level and to underline the fact that it is true primarily for print media texts.

To be fair, we should mention that N.I. Klushina names some more ways of "a certain idea (ideologeme)" representation in a publicistic text. They are: "author's evaluation, interpretation of reality, nomination and stylistic manner of narration chosen by the addresser (verbal aggression, approval or emphasized objectiveness)" [Klushina 2008: 5].

In general, differentiation between such cognitive universals as ideologeme, concept and mental stereotype in the thesis by N.I. Klushina is undertaken, in our opinion, for practical

purposes. Even within the frames of one research, the notions are often interrelated, and it is impossible to define one of them without the use of the other (which is determined by the proximity of these cognitive units, especially the notions *ideologeme* and *concept*) and to work out a classification in which these notions would reveal differences when classified *on the same grounds*.

So, from the point of view of this study, **ideologeme** is a unit of the cognitive level — a certain multi-level concept, in the structure of which (in the nucleus or on the periphery) there are ideologically marked conceptual features that embody collective, and often stereotypical or mythological interpretation of power, state, society, political and ideological institutions that exists in the minds of native speakers.

Ideologeme is a mental unit that is characterized by national specificity, dynamic semantics, strong evaluative potential, and frequency and variety of ways of representation via signs of different semiotic systems, primarily of the language system.

The use of verbal markers of an ideologeme — keyword, cliché, metaphors, etc. — is one of the main ways of its verbal realization.

Ideologemes are found not only in basic discourses (ideological, political, mass media and publicistic), but also in a number of other discourses: advertising, sport, educational, scientific, religious, entertaining, everyday and others; however, even within the frames of most of types of discourses in which ideologeme is not a conceptual dominant, it still performs its main function — "the author's purposeful manipulation of an addressee (reader)" [Kupina 2003: 269].

It should be underlined that in different periods of the country's history, the scope of ideologemes may be different and may include concepts that are not connected with ideology or politics. It happens when an ideological feature becomes prominent in the structure of a concept (for instance, ideologization of the concepts GOSPODIN (sir) and TOVARISHCH (comrade) in the Soviet period; or ideological connotation of the concepts SOVETSKY BALET (Soviet ballet), SOVETSKY UCHENY (Soviet scholar), and SOVETSKOYE YAZYKOZNANIE (Soviet Linguistics). Contemporary discursive tendencies in the sphere of politics and mass media make it possible to say that the concept SPORT is highly ideologically charged at this stage).

2. Classification of ideologemes

Development of classification of ideologemes, or their typology is probably as complicated as determination of the semantic boarders of this phenomenon.

As it frequently happens in the development of any classification, one of the most important issues is identification of correct and precise grounds for this classification and determination of the “main” or “leading” ground for classification.

In modern linguistic research works we find some typological and generic classifications of ideologemes, the peculiarities of which are determined by the aim and object of research or scientific area they belong to.

In his study of functioning of ideologemes-words, A.P. Chudinov has singled out *two main kinds of ideologemes* depending on their usage by the members of different political parties and movements.

The ideologemes of the first kind “are interpreted differently by the members of different political groups” [Chudinov 2007: 92], which is manifested in the emotional coloring of the word onto which “evaluation of the phenomenon is transferred” [ibid.]. The linguist provides the following example: the ideologemes *narod* (people) and *svoboda* (freedom) are frequent in discourses of different political parties, but their meanings may be different and depend on political views of the speakers.

The ideologemes of the second kind “are used only by the supporters of certain political views; they show the attitude to the phenomenon named” [Chudinov 2007: 93]. Thus, the linguist gives the following examples: the ideologeme *strany narodnoy demokratii* (countries of people’s democracy) is frequent in the Soviet political language and has a positive axiological connotation there, and the ideologeme *sovetskiye satelity* (Soviet satellites) is frequent in the language of political dissidents and has a negative axiological connotation.

From the point of view of publicistic discourse, N.I. Klushina singles out several types of ideologemes: *social* ideologemes and *personal* ideologemes.

Social ideologemes are cognitive phenomena that “reflect the views and beliefs of the society at a certain stage of its development” [Klushina 2008: 39], N.I. Klushina also describes different kinds of social ideologemes from the point of view of their “temporal features” (and thus — from the point of view of the urgency of ideologemes and, consequently, their frequency and different ways of their representation).

So, on the “axis of time” we find “historical, contemporary and futurological ideologemes that reflect the history and the search for ideas important for the development of society (for example, the historical ideologemes *derzhava* (state) and *messianism* (messianism) and the futurological ideologeme *natsionalnaya ideya* (national idea))” [Klushina 2008: 40].

“Personal ideologemes”, according to N.I. Klushina, are built around any state leader, any prominent political leader and heroes/anti-heroes of the time. Personal ideologemes are based on the image of every head of the country, from “tzar” to a president. Such ideologemes sink into mass consciousness in the form of stereotypes constructed by mass media; the following personal ideologemes are found: *vozhd’ mirovogo proletariata* (leader of the world’s proletariat) — about Lenin, *genialny vozhd’ i uchitel* (ingenious leader and teacher) — about Stalin, *genialny konstruktor* (ingenious engineer — about Khrushchev), *verny leninets* (loyal Lenin’s disciple) — about Brezhnev, *arkhitektor perestroiki* (perestroika architect) — about Gorbachev, *tsar Boris* — about Yeltsin, etc.” [Klushina 2008: 40].

We do not have any serious objections against the abovementioned classifications of ideologemes, but we would like to comment on the choice of terms and, moreover, on the meaning of the terms in the given context.

If we proceed from the usual meaning of the word “social” (“public, referring to the lives of people and their relations in society” [Ozhegov, Shvedova 1995: 741]), then the use of this word to name a group of *ideologemes* does not seem perfect, as any ideologeme, even a personal one, is socially significant due to the peculiarity of this concept.

Besides, temporal characteristics is not a prerogative of the so-called social ideologemes: personal ideologemes, as it follows from the given examples, may be classified on the scale of past/present.

It seems that the author wanted to emphasize the differences in the nature of the cognitive categories under description, although she did not attempt at linguo-cognitive analysis of the phenomenon. Thus, social ideologemes (even if we take into account that ideologemes of a totalitarian language undergo “simplification”, “stereotypization” and desemantization of not only language means of expression but also of conceptual features of the mental universal) are *abstract* (in terms of I.A. Sternin) concepts — *concepts-notions*, *concepts-frames* or *concepts-gestalts* and they make either a concept consisting of the “more general essential features of an object or phenomenon, the result of reflection and comprehension” (*notion*), or “mental multi-component concept in the unity of its constituent elements, a multidimensional image, a sum total of standard knowledge about an object or phenomenon” (*frame*), or “a complex, integral functional structure that puts the diversity of separate phenomena in order in the mind” (*Gestalt*) [Popova, Sternin 2003: 72-74].

Anyway, we realize that when analyzing different kinds of “social” ideologemes it is often impossible to establish which group of *abstract concepts* it belongs to, but the abstract nature of information incorporated in the ideological phenomenon, and, moreover, the multi-layer structure of the cognitive pattern of the concept are important features of such ideologemes.

Personal ideologemes in their turn or “ideological vocatives” (the term used by T.V. Shkaiderova) — concepts of the precedent names of political leaders — are the “main components of the nucleolus of knowledge and representation” [Shkaiderova 2007: 117] and they possess the qualities of such universal as archetype [for more details see Jung 1987: 229, Kuzmina 1999: 193].

The characteristic of personal ideologemes as ideologemes-archetypes is justified by the fact that they help ideological worldview to get the features of a mythological one. This fact, by the way, is mentioned by almost all researchers of the Soviet totalitarian discourse, including N.I. Klushina, who argues that “any ideologeme risks to become a mythologeme, as mass media propagate a certain ideology. The restraint mechanism here is freedom of speech, free access to information and existence of publications expressing different political views” [Klushina 2008: 41]. In contemporary Russian political discourse the recent tendency of “demythologization” of ideologemes-archetypes and some other kinds of ideologemes is replaced by the “new cycle” of mythologization of these units due to the change of extralinguistic factors [Kuzmina 2007, Malysheva 2009].

So, the undertaken analysis proves that linguists single out those types of ideologemes that are relevant to the scientific area they do their research in or to the goals of their study. But even in this case it is often impossible to eliminate the “plurality” of criteria used in the classification of the phenomenon under analysis.

Our study does not purport to provide a comprehensively complete classification of ideologemes, but we have worked out one based on some essential grounds.

Thus, to classify ideologemes, it is important to take into account the following characteristics: topicality/out-of-datedness of an ideologeme in modern ideological worldview and in contemporary discourses of different types (first of all political and publicistic and also those that are closely connected with them); and the peculiarities of pragmatic and communicative characteristics of an ideologeme (axiological features of the content of ideologeme, peculiarities of its comprehension by the native speakers, etc.).

This classification, as well as the other few classifications that are present today, is not perfect and may be criticized, but it is useful for this research as it provides additional information about the types of ideologemes.

So, we have worked out the classification based on the following grounds:

1. According to the *nature of conceptualized information*:

ideologeme-notion (*people, flag, hymn, democracy*);

ideologeme-frame (*Olympic Games, sport, congress, the State Duma*);

ideologeme-gestalt (*freedom, equality*);

ideologeme-archetype (*Lenin, Stalin, Brezhnev, Gorbachev, Yeltsin, Putin, Nikolay II*).

2. According to the *sphere of usage and comprehension by native speakers*:

common ideologemes interpreted differently (*people, freedom, Russia*);

common ideologemes interpreted in the same way (*sport, fatherland, hymn*);

special ideologemes interpreted in the same way (*Soviet soldiers-rescuers (cf. invader)*).

3. According to the *pragmatic component* (axiological potential, peculiarity of comprehension by native speakers including those who support different political parties):

ideologemes with a positive axiological mode (*Motherland, flag, fatherland*);

ideologemes with a negative axiological mode (*terror, fascism*);

ideologemes with a mixed axiological mode (*patriotism, president, will, democracy, people*).

4. According to *topicality / outdatedness of ideologeme in contemporary ideological worldview*:

ideologeme-historism (*Soviet people, socialist competition, Communist party, tsar*);

new ideologeme (or modern ideologeme) (*financial crisis, peace-enforcement, national idea, tolerance, extremism, Crimea, pension reform*);

reactualized ideologeme (*Governor, Duma*);

universal ideologeme (*Motherland, flag, hymn, patriotism*).

It is necessary to describe this classification in greater detail.

We believe that all ideologemes can be subdivided into two groups: common ideologemes and special ideologemes. This statement correlates with the view of A.P. Chudinov, who writes about ideologemes used by the speakers-representatives of different political parties and movements, i.e. *common ideolo-*

gemes. At the same time there is a description of another group of ideologemes, which “express a specific view on a certain phenomenon” and thus “they are used only by supporters of certain political views” [Chudinov 2007: 93]. Such ideologemes may be called *special ideologemes*. And if common ideologemes may be associated with various cognitive features by native speakers (which depends on the political views of the speaker), special ideologemes always have a constant set of cognitive properties as they are used only by the members of one political group, or the advocates of the same political views. It is interesting that the conceptual nucleus of a special ideologeme as a rule coincides with the conceptual nucleus of another special ideologeme, which names the same phenomenon in the “political vocabulary” of another party or political movement. The essential difference between special ideologemes always touches upon their conceptual layers, in which pragmatic and evaluative connotation about the object/phenomenon is found, which is reflected in the pragmatic macro-component of the verbal marker of the special ideologeme — a keyword or key phrase. The following examples can illustrate our ideas: the ideologemes *soviet soldier-rescuer* in the contemporary publicistic and political discourses in Russia and *invader* in the discourses of the same kind in Poland, Baltic States, Ukraine, etc. are characterized by the same denotatum, but they have opposite pragmatic connotations; cf. *terrorists in Syria* — in modern Russian media and *liberal opposition* in modern American media; *Chechen terrorists* — in Russian mass media and *Chechen freedom fighters* in American mass media.

It is natural, and this fact is underlined by many scholars, that ideologemes of this type are used primarily as a tool of manipulation of mass consciousness and as a means of transformation of the addressee’s worldview. Thus, words that represent similar cognitive units in a language are called *pragmemes* by M.N. Epstein; he defines this concept as “self-notional” words “that assess their own thingness and objectify their evaluativity”, in the lexical meaning of which “semantic aspect — relation of the word to the named phenomenon — is closely connected with its pragmatic aspect — the attitude of the speaker towards the subject ... Such words as *objectivism, idealism, opportunism, vigilantism, conspiracy, feverish, inveterate, accomplice, close up* on the one hand, and *objectivity, materialism, pacifism, initiative, commonwealth, quick, experienced, ally, team up* on the other hand may act as complete communicative units” [Epstein 1991: 19-33].

As different from the view of A.P. Chudinov, we believe it is possible to identify one more

type of ideologemes on the basis of the sphere of their usage and peculiarities of comprehension by the speaker.

These are common ideologemes of “universal” nature, the meaning of which is understood in the same way by almost all native speakers regardless of their political views.

The number of such phenomena in contemporary Russian political and ideological worldviews is very small, but we believe they do exist; we may name the following: *the Great Patriotic War*, and, since recently, *flag* and *hymn*, as well as *sport* — these ideologemes are frequent, common and they have the same “set” of conceptual features and the same ideological structure for most native speakers. They have positive connotations.

We suppose that the list of such ideologemes is culture-bound (this is probably a constitutive feature of ideologemes in general), and is determined by geopolitical and socio-economic conditions of development of the society. In our opinion, American ideological worldview includes the following “universal” ideologemes: *hymn, flag, democracy and elections*. It is clear that the classifying features of ideologemes are not constant and they may vary and adjust to extralinguistic factors.

As for the third group of ideologemes in our classification, we think it is important to comment on the ideologemes with a mixed axiological mode. This group includes common ideologemes, the axiological mode in the meaning of which may be different — from positive to neutral and even negative.

Thus, many texts of the so-called “civil journalism” circulating in social networks, blogs, etc. are different from “official” political and publicistic discourses as they show a negative attitude to such ideological phenomena as *president, power, Russia, and Russian* on all language levels; but they express a positive attitude to such ideologemes as *socialism, communism, Soviet Union*, and some others. Admittedly, the “variation” of the pragmatic component of an ideologeme does not always depend on political views of the speaker.

The “plurality” of evaluation reflected in linguistic representation of an ideologeme is often explained by a complex of extralinguistic factors such as the socio-political and economic situation in the country and the world, as well as the political atmosphere in society, and many others. A good example of such ideologeme is *patriotism*, the axiological mode of which has always been ambiguous in the Russian ideological worldview [Sandomirskaya 2001, Gavrilova 2005, Deklenko 2003, Nozhenko 2008, Odesky, Feldman 2008, and others], the other examples are the ideologeme *USSR* or the “per-

sonal ideologeme” *Brezhnev* the axiological mode of which is changing due to the transformation of the attitude to the “epoch of stagnation” in society.

The fourth group of ideologemes is extremely important in our classification as it includes ideologemes the characteristics of which depend on the topicality / outdatedness of the phenomenon named from the point of view of contemporary ideological worldview.

Thus taking into account the socio-political life in the Russian ideological worldview we singled out *ideologemes-historisms* — ideologemes that are irrelevant in contemporary political and publicistic discourses and which are used to illustrate historical events or in case of search for “historical correspondent” to modern ideological realia (compare the frequency of references to the Russian empire and the Soviet Union in the context of potential and real might of modern Russia; USSR is also mentioned in the context of achievements in sport).

The group of *new ideologemes* or *modern ideologemes* includes phenomena that are known to the majority of native speakers, common and actively used in political and other discourses of post-Soviet Russia, such as *legal state, national self-consciousness, modernization, pension reform, etc.* Worthy of note is that the list of modern ideologemes is rather heterogeneous and unstable; the border between this group and the others is blurred and changeable.

At the same time, it should be mentioned that the content and evaluative meanings typical of ideologemes of different types are determined first of all by the peculiarities of the socio-political structure of the country, “typology” of governmental bodies, and geopolitical and economic situation in the world.

One more kind of ideologemes should be singled out due to the influence of the socio-political situation on the ideological worldview — they may be called **universal ideologemes** present in ideological worldview disregard of socio-political structure and views of political elite.

At the same time, in spite of the undeniable urgency of such ideological phenomena, the semantics of universal ideologemes and their axiological mode correlate with the “system of values” existing at a certain period of time and with political and ideological beliefs of the native speakers including those belonging to the ruling party.

It should be underlined one more time: the system of universal ideologemes is a set of “ideological invariables”, which, regardless of the change of their content and, consequently, the means of their verbal representation, are always up-to-date, topical and popular among

the members of different political parties and the national linguo-cultural community at large.

By the way, the universal nature of these phenomena lies in the fact that they have similar features in other ideological worldviews, different from Russian, due to their ideological invariability, although they may be different in a number of specific conceptual features and consequently in the frequent ways of representation in a language.

Among the universal ideologemes of the Russian ideological worldview we may find the concepts PATRIOTISM, MOTHERLAND, FLAG, HYMN, RUSSIA, and NATIONAL CHARACTER. We believe that a prominent role in the contemporary Russian (and not only Russian) ideological worldview is played by the universal ideologeme SPORT, which has essential cognitive differences from the abovementioned kinds of ideologemes, although it may be classified on the same grounds [Malysheva 2010].

REFERENCES

1. Alekseev K. A. Sports Component of the Image of the Country [Electronic resource] // State / Region Image: Modern Approaches: New Ideas in the Theory and Practice of Communication : collection of articles, scientific works. — Vol. 3 / resp. ed. D. P. Gavra. — S. Peterburg : Rose of the World, 2009. [Sportivnaya sostavlyayushchaya imidzha strany [Elektronnyy resurs] // Imidzh gosudarstva/regiona: sovremennyye podkhody: novye idei v teorii i praktike kommunikatsii : sb. nauch. trudov. — Vyp. 3 /otv. red. D. P. Gavra. — SPb. : Roza mira, 2009]. URL: <https://pravo33.wordpress.com/2010/02/16> (date of access: 27.09.2018). — (In Rus.)
2. Bart R. Mythologies. — Moscow : Publishing House of Sabashnikov, 1996. 312 p. [Mifologii. — M. : Izd-vo Sabashnikovoykh, 1996. 312 s.]. — (In Rus.)
3. Bakhtin M. M. Word in the Novel // Questions of Literature and Aesthetics / M. M. Bakhtin. — M. : Fiction, 1975. [Slovo v romane // Voprosy literatury i estetiki / M. M. Bakhtin. — M. : Khudozhestvennaya literatura, 1975]. — (In Rus.)
4. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's Creativity. — Moscow : Alkonost, 1994. 172 p. [Problemy tvorchestva Dostoevskogo. — M. : Alkonost, 1994. 172 s.]. — (In Rus.)
5. Gavrilova M. V. The Concept of “Patriotism” in the Russian Political Discourse of the Beginning of the XXI Century // New Russia: new Phenomena in the Language and Science of Language : materials of All-Russian scientific conf. (Ekaterinburg, April 14—16, 2005) / [ed. L. G. Babenko]. — Ekaterinburg : Ural Univ. Pr., 2005. P. 489—497. [Ponyatie «patriotizm» v russkom politicheskom diskurse nachala KhKhI veka // Novaya Rossiya: novye yavleniya v yazyke i nauke o yazyke : materialy Vseros. nauch. konf. (Ekaterinburg, 14—16 apr. 2005g.) / [pod red. L. G. Babenko]. — Ekaterinburg : Izd-vo. Ural. un-ta, 2005. S. 489—497]. — (In Rus.)
6. Guseynov G. Ch. D. S. P. Soviet Ideologemes in the Russian Discourse of the 1990s. — Moscow : Three squares, 2004. 273 p. [D. S. P. Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-kh. — M. : Tri kvadrata, 2004. 273 s.]. — (In Rus.)
7. Guseynov G. Ch. Map of our Motherland: Ideology between Word and Body. — Moscow : O.G.I., 2005. 216 p. [Karta nashey rodiny: ideologema mezhdru slovom i telom. — M. : O.G.I., 2005. 216 s.]. — (In Rus.)
8. Deklenko E. V. The Concept of “Patriotism” in a Comparative Aspect // Linguistics: Bulletin of Ural Linguist. Society / resp. ed. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural. State Ped. Univ. Pr., 2003. Vol. 11. P. 28—32. [Kontsept «patriotizm» v sopostavitel'nom aspekte // Lingvistika : byul. Ural. lingvist. o-va / otv. red. A. P. Chudinov. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2003. T. 11. S. 28—32]. — (In Rus.)

9. Zemskaya E. A. Cliche of Newspeak and Citation in the Language of the Post-Soviet Society // *Issues of Linguistics*. 1996. № 1. S. 67—79. [Klishhe novoyaza i tsitatsiya v yazyke postsovetovskogo obshchestva // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1996. № 1. S. 67—79]. — (In Rus.)
10. Klushina N. I. General Features of Publicistic Style // *Language of the Media as an Object of Interdisciplinary Research / resp. ed. M. N. Volodina*. — Moscow : Moscow State Univ. Publishing House, 2003. P. 269—289. [Obshchie osobennosti publitsisticheskogo stilya // *Yazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya / otv. red. M. N. Volodina*. — M. : Izd-vo MGU, 2003. S. 269—289]. — (In Rus.)
11. Klushina N. I. Intentional Categories of Journalistic Text (on the Material of Periodicals 2000—2008) : synopsis of Doctoral thesis ... of Doctor of Philology. — Moscow, 2008. 62 p. [Intentsional'nye kategorii publitsisticheskogo teksta (na materiale periodicheskikh izdaniy 2000—2008 gg.) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. — M., 2008. 62 s.]. — (In Rus.)
12. Kosikov G. K. "A Rebel Man" and "A Sensitive Man" (M. M. Bakhtin and R. Barth) // *Faces of Time : collection of articles*. — Moscow : Yustitsinform : Philol. Department of Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov, 2009. P. 8—25. [«Chelovek buntuyushchiy» i «chelovek chuvstvitel'nyy» (M. M. Bakhtin i R. Bart) // *Liki vremeni : sb. statey*. — M. : Yustitsinform : Filol. fak. MGU im. M. V. Lomonosova, 2009. S. 8—25]. — (In Rus.)
13. Kuz'mina N. A. Intertext and Its Role in the Processes of Evolution of the Poetic Language : monograph. — Ekaterinburg : Publ. house of Ural. Univ. — Omsk : Omsk. Univ., 1999. 268 p. [Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka : monogr. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta. — Omsk : Omsk. un-t, 1999. 268 s.]. — (In Rus.)
14. Kuz'mina N. A. Deideologization or New Ideologization? (Ideologies of the New Time) // *Language and Style of Modern Media: intercollege collection of scientific papers : All-Russia. conf., dedicated to 80th anniversary of prof. N. S. Valgina*. — Moscow, 2007. P. 192—198. [Deideologizatsiya ili novaya ideologizatsiya? (Ideologiya novogo vremeni) // *Yazyk i stil' sovremennykh sredstv massovoy informatsii : mezhdvuz. sb. nauch. tr. Vseros. konf., posvyashch. 80-letiyu prof. N. S. Valginoy*. — M., 2007. S. 192—198]. — (In Rus.)
15. Kupina N. A. Totalitarian Language: Vocabulary and Speech Reactions. — Ekaterinburg ; Perm : Publ. House of Ural. Univ. : ZUUNTS, 1995. 144 p. [Totalitarnyy yazyk: slovar' i rechevye reaktsii. — Ekaterinburg ; Perm' : Izd-vo Ural. un-ta : ZUUNTS, 1995. 144 s.]. — (In Rus.)
16. Kupina N. A. Language Construction: from the System of Ideologies to the System of Culture // *Russian Language Today*. Iss. 1 / RAS. Inst. of Rus. language named after V. V. Vinogradov / resp. ed. L.P. Krysin. — M.: Azbukovnik, 2000. P. 182—189. [Yazykovoe stroitel'stvo: ot sistemy ideologem k sisteme kul'turem // *Russkiy yazyk segodnya*. Vyp. 1 / RAN. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova / otv. red. L. P. Krysin. — M. : Azbukovnik, 2000. S. 182—189]. — (In Rus.)
17. Kupina N. A. Living Ideological Processes and Problems of the Culture of Speech // *Language. System. Personality*. — Ekaterinburg : Ural. State Ped. Univ. Pr., 2005. P. 90—104. [Zhivye ideologicheskie protsessy i problemy kul'tury rechi // *Yazyk. Sistema. Lichnost'*. — Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t, 2005. S. 90—104]. — (In Rus.)
18. Malysheva E. G. Concept 'Governor' in the Regional Mass Information Discourse (on the material of the texts of the radio and television media of the Omsk region) // *Political linguistics*. 2009. Vol. 2 (28). P. 76—86. [Kontsept 'Gubernator' v regional'nom massovo-informatsionnom diskurse (na materiale tekstov radiynykh i televizionnykh SMI Omskoy oblasti) // *Politicheskaya lingvistika*. 2009. Vyp. 2 (28). S. 76—86]. — (In Rus.)
19. Malysheva E. G. Universal Ideology 'Sport': Ethnocultural Specificity // *Political linguistics*. 2010. Iss. 3 (33). P. 163—170. [Universal'naya ideologema 'Sport': etnokul'turnaya spetsifika // *Politicheskaya lingvistika*. 2010. Vyp. 3 (33). S. 163—170]. — (In Rus.)
20. Miroshnichenko A. A. Lingvo-ideological Analysis of the Language of Mass Communications : synopsis of thesis ... of Cand. of Philology. — Rostov on Don, 1996. 16 p. [Lingvo-ideologicheskii analiz yazyka massovykh kommunikatsiy : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Rostov n/D, 1996. 16 s.]. — (In Rus.)
21. The Newest Philosophical Dictionary / A. A. Gritsanov, M. A. Mozheiko, T. G. Romyantseva, A. I. Mertsalova, and others. - M.: Book House, 2003. 1280 p. [Novyeshiy filosofskiy slovar' / A. A. Gritsanov, M. A. Mozheiko, T. G. Romyantseva, A. I. Mertsalova i dr. — M. : Knizhnyy dom, 2003. 1280 s.]. — (In Rus.)
22. Novikova T. Analysis of the Principles of Tolerance in the Texts of the Media [Electronic resource] // *RELGA : scientific-culturological journ*. 2006. No. 21 (143). [Analiz printsipov tolerantnosti v tekstakh SMI [Elektronnyy resurs] // *RELGA : nauch.-kul'turologich. zhurn*. 2006. № 21 (143)]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?extid=1314&level1=main&level2=articles> (date of access: 05.07.2018).
23. Nozhenko E. V. Ethnocultural Specificity of Stereotypes-concepts of National Character: "Self-confidence", "Patriotism", "Success" of American Linguistic Culture : synopsis of thesis ... of Cand. of Philology. — Kemerovo, 2008. 23 p. [Etnokul'turnaya spetsifika stereotipov-kontseptov natsional'nogo kharaktera: «Uverenost' v sebe», «Patriotizm», «Uspeshnost'» amerikanskoy lingvokul'tury : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Kemerovo, 2008. 23 s.]. — (In Rus.)
24. Odesskiy M. P., Fel'dman D. M. The Ideologeme "Patriot" in Russian, Soviet and Post-Soviet Culture // *Social Sciences and Modernity*. 2008. No. 1. P. 109—123. [Ideologema «patriot» v russkoy, sovetkoy i postsovetkoy kul'ture // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2008. № 1. S. 109—123]. — (In Rus.)
25. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. — Moscow : AZ, 1995. 928 p. [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. — M. : "AZ", 1995. 928 s.]. — (In Rus.)
26. Popova Z. D., Stermin I. A. Essays on Cognitive Linguistics. — Voronezh : Origins, 2003. 192 p. [Ocherki po kognitivnoy lingvistike. — Voronezh : Istoki, 2003. 192 s.]. — (In Rus.)
27. Radbil' T. B. Mythology of Andrei Platonov's Language : monogr. — Moscow ; Low Novgorod : Publishing House of the NGPU, 1998. 116 p. [Mifologiya yazyka Andreyia Platonova : monogr. — M. ; N. Novgorod : Izd-vo NGPU, 1998. 116 s.]. — (In Rus.)
28. Sandomirskaya I. The Book of the Motherland: Experience in the Analysis of Discursive Practices [Electronic resource] // *Wiener slawistischer Almanach Linguistische Reihe Herausgegeben Von Tilmann Reuther Sonderband. 50. Vienna, 2001. [Kniga o Rodine: opyt analiza diskursivnykh praktik [Elektronnyy resurs] // Wiener slawistischer Almanach Linguistische Reihe Herausgegeben Von Tilmann Reuther Sonderband. 50. Wien, 2001]. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (date of access: 13.07.2009).*
29. Torokhova M. V. Ideologeme "Terror" in the Hebrew-speaking Palestinian periodicals of 1946—1948 : thesis ... of Cand. of Philology. — Moscow, 2006. 189 p. [Ideologema «Terror» v ivritoyazychnoy palestinskoy periodike 1946—1948 gg. : dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2006. 189 s.]. — (In Rus.)
30. Shkayderova T. V. The Soviet Ideological Picture of the World: Subjects, Time, Space (on the material of the headlines of the Pravda newspaper of the 1930s – 40s) : thesis ... of Cand. of Philology. — Omsk, 2007. 237 p. [Sovetskaya ideologicheskaya kartina mira: sub'ekty, vremya, prostranstvo (na materiale zagolovkov gazety «Pravda» 30—40-kg gg.) : dis. ... kand. filol. nauk. — Omsk, 2007. 237 s.]. — (In Rus.)
31. Shestov N. I. The Political Myth Now and Before / ed. A. I. Demidov. — Moscow : OLMA-PRESS, 2005. 412 p. [Politicheskii myf teper' i prezhde / Pod red. A. I. Demidova. — Moskva: OLMA-PRESS, 2005. 412 s.]. — (In Rus.)
32. Chudinov A. P. Political Linguistics : teaching aid. — Moscow : Flinta : Science, 2007. 254 p. [Politicheskaya lingvistika. Uchebnoe posobie. — Moskva: Flinta: Nauka, 2007. — 254 s.]. — (In Rus.)
33. Epshteyn M. N. Ideology and Language // *Problems of Linguistics*. 1991. № 6. S. 19—33. [Ideologiya i yazyk // *Voprosy yazykoznaniiya*. 1991. № 6. S. 19—33]. — (In Rus.)
34. Yung K.-G. On the Relation of Analytical Psychology to Poetic and Artistic Creativity // *Foreign Aesthetics and the Theory of Literature of the XIX — XX Centuries : treatises, articles, essays*. — Moscow : Publishing House of Moscow. Univ., 1987. P. 228—232. [Ob otnoshenii analiticheskoy psikhologii k poetiko-khudozhestvennomu tvorchestvu // *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX—XX vv. : traktaty, stat'i, esse*. — M. : Izd-vo Moskov. un-ta, 1987. S. 228—232]. — (In Rus.)

Е. Г. Малышева

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4513-5086

И. С. Пирожкова (перевод с русского языка)

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: —

✉ E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме определения чрезвычайно значимого для современной лингвистики, в том числе политической, понятия — идеологема. В ходе исследования устанавливается, феномены какого порядка и уровня могут называться идеологемами, т. е. выполнять функцию репрезентации идеологии, являться «формой идеологии», идеологическим «знаком». Доказывается возможность рассмотрения идеологема как особого типа многоуровневого концепта, в когнитивной структуре которого выделяются идеологически маркированные концептуальные носители языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах. Идеологема — мыслительная, когнитивная универсалия, единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте (в том числе в тексте креолизованном) и — шире — в дискурсе собственно языковыми единицами разных уровней, а также знаками других семиотических систем. Кроме того, в настоящей статье предпринимается попытка классификации идеологема по четырем разным основаниям: характер концептуализируемой информации; сфера употребления и понимания носителями языка; прагматический компонент; актуальность/неактуальность идеологема в современной идеологической картине мира. Данная классификация дополняет и уточняет уже имеющиеся в научной литературе представления о типах идеологема.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; идеологема; концепт; классификация идеологема.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, ведущий кафедрой журналистики и медиалингвистики, факультет филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского; 644077, Россия, г. Омск, пр-т Мира, д. 55-а; e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ О ПЕРЕВОДЧИКЕ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКИ, Институт филологии, культурологи и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева; пер. на англ. яз. И. С. Пирожковой // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 134—144.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев К. А. Спортивная составляющая имиджа страны [Электронный ресурс] // Имидж государства/региона: современные подходы: новые идеи в теории и практике коммуникации : сб. науч. трудов. — Вып. 3 /отв. ред. Д. П. Гавра. — СПб. : Роза мира, 2009. URL: <https://pravo33.wordpress.com/2010/02/16> (дата обращения: 27.09.2018).
2. Барт Р. Мифологии. — М. : Изд-во Сабашниковых, 1996. 312 с.
3. Бахтин М. М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — М. : Художественная литература, 1975.
4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. — М. : Алконост, 1994. 172 с.
5. Гаврилова М. В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке : материалы Всерос. науч. конф. (Екатеринбург, 14—16 апр. 2005г.) / [под ред. Л. Г. Бабенко]. — Екатеринбург : Изд-во. Урал. ун-та, 2005. С. 489—497.
6. Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологема в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2004. 273 с.
7. Гусейнов Г. Ч. Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. — М. : О.Г.И., 2005. 216 с.
8. Декленко Е. В. Концепт «патриотизм» в сопоставительном аспекте // Лингвистика : биол. Урал. лингвист. о-ва / отв. ред. А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. Т. 11. С. 28—32.
9. Земская Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 1. С. 67—79.
10. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. — М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 269—289.
11. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000—2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2008. 62 с.
12. Косиков Г. К. «Человек бунтующий» и «человек чувствительный» (М. М. Бахтин и Р. Барт) // Лики времени : сб. статей. — М. : Юстициформ : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2009. С. 8—25.
13. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка : моногр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. — Омск : Омск. ун-т, 1999. 268 с.
14. Кузьмина Н. А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологема нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации : межвуз. сб. науч. тр. Всерос. конф., посвящ. 80-летию проф. Н. С. Валгиной. — М., 2007. С. 192—198.
15. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. — Екатеринбург ; Пермь : Изд-во Урал. ун-та : ЗУУНЦ, 1995. 144 с.
16. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологема к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1 / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова / отв. ред. Л. П. Крысин. — М. : Азбуковник, 2000. С. 182—189.
17. Купина Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2005. С. 90—104.

18. Мальшева Е. Г. Концепт 'Губернатор' в региональном массово-информационном дискурсе (на материале текстов радиальных и телевизионных СМИ Омской области) // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 2 (28). С. 76—86.
19. Мальшева Е. Г. Универсальная идеологема 'Спорт': этнокультурная специфика // Политическая лингвистика. 2010. Вып. 3 (33). С. 163—170.
20. Мирошниченко А. А. Лингво-идеологический анализ языка массовых коммуникаций : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ростов н/Д, 1996. 16с.
21. Новейший философский словарь / А. А. Грицанов, М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева, А. И. Мерцалова и др. — М. : Книжный дом, 2003. 1280 с.
22. Новикова Т. Анализ принципов толерантности в текстах СМИ [Электронный ресурс] // RELGA : науч.-культурологич. журн. 2006. № 21 (143). URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1314&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 05.07.2018).
23. Ноженко Е. В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «Уверенность в себе», «Патриотизм», «Успешность» американской лингвокультуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2008. 23 с.
24. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109—123.
25. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М. : АЗЪ, 1995. 928 с.
26. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Воронеж : Истоки, 2003. 192 с.
27. Радбиль Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова : моногр. — М. ; Н. Новгород : Изд-во НГПУ, 1998. 116 с.
28. Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик [Электронный ресурс] // Wiener slawistischer Almanach Linguistische Reihe Herausgegeben Von Tilmann Reuther Sonderband. 50. Wien, 2001. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (дата обращения: 13.07.2009).
29. Торохова М. В. Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946—1948 гг. : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. 189 с.
30. Шкайдерова Т. В. Советская идеологическая картина мира: субъекты, время, пространство (на материале заголовков газеты «Правда» 30—40-х гг.) : дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2007. 237 с.
31. Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде / под ред. А. И. Демидова. — Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 412 с.
32. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007. 254 с.
33. Эпштейн М. Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19—33.
34. Юнг К.-Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. : трактаты, статьи, эссе. — М. : Изд-во Москов. ун-та, 1987. С. 228—232.

РАЗДЕЛ 7. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 811.161.1'27:811.161.1'38

DOI 10.26170/pl19-01-17

ББК Ш141.12-006.21+Ш141.12-.55

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33; 11.01.13

Код ВАК 10.02.01; 23.00.03; 23.00.01

М. В. Гаврилова

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0001-9100-7694 **E-mail:** mvlgavrilova@gmail.com.**Политическая коммуникация, современное государство и мировой порядок**

АННОТАЦИЯ. В статье представлен обзор заседания секции «Политическая лингвистика и семиотика» на VIII Всероссийском конгрессе политологов, который прошел 6—8 декабря 2018 г. в Москве, в МГИМО МИД России и в Финансовом университете при Правительстве РФ. Организатором масштабного научного форума выступила Российская ассоциация политической науки (РАПН). В работе VIII конгресса политологов принимало участие около 1,2 тысяч ученых, представляющих университеты и исследовательские центры из 60 регионов России и 36 стран мира.

Основная тема конгресса — это роль современного государства в проведении политики инновационного, инклюзивного и социально ориентированного развития, национальные интересы государства и мировой порядок. В программе конгресса было более 110 научных мероприятий, включающих работу панелей, секций, круглых столов, презентации, а также лекции ведущих зарубежных и российских ученых, дебаты, заседания исследовательских комитетов РАПН. Несколько мероприятий было посвящено изучению взаимодействия языка и политики, роли языка в осуществлении политики развития: секция «Политическая коммуникация», секция «Политическая лингвистика и семиотика»; также прошло заседание исследовательского комитета РАПН по политической коммуникативистике.

В работе секции «Политическая лингвистика и семиотика» принимали участие исследователи из Перми, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Краснодара, Пятигорска и Казани. Участники секции представили доклады, посвященные изучению роли языка как средства достижения политических целей и важного инструмента политической сферы. Темы докладов отражают разнообразные научные интересы политических лингвистов: дискурсивные особенности гражданского общества, современное состояние и перспективы развития российской политической лингвистики, осуществление символического насилия посредством использования языковых средств, критический анализ дискурса, языковой режим, этноязыковые составляющие трансграничного взаимодействия, языковая политика в этнических республиках, репрезентация политической вражды в информационном пространстве, новые языковые единицы в online-пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; политическая коммуникация; политический дискурс; политология; конгрессы; русский язык; мировой порядок.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; 191119, Россия, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13, к. 1505; e-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гаврилова, М. В. Политическая коммуникация, современное государство и мировой порядок / М. В. Гаврилова // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 145—149.

6—8 декабря 2018 г. в Москве, в МГИМО МИД России и в Финансовом университете при Правительстве РФ, состоялся VIII Всероссийский конгресс политологов. Организатором масштабного научного форума выступила Российская ассоциация политической науки, являющаяся старейшим в стране профессиональным объединением и единственной международно признанной организацией отечественных политологов. РАПН проводит Всероссийские конгрессы политологов каждые три года. В работе VIII конгресса политологов принимало участие около 1,2 тысячи ученых, представляющих университеты и исследовательские центры из 60 регионов России и 36 стран мира.

Основная тема конгресса — это роль современного государства в проведении политики инновационного, инклюзивного и социально ориентированного развития, национальные интересы государства и мировой порядок. Обсуждению основной темы были посвящены заседания «Общественное развитие: современные теории и политические проекты», «Новое целелеполагание: „образы будущего“ в пространстве цивилизаций», «„Развитие без политики“: кризис неолиберального политического порядка», «Инклюзивное развитие, экономический рост и благосостояние», «Развитие против бедности и неравенства», «Политические институты и режимы развития», «Социокультурное мно-

гообразии в современном мире и политика развития», «Мировой политический порядок: теоретические модели и политическая реальность», «Современное государство: макростабилизация и развитие», «Новая цифровая революция и проблемы государственной управляемости», «Россия: национальные стратегии развития и экономического роста», «Вызовы и перспективы мирового позиционирования России», «Международные интеграционные стратегии России для развития», «Безопасность, риски и развитие», «Китай, развитие и мировой порядок», «США: внутреннее развитие и стратегии мироустройства», «Восток как пространство мировой политической конкуренции», «Европейский вектор развития и политика России».

В программе конгресса было более 110 научных мероприятий, включающих работу панелей, секций, круглых столов, презентации, а также лекции ведущих зарубежных и российских ученых, дебаты, заседания исследовательских комитетов РАПН. Отметим, что несколько мероприятий было посвящено изучению взаимодействия языка и политики, роли языка в осуществлении политики развития: секция «Политическая коммуникация», секция «Политическая лингвистика и семиотика»; здесь же следует упомянуть заседание исследовательского комитета РАПН по политической коммуникативистике. Добавим, что в рамках конгресса проходил V форум молодых политологов, где одно из заседаний было посвящено изучению политического дискурса и семиотики.

Интерес политологов к изучению политического дискурса традиционно объясняется лингвистическим поворотом в социальных науках. Примечательно, что научное общение политологов и лингвистов на конгрессах РАПН началось в 2003 г., когда впервые была организована секция «Дискурс-анализ». И уже с 2006 г. на каждом конгрессе работает секция «Политическая лингвистика», которая позволяет знакомиться с результатами новейших исследований в области политологии и лингвистики, укреплять междисциплинарные связи и развивать профессиональное сообщество. Одним из результатов научного диалога политологов и лингвистов можно считать тематический номер «Языковая политика и политика языка» ведущего политологического журнала «Политическая наука», в котором представлены статьи, анализирующие политические факторы языковых процессов в обществе, языковые режимы, дискурсивные измерения политического процесса и др. [Гаврилова, Мухарьямов 2017].

На VIII Всероссийском конгрессе политологов в работе секции «Политическая лин-

гвистика и семиотика» принимали участие исследователи из Перми, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Краснодара, Пятигорска и Казани. Участники секции представили доклады, посвященные изучению роли языка как средства достижения политических целей и важного инструмента политической сферы. Темы докладов отражают разнообразие научных интересов специалистов по политической лингвистике: дискурсивные особенности гражданского общества, перспективы развития российской политической лингвистики, осуществление символического насилия посредством использования языковых средств, критический анализ дискурса, языковой режим, этноязыковые составляющие трансграничного взаимодействия, языковая политика в этнических республиках, репрезентация политической вражды в информационном пространстве, новые языковые единицы в online-пространстве. Примечательно, что работа секции «Политическая лингвистика и семиотика» привлекла внимание молодых ученых, которые с большой заинтересованностью обсуждали доклады.

Ведущая секции, М. В. Гаврилова (СПбГИКиТ, Санкт-Петербург), открыла заседание докладом «Российская политическая лингвистика: основные направления и перспективы развития», в котором подчеркнула, что в последнее десятилетие наиболее востребованными среди лингвистов являются риторическое и коммуникативное направление, теория речевого воздействия, количественные методы, используемые в цифровой гуманитарной науке (Digital Humanities) для обработки текстовых массивов и анализа особенностей интернет-общения политиков с гражданами страны [Гаврилова 2015].

Российская политическая лингвистика успешно развивается: проводятся международные конференции (Международная научная конференция «Современная политическая лингвистика», Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, 2003, 2011 гг.), летние школы и совещания, посвященные изучению политического дискурса. В российских вузах читают спецкурсы «Политическая лингвистика» (общеуниверситетские и профильные), опубликованы учебные пособия [Современная политическая лингвистика 2011; Чудинов 2006], открыта магистерская программа (в НИУ ВШЭ — Нижний Новгород в 2013 г. на факультете гуманитарных наук была открыта магистерская программа «Политическая лингвистика»). Докладчик отметила важность издания журнала «Политическая лингвистика» как научной площадки, пред-

ставляющей результаты филологических, политологических, психологических и социологических исследований взаимодействия языка и политики.

М. В. Гаврилова указала на две тенденции, характерные для современного состояния российской политической лингвистики. Во-первых, расширение границ новых направлений (медиалингвистика) за счет привлечения языкового материала, типичного для политлингвистических исследований. Речь идет о формировании политической медиалингвистики. Во-вторых, наблюдается специализация внутри политической лингвистики, формируются новые исследовательские практики, например, лингвистика информационно-психологической войны [Лингвистика информационно-психологической войны 2017].

Н. М. Мухарямов (КГЭУ, Казань) посвятил свой доклад рассмотрению понятия «языковой режим». Говоря о необходимости расширения исследовательского поля политической лингвистики, докладчик указал на то, что термин «языковая политика» отражает преимущественно централизованные механизмы регулирования языковых ситуаций, а введение такого аналитического инструмента, как «языковой режим», позволит сфокусировать внимание на институциональных основаниях, определяющих реальное состояние политических (властных) отношений по поводу языка, и механизмах политического урегулирования. Докладчик представил различные трактовки понятия «языковой режим» в социальных и гуманитарных науках, классификации и типологии языковых режимов, составленные зарубежными учеными [Pool 1990; Regimes of Language 2000; State Traditions and Language Regimes 2015].

К. А. Пахалюк (Российское военно-историческое общество, Москва) выступил с докладом «Критический анализ дискурса: эволюция подхода в политических исследованиях», в котором кратко описал особенности развития данного направления, обратившись к прояснению понятий «дискурс», «критика» и «социальная критика». Докладчик понимает критику как «тотальное подозрение» всего видимого в неистинности, интеллектуальную установку увидеть за сказанным «скрытую реальность» и, описывая толкование дискурса, отмечает, что критика языка исторически была связана с отдельными формами протестных действий [Пахалюк 2018]. В настоящее время критический анализ дискурса (именно такое широкое определение докладчик считает правомерным) как междисциплинарный подход в изучении политических процессов находится в со-

стоянии латентного кризиса, поскольку понимание критики как «нежелания, чтобы мною управляли таким образом» (М. Фуко) переходит в критиканство.

Понимая под символическим насилием преднамеренное (принудительное) воздействие образов, языка, эмоций на человеческое сознание и бессознательное, которое направлено на создание и воспроизводство безальтернативного семантического смысла индивидуального, группового или массового существования в контексте складывающихся или уже сложившихся социально-политических отношений, Д. А. Коновалов (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск) рассказал о проявлениях символического насилия в современных диктатурах через репрессивные практики языкового пространства.

В докладе О. М. Литвишко (Пятигорский государственный университет, Пятигорск) речь шла о дискурсивных особенностях гражданского общества. Докладчик представила рабочее определение «дискурс гражданского общества» и описала его характерные черты: 1) функционирование в определенных текстовых формах (публикации в СМИ, дебаты, митинги, демонстрации, социальные сети, правовые документы и пр.); 2) обусловленность конкретной национально-специфической формой государственности; 3) особые языковые средства; 4) специфические коммуникативные стратегии; 5) целевую установку — создание возможностей и условий для становления человека как свободной личности и правового общества в целом.

О. А. Нестерчук (РУДН, Москва) в докладе «Представление „политической вражды“ в современном информационном пространстве» выделила и описала информационные поля, в которых функционирует язык вражды. Докладчик отметила, что культура общения между народами, социальными группами целенаправленно превращается в культуру разоблачения с установкой «Кто не с нами, тот против нас».

О. П. Малышева (КубГУ, Краснодар) выступила с докладом «Гибридные языковые единицы в online-пространстве как маркеры и триггеры социально-когнитивных трансформаций» и указала на важность изучения хеш-тегов и облаков хеш-тегов для выявления, анализа и прогнозирования тенденций развития социально-политического пространства, а также в целях управления политическим контентом для модерирования и нейтрализации деструктивных практик.

Н. В. Борисова (ПГНИУ, Пермь) в докладе «Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России» познакомила с результатами науч-

ного проекта, посвященного изучению языковых режимов в современной России. Докладчик подчеркнула, что само по себе принятие решения о поддержке миноритарного языка(ов) не является свидетельством обеспечения его витальности, поскольку важным оказывается не только политика, но и то, насколько востребована она в сообществе и как воспринимаются/оцениваются ее содержание и результаты, равно как есть ли в сообществе запрос на воспроизводство языка(ов) [Борисова 2017].

О. Б. Януш (КГЭУ, Казань) представила историю развития этнокультурных связей Карелии и Финляндии, обратив особое внимание на языковую политику Финляндии в отношении карельского языка и формы продвижения финского языка в Карелии.

Среди проблем, которые предстоит решить специалистам по политической лингвистике, участники секции отметили некоторую дисциплинарную разобщенность. И политологи, и лингвисты в недостаточной степени знакомы с результатами научных изысканий друг друга, о чем свидетельствует низкая степень цитирования работ политологов лингвистами и наоборот.

Говоря о перспективах развития российской политической лингвистики, участники секции пришли к выводу, что дальнейшее развитие политической лингвистики видится 1) в уточнении представлений о строении дисциплинарного знания и месте научной дисциплины в системе наук, особенно в связи с интенсивными процессами дифференциации и интеграции науки, 2) формирова-

нии профессионального сообщества, 3) сотрудничестве с политологами и представителями смежных наук, 4) интеграции в мировое научное пространство, 5) разработке принципов описания политического текста для мониторинга тенденций в сфере общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Н. В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. 189 с.
2. Гаврилова М. В., Мухарямов Н. М. Представляем номер // Политическая наука. 2017. № 2. С. 9—15.
3. Гаврилова М. В. Политическая лингвистика в России: как языковеды читают политические тексты // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. — М.: 2015. С. 433—444.
4. Лингвистика информационно-психологической войны / отв. ред. А. П. Сковородников. — Красноярск: СФУ, 2017. 340 с.
5. Пахалюк К. А. Критика дискурса: исследовательские программы и протестная практика // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 157—174.
6. Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всерос. конгр. политологов (Москва, 6—8 дек. 2018 г.) / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунюва, Л. Н. Тимофеевой. — Аспект Пресс, 2018.
7. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. — М.: Флинта: Наука, 2006.
8. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова; отв. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011. 252 с.
9. Pool J. Language Regimes and Political Regimes // Language Policy and Political Development / ed. by B. Weinstein. — Norwood, New Jersey: Ablex, 1990. P. 241—261.
10. Regimes of Language: ideologies, politics and identities / ed. by P. Kroskritt. — Santa Fe, NM: School of American Research Press; Oxford: James Currey, 2000.
11. State Traditions and Language Regimes / ed. by L. Cardinal and K. Sonntag. — Montreal: McGill-Queen's Univ. Pr., 2015.

М. В. Гаврилова

Saint Petersburg State University of Film and Television, Saint Petersburg, Russia
ORCID ID: 0000-0001-9100-7694

✉ E-mail: mvlgavrilova@gmail.com.

Political Communication, Modern State and World Order

ABSTRACT. *The article presents an overview of the section "Political Linguistics and Semiotics" at the VIII All-Russian Congress of political scientists, which was held on December 6-8, 2018 in Moscow, MGIMO University and the Financial University. The Russian Association of political science (RAPN) was the organizer of the large-scale scientific forum. About 1.2 thousand political scientists representing universities and research centers from 60 regions of Russia and 36 countries took part in the congress.*

The main theme of the congress was the role of the modern state in pursuing the policy of innovative, inclusive and socially oriented development, the national interests of the state and the world order. The program of the Congress includes more than 110 scientific events: panels, sections, round tables, presentations, lectures of leading foreign and Russian political scientists, debates, and meetings of research committees of RAPN. Several events were devoted to the investigation of the interaction between language and policy, the role of language in the implementation of development policy: section "Political Communication", section "Political Linguistics and Semiotics" and a meeting of the research Committee on political communication.

Researchers from Perm, Moscow, St. Petersburg, Omsk, Krasnodar, Pyatigorsk and Kazan took part in the section "Political Linguistics and Semiotics". The participants presented reports on the role of language as a means of achieving political goals and an important tool in the political sphere. Topics of reports reflect a variety of scientific interests of political linguists: the discursive features of civil society, the current state and prospects of development of Russian political linguistics, the implementation of symbolic violence via linguistic means, critical discourse analysis, linguistic code, ethno-linguistic components of cross-border interaction, language policy in ethnic republics, representation of political enmity in media, and new linguistic units in the online media.

KEYWORDS: *political linguistics; political communication; political discourse; politology; congresses; Russian Language; world order.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Drama and Film Studies, Saint Petersburg State University of Film and Television, Saint Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Gavrilova, M. V. Political Communication, Modern State and World Order / M. V. Gavrilova // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 145—149.*

REFERENCES

1. Borisova N. V. When Languages are on Fire: Challenging Language Regimes as a Challenge to Balance in Interethnic Relations. — Moscow : Political Encyclopedia, 2017. 189 p. [Kogda yazyki v ogne: osparivanie yazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnosheniyakh. — M. : Politicheskaya entsiklopediya, 2017. 189 s.]. — (In Rus.)
2. Gavrilova M. V., Mukharyamov N. M. Presenting the Number // Political Science. 2017. № 2. P. 9—15. [Predstavlyаем nomer // Politicheskaya nauka. 2017. № 2. S. 9—15]. — (In Rus.)
3. Gavrilova M. V. Political Linguistics in Russia: How Linguists Read Political Texts // Structural transformations and development of Russian schools of political science / ed. O. V. Gaman-Golutvinoy. — Moscow : 2015. P. 433-444. [Politicheskaya lingvistika v Rossii: kak yazykovedy chitayut politicheskie teksty // Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii / pod red. O. V. Gaman-Golutvinoy. — M. : 2015. S. 433—444]. — (In Rus.)
4. Linguistics of Information-psychological Warfare / resp. ed. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Siberian Federal University, 2017. 340 p. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny / otv. red. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : SFU, 2017. 340 s.]. — (In Rus.)
5. Pakhalyuk K. A. Discourse Criticism: Research Programs and Protective Practice // Polis. Political studies. 2018. No. 1. P. 157—174. [Kritika diskursa: issledovatel'skie programmy i protestnaya praktika // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 157—174]. — (In Rus.)
6. Development Policy, the State and the World Order : materials of VIII Russian Congress of Political Scientists (Moscow, 6—8 December 2018) / under total. ed. O.V. Gaman-Golutvinoy, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeeva. — Aspect Press, 2018. [Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok : materialy VIII Vseros. kongr. politologov (Moskva, 6—8 dek. 2018 g.) / pod obshch. red. O. V. Gaman-Golutvinoy, L. V. Smorgunova, L. N. Timofeevoy. — Aspekt Press, 2018]. — (In Rus.)
7. Chudinov A. P. Political linguistics. — Moscow : Flinta : Science, 2006. [Politicheskaya lingvistika. — M. : Flinta : Nauka, 2006]. — (In Rus.)
8. Modern political linguistics: studies. manual / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasilnikova ; exec. ed. A. P. Chudinov ; Ural State Ped. Univ. — Ekaterinburg, 2011. 252 p. [Sovremennaya politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / E. V. Budaev, M. B. Voroshilova, E. V. Dzyuba, N. A. Krasil'nikova ; otv. red. A. P. Chudinov ; Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2011. 252 s.]. — (In Rus.)
9. Pool J. Language Regimes and Political Regimes // Language Policy and Political Development / ed. by B. Weinstein. — Norwood, New Jersey : Ablex, 1990. P. 241—261.
10. Regimes of Language: ideologies, politics and identities / ed. by P. Kroskritt. — Santa Fe, NM : School of American Research Press ; Oxford : James Currey, 2000.
11. State Traditions and Language Regimes / ed. by L. Cardinal and K. Sonntag. — Montreal : McGill-Queen's Univ. Pr., 2015.

А. П. Чудинов

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия
ORCID ID: 0000-0001-5436-5273

З. М. Дударева

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал), Стерлитамак, Россия
ORCID ID: 0000-0002-3146-1112

✉ *E-mail*: ap_chudinov@mail.ru; dudarevazm@mail.ru.

Методика лингвистического анализа спорного текста

АННОТАЦИЯ. Рецензия на учебно-методическое пособие профессоров Уральского федерального университета И. Т. Вепревой и Н. А. Купиной «Экспертный лингвистический анализ спорного текста» (Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2018. — 148 с.). Авторы представляют принципы, идеи и методы экспертного анализа спорных текстов, характерные для современной российской судебной лингвистики. Разграничиваются общепублицистическая, собственно лингвистическая и юридическая интерпретация спорного текста. На материале публикаций СМИ обсуждаются технологии лингвистической диагностики текстов и их фрагментов, послуживших основанием для судебного разбирательства по искам физических и юридических лиц о защите чести, достоинства и деловой репутации, о клевете, о рекламе и др. В приложении представлены образцы лингвистических экспертных заключений по спорным текстам.

Пособие адресовано магистрантам-филологам, изучающим теорию и практику лингвистического анализа и лингвистической экспертизы, судебную лингвистику, но вполне может использоваться студентами и аспирантами, осваивающими юриспруденцию, а также всеми, кто профессионально занимается судебной лингвистикой или хотя бы проявляет интерес к соответствующим проблемам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: судебная лингвистика; юридическая лингвистика; лингвистическая экспертиза; лингвистический анализ текста; методы лингвистической экспертизы; судебный дискурс; рецензии; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации.

ТИП ПУБЛИКАЦИИ: рецензия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 285; e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Дударева Зайтуна Мухтаровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета; 453103, г. Стерлитамак, пр-т Ленина, 49; e-mail: dudarevazm@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чудинов, А. П. Методика лингвистического анализа спорного текста / А. П. Чудинов, Дударева З. М. // Политическая лингвистика. — 2019. — № 1 (73). — С. 150—153.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований: проект № 19-012-00465 А «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

Судебная лингвистика (близкие термины — юрислингвистика, лингвоюриспруденция, лингвоюриспруденция, лингвокриминалистика, судебное речеведение; англ. *forensic linguistics* и *forensic science*) — интенсивно развивающееся с середины прошлого века в Северной Америке, Европе и Австралии направление научных исследований (см. обзор: [Ворошилова, Будаев, Руженцева 2017]). В постсоветскую эпоху теория и практика судебной лингвистики активно исследуется и в нашей стране [Баранов 2007; Ворошилова, Будаев, Руженцева 2017; Грачев 2016; Дударева 2014; Енгальчев, Кравцова, Холопова 2016; Иваненко 2006; Изотова, Кузнецов, Плотникова 2016; Кукушкина, Сафонова, Серкерж 2011; Осадчий 2014; Плотникова 2017;

Подкатилина 2013; Радбиль, Юматов 2015; Судебная лингвистика 2015; Цена слова 2002 и др.]. Названные проблемы активно обсуждались на крупных научных конференциях в Москве, Барнауле, Екатеринбурге, Кемерово, Пензе и других научных центрах, специализация по судебной лингвистике все чаще включается в учебные планы университетов, существует несколько общественных объединений специалистов указанного профиля. Рассматриваемое учебно-методическое пособие [Вепрева, Купина 2018], как и ряд других изданий, свидетельствует, что уже сформировалась и методика лингвистической (судебной) экспертизы как особое направление теории и методики профессионального образования [Бринев 2014; Грачев

2016; Мишланов, Голованова, Салимовский 2011 и др.].

В современных условиях весьма актуальны проблемы подготовки квалифицированных специалистов по лингвистической судебной экспертизе, и необходимым условием для этого является создание и издание отраслевой учебно-методической литературы. Как справедливо отмечает А. М. Плотникова, для современного российского социума характерно «широкое общественное обсуждение лингвистических экспертиз, выполненных государственными и негосударственными экспертами, трансляция не только экспертных выводов, но и всех экспертных заключений в блогосфере, средствах массовой информации» [Плотникова 2017: 13]. Особенно острую критику вызывает обсуждение противоречащих друг другу выводов, сделанных экспертами по резонансным делам; нередко это становится поводом для сомнений в квалификации экспертов и подозрений в их ангажированности. Возможно, подобные сомнения и подозрения не всегда лишены оснований, однако, помимо прочего, такую ситуацию можно объяснить и тем, что до недавнего времени в университетах не было специализации по юридической (судебной) лингвистике.

В своей книге И. Т. Вепрева и Н. А. Купина представляют ведущие принципы, идеи и методы экспертного анализа спорных текстов, характерные для современной российской судебной лингвистики. В частности, уже во введении удачно разграничиваются общепилологическая, собственно лингвистическая и юридическая интерпретация спорного текста, а также лингвистический анализ спорного текста и его лингвистическая экспертиза. Здесь же представлены формы аудиторной и самостоятельной работы, график выполнения домашних и аудиторных контрольных заданий и требования к зачету.

Рассматриваемое пособие состоит из трех разделов. Первый из них посвящен общим проблемам лингвистического рассмотрения конфликтного (спорного) текста; здесь представлена дифференциация кооперативной и конфликтной речевой коммуникации, выявляются механизмы формирования гармонического и дисгармонического стиля коммуникации, вводятся понятия интегремы и дезинтегремы. Все это позволяет лучше понимать причины коммуникативных конфликтов и оптимизировать методику лингвоюридического рассмотрения соответствующих текстов.

Во втором разделе рассматриваются задачи лингвистического анализа и лингвистической экспертизы дискуссионных высказы-

ваний и текстов (фрагментов текстов). Авторы детально рассматривают понятие спорного текста и его составляющих, а также причины, по которым возможно различное понимание того или иного текста, а также возможно восприятие текста как оскорбительного, наносящего ущерб чести, достоинству или деловой репутации. Здесь же дана характеристика основных понятий (честь, достоинство, репутация, оскорбление и др.).

Значительный интерес представляют сформулированные авторами принципы экспертного лингвистического анализа спорного текста (принцип опоры на авторитетные нормативные словари и грамматики; принцип разграничения и координации системно-языковых и контекстных смыслов, принцип целостного подхода к речевому произведению, принцип жанровой обусловленности, принцип коммуникативно-стратегической обусловленности и др.).

Предлагаемая авторами процедура лингвистической диагностики состоит из «трех шагов». На первом из них необходимо установить принадлежность текста к кодифицированному литературному языку в его функционально-стилистической разновидности или же принадлежность текста к нелитературной подсистеме национального языка. Второй шаг предполагает установление эмоционально-оценочной окраски и социальной отмеченности языковых средств. Третий шаг — это детальный анализ социально маркированных языковых единиц и их роли в тексте.

Значительный интерес представляют конкретные образцы использования предложенной пошаговой методики при анализе спорных текстов. В частности, привлекают внимание случаи, когда авторы демонстрируют возможность неоднозначного понимания текста (фрагмента) и не считают возможным дать однозначный ответ на вопрос, адресованный эксперту. Так, для экспертного лингвистического заключения был представлен текст, размещенный на билборде у входа в кафе: «В очередь, сукины дети, в очередь!». Вопрос, адресованный эксперту: наносит ли данный текст моральный вред жителям Перми?

По мнению авторов учебного пособия, данный текст «использован рекламодателем для создания шутивно-иронического отношения к побуждению посетить кафе. С точки зрения рекламодателя, жители города, которым адресован текст, должны понять рекламный призыв, уловить иронию (в наше время отсутствуют очереди в кафе), ощутить привлекательность посещения кафе, в котором не хватает мест всем желающим» [Ве-

прева, Купина 2018: 33—34]. Далее авторы пишут, что рассматриваемое прецедентное высказывание не причинит моральный вред образованным людям, которые помнят текст-источник, однако «жители города, в культурной памяти которых не закреплён прецедентный булгаковский текст, могут понять побудительное высказывание „В очередь, сукины дети, в очередь!“ как адресованное им оскорбление» [Вепрева, Купина 2018: 34]. Со своей стороны, можем предположить, что некоторые из этих малообразованных жителей могут понять это высказывание как удачную шутку или же руководство к действию.

В заключительном разделе сосредоточены адресованные студентам методические материалы: студентов учат выделять и анализировать спорные тексты, послужившие основанием для судебного разбирательства по искам физических и юридических лиц о защите чести, достоинства и деловой репутации, о клевете, о рекламе и др. Не менее полезны вопросы и задания, связанные с формулировкой вопросов для экспертов и подготовкой мотивированных ответов.

Несомненным украшением книги стало приложение, где представлены образцы лингвистических экспертных заключений по спорным текстам, которые подготовили И. Т. Вепрева, О. А. Михайлова и Н. А. Купина.

Пособие адресовано магистрантам-филологам, изучающим теорию и практику лингвистического анализа и лингвистической экспертизы, но вполне может использоваться студентами и аспирантами, осваивающими юриспруденцию, а также всеми, кто профессионально занимается судебной лингвистикой или хотя бы проявляет интерес к соответствующим проблемам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007. 592 с.

A. P. Chudinov

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
ORCID ID: 0000-0001-5436-5273

Z. M. Dudareva

Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia
ORCID ID: 0000-0002-3146-1112

 E-mail: ap_chudinov@mail.ru; dudarevazm@mail.ru.

2. Бринев К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика. — М. : Флинта : Наука, 2014. 304 с.

3. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Экспертный лингвистический анализ спорного текста. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 148 с.

4. Ворошилова М. Б., Будаев Э. В., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы : моногр. — Екатеринбург, 2017. 200 с.

5. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза : учеб. — М. : Флинта : Наука, 2016. 360 с.

6. Дударева Я. А. Лингвистическая экспертиза товарных знаков. — Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2014. 203 с.

7. Енгальчев В. Ф., Кравцова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : моногр. — М. : Юрлитинформ, 2016. 328 с.

8. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации : моногр. : для лингвистов-экспертов, следователей, судей, прокуроров, адвокатов, правозащитников, журналистов / Г. С. Иваненко. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006. 227 с.

9. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.

10. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. — М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.

11. Мишланов В. А., Голованова А. В., Салимовский В. А. Основы прикладной лингвистики: теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста : учеб. пособие. — Пермь : Перм. гос. нац.-исследоват. ун-т, 2011. 368 с.

12. Осадчий М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. — М. : Либроком, 2014. 256 с.

13. Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики. — Екатеринбург ; М. : ТХТ, 2017. 197 с.

14. Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов. — М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.

15. Радбиль Т. Б., Юматов В. А. Язык и метод в современной судебной экспертизе : моногр. — М. : Юрлитинформ, 2015. 216 с.

16. Судебная лингвистика : моногр. / О. Н. Матвеева, Н. В. Вязигина, Ю. В. Холоденко, С. И. Кузеванова, М. Е. Маргольц, А. А. Селина / под ред. О. Н. Матвеевой. — Барнаул : Концепт, 2015. 310 с.

17. Цена слова: из практики лингвист. экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. М. В. Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. — М. : Галерея, 2002. 424 с.

Methods of Linguistic Analysis of a Contentious Text

ABSTRACT. A review of the teaching guide by the Ural Federal University professors I. T. Vepreva and N. A. Kupina “Expert Linguistic Analysis of a Contentious Text” (Ekaterinburg: Ural University Publishers, 2018. — 148 pp.). The authors present the principles, ideas and methods of expert analysis of contentious texts typical of the modern Russian forensic linguistics. General philological, linguistic proper, and legal interpretations of a contentious text are distinguished. The study discusses the technologies of linguistic diagnostics of texts and their fragments which serve as a basis for judicial trial on

claims of individuals and legal entities about the defense of honor, dignity and business reputation, slander, advertisement, etc. The supplement contains samples of expert linguistic conclusions on contentious texts.

The guide is addressed to master's degree students-philologists studying theory and practice of linguistic analysis and linguistic expertise and judicial linguistics; it can be also used by undergraduate and postgraduate students studying law, as well as by all those who deal with forensic linguistics professionally, or at least display interest in the corresponding issues.

KEYWORDS: *judicial linguistics; forensic linguistics; linguistic expertise; linguistic text analysis; methods of linguistic expertise; judicial discourse; reviews; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media.*

TYPE OF PUBLICATION: *review.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Chudinov Anatoliy Prokop'evich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Dudareva Zaytuna Mukhtarovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Sterlitamak Branch of Bashkir State University, Sterlitamak, Russia.*

FOR CITATION: *Chudinov, A. P. Methods of Linguistic Analysis of a Contentious Text / A. P. Chudinov, Z. M. Dudareva // Political Linguistics. — 2019. — No 1 (73). — P. 150—153.*

ACKNOWLEDGMENTS: *Research is accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project №19-012-00465 A ““Linguopolitical personology: cognitive turn””.*

REFERENCES

1. Baranov A. N. Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice : teaching aid. — Moscow : Flinta : Science, 2007. 592 p. [Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika : ucheb. posobie. — M. : Flinta : Nauka, 2007. 592 s.]. — (In Rus.)
2. Brinev K. I. Judicial Linguistic Expertise: Methodology and Methodology. — Moscow : Flinta : Science, 2014. 304 p. [Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: metodologiya i metodika. — M. : Flinta : Nauka, 2014. 304 s.]. — (In Rus.)
3. Vepreva I. T., Kupina N. A. Expert Linguistic Analysis of the Disputed Text. — Ekaterinburg : Publishing House of Ural. Univ., 2018. 148 p. [Ekspertnyy lingvisticheskiy analiz spornogo teksta. — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 148 s.]. — (In Rus.)
4. Voroshilova M. B., Budaev E. V., Ruzhentseva N. B. Evolution of Linguistic Expertise: Methods and Techniques : Monograph. — Ekaterinburg, 2017. 200 p. [Evolutsiya lingvisticheskoy ekspertizy: metody i priemy : monogr. — Ekaterinburg, 2017. 200 s.]. — (In Rus.)
5. Grachev M. A. Forensic Linguistic Expertise: Studies. — Moscow : Flinta : Science, 2016. 360 p. [Sudebno-lingvisticheskaya ekspertiza : ucheb. — M. : Flinta : Nauka, 2016. 360 s.]. — (In Rus.)
6. Dudareva Ya. A. Linguistic Examination of Trademarks. — Kemerovo : Kemerovo State Univ., 2014. 203 p. [Lingvisticheskaya ekspertiza tovarnykh znakov. — Kemerovo : Kemerov. gos. un-t, 2014. 203 s.]. — (In Rus.)
7. Engalychev V. F., Kravtsova G. K., Kholopova E. N. Forensic Psychological Examination to Identify Signs of Credibility / Inaccuracy of Information Reported by Participants in Criminal Proceedings (according to video recordings of investigative actions and operational search activities) : monograph. — Moscow : YurLitinform, 2016. 328 p. [Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii, soobshchaemykh uchastnikami ugolovnogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deystviy i operativno-razysknykh meropriyatiy) : monogr. — M. : YurLitinform, 2016. 328 s.]. — (In Rus.)
8. Ivanenko G. S. Linguistic Expertise in the Processes for the Protection of Honor, Dignity, and Business Reputation: Monograph. : for expert linguists, investigators, judges, prosecutors, lawyers, human rights defenders, journalists / G. S. Ivanenko. — Chelyabinsk : Polygraph-Master, 2006. 227 p. [Lingvisticheskaya ekspertiza v protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii : monogr. : dlya lingvistov-ekspertov, sledovateley, sudey, prokurorov, advokатов, pravozashchitnikov, zhurnalistov / G. S. Ivanenko. — Chelyabinsk : Poligraf-Master, 2006. 227 s.]. — (In Rus.)
9. Izotova T. M., Kuznetsov V. O., Plotnikova A. M. Judicial Linguistic Examination of Insult Cases. — Moscow : FBU RFCE under the Ministry of Justice of Russia, 2016. 90 p. [Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza po delam ob oskorbolenii. — M. : FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2016. 90 s.]. — (In Rus.)
10. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. Theoretical and Methodological Foundations for the Production of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts in Cases Involving Countering Extremism. — Moscow : FBU RFCE under the Ministry of Justice of Russia, 2011. 326 p. [Teoreticheskie i metodicheskie osnovy proizvodstva sudebnoy psikhologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu. — M. : FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii, 2011. 326 s.]. — (In Rus.)
11. Mishlanov V. A., Golovanova A. V., Salimovskiy V. A. The Foundations of Applied Linguistics: Theory and Practice of Judicial Linguistic Examination of a Text : teaching aid. — Perm : Perm State National Researching Univ., 2011. 368 p. [Osnovy prikladnoy lingvistiki: teoriya i praktika sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy teksta : ucheb. posobie. — Perm' : Perm. gos. nats.-issledovat. un-t, 2011. 368 s.]. — (In Rus.)
12. Osadchiy M. A. Russian Language on the Verge of Law. The Functioning of the Modern Russian Language in Terms of the Legal Regulation of Speech. — Moscow : Librokom, 2014. 256 p. [Russkiy yazyk na grani prava. Funktsionirovanie sovremennogo russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi. — M. : Librokom, 2014. 256 s.]. — (In Rus.)
13. Plotnikova A. M. Conflict Communication in the Aspect of Judicial Linguistics. — Yekaterinburg ; Moscow : TXT, 2017. 197 p. [Konfliktnaya kommunikatsiya v aspekte sudebnoy lingvistiki. — Ekaterinburg ; M. : TKhT, 2017. 197 s.]. — (In Rus.)
14. Podkatilina M. L. Judicial Linguistic Examination of Extremist Materials. — Moscow : YurLitinform, 2013. 184 p. [Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskikh materialov. — M. : YurLitinform, 2013. 184 s.]. — (In Rus.)
15. Radbil' T. B., Yumatov V. A. Language and Method in Modern Forensic Examination : monograph. — Moscow : YurLitinform, 2015. 216 p. [Yazyk i metod v sovremennoy sudebnoy ekspertize : monogr. — M. : YurLitinform, 2015. 216 s.]. — (In Rus.)
16. Judicial Linguistics : monograph / O. N. Matveeva, N. V. Vyazigina, Yu. V. Kholodenko, S. I. Kuzevanova, M. E. Margolf, A. A. Selina / ed. O. N. Matveyeva. — Barnaul : Concept, 2015. 310 p. [Sudebnaya lingvistika : monogr. / O. N. Matveeva, N. V. Vyazigina, Yu. V. Kholodenko, S. I. Kuzevanova, M. E. Margolf, A. A. Selina / pod red. O. N. Matveyevoy. — Barnaul : Kontsept, 2015. 310 s.]. — (In Rus.)
17. Price of word: from the practice of the linguist. examinations of media texts in litigations for the protection of honor, dignity and business reputation / ed. M. V. Gorbanevskogo. 3rd ed., corr. and with adds. — Moscow : Gallery, 2002. 424 p. [Tsena slova: iz praktiki lingvist. ekspertiz tekstov SMI v sudebnykh protsessakh po zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii / pod red. M. V. Gorbanevskogo. 3-e izd., ispr. i dop. — M. : Galereya, 2002. 424 s.]. — (In Rus.)

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 10.00.00 — Филологические науки

Научные направления:

10.01.10 «Журналистика (филологические науки)»

10.02.01 «Русский язык»

10.02.04 «Германские языки»

10.02.19 «Теория языка»

10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»

Издательство: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 219

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Телефоны/ факс: (343) 336-15-92

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Выпускающий редактор: кандидат филологических наук Ворошилова Мария Борисовна

Телефон: 8-922-6128661

E-mail: shinkari@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-34838** от 25.12.2008

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в Объединенный каталог «Пресса России». **Индекс 81955.**

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**. http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.

• Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56—57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ 7.0.5.-2008 (см. образец).

• Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, то есть, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):

- Фамилия, имя, отчество автора полностью.
- Ученая степень, звание, должность.
- Полное и точное место работы автора.
- Подразделение организации.

Контактная информация (e-mail, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).

2. Название статьи.

3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).

4. Ключевые слова (5—10 слов).

5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Обязательным условием публикации является наличие отзыва доктора наук.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р. 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно Т. В. К логике социальных наук // *Вопр. философии*. 1992. № 10. С. 76—86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // *Ref. Libr.* 1997. Vol. 3. № 58. P. 75—85.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // *Теплофизика и аэромеханика*. 2006. Т. 13. № 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы // *Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке*. — М.: Науч. мир, 2003. С. 340—342.

КНИГИ

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. — М.: Проспект, 2006. С. 305—412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Саратов. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовок не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: автореф. дис. ... канд. техн. наук. — Новосибирск, 2000.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: дис. ... канд. полит. наук. — М., 2002. С. 54—55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. — М.: ИМЭМО, 2007.

ПАТЕНТЫ

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. — Ярославль, 2003.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005—2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 2003.21.10. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?nomer=366> (дата обращения: 17.04.2007).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.2008).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2019. ВЫПУСК 1 (73)**

Адрес редакции:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Адрес учредителя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620017, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008.

Подписано в печать 28.02.2019. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 07.03.2019.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 17,9. Усл. печ. л. — 18,3. Тираж 500 экз. Заказ 5023.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me